

КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ
народов
Восточной Европы
в XVI в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

Институт славяноведения
и балканистики

Институт истории
СССР

КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ
народов
Восточной Европы
в XVI в.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОЛЬШИ,
РОССИИ, УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

*Под редакцией
академика
Б. А. РЫБАКОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976

В сборник вошли работы польских и советских авторов по вопросам культурных связей между народами Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в XV—XVII вв. В статьях рассматриваются важные культурно-исторические процессы, фиксируются общие культурные явления и многосторонние связи народов Восточной и Центральной Европы, отмечаются новые тенденции культурной жизни, связанные с эпохой Возрождения. Большое место отведено вопросам развития общественной мысли, образования и просвещения.

Редакционная коллегия:

академик Б. А. РЫБАКОВ (ответственный редактор),
М. Е. БЫЧКОВА, И. Б. ГРЕКОВ, Я. Н. ЩАПОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом сборнике статей советских и польских авторов исследуются культурные связи Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в XVI столетии.

Внимание польских и советских медиевистов к данной проблеме обусловлено прежде всего тем, что указанный период в истории названных стран был ознаменован особенно интенсивным политическим и идеологическим их взаимодействием, а также и тем, что историко-культурные процессы в этих странах протекали в обстановке довольно тесного соприкосновения с культурной жизнью Европы в целом, в частности с теми ее аспектами, которые оказались связанными с эпохой Возрождения.

Рост культурных связей народов Восточной Европы в XVI в. вел вместе с тем к взаимообогащению их культур, обуславливал появление у их идеологов весьма широких взглядов на восточноевропейский исторический процесс, предопределял присутствие в их сочинениях повышенного интереса к судьбам как «своего», так и соседних народов, стимулировал создание географических карт, охватывающих все страны данной части Европейского континента.

Проблема культурных связей Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения была обсуждена на научной конференции в Ленинграде (октябрь 1973 г.), проведенной Комиссией историков СССР—ПНР в рамках программы совместного изучения главнейших этапов истории обеих стран, в частности совместной разработки исторического развития народов Польши и России в эпоху феодализма*. Таким образом, настоящий сборник является итогом многолетнего сотрудничества советских и польских историков, результатом изучения ими многих аспектов культурно-идеологической жизни восточноевропейских стран в XVI в.

* Подробнее см. предисловие к кн.: Польша и Русь. М., 1974.

Не случайно одной из ведущих в книге оказалась тема культурной жизни Польши в XV — XVI вв.

Так, на важную сторону общественно-культурного развития Польши XV в. обратил внимание проф. И. Зарембский, выдвинувший тезис о возникновении идей гуманизма на польской почве не в конце данного столетия, а в его первой половине. Проф. Ю. Леваньский в своей работе дает интересный анализ «сосуществования» старых и новых тенденций в польской литературе XVI в. Проф. А. Гейштор анализирует теоретические взгляды польских историков XVI в., вскрывает влияние итальянской «исторической школы» на идеологическую жизнь Польши того времени и собственно польских воззрений на исторический процесс. Автор устанавливает, что польские историки того времени уделяли много внимания практической значимости исторических знаний.

Вполне закономерным является освещение в сборнике проблем политического и культурно-идеологического развития Русского государства в XVI в.

В статье акад. Л. В. Черепнина прослеживается эволюция ряда политических институтов в процессе развития русской феодальной государственности. Автор отмечает, что многие политические институты периода феодальной раздробленности либо отмирали в эпоху образования Русского централизованного государства, либо трансформировались, приспособляясь к новым условиям.

В статье фиксируется противоречивое взаимодействие двух линий развития Русского феодального государства XV в. — к сословно-представительной монархии и к абсолютизму с чертами деспотии.

В исследовании акад. Б. А. Рыбакова вскрывается значение географических карт Московии, создававшихся западноевропейскими картографами на протяжении XVI—XVIII вв. с широким использованием «старых» чертежей русского происхождения. В своей работе автор показывает, что сохранившиеся таким образом варианты раннего русского картографирования создавали намеренно искаженное представление о размерах Московского и других русских княжеств на рубеже XV—XVI вв. и тем самым фиксировали факт острой полемики между московским великим князем Василием III и боярско-княжеской оппозицией, представленной в данном случае княжеским домом Воротынских (именно их владения оказались на этих

чертежах особенно преувеличенными за счет территорий Московского княжеского дома).

Вполне оправданным представляется внимание участников сборника к проблемам культурной жизни Великого княжества Литовского. Статьи рассматривают различные стороны исторического развития собственно Литвы, в частности некоторые проблемы истории ее культуры, а также идейно-политической жизни той части восточного славянства, которая оказалась в составе этого княжества. Проф. Ю. М. Юргинис дает характеристику литовской письменности XVI в. Предметом исследования проф. Ю. Бардаха явилось государственно-правовое развитие Великого княжества Литовского в XVI в.; более ранний период его правовой жизни прослежен в статье И. П. Старостиной.

Рассматривая социальные и территориальные сферы распространения реформационного движения в польско-литовской государственной системе, проф. Я. Тазбир в своем исследовании обратил особое внимание на судьбы этого движения в Великом княжестве Литовском.

В сборнике публикуется ряд исследований, посвященных анализу усиливавшегося в XVI в. среди польских идеологов интереса к восточному славянству, к развитию его культуры. В работе проф. Л. Базылева раскрывается тема: «Россия в польско-латинской политической литературе XVI в.». Автор подчеркивает, что в польских публицистических трактатах, сочинениях историко-географического характера, поэтических произведениях XVI в. содержатся весьма ценные сведения о России и всем восточном славянстве. Анализ этих сведений привел автора к выводу, что информация подобного рода в литературе XVI в. оказалась значительно более обширной, более конкретной и достоверной, чем в источниках предшествующего периода. Проблема широкого использования польскими хронистами XV—XVI вв. русских летописей рассматривается в работе Ю. А. Лимонова. Исследование А. И. Рогова посвящено той же проблеме. Раскрывая специфику русско-польских культурных связей эпохи Возрождения, автор фиксирует несинхронность во взаимном ознакомлении с культурными достижениями обеих стран.

Проявлением культурных связей Польши с восточнославянскими землями оказалось сравнительно широкое привлечение в Краковский университет «русских» студентов из Великого княжества Литовского (статья Г. Я. Го-

ленченко), а также распространение на его территории естественных научных знаний (работа В. П. Грицкевича).

Процессы развития общих декоративных форм в польской и русской архитектуре XVI—XVII вв. прослеживаются в работе С. С. Попадюка. Широкому книгообмену между Польшей и Россией в XVI—XVII вв. посвящены исследования Е. Л. Немировского и Я. Д. Исаевича.

Выражением значительного интереса польской общественно-политической мысли к России было, как показывает в своей статье Б. Н. Флоря, создание в 70-х годах XVI в. публицистических произведений, посвященных русской тематике. Одной из форм культурного общения Польши с восточным славянством стало, как свидетельствует труд Я. Н. Щапова, усилившееся с конца XVI в. внимание польских идеологов к архивам православных монастырей и храмов на земле Великого княжества Литовского.

Показателем большого интереса к внешнему облику столицы Русского государства было создание в начале XVII в. польским картографом Ш. Ендрашевичем и художником Т. Маковским плана Москвы, обнаруженного недавно в Познаньской библиотеке. Посвященная этой находке работа проф. С. Александровича свидетельствует о том, что указанный план Москвы не только корректирует известные уже чертежи русской столицы того времени, но и существенно их дополняет, особенно в отношении общего облика города, а также архитектуры отдельных зданий.

В ряде публикуемых работ затрагивается вопрос о повышенном интересе идеологов Московской Руси XVI — начала XVII в. к состоянию внутривосточных дел в Польше и особенно в Великом княжестве Литовском, а вместе с тем и к развитию международных отношений всей Восточной и Юго-Восточной Европы того времени.

В работе М. Е. Бычковой рассматривается одно из проявлений такого интереса — возникновение в Московском государстве новой родословной легенды русского правящего дома, оказавшейся весьма близкой по своему характеру к аналогичным легендам литовского и молдавского правящих домов. Работа С. О. Шмидта выдвигает предположение о том, что послание 1564 г. Ивана Грозного Андрею Курбскому в пространной редакции было адресовано зарубежному, и прежде всего — польскому читателю, а краткая редакция этого послания была предназначена читателям «всего Российского царства».

В сборнике представлены также статьи, освещающие общественно-культурные связи народов рассматриваемого региона в конце XVI — первые десятилетия XVII в., когда все заметнее становились успехи контрреформации в данной части европейского континента, все очевиднее оказывался факт политического усиления католической Польши, вставшей именно в этот период на путь подавления не только реформации, но и «схизмы», на путь проведения церковной унии, утверждения влияния в придунайских княжествах, наконец, распространения своей власти на Московское государство.

Указанная проблематика так или иначе затрагивается в уже упоминавшихся статьях Я. Тазбира, Ю. М. Юргиниса, Г. Я. Голенченко, Я. Н. Щапова, Я. Д. Исаевича; эти вопросы кроме того получили отражение в работе Е. М. Руссева, показавшего закономерно возникший в этот период интерес молдавского «православного» летописания к произведениям польских хронистов предшествующего столетия, а также в статье И. Б. Грекова, который, рассматривая обстоятельства возникновения Пискаревского летописца в начале XVII в., отметил наличие в этом памятнике программы воссоздания сильного «православного царства» под эгидой Москвы, программы, являвшейся не только своеобразным ответом на план распространения польско-католического влияния на всю Восточную Европу, но и показателем наметившегося тогда идейно-политического сближения патриотических сил Московского государства с «православным» Константинополем.

Таким образом, публикуемые в сборнике статьи польских и советских авторов раскрывают перед нами весьма сложную картину тесных культурно-идеологических связей между народами Восточной Европы XVI — начала XVII в., фиксируют как факты творческого восприятия народами данного региона некоторых явлений культуры Возрождения, так и случаи активного противодействия этих народов натиску контрреформации.

* * *

Статьи польских авторов публикуются в переводах, осуществленных М. Е. Бычковой, М. А. Леншиной, А. А. Липатовым, И. П. Старостиной, И. С. Чичуровым (латинские тексты).

РАННИЙ ПОЛЬСКИЙ ГУМАНИЗМ XV В.

(Тезисы)

И. Зарембский

1. Принципиальное значение изучения раннего гуманизма для воссоздания полной картины накопления элементов буржуазной культуры в Польше в XV—XVI вв.

2. Сопоставление степени изученности раннего гуманизма в Польше, тезисов, выдвинутых в XIX—XX вв. (Ю. Шуйский, К. Моравский, А. Карбовяк, Х. Барыч), о культурной отсталости Польши в первой половине XV в., о слабых «веяниях» гуманизма в этот период, о решающей роли Каллимаха с результатами новейших исследований источников ведет к необходимости пересмотра устаревших положений.

3. Основные спорные вопросы проблемы.

Периодизация — деятельность Каллимаха в Польше (с 1470 г.) является только новой цезурой периода раннего гуманизма, но не началом распространения в Польше нового культурного движения. Концепция «предкаллимаховского» периода.

Роль Констанцского собора (1414—1418), открывающего «предкаллимаховский» период, первое знакомство с гуманизмом. Продолжительное пребывание в Констанце многочисленной польской делегации (Павел Влодковиц, Анджей Ласкаж, Петр Вольфрам) привело к установлению *непосредственных контактов* с выдающимися представителями гуманизма (Пьер Паоло Верджеро, Поджио Браччиолини и др.), которым покровительствовал кардинал Франческо Забарелла, любимейший учитель канонического права польских участников собора. Определение Забареллы как «средневековой личности» (Х. Барыч) является недоразумением, противоречащим источникам.

Спор о Гжегоже из Санока и его пионерской роли в распространении гуманизма в Польше.

Умеренный характер тезиса Т. Синки, признающего Гжегожа гуманистом только около 1470 г., в последние годы его жизни, в свете новых исследований поставлен

под вопрос. Как установленный ранний plautynizm Гжегожа (около 1428 г.), так и итальянский *iti peragium* (путевой дневник) в 1437—1439 гг. (Болонья, Феррара, Флоренция), знакомство с гуманистической литературой (роль «Генеалогии богов» Боккаччо) являются основой для проверки достоверности сообщения Каллимаха в «*Vita Gregorii Sanocei*» («Жизнь Григория Саноцейского»), рисующего реальный портрет Гжегожа.

Спор о месте Длугоша в польском гуманизме. Тезис о перманентной «средневековости» Длугоша основательно поколеблен данными источников, свидетельствующими о его постепенном, но неуклонном росте до уровня, проявившегося в гуманистическом характере «*Proemium*» («Вступления») к «*Annales*». Уже обстоятельно доказаны высокая степень его гуманистических интересов, а также конкретное влияние на историографическую деятельность Длугоша произведений Боккаччо, Верджерио, Поджио, Энеаса Сильвио, Беккадилли-Панормито.

Краковский университет и гуманизм. Мнимая «борьба» университета с гуманизмом не подтверждается источниками. Знак равенства, поставленный Шуйским между терминами «гуманизм» и «гуситская зараза», борьбу с которой вел университет, является недоразумением. В то же время имеется достаточно свидетельств о постепенном проникновении гуманистических интересов и о принятии их академическими кругами.

Идеи гуманизма разделяли канцлер университета епископ Олесницкий, профессор Миколай Козловский, профессор Ян из Людзиска, ректор Ян Домбрувка и др.

Перечень сторонников гуманизма уже в первой половине XV в. весьма велик.

СТАРОЕ И НОВОЕ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI В.

Ю. Леваньский

Период Ренессанса является отрезком времени, в котором особенно ярко вырисовываются различные соотношения, соизмерения, степени зависимости, сочетания давних, генетически связанных со средневековой художественной культурой поэтик, типов использования и способов обработки литературного материала, ведущих идей в письменности (а равно и в других видах искусства) с новыми формами и определениями жанров, новыми идеями. Именно с теми, которые мы воспринимаем как наши, с теми, которые мы непосредственно унаследовали, которые оказались исключительно устойчивыми. Следует отметить, что наступивший затем период барочной культуры оказался эфемерным: художественная культура этого стиля была распространенной, но она не создала традиции.

Чтобы облегчить дальнейшую аргументацию, отметим, что Возрождение в Польше мы хотели бы видеть как одну из фаз развития культуры художественной, а в особенности — литературной, как этап, отрезок в непрерывном течении изменений, эволюции и регрессов, период особенно богатый, важность которого основывается главным образом на том, что была достигнута возможность весьма радикально противостоять уже существующим суждениям, мнениям и тенденциям во имя этих ценностей, которые сохранили свое значение до сего дня. Поэтому Возрождение, термин, свойственный романо-германской культуре, в Польше следовало бы называть Рождением, Освобождением и т. п.

Другим суждением, предшествующим дальнейшему размышлению, является то, что исключительно высокие достижения эпохи Возрождения были связаны как с удачным выбором зарубежных образцов и постулатов художественной культуры, так и — прежде всего — с умелым использованием форм и средств, созданных в предшест-

вующую эпоху. В общем успехи польского Возрождения мы склонны видеть в удачном решении проблемы: что именно стоило взять из давнего наследия и каким образом использовать его в свете новых ценностей. Займемся этими решениями, а особенно теми, которые осуществлялись удачно, но без достаточного эффекта. Эта трудная проблема достойна внимания, ибо от нее зависит решение вопроса о ценности польской культуры вообще.

Возрождение в Европе мы привлекаем в качестве одного из этапов развития культуры, насчитывающей к этому времени свыше двадцати веков. Этот процесс развивался в Южной Европе интенсивно, а его посредником, не самым лучшим и не отличающимся творческим началом, была римская империя, чьи памятники, сохранившиеся после возникновения новой Европы, были сконцентрированы в Италии и подверглись там наиболее ранней интерпретации — в XIII—XV вв. Именно поэтому над определенными явлениями Ренессанса, особенно литературного, будет явно довлеть римско-итальянское происхождение.

Нужно отказаться от негативной оценки усваивания польской культурой форм, текстов и воззрений как фактов заимствования, плагиата, подражания. Большинство из этих заимствований периода Возрождения — попросту удачное использование уже готовых, разработанных средств и концепций, а также целых систем для своих потребностей, для новых культур. Применяя сравнение из области торговли, можно сказать, что сначала мы должны были выработать определенные системы культуры, институты, меценатство, подготовить круг потребителей как своего рода капитал и лишь после этого приступать к трансплантации определенного типа литературы, мотива — с прибылью либо с убытком (если новинка не привилась).

Новая культурная сущность, которая появляется в период Ренессанса в нашем литературном искусстве, выбирается из общеевропейских ресурсов как бы спонтанно, естественно. Принцип выбора не зависел от правителя, церкви, материальной заинтересованности или даже непосредственной географической близости более развитого соседа. Это был естественный процесс, который можно бы назвать художественным — во всяком случае, лишенным практицизма.

Когда мы пытаемся подвести итог, проверяя, что из старого сохранилось в период завершеного, зрелого, всеохватывающего Ренессанса в Польше, т. е. в XVI в., и каждый раз, когда мы памятник культуры XIV—XV вв. определяем как «старый», почти всегда необходимо отметить, что данный объект, восходящий к старому наследию, обрел и определенные черты нового. Первое десятилетие XVI в. можно сравнить с укрепленной границей: чтобы через нее пройти, нужно обязательно нести в себе какие-то элементы современности.

Почему это происходит именно в данное время — период десяти лет (четко отмеченная дата), — особенно если принять во внимание довольно обширный масштаб стыка культурных эпох? По-видимому, распространение печати предопределило новое восприятие литературы. В предшествующих веках письмо было предназначено главным образом для церковной литературы: литургии, проповеди, катехизиса. Теперь письменное творчество обрело новый адрес, нового потребителя. Не стало предопределенных свыше зависимостей между творцом и адресатом литературного произведения. Это произошло впервые в истории польской письменной культуры. Мы имеем в виду романы и новеллы, драмы, религиозные нелитургические песни и вообще любую песню на польском языке. Мы отличаем ее от других видов письменности, в которых автор и адресат связаны между собой взаимной обусловленностью. Такие особенности имеют элегия, панегирик, сатира, моралистическая драма, полемический диалог — жанры, распространенные в XVI в. Литературные произведения также создаются с целью заставить читателя соотнести их идейную направленность и концепцию с определенными явлениями общественной жизни.

НЕТРОНУТЫЙ РЕЛИКТ — «ДРЕВНЯЯ» РЕЛИГИОЗНАЯ ПЕСНЯ

В одной только области — религиозного песнопения — можно говорить о ненарушенном продолжении давней письменности.

Религия была институтом устойчивым и всеобщим. В X—XIII вв. она создавала вокруг себя литературу, имеющую определенную идеологическую направленность. Это была латинская поэзия, используемая для нужд обря-

да. С XIV в. в Польше появляется литература для всех верующих — песни (и на польском языке), немного выходящие за рамки литургии. Они множатся, дифференцируются, возникает понятие песни народа в костеле, а потом — молитвы и религиозного действия вообще, наконец — индивидуальные молитвы. В XVI в. можно было бы ожидать очень широкого взаимодействия письменности с религиозной жизнью. Однако эта линия развития не была прямой. Возникают огромная, абсолютно новая протестантская религиозная литература, поэзия, молитвы, проповеди, литературно-полемические трактаты. Вопреки ожиданиям католической песне как бы недостает новых художественных идей: повторяются давние песни с XIV в., переводятся наиболее известные «гимны» — «Vexilla regis prodeunt», «Pangue lingua gloriosi», «Veni Creator», «Gloria laus», исполняемые во время наиболее зрелищных обрядов. В первой половине XVI в. небольшие сборники песен дописываются или допечатываются и перерастают в книги, такие, как, например, «Житие господина Иисуса Христа», «Вершина духовная». Обширные рукописные сборники религиозных песен связаны с монастырской, французской средой, наиболее подходящей для распространения набожности. Эти сборники приносили некоторое число переводов хорошей поэзии, однако большинство их по своему стилю не выходило за рамки XV в.

Печаталась также серия повествований о св. Ионе, Кристофоре, Екатерине, Алексее в давних и даже очень древних вариантах. Еще в 1584 г. был напечатан сборник под весьма знаменательным названием: «*Древние песни на постные дни*»; это были песни, повествующие о событиях страстной недели и напоминающие редакции XV в.

Печатаются также песни в виде небольших брошюр, обычно с гравюрами. Можно полагать, что такой тип изданий распространяется в середине века; печатаются переводы отдельных псалмов, песен, связанных с определенными событиями, с нотами и в многоголосой обработке. Эти небольшие издания середины XVI в. свидетельствуют о новых формах (и только о формах) функционирования текста. За изданиями такого рода стоит или меценат (а сами издания предназначаются для раздачи), или же некоторые праздники (тела господня, вербное воскресенье), раздача индульгенций также была хорошим поводом для массовой и даже выгодной их продажи.

В 20-х годах Ян из Кошичек, способный стилист, со-
здал по крайней мере одно произведение. Наряду с ним
пишут Ян Сандецкий, Бернард Ваповский, Миколай Рей,
Ян Кохановский. Вспомним изданную отдельно «Песнь о
потопе», «Песнь о зиме 1557 года», «На новое лето»,
«Молитву за сенат» — все это немногочисленные приме-
ры нового литературного отображения религиозной тема-
тики.

В то же время большое количество песен продолжает
традиции средневековой поэтики: повествование представ-
ляет собой последовательное перечисление событий, эмо-
ции выражаются обычными восклицаниями, стилистиче-
ские средства ограничены эпитетами, повторами, про-
стыми сравнениями. Метрическая система, т. е.
изосиллабический стих, созданный к концу XV в., теперь
пескoлько нарушается. Может быть, это было результатом
влияния несиллабического народного стиха. Однако отсут-
ствие ритмического порядка и абсолютная свобода в поль-
зовании рифмами, возможно, похожи скорее на отсутст-
вие старательности. Попарно рифмованные двустипия, со-
ставляющие одно предложение, являются основным
элементом всего этого творчества.

Мы понимаем, что религиозная песнь поддерживала
непрерывность литургической традиции и обычаев, свя-
занных с церковным годом, однако в любом случае она
является тем звеном польской ренессансной культуры, ко-
торое не имеет черт современности. Она недостаточно
использовала в течение первых пятидесяти лет новое ору-
дие — печать. Сравнение ресурсов песни католической с
изданиями и достижениями песни иноверческой во второй
половине века еще раз подтверждает нашу отрицательную
оценку этой области творчества: религиозная песнь тогда
не сумела ни использовать печать, ни найти авторов.

Церковная администрация не смогла организовать пи-
сательскую среду, а наиболее плодотворные писатели не
подняли новых тем в первой половине XVI в. Мобилиза-
ция наступила позднее, великолепно организованная ие-
зуитами. Она имела, впрочем, характер защиты, ибо имен-
но протестанты первыми создали новое понятие религиоз-
ной поэзии, не изменив художественных средств выраже-
ния.

Но в тот период, который нас интересует, появляются
и элементы нового: так, религиозно-патриотический ас-

пект (турецкая проблема, непосредственная угроза возможности языческого вторжения) едва лишь заметен в светской по форме «Песне о взятии Буды».

ЗАПОЗДАВШИЕ НОВШЕСТВА — РОМАНЫ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Только типографиям (т. е. в первой половине XVI в.) мы обязаны обширным числом текстов романов и новелл, содержание которых и редакции можно считать запоздавшими, старыми и во всяком случае ренессансными. Открывает их «История о св. Иосифе, патриархе Ветхого завета» (Краков, 1530); ее основной мотив — известное приключение толкователя снов, а значит, и воли божьей, существовал в литературе вплоть до XVIII в. Сам факт перенесения в польскую письменность фрагмента «Генезиса» можно оценить как черту нового времени, однако неизвестный переводчик ссылается также на весьма устаревшее произведение «Speculum historiale» («Историческое обозрение») Винсента Бовэ (XIII в.), присовокупляя таким образом великолепный эпизод о женитьбе Иосифа на Асене, дочери Путифара. К такому же далекому, полностью средневековому наследию обращается переводчик «Historia Alexandri Magni...» («История Александра Великого...») Леонард из Бончи в 1510 г., а также неизвестный переводчик в 1550 г. Лишены черт современности и разные издания «Истории о разрушении Трои». Наиболее ярким примером старой, средневековой прозы являются «Римские деяния», известные по изданию 1540 г. и основанные на латинской редакции XVI в. Этому сборнику проповеднических и вообще морализаторских текстов во всей полноте соответствует «Понциан», или перевод «Historia Septem Sapientium» («История семи мудрецов») редакции середины XIV в. Сначала они переписывались по-латыни, потом, как представляется, были переведены и в XVI в. в переводах попали на Русь; они сохранились наряду с другими, уже ренессансными романами до начала XX в. как ярмарочная литература.

К этим произведениям мы относим и переработанную Мартином Сенником «Прелестную историю о прекрасной Мелюзине» (Краков, 1569). Произведение это в сравнительно новой, восходящей к концу XIV в. редакции поко-

ряло читателей якобы исторической фэбулой, соединенной с чудесными метаморфозами и описаниями необычной борьбы с великанами.

Прежде всего за раннюю дату появления мы ценим польский перевод «Истории о счастье» (Краков, 1522). Автором чешского оригинала считается Хэнка из Подебрада, живший во второй половине XV в. В этом произведении устаревшим кажется нам принцип изложения содержания посредством аллегории, равно как и характер выводов.

Внутренний комплекс чуждых каждому гуманизму реликтов давних веков ввели в нашу литературу «Жития философов» (Краков, 1535). Этот сборник странных вымыслов, ошибочных информации был старательно и с энтузиазмом собран Бельским «для благотворительного воспитания каждого человека». В присоединенном к нему обращении к читателю Анджей Глабер из Кобылина утверждал, что надлежит познавать прошлое и мысли великих мужей, даже язычников, чтобы оценить, насколько они были выше нас, хотя и не были просвещены христианским учением.

Основа «Хроники всего света» (Краков, 1581) — лишенная критицизма компиляция, созданная в наивной вере в каждое написанное слово, без попытки самостоятельности или стремления к оригинальности собственного видения.

Наша оценка ранних романов скорее отрицательна. Прежде всего они распространялись в Польше в переводах и были лишены оригинальности. Польские редакции не внесли в них много нового. Выбор текстов для переводов, таких, как «Жития философов» или «Римские деяния», представляется случайным.

Кроме того, использовались обработки, созданные большей частью в XIV в. Тогда эти произведения функционировали как примеры проповедей, как моралистические притчи. Это сказалось и на их обработке, и на стилистических особенностях.

Затем, эти романы приходят к нам из XIV в., тогда как в переписанных в Польше рукописях XV и начала XVI в. уже содержатся неиспользованные, нераспространившиеся гуманистические новеллы.

Но два качества придают художественной прозе первой половины XVI в. черты современности: она переве-

дена на польский язык, печатается, а следовательно, читается широкими массами. И наконец, третье качество, уже упоминавшееся,— это независимость литературы от директивного института, мецената или политической игры.

НОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ИЗ СТАРЫХ ФОРМ

Вспомним сначала о менее значительных усилиях и попытках, хотя и удачных по замыслу, но недостаточно плодотворных.

Так, Бернат из Люблина (около 1465—1529) выбирает из массы текстов позднего средневековья «Диалог Палипура с Хароном», «Житие Эзопа фригийца, добропорядочного мудреца» и «Басни Эзоповы». Басни мы находим в средневековых проповеднических рукописях как примеры, подтверждающие выводы этого проповедника — «*ut ait Esopus*» (как сказал Эзоп). Бернат не читает средневековых *sermones* (проповедей), он обращается к более новой редакции басен, т. е. к варианту, который заключает в себе ценности, связанные с перенесением культуры античности в новые времена. Его интересует противопоставление сознания раба, человека, абсолютно подчиненного богатому, и интеллектуальное превосходство мудрости вообще, «ибо мудрые не умирают». Публикация такого текста имела особое значение в те времена, когда соотношение сил мещанства и крестьян, с одной стороны, и шляхты — с другой, еще не было определено. Аналогию можно провести, анализируя «Беседы, которые имел мудрый царь Соломон с грубым и непристойным Мархолтом» (1521, пять переизданий). Здесь противопоставление Соломон — Мархолт несколько абстрактно, и его следует воспринимать скорее как сопоставление догматичной и церковной мудрости и практического знания жизни и людей. Показательной в свете растущих антикатолических тенденций является дата издания. Подобное идейное звучание имеет и перевод «Совифнала» и трех итальянских новелл о жрецах и рабе. Возвращаясь к Бернату и басням Эзопа, следует отметить, что его новизна заключается в том, что он сумел обратиться к текстам, которые, будучи частично известными, могли заинтересовать читателя, и изменил и повернул их прежнюю направленность. Они использовались в проповедях как аллегии, их до-

полняли разного рода моралистические выводы. Бернат тоже дополняет их пазида́нием, дает им названия, делает их орудием светской морали, мирского восприятия жизни. При этом он использует родной польский язык, может быть, народные стереотипы понятий, популярные выражения, поговорки. Можно полагать, что он во всей полноте осознает новое отношение к басням, которые читались и ранее.

Есть у него ощущение нового понимания стихотворной формы. Ему мы обязаны первым шагом в направлении новой формы силлабического стиха, а особенно отношения к предложению. К концу XV в. польская поэзия, отшлифованная с точки зрения силлабики, останавливается на мертвой точке. Необходимо было либо ее совсем отбросить, либо изменить ее характер. И Бернат из Люблина сумел понять, какую из особенностей стиха оставить, а какую сломить.

Первый взгляд, брошенный на жанры, к которым обращался Рей, может оказаться обманчивым: слишком много там веры в давние, родом еще из XV в. писательские средства.

Диалоги уже в течение ряда веков были обычной формой обрисовки воззрений. В диалоге «Кот со львом беседуют» Рей применяет свою новую технику. Прежде чем началась собственно беседа, мы выслушиваем, что про себя говорит кот, что о коте думает лев, как они воспринимают друг друга. Когда же начинается разговор, автор придает высказываниям оттенки иронии, презрения, недоброежелательства, колебаний, либо играет чувствами обоих зверей для усиления эффекта идейного или художественного, особенно комического. Достаточно вспомнить, как разговаривают пан, войт и приходский священник, чтобы оценить нововведение Рея. Это не диалог, а политическая дискуссия о конкретных проблемах, дискуссия драматизированная, в которой персонажи определяют свои позиции, изменяют их, создают тактику тех или иных ходов; изменяются их эмоциональное состояние, настроения, возникают новые ситуации.

Аналогичная картина и в своеобразной религиозной драме «Жизнь Иосифа из поколения иудейского». Своими основами это произведение восходит к средневековой мистерии. Рею недостаточно средств мистерии. Его интересуют связь событий, мотивы и вообще вся интрига,

связанная с предсказыванием снов, сначала трагичная, потом комичная, со счастливым концом. Конечно, Рей не передает историю Иосифа как своего рода аллегория жизни Христа на земле, а именно такой смысл имели средневековые мистерии на эту тему; как протестант, Рей ощущал необходимость восполнить подлинную драму огромным моралистическим материалом, сотнями замечаний о житейских случаях, комментариями о поведении в трудных условиях, о необходимости постоянства и добродетели. Таким образом, из мистерии, которая была призвана иллюстрировать текст Ветхого завета и объяснять таинства веры, Рей сделал современную драму (или драматический диалог) на актуальную тему, действенное литературное произведение.

Еще более ярким примером использования новых художественных средств является произведение «Купец, или Образ и подобие последнего суда божьего» (около 1543), опубликованное анонимно в Крулевце в 1549 г. Источником вдохновения был «Mercator» («Торговец») Томаса Кирхмайера, яростного протестантского полемиста и драматурга. Рей оценил и использовал полемические и литературные достоинства замысла. Содержание произведения известно: это утверждение основного протестантского тезиса об искуплении и о необходимости внутренней религиозности в сердце человека, об ошибочности практики католической религии, отягощенной внешними эффектами, богатой литургией, постами, обетами и разными действиями. Материалом являются форма моралитэ — жанра, созданного в атмосфере католического мировосприятия, а также картины и ситуации, почерпнутые из католической жизни и письменности, начиная от понятия последнего суда и кончая такими мелкими деталями, как монастырские обычаи, картины осуждения грешников, возможно навеянные живописью. В последней сцене дьявол ведет в ад своих «почитателей», напевая песенку, являющуюся парафразой пасхальной песни о ведомых в рай. Все события объединены иронической идеей репетиции последнего суда. Комическое и карикатурное в обрисовке чередуются на протяжении всего произведения, что в соединении с проблемами веры и религиозными обрядами обретает особую силу.

Использование жанра моралитэ, когда надо представить максимально обобщенную проблематику, относящуюся

ся к каждому человеку вообще, великолепно трансформировалось Реем, вводящим картины, преисполненные конкретного смысла. Купец в моралитэ представлен обыкновенным купчишкой — обманщиком, ведущим грешную жизнь. Он выступает не как образец: его перипетии служат для конкретизации основной темы. Другие персонажи изображены в совершенно конкретных ситуациях, а сцены их последнего осуждения даже чрезмерно подробны. Рей как бы играет формой моралитэ. Его элементы являются для писателя средством, которое помогает найти разные формы выражения и художественной экспрессии. Рей не ослеплен жанром и не подчиняется ему, он то и дело нарушает жанровые правила, чтобы их использовать со свободой такого писателя, который презрительно высказывается о книжной учености, называя книги «дохлой шкурой». Свобода Рея по отношению к обязательным предписаниям письменности связана с пониманием писательского ремесла как непосредственной практической деятельности. Некоторые книги Рей считал «живыми» и после себя оставил много таких «действенных» книг, как, например, «Постилла» или «Зверинец».

«Постилла» — это тоже неожиданное обновление старой формы, использование существующего по крайней мере двести лет жанра для новых целей. Рей сохранил основной принцип, утверждающий, что проповедь является развитием и интерпретацией фрагмента Евангелия, что в собрании проповедей сначала помещаются проповеди, связанные с очередными воскресеньями церковного года, далее — с определенными праздниками и днями святых, что нужны проповеди, связанные с освящением церкви, и погребальные. Система образов в Постилле абсолютно средневековая. Вот как, например, Рей объясняет жертвоприношение прокаженного, состоящее из двух воробьев, гизона и кедрового дерева: «Два эти воробья воплощают пред нами два наших завета, старый и новый. В одном завете была выпущена кровь не в воду живую, а в сосуд глиняный, то есть на поверхность земли глиняной» (речь идет о символике крови, которая вытекла из бока Иисуса на поверхность земли). Немало в Постилле и аллегорического средневекового текста.

Однако одновременно Рей преобразует абсолютно старые формы проповеди. У него уже нет схематичного разделения на три либо четыре составляющие, нет утверж-

дений, основанных на ученых авторитетах, нет утонченности доводов и разборов, нет завершающих выводов. Это было заменено увещанием, обращением к чувствам, попытками взволновать читателя. Комментарии устремлены к единой цели — побудить верных к жизни праведной в соответствии с Евангелием. Таково обширнейшее произведение Рея, где семьсот страниц содержат изложение усердия протестанта-назидателя, *praeceptoris Poloniae*. В форму, созданную католицизмом, польский кальвинист заключает изложение новой, истинной (по его мнению) веры, резко критикуя католиков. Однако главным новшеством этого большого, совершенствуемого от издания к изданию произведения, переведенного на литовский и белорусский языки, переиздаваемого даже в XIX в., является то, что оно было создано человеком светским. Нас поражает факт ликвидации монополии духовенства на проповеди, которые, казалось, уже по сути своей связаны с духовенством и его компетенцией, образованием и основным призванием.

«Постилла» Секлюциана, лишь на год опередившая творение Рея, является произведением духовного лица, точно так же и позднейшие многочисленные постиллы были написаны протестантскими пасторами. Следует подчеркнуть оригинальность и современность Рея, характерное для Ренессанса ощущение им права на мышление, изложение своих воззрений, упорядочение мира в соответствии с новыми принципами.

Вспомним теперь другие старые темы, адаптируемые польской письменностью XVI в. Ресурсы форм художественного языка, созданные в предшествующие столетия, подверглись в первой половине XVI в. суровой переоценке. Сопоставление польского синтаксиса — пространного, многословного, не особенно четко разделяемого на периоды — с упорядоченным, ясным и точным латинским периодом свидетельствовало отнюдь не в пользу первого. Для Яницкого (1516—1543), великолепного лирика, писавшего только по-латыни, лексический фразеологический фонд и синтаксические возможности польского языка были ограничены. Не обращались к польскому и Кшицкий (1482—1537), Дантышек (1485—1548), Моджевский (1503—1572). Отказ от латыни одновременно означал колоссальную работу над польским языком, а также выход из универсальной общности европейских поэтов, что гро-

зило бы поражением, если бы не удалось создать из разговорного польского языка совершенное поэтическое орудие.

И далее, в выборе пути нужно было либо решиться на определенные искусственные нововведения, используя лексические заимствования из греческого, латыни и других языков, либо опереться на возможности современного польского языка, как письменного, так и устного. Кохановский выбрал вторую возможность: он был смелее Рея. Лексический фонд оказался для Кохановского достаточным, равно как и синтаксическая система, и на основе старого языка появилась поэзия, не утратившая своей ценности до сих пор и вызвавшая зависть и признание других современных народов.

С XIV в. наши писатели трудились над созданием регулярного стиха: делили поток высказываний на отрезки одинаковой длины, рифмующиеся друг с другом, чаще всего попарно. К концу XV в. был создан тип изосиллабического стиха — монотонный и убогий, рифмующийся только попарно, чаще всего с четырехстрочными строфами. Был создан принцип, который на определенном этапе мог привести к успеху, но потом оказался весьма опасным для поэзии, так как требовал, чтобы конец предложения совпадал со стихотворной строкой — это лишало стих эмоционального колорита и поэтичности. Бернат из Люблина сломал эту средневековую схему. Оперируя все еще средневековым восьмисложным стихом и четырехстрочными строфами, он разрушил прежнюю систему, помещая в одном стихе до трех предложений либо заканчивая предложение в середине стихотворной строки. Он начал вставлять в стих вводные предложения, что для средневекового писателя было разительной ошибкой. Во всяком случае он противодействовал тому правилу, которое закрывало перед польским стихом пути развития, превращая его в мертвое, завершенное орудие. Рей, создавший новые размеры (10, 13, 14-сложный стих), только совершенствовал старую систему и не оценил поворота, который совершил Бернат. Потребовался Кохановский, чтобы создать форму, которая без изменений просуществовала в качестве образца силлабического стиха до времен романтизма и продолжает жить по сей день. Кохановский (1530—1584) решил (и авторитетом своей совершенной поэзии утвердил), что для изосиллабического

стиха достаточен один фoрмант, категоричный и ясный, клаузула в рифме. Заслугой Кохановского является и создание принципа образцовой польской рифмы. Такой стих создавал возможности интонационных изменений и разнообразных форм лирической и семантической экспрессии.

Как Бернат, так и Кохановский приняли за основу древний изосиллабический стих. Для обоих он мог оказаться неприемлемым. Для Берната он уже исчерпал свои возможности, а для Кохановского ограничивал свободу изложения. В обоих случаях изобретение было очень простым, а оригинальность — примечательной: основа осталась прежней, но направленность перемены была прямо противоположна прежней тенденции.

ЛАТИНСКАЯ ПОЭЗИЯ — ПРОВОДНИК НОВШЕСТВ

После 1500 г. через барьер первого десятилетия средневековая письменность уже не проходит, хотя в рукописях иногда еще встречаются копии текстов или трактаты XIV в., иногда в Ягеллонском университете вспоминают и устаревших писателей.

Новая письменность, неизвестная до этого, формируется на совершенно иных основах, и формы ее разнообразны. Обыденная действительность, человеческие отношения, большие и важные события — все это требовало художественного отображения не только в поэзии, но и в старательно написанном послании, панегирическом стихе, приветственной речи. Особенно послание притягивает внимание, дело доходит до комических ситуаций. Например, учебник сочинения писем Нигера изучается в Краковском университете наряду с другими итальянскими письмовниками в течение сорока лет. Многократно и торопливо печатаются пособия по рифмовке, сборники литературных «элегантностей», наконец публикуются правила поэтики Горация в 1505, 1512, 1521 гг., укореняясь по крайней мере на триста лет как обязательные.

Читают в Польше и древних авторов, трудно определить круг такого рода произведений, но еще большей популярностью пользуются быстро и в большом числе публикуемые гуманистические произведения, преимущественно небольшие по объему — маленькие брошюры странствующей

щих гуманистов, среди них — тех, которые нашли приют в Польше; позднее — и произведения польских авторов. Несомненно, новым было сознание, что можно войти в большую семью гуманистов благодаря нескольким стихам или латинским посланиям. Преобразования в области вкусов и потребностей происходят стремительно, давние образцы утрачивают свое значение в какие-нибудь двадцать лет.

Новым становится также понятие подражания: до сих пор копировались большие тексты, теперь же в связи с тем, что античность повсеместно и публично возведена в канон, рассматриваются способы подражания, описываются правила, в спорах решается, кого из писателей выбрать в качестве идеала. В таких условиях в польскую письменность входят античные образцы, реалии, крылатые фразы с именами героев, полубогов и богов. У одних поэтов появляются элементы античного пейзажа в качестве нефункционального орнамента, у других — как свидетельства эрудиции, наконец, у третьих они выступают в качестве действительно конструктивного элемента.

Новым было и осознание, что *poesia docta* (ученая поэзия) может заниматься актуальными проблемами, приносить славу описывающему и описываемому. Отсюда огромное распространение различных жанров до сих пор неизвестной «поэзии на случай». Буквально сотнями пишутся нении, трены, восхваления в эпицедах, эпиталамах, создаются многочисленные эпиникионы, наконец эпиграммы. Кюшицкий, который, впрочем, не был подлинным *poeta doctus* (ученым поэтом), создал необыкновенный образец такой поэзии; этот сверх меры смелый автор (особенно в жанре язвительной эпиграммы) был, вероятно, примером для других.

В 40-х годах латинская поэзия берет на себя новые задачи, довольно стремительно включаясь в реформационную полемику (пример — окружение Гшеческого). В этом отразилась потребность в поэзии, служащей насущным целям. Появилась актуальная публицистика, связанная с особенно напряженными моментами жизни, конфликтами, одновременно и малохудожественная. Быстрота смены событий была в противоречии с поэзией, для которой требовались более широкие и глубокие темы. С течением времени значение вышеназванной тенденции уменьшается, во второй половине XVI в. трудно назвать

плодовитого поэта; Шимон Шимонович (1558—1629) как филолог и поэт замыкает эту тенденцию.

Масштаб польско-латинской поэзии XV—XVI вв. был в сопоставлении с аналогичными явлениями в западных странах весьма скромн, но имел важное значение для своей эпохи. Во второй раз Европа, а вместе с ней и Польша, подверглись наплыву чужой и древней культуры, и притом с удивительной энергией: лозунг «*Italiam*» («к Италии») особенно отчетливо звучал в Польше.

Характер восприятия этой письменности в Польше был двойственным. Во-первых, писатели, мыслители, филологи и поэты своей деятельностью, творческими контактами, издаваемой перепиской деятельно включают польскую культуру в великую систему европейских идей и искусства.

В Польшу приезжают профессора, поляки учатся у авторитетных ученых Запада. Одновременно образцы латинского творчества быстро воспринимаются художественной литературой. Появляется все больше произведений, инспирированных латинской письменностью. Латинская ода теперь представляется как песнь, апофтегмат преобразуется во фразку; появляются комедия, сатира — увеличивается количество жанров; в польскую поэзию вливается огромное число мотивов, персонажей, стереотипов, крылатых фраз, оборотов. Этому служили и переводы — отдельные произведения и целые сборники, как, например, издаваемые Мимером «*Formula honestae vitae*» («Формула честной жизни», Краков, 1527), «Моральные стихи Катона» (1535, позднее — шесть переизданий), а также аналогичные материалы в тетрадах учителей приходских школ.

НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ — СОВИЗЖАЛЫ

В течение семидесяти лет в Польше наряду со старыми жанрами письменности формируются совершенно новые жанры, инспирируемые античностью и подчиненные актуальным потребностям (поэзия протестантская, патриотическая, бунтовщиков). Это — система с постоянно колеблющимся и изменяющимся соотношением взаимозависимостей, в ней появляется единственная в старой польской письменности литературная школа — совизжалов

и рыбалтов. Такое анонимное, независимое и таинственное сообщество было немыслимо в предшествующем столетии.

Совизжалы были подлинными современными поэтами, независимыми художниками. Сотни их изданий — брошюрок, листовок, альманахов и комедий — содержали критику шляхетского сословия, общественную и профессиональную сатиру, популярную лирику, развлекательные песни. Это было особое литературное государство, отделенное от обширного числа шляхетских, реформационных и католических писателей. Мы ценим совизжалов за язык и стиль, близкий к разговорному, за выражение позиций и мыслей внешляхетских социальных слоев, за комизм, которого в прежней ученой поэзии было мало.

НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ИСКУССТВА СЛОВА — ЯН КОХАНОВСКИЙ

Крупнейшим событием эпохи было творчество Яна Кохановского. Он был так высоко оценен уже своими современниками, как никто с его времени вплоть до эпохи романтизма. Собрания сочинений поэта часто издавались; его смерть оплакивали поэты в Тренах и даже совизжалы, как правило обходившие стороной шляхетскую литературу:

Прославленнейший среди поэтов поэт,
Ты никогда не умрешь, ты всегда с нами.

Его величие ощущалось в XVI в.; возможно, современники особо ценили огромнейшую широту тематики творчества Кохановского: от трактата об орфографии до перевода древнееврейской поэзии. Возможно, его стих звучал приятнее других, или современники были очарованы простым и близким им языком, которым излагались большие идеи. Возможно, они были восхищены тем же, что и мы сегодня, современным пониманием функции поэзии и ее места в системе общественной культуры.

Кохановский во всей полноте освободил искусство слова. Поэзия не должна зависеть от текущих потребностей религии, политики, общественного положения, национальной среды — она имеет собственные права и законы,

обусловлена жанрами, стилевыми средствами, мыслями автора. Это не означает, что поэт находится вне общества. Из своего поэтического уединения Кохановский рассматривает и оценивает темы, проблемы, конфликты, выбирает важное и художественно его обрабатывает. Лукаш Гурницкий (1527—1603) писал в «Придворном», что поляки лишь недавно обрели «*delicatam pallatam*» («изысканную словесность»). Поэтому столь широко было оценено творчество поэта и такую популярность спускала его личность как символ нового мировосприятия, а воздействие его поэзии было несравненно более сильным, нежели творений тех, кто писал «на случай».

Идейно-художественное величие Кохановского измеряется не только художественной экспрессией, глубиной познания, но и особенно совершенством разработки следующих четырех принципов: 1) старого языково-стилевого фонда; 2) соотношения античной литературы и ренессансной культуры; 3) независимости художественного переживания; 4) служения литературы народу, человеку, идеям.

Писатели предшествующего поколения (из среды Академии и двора Сигизмунда Старого) копировали обороты, образы, жанры античной поэзии, т. е. занимались скорее формами старой поэзии. Кохановский же прежде всего идейные концепции, воззрения, философические позиции проецирует на польскую реальность, поляризует на материале посредственных и непосредственных потребностей польской жизни. Такое перенесение Кохановским плоскости столкновения старого с новым в категорию высших структур дало ему одно из первых мест среди поэтов-гуманистов Европы.

В поэзии Кохановского и его современников выкристаллизовались центральные идеи польского Ренессанса: человек как активное начало, высказывающий собственное отношение к религии, государственным институтам, другим людям. За двести лет до действий Кохановский назовет бога вечной мыслью и выразит сомнение в том, что его заботят земные судьбы. По его мнению, политическую систему нужно изменить (что предлагают и совизжалы) и создать программу ее переустройства (что было предложено Моджевским). Войны — это абсурд: зачем искать смерть, которая и сама неизбежно придет. В мире и спокойствии будет создана новая система ценностей:

простого потребления и великих идей (Рей) — совершенства художественного слова, возвеличивания родины и прежде всего славы, которая не подвержена смерти.

РАСЧЕТЫ СТАРОГО С НОВЫМ

Сюжеты, разобранные выше, дают сложный образ польской литературы, но мы бы не хотели ограничиться только перечислением старых тенденций в одной колонке, а новых — в другой. Уже отмечалось, что категории «старое» и «новое» невозможно определить какими-то формулами, каждый раз необходимо учитывать характер ситуации, в которой создается литературное произведение. В рассматриваемую эпоху искусство формировалось под влиянием трех новых и бурных сил: античного Возрождения, Реформации и возникновения печати. Одновременность этих трех факторов обусловила всеобщность и быстроту перемен. Быстрота эта была даже слишком «действена» — читатели Кохановского не были подготовлены к восприятию его идей. Ренессансная литература расцвела слишком быстро, чтобы прочно войти в польскую культуру.

1. Итак, отметим, что в эту эпоху из «старого» сохранилась неизменной только замкнутая в церковных стенах религиозная песнь, как бы обороняя старые рубежи. Старым остался только основной лексический стержень языка, авторы утратили много слов, идиоматических оборотов, поговорок. Процесс был бурный: Рей жалуется, что не понимает книг, вышедших спустя тридцать лет после его дебюта, Кохановский далеко отошел от Рея. Утраты очевидны, но их перевешивает тот факт, что поэты выбрали польский язык как основное средство творческого созидания. Это имело патриотическую основу, «ибо язык относится к прочнейшим узам рода человеческого... язык славянский настолько древний, насколько и распространенный», — пишет Мончиньский в «Лексиконе» (1564). Польские писатели отказались от пятисотлетней языковой унии с поэтами Европы. Таким образом, категория новизны в отношении языка становится парадоксальной: старый, но обновленный язык выигрывает в столкновении с новшествами (привносимым на латыни) и сам становится новостью.

2. Новые фабулы — романы в первой половине XVI в. вытеснили мало известные ныне повести, рассказываемые гуслярами; они исчезли почти без следа (определенным заменителем отмирающей польской эпики была «Хроника» Меховского, 1453—1523).

3. Мы хвалили Рея, любим Кохановского за строгий отбор и использование старых форм для новых потребностей.

4. Когда мы говорим об активном усвоении новых жанров, образов и форм в период влияния как польской, так и латинской поэзии, категория новизны переплетается с понятием «чужого» и вопросом, прочно ли вошли привнесенные идеи и формы в польскую культуру. Судьба этих адаптирований была изменчива, некоторые из них были реализованы лишь во времена Просвещения.

5. Наиболее ценные новшества появились в категориях созидания, творчества, т. е. в новых способах распространения текстов (роль издателей) или в созидании новых мыслей и идеалов.

Мы отметили пять элементарных категорий понимания «нового» и «старого» во времена польского Ренессанса. Естественно, что произведения или художественное явление, квалифицируемое как новое, должно быть рассмотрено с этих двух точек зрения. Задавая вопрос о современности мотива, идеи или формы, мы одновременно должны задавать вопрос о месте данного явления в идейной и художественной структуре эпохи. И этот второй определитель всегда является главным.

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОЛЬШЕ XVI В.

А. Гейштор

Истоки современного восприятия мира, его природы, его освоения людьми сейчас и в прошлом появились в польской общественной мысли уже в XV в. Полемика о месте Яна Длугоша в истории историографии выявила и развила те мотивы его труда, которые свободно можно принять за предренессансные, а именно: его прагматические предположения, связанные с политическими потребностями Королевства Польского; подражания Титу Ливию; его высокую научную базу, не имеющую предшественников и реализующую новые историографические требования — от расширения круга источников до признания за географией роли необходимой составной части при описании истории народов. XVI век развил историческое творчество в принципиально новых интеллектуальных условиях.

Благодаря достижениям польской исторической науки последнего двадцатилетия, начиная от научной сессии «Возрождения в Польше» (1953), благодаря новому синтезу истории польской науки 1970 г. обновилась наша знания о смысле науки в XVI в., а также о своеобразии историзма той эпохи. Историческим воззрениям людей XVI в. на окружающую их действительность посвятил прекрасные исследования Станислав Хербст, которого так не хватает польской исторической науке. Вспомним, что рождавшееся в то время чувство исторической перспективы Хербст приравнял к появившейся тогда же в живописи пространственной перспективе. Глубокая мера времени истории изыскивалась благодаря выделению великих эпох, благодаря интересу к последовательности событий. Другими особенностями творчества в описании прошлого были исторический реализм, увлечение правдоподобным воссозданием хода событий вплоть до редчайших подробностей, чтобы излагать деяния «*uti gestae fuerint*» (как они были содеяны), — так задолго до Ран-

ке определил цель истории ее теоретик XVI в. Франческо Робертелли. Реализм этого рода требовал нового отношения к источникам: стали необходимы их собирание, публикация, критика, сопоставление. Обстоятельнейшим образом устанавливались координаты времени и пространства. Критическое отношение к источнику приобретает черты полемики и защиты, характеризуется поиском противоречий и неточностей, опровержением аргументации предшественников. Наряду с крупными панорамными историями мира и государств — продолжением соответствующих начинаний средневековья, но с новой формой и содержанием — во весь голос зазвучала новая история, современные события привлекались историками для изучения политики прошлого и настоящего. Одновременно усиливалось пристрастие к античной исторической прозе, в которой для просвещенных современников заключались залежи информации о людях, об их поведении, внешности. Из чтения греческих и римских авторов и передовой итальянской историографии создалось убеждение, что история есть занятие доступное и прекрасное, облагораживающее человека, обучающее его политике вообще, необходимое в общественной деятельности.

В Польше эти идеи пришлось по вкусу достаточно широкому кругу людей. Это были читатели, заинтересованные также в польской историографии, ожидающие ее проявлений, высказывающие свои пожелания в этом направлении. В посвящениях к историческим трудам, созданным в XVI в., мы видим имена королей, магнатов, шляхтичей, горожан; вырисовывается также если не покровительство, то во всяком случае интерес учебных заведений, польских и иностранных, к культивированию истории. XVI век дал нам историков разной величины. Они ставят различные задачи, прежде всего не только продолжение, но и адаптацию труда Длугоша, потребного новым поколениям. Такой дорогой пошли Матвей Меховский, Юст Людвиг Деций, Бернард Ваповский и самый известный среди них — Мартин Кромер, который в рамках гуманистического канона дал миру и Польше обобщающий труд «*De origine et rebus gestis Polonorum*» («О происхождении и истории поляков», 1555). Во второй половине столетия наряду с историками Станиславом Сарницким и Яном Хербуртом, писавшими по-латыни и ориентировавшимися на просвещенные круги, появляются та-

кие, которые пишут на польском языке. Их возглавят Матвей Стрыйковский, Мартин и Иоахим Бельские. Известно, что именно это направление найдет внимательных читателей и в Литве, и в Москве. Работы А. И. Рогова, освещающие роль Стрыйковского в русской и украинской историографии вплоть до XVII в., особенно благодаря переводам, избавляют нас от характеристики его влияния. Уже в XVI в. появились переводы Хроники Бельского; русский автор Хронографа второй редакции (1617) использовал ее для расширения своего кругозора в отношении к западным монархиям.

В той же мере, что и синтетические труды — пособия по истории всеобщей и польской, активной оказалась новейшая история. Наряду с уже упомянутыми именами были и такие, которые связываются исключительно с созданием историй современных: Станислав Ореховский, Святослав Оржельский, Рейнольд Гейденштейн, Кристоф Варшевицкий, Андрей Патриций Нидецкий, Ян Димитр Соликовский. Они пользовались успехом, некоторые имели хлопоты цензурного характера. Новая история в представлении писателей и публики учитывала также и географическое обрамление событий: зарисовки польской и восточноевропейской региональной географии, начиная с известного и такого оригинального по замыслу и исполнению описания Длугоша, создавали Меховский, Кромер, Стрыйковский и Александр Гваньини. Некоторые из них нашли читателей и переводчиков в России того времени.

Вполне естественно, что именно их творчеству уделили больше всего внимания исследователи польского Возрождения. Но историческая культура в ягеллонских государствах XVI в. складывалась наряду с читаемыми от случая к случаю иностранцами работами из области всеобщей истории — итальянскими или немецкими — еще и из другой, в то время высокоценимой области знаний — классической историографии, греческой и римской, интеллектуальное значение которой трудно переоценить. Античное творчество, воскрешенное и распространяемое гуманистами, было исследовано учеными XVI в., более сведущими в филологии и литературоведении. Среди них Андрей Патриций Нидецкий занял прочное место как собиратель фрагментов Цицерона. Известный в Краковском университете Бенедикт Козьминьский издавал Цицерона,

Лукиана, Непота и Плиния. В середине XVI в. в этом университете комментировали Геродота, а в конце столетия Андрей Кохановский принялся за переводы Тита Ливия. Римское право, другой источник знаний об античной истории, имело своих постоянных преподавателей и исследователей в Кракове, Вильно, Торуне и Замостье; они немало писали и публиковали. Высокой волной наплывали также заграничные издания классиков, составляя основу польских гуманистических библиотек. В этих книжных собраниях исторический отдел великолепно представлен не только среди книжек специалиста — Матвея Меховского, где не отсутствовало ни одно из великих имен творцов античной истории, но также и в библиотеке просвещенного знатока культуры, каким был Петр Томицкий, епископ краковский и подканцлер коронный; обращает внимание широта его исторических интересов — от Саллюстия до Энея Сильвио Пикколомини; труды этих писателей часто имеют маргиналии владельца.

Таким образом, во время чтения книг древних и новых авторов, при создании собственных исторических произведений формировались взгляды на задачи истории. Кто их формулировал? Новая и новейшая историография приучила нас к высказываниям профессиональных историков об основах их знаний и о научных целях. Известно, что между уровнем их исторических трудов и теоретико-познавательными размышлениями часто бывает значительный разрыв; не все историки чувствуют обязательность таких высказываний. Одной из задач истории исторической науки является определение методологических воззрений наших предшественников из текстов, которые не выявляют открыто теорию исследовательского метода. Уже неоднократно пытались определить базу различных польских историков XVI и частично XVII в. с помощью анализа их работ. В последнее время к этой задаче подошли другим путем — путем анализа старопольской исторической этики, что для определения уровня и содержания исторической культуры имеет значение открытия.

Но ведь в старопольском периоде, главным образом в XVI—XVII вв., были сугубо индивидуальные формулировки теории истории, созданные с большой степенью осознания методов и целей. Ни одна из них не вышла, однако, из-под пера писателя-историка, который был профессионалом либо во всеобщей или народной истории,

либо в истории новейшей, современной. Авторами таких методологических заметок были у нас — и, вероятно, так было и в других местах — не создатели исторических трудов, а скорее их внимательные и критически настроенные читатели. Это были авторы, которые собирали не методологические высказывания, как писать историю, а мнения о нуждах и потребностях читателей исторических трудов. Это были очень высокого уровня собрания высказываний, как и что читать в области истории, пособия по полезному чтению, не исключаяющие и то, что теперь можно бы назвать технологией умственного труда.

Такая оценка их творчества ни в чем не уменьшает его культурного значения, но придает ему иное измерение, которое такие наши современные, очень компетентные исследователи, как М. Хандельсман и Х. Барыч, заслонили общими рассуждениями об их теоретико-познавательной ценности. Присмотревшись к этим текстам, убеждаешься, что они представляют собой прежде всего руководства по основным трудам античной историографии. Привлекаются сюда и наблюдения из иной историографии; есть некоторые нормативные положения (как должен выглядеть исторический труд), но главное внимание сосредоточено на пользе чтения историков античности.

В Польше эту серию начинает в 1557 г. сжатая и содержательная работа Станислава Иловского «*De historica facultate libellus*» («О возможностях исторической науки»), присоединенная к его переводам греческих писателей Деметрия Фалеронского и Дионисия Галикарнасского. Вся книга была посвящена одному из меценатов польского и литовского Возрождения Николаю Черному Радзивиллу. Автор книги, воеводич плоцкий, в год ее издания побывал в Краковском университете, быть может, съездил в Падую, пожил в Базеле и Париже. Собирает материалы для ненаписанного трактата «*De perfecto historico*» («О совершенном историке») и в уже упомянутой книге издал часть их материалов, а именно текст Дионисия Галикарнасского, сопоставляющий произведения нескольких античных историков, а также трактат современного падуанского маэстро Франческо Робортелли «*De facultate historica*» («О возможностях истории», 1548), что не освободило его от собственных заметок на ту же тему. Двадцатилетний автор сумел совершенно самостоятельно осмыслить задачи и состояние

истории как предмета творчества; разграничил морально-вспомогательные и формальные требования, поставленные перед историей Робортелли. Создавая собственный текст для воеводича Яна Тенчиньского, встреченного на занятиях в Париже, Иловский составил для него — и для себя как автора задуманного трактата — собрание не самых глубоких заметок об истории.

Прочитывая известные Цицероновские определения истории как свидетеля времени, светоча правды, жизни памяти, мастера жизни и посланца прошлого, Иловский отважился на собственное определение: «История есть описание простое вещей, происшедших публично или частно, с соблюдением определенного порядка и времени, преследующее одну или несколько целей». Иловский отказался здесь от той дефиниции Робортелли, по которой историческое произведение должно излагать дела, «как они были», чтобы извлечь из этого пользу. Этот отказ не был, как мы увидим, случайностью. Предложенная Иловским простота изложения должна достигаться языком ясным, не шершавым, не ораторским, а скорее таким, которым «пользуются математики» — «*potius est quae est mathematicosum*» (лучшее есть то, что математично); в этом есть какое-то поражающее пророчество: надо было ждать второй половины XX в., чтобы появилась историческая проза, которой добивался Иловский. Оригинальным, во всяком случае не робортеллевским, замыслом были девять изложенных совершенно нормативно принципов исторического труда, в которых легко угадываются выражения, заимствованные автором из текстов античных историков. Вот они: 1) не включать в сочинение лжи и вымыслов; 2) не умножать похвал властителям и не возносить до небес собственные деяния, не отягощать ложью поступки врага и не умалчивать, если он совершил что-либо славное; 3) не употреблять превосходной степени, не вводить неправдоподобное — это дело не историка, но поэта; 4) не забавляться лестью; 5) не насыщать рассказа растроганностью; 6) не производить суда, поскольку оценку поступков людей прошлого надо оставить читателю; 7) не окружать похвалами и не забрасывать оскорблениями; 8) не вдаваться в споры с предшественниками о правдоподобии; 9) не извлекать поучений из описания событий прошлого, ибо устанавливать жизненные правила принадлежит к обязанностям фило-

софа-моралиста, но не историка. Иловский не нашел места для изложения того, что он понимает под материей истории, это должно было попасть в задуманную им книгу об идеальном историке, но дал несколько классификационных указаний. Он высказался за хронологическую последовательность по отношению к принятому счету времени (теперь, как он пишет, — от рождения Христа), но с соблюдением определенной последовательности событий, отсюда: «если пишешь о делах польских, не включай в свою историю войн, проводимых Москвой, если они не касаются поляков». Вслед за Полибием Иловский признает четыре вида исторических трудов: 1) всеобщая история, 2) всеобщая в отношении к одной проблеме, 3) частная, например одной войны, 4) история славных мужей. Три последних вида иллюстрирует трудами Тита Ливия, Диктуса и Валерия Максима, первый же — именем Себастьяна Мюнстера. Внимание автора привлекает история войн, здесь он советует следовать примеру Полибия в рассмотрении причин, возможностей и истоков каждой войны.

Наконец, идут указания дидактическо-библиографические, что читать и как читать. Рекомендованы античные авторы в следующей последовательности: Геродот, Фукидид и Ксенофонт для греческой истории; Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, а также Дион Кассий — для римской; для древней же истории порядок иной: Геродот, Диодор Сицилийский и Юстин. Автор указывает историков нового и новейшего времени: Венеции — Марка Антония Коччи, прозванного Сабелликом, Рима — Паоло Джовьи, уже упомянутого Мюнстера. А как читать их с пользой? Автор требует от читателя труда: составлять листы для каждого консульства, где отмечать, что можно прочесть на античных мраморах и что пропустил Ливий, сопоставлять тексты, относящиеся к консульствам и времени других правлений, фиксировать факты, наконец, их группировать в соответствии с «*locos virtutum communes*» (общими местами доблестей), т. е. как бы в соответствии с принятыми стереотипами.

Практицизм Иловского, его здравый мазовецкий ренессансный рассудок определяют его поведение по отношению к старым и новым авторитетам. Он осознал, что в теории истории был лишь вторым после Робортелли писателем на эту тему. История остается для него важ-

мым воспитательным средством и очень полезным источником информации для текущей жизни, настолько, что он разумно признает непригодность дословного восприятия термина «*magistra vitae*» (наставница жизни) по отношению к истории. Наверное, справедливо отметил в нем М. Хандельсман «деликатное разграничение задач между философией морали и историей, выходящее за пределы своего века». Добавим, что у Иловского так же просто и разумно разграничение задач музы Клио и музы Калиоппы.

Из сравнения с Иловским следующего теоретика истории вытекает, что существовало также иное течение размышлений над историей и чтением исторических писаний, размышлений прежде всего о направлении риторично-воспитательном. В ближайшие годы после публикации наблюдений Иловского появились труды Жана Бодэна и другие, в большинстве изданные в базельском собрании «*Artis historicae penus*» («Сокровищница исторического искусства», 1574, 1579), где это качество преобладает. Выписанный Стефаном Баторием в Краков итальянский историк Дживованни Микеле Бруто написал и обнародовал здесь в 1583 г. свои послания знаменитым современникам, посвященные Яну Замойскому, и, кроме того, трактат «*De historiae laudibus*» («О похвале истории»), посвященный королю, чьи гуманистические интересы хорошо сочетались с литературно-пропагандистскими способностями. Главный труд, порученный Бруто, — история венгров — остался неоконченным, а речь в похвалу истории стоит слишком далеко от творчества историка. Написанный изысканной латынью по приказу короля, этот трактат имеет целью, как это сформулировано в полном титуле, указать «дорогу и идею, как надо читать писателей». Его «Похвала истории» — не что иное, как обильный набор примеров, почерпнутых почти исключительно у античных историков; случайно тут появился современный писатель — Никколо Макьявелли; в отступлениях есть несколько замечаний о продажных историках, а также о необходимости держать историков при дворах властителей, о собственной, Бруто, истории Флоренции, несправедливо оцененной критиками. Эта риторичная работа оставляет ощущение, что автор не пошел дальше убеждения в практической полезности истории как указателя жизненной и политической дороги.

Иначе обстоит дело со следующим писателем, дебют которого (университетская речь, произнесенная по поводу окончания курса в Гейдельберге в 1604 г.) касался теоретических размышлений. «Oratio de studio historico» («Речь об историческом исследовании») Яна Фирлея — работа, в которой не только отразились усилия старательно учебного каштеляничя и его воспитателей, чьи имена названы на листах посвящений, но и сверх этого «наросла» литература предмета. Фирлей начал со стандартной еще в конце XVI в. похвалы истории как вещи, необходимой «ad prudentiam politicam acquirendam» (для обретения политической мудрости). Признал ее за занятие всесторонне замечательное, занимательное, полезное и простое; и все это в сравнении с философией и поэзией. Ему попалось такое неоригинальное высказывание, что лишь благодаря истории мы не дети, но зрелые мужчины. Только история может предостеречь от бед, в которые попадали Платон и Аристотель, а также Овидий. Автор рекомендует ее теологам, юристам, политикам, врачам и философам как основу их знаний. Стандартным высказыванием, переписанным Фирлеем, является положение о двух глазах истории — географии и хронологии. В то же время более самостоятельными представляются рассуждения о воссоздании хода событий, возможном благодаря изобретательности историков, переходящих от истории церковной к светской, а последней — от всеобщей к истории отдельных народов. Он знает древние дефиниции, ценит моральную значимость истории; но и у Фирлея видны элементы точки зрения, близкой Иловскому; и для каштеляничя история — запись явлений от начала мира, достойных памяти, зафиксированных письменно, как бы заповедь культивирования истории прежде всего для познавательных целей. Это не мешает Фирлею закончить свою речь сопоставлением известных властителей от Александра Великого до Карла IV и Сулеймана.

Без сомнения, известнейшим трудом в интересующей нас области было опубликованное посмертно в 1610 г. собрание гданьских лекций известного философа и педагога Бартоломея Кеккермана, аудиторию которого долгие годы заполняли слушатели из Пруссии и Короны. Убежденный сторонник того, что мы сегодня называем науками политическими, он требовал включения в их число истории: «без методично проводимого чтения истори-

ческих трудов нельзя дойти до политической предусмотрительности и благотворных для страны дел». От наивных советов, как черпать из истории примеры поведения, Кеккермана отделяет философское сознание, опирающееся на гигантскую литературу, также историко-методологическую. «Когда надо дать какие-либо советы Польской Речи Посполитой,— пишет он,— надо сравнить ее с республикой Спартанской, Римской, Венецианской и другими, а после сравнения форм, которые в них находим, можем дать какой-нибудь спасительный совет Польской Речи Посполитой». Знаем, что так понятый метод сравнения он предлагал также своим ученикам, среди которых Миколай Сеницкий писал о государстве Спарта, сопоставляя ее с Польшей. Трактат Кеккермана имеет титул «De natura et proprietatibus historiae commentarius» («Рассуждения о природе и свойствах истории») и все черты профессиональной работы из области наукопознавательной, написанной, как и многие другие в этой области, профессиональным философом. В последнее время он был по достоинству оценен Брониславом Надольским, который не без основания выявил прежде всего современность кеккермановского определения истории как науки: «История для него — это выяснение и познание явлений всесторонних или единичных с целью отчетливой понять и установить из них обобщения». Требование «universalia ex singularibus» (от частного к общему) — а это отчетливо высказанный путь индукции — в самом деле ставит гданьского профессора в круг терминологическо-идеологического спора, проводимого триста лет спустя. Остроумные наблюдения он высказывает также о квалификации историка, о несовершенстве и противоречивости суждений, об отборе материала, о классификации истории; с изумлением находим здесь постулат интегральной истории, называемой Кеккерманом универсальной, где находилась бы также история школы, права, грамматики, философии, риторики, медицины, механики, архитектуры, живописи, скульптуры, печати. Эти замечания часто производят впечатление мыслей, приходящих автору под влиянием очень широкого круга чтения, для систематического курса их было наверняка слишком много, а главное, что важнее всего, ему не хватало опыта историка. В особом приложении он поместил что-то вроде указателя литературы, где преобладают современные авторы, среди них значи-

тельное число польских, не без кислых замечаний о Скарге и Варшевицком. Надо добавить, что труд Кеккермана и он сам были слишком быстро и основательно забыты, хотя влияние его работы (однако без его трезвости и свежести) будет заметно еще в двух других профессорских трактатах: одном — Конрада Гразера из Торуня (1623), другом — Иоахима Пастора из Ельблонга (1651).

Забвение не стало уделом Симона Старовольского, который также претендовал на собственную «святыню истории». Его «*Penu historicum seu de dextra et fructuosa ratione historias legendi*» («О правильном и плодотворном чтении истории», 1620) создает, однако, впечатлительные абсолютно дилетантские, хотя автору нельзя отказать в живости и оригинальном популяризаторском таланте. Книжечка, посвященная просвещенному львовскому советнику Яну Альпиху-Алембеку, щедро использует нескольких названных по именам авторов — среди них и Кеккермана, — «*de methodo historica scribentes*» («пишущих об историческом методе»), и является доступной компиляцией их взглядов. Старовольский не подвергает сомнению практическую пригодность истории, понимая ее иногда очень узко (он советовал заниматься сбором цитат из литературы — «*collectio dictorum*»), иногда слишком широко (ставил в пример великого коронного канцлера Феликса Крыского, который, даже сидя в Сенате, не расставался с Тацитом). Высоко ценил он воспитательные достоинства истории для молодежи и информационные — для многих отдельных специальностей. Вслед за учебником Юста Лисия — Яном Бернартом Старовольский принял моралистическую позицию: история для него — «правдивое изложение событий, уверенно управляющее поступками и жизнью людей», что помещает его скорее в русло течения риторично-дидактического, и то в достаточно упрощенном его варианте. Не отсутствуют у него оригинальные наблюдения, как-то: «*ex fama scribunt et relatione praecipue moderni historici*» (современные историки пользуются преимущественно слухами и реляциями); «нет нужды для исторической правды, чтобы все историки сталкивались между собой». Но как классификация истории Старовольского, так и его советы о способе чтения и записи исторических известий свидетельствуют о потребительской, нетворческой точке зрения автора в той отрасли знаний, к которой он сам мог при-

общиться, как мы видим, только антикварным изданием.

Предложенный обзор старопольских очерков по методологии истории показывает их уровень по отношению к современной продукции и непрерывное увеличение их числа в стране, где потребность в истории как в вещи, всемерно политической, в образованных кругах была всеобщей. Их положения уже не имеют философского или методологического значения, но вопрос: имели ли они влияние на читателя в XVI—XVII вв., остается открытым. Трудно ответить на этот вопрос, так же как трудно определить влияние исторической прозы в тот период, не доведя до конца уже предпринятых исследований о ее восприятии читателями. Неизвестно, читали ли поляки золотого и серебряного веков, пользуясь указаниями Иловского или Старовольского, доходили ли до их сердца и разума советы Фирлея или Кеккермана. Представляется, однако, достаточно убедительным, что их заинтересованность теорией исторической литературы — повторяем, скорее литературы, чем творчества, — была достаточной, чтобы в каждом последующем поколении вызывать высказывания по этой тематике. Каждая из этих работ содержала определенное число суждений, разделяемых последующими поколениями историков, а именно: о связи между наукой истории и современной жизнью, о воспитательной ценности истории. Кроме профессиональных сложностей науки истории, создаваемой «для себя самой», эти суждения остались в силе до сегодняшнего дня. Поэтому и стоило вспомнить гуманистические и ренессансные корни взгляда на нашу профессию и наши знания.

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ XVI В.

Л. В. Черепнин

Политическая история России в XVI в. всегда привлекала к себе внимание исследователей, ибо это столетие — важный этап в процессе ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованного государства. Только за последние десять с небольшим лет вышел целый ряд фундаментальных работ советских ученых, посвященных данной проблеме. Это монографии о княжении Василия III (А. А. Зимин)¹, о первом (доопричном) периоде царствования Ивана Грозного (И. И. Смирнов², А. А. Зимин³, Н. Е. Носов)⁴, об опричнине (С. Б. Веселовский⁵, А. А. Зимин⁶, Р. Г. Скрынников⁷), о русской государственности времени Грозного (С. О. Шмидт⁸).

Авторы перечисленных выше монографий по-разному определяют форму государственности на Руси в царствование Грозного. И. И. Смирнов переносит на XVI столетие формулу, которой В. И. Ленин пользовался для XVII в. при сопоставлении его с XVIII столетием: самодержавие с боярской думой и боярской аристократией⁹. Р. Г. Скрынников считает, что русское государство XVI в. было самодержавной монархией с аристократической боярской думой лишь до земского собора 1566 г., а с этого времени пошло по пути превращения в сословно-представительную монархию¹⁰. По мнению А. А. Зиминой, Россия первой половины XVI в. представляла собой сословную монархию, а с 1549 г. (когда был созван так называемый «собор примирения») превратилась в сословно-представительную монархию¹¹. Согласно точке зрения Н. Е. Носова, в 50-х годах XVI в., в период избранной рады, в России сложились устои сословно-представительной монархии и в годы опричнины в стране установился режим военно-феодальной диктатуры дворян-крепостников¹². С. О. Шмидт полагает, что как в западноевропейских странах развитие парламентаризма проис-

ходило наряду с укреплением абсолютистских начал в государственном строе, так и в России в XVI в. первые сословные учреждения (земские соборы) оформляются тогда же, когда становятся заметными первые признаки абсолютизма¹³.

Не ставя задачей рассмотрение проблемы о форме государства в России XVI в. в целом, я хотел бы коснуться только трех моментов: 1) о смене и преемственности политических органов времени, предшествующего объединению русских земель, и периода образования централизованного государства; 2) о характере первых соборов; 3) о сословно-представительной монархии и опричнине.

С. О. Шмидт не без основания отметил «прочность традиций сословного представительства» в России и указал в качестве отдаленного предшественника соборов XVI в. на древнерусский княжеский «снем»¹⁴. Термин «снем» применительно к Московской Руси XIV—XVI вв. летописи, как правило, не употребляют. Они говорят о княжеских «съездах», собирающихся по мере надобности и рассматривающих вопросы, общие для ряда княжеств или для ряда уделов одного княжества.

Конечно, было бы неправильно устанавливать непосредственную связь или отношения преемственности между княжескими съездами и последующими земскими соборами. Перед нами явления разнородные. В одном случае — это институт, регулирующий политические взаимоотношения в пределах средневековой федерации, состоявшей из отдельных княжеств; в другом — сословно-представительный орган единого централизованного государства. В одном — собрание разных князей-правителей эпохи раздробленности со своими боярами, в другом — совещание правительства объединенной Руси с сословными представителями. Поскольку «съезд» («снем») и «земский собор» были институтами не просто разновременными, но характерными для разных форм феодального государства, отмирание одного подготавливает условия для зарождения другого.

Государственным органом при князе любой русской земли XIV—XV вв. был, как хорошо известно, совет (или дума). О составе совета судить по лаконичным и, вероятно, не всегда точным летописным заметкам трудно.

Возможно, этот совет не был стандартным, менялся. Имеются такие варианты: князь советуется «с своими боляры»¹⁵, «з братьею и з боляры»¹⁶, «с отцем своим митрополитом, и с матерью своею великою княгинею... и з братиею, и з боары своими...»¹⁷, «с владыками и з боары»¹⁸, «с отцем своим митрополитом... и с прочими святители и з боары своими»¹⁹, «с отцем своим митрополитом... и с своею братьею, и с прочими князьями русскими»²⁰. Как видно, совещания были и более и менее узкие, и с участием церковных иерархов, и без их участия.

С образованием единого государства, с отмиранием съездов (снемов) как формы междукняжеских политических отношений дума (совет) при московском великом князе становится общегосударственным органом. Она унаследовала функции как древнерусского «снима»-съезда, так и княжеского совета периода раздробленности. Это подняло ее над обоими институтами и сообщило ей значение представительства высшего феодального сословия «земли». В условиях единого государства дума делается ядром нового представительного органа — земского собора.

В XV в. приходил в упадок и институт третейского княжеско-боярского суда — система решения межкняжеских споров путем передачи их на рассмотрение выбранного обеими сторонами судьи: митрополита, князя, бояр.

Исчезновение третейских княжеско-боярских судов как следствие ликвидации раздробленности имело противоречивые результаты. Прежде всего оно означало единовластие великого князя (царя), стоявшего во главе «дръжавы великыя Росиа»²¹. Со своими противниками Грозный расправлялся сам, без суда подвергая их опале и казни, чтобы «замятни и волнения не было»²². Но была и другая политическая линия, которая проявилась в деятельности земских соборов. Вспоминая в послании Курбскому боярское «сопротивление» и «проступки», царь подчеркивал, что затем было достигнуто «примирение»: «...во всем в том простихомся... и впредь того не вспоминати...»²³. Здесь, как и в третейском суде, — противопоставление произвола феодальному праву. Только третейский суд разбирал дела межкняжеские и межбоярские, Грозный же говорит о взаимном прощении: боярами — «содеянного» царем и последним — «сопротивления» и «проступков» бояр.

Конечно, в послании царя превалируют социальная тактика и фразеология. Но речь сейчас не об этом, а о том, что институт княжеско-боярского третейского суда оказал воздействие на формы разбора на соборах середины XVI в. социально-политических конфликтов в среде господствующего класса.

Великокняжеская власть относилась отрицательно к вече и потому, что оно являлось орудием, используемым феодалами отдельных русских земель в их борьбе против государственной централизации, и потому, что оно не раз делалось ареной народных выступлений. Но в то же время вече было местом, где князья или их посланцы могли непосредственно встречаться с представителями различных общественных групп, узнавать их потребности, выступать перед ними с декларациями, проводить свою политическую линию.

Много написано и высказаны различные точки зрения по вопросу о взаимоотношении земского собора и вече. Но как бы этот вопрос ни решать, бесспорно, что земские соборы ведут свое начало примерно с того времени, когда вече прекращает существование.

Централизованной монархии вече как государственный орган было не пужно. Но ей нужен был другой институт на смену вече и взамен его: сословно-представительный орган (соответственным образом классово сформированный), который поддерживал бы политику власти, через который власть узнавала бы об общественных запросах и обращалась бы к обществу. Таким институтом и явились земские соборы²⁴.

Решению некоторых вопросов, связанных с историей земских соборов, могут, думается, помочь наблюдения над организацией военных сил в период складывания русского централизованного государства. Указание на совещание типа земского собора иногда видят в летописном рассказе о подготовке Иваном III похода на Новгород в 1471 г.

Так, согласно летописи, московский великий князь «возвещает» митрополиту Филиппу, своей матери великой княгине Марье «и сущим у него бояром его» о намерении «пойти на Новгород ратью». Затем он «разосла по братью свою, и по вси епископы земли своея, и по князи и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воа свои», и «вси снидошася к нему». Таким образом, собрался большой совет:

светские феодалы разных рангов, духовные иерархи, представители «земли», а также крупная военная сила. Иван III изложил прибывшим свой план, и они, «мыслившие о том немало», одобрили его²⁵. Было ли это совещание с руководящими лицами государства и с военным командованием, или же великий князь обращался непосредственно к войску (могло быть и то и другое), голос «земли» (в сословно-ограниченном понимании: бояре, дворяне) прозвучал.

Предпринятая Иваном III попытка заручиться поддержкой «земли» накануне выступления общерусского значения представляла собой нечто новое по сравнению с предшествующей практикой. Показательна летописная повесть о походе 1469 г. (бывшем на два года ранее новгородского). Иван III «посла на Казаньские места рать в судех» во главе с воеводой К. А. Беззубцевым, «а с ним многие дети боярские, двор свой, так же и от всея земли своя дети боарские изо всех градов своих, и изо всех отчин братии своею потому же». Рать должна была явиться в Нижний Новгород. Туда же из Москвы князь направил представителей торгового населения: «сурожан, и суконников, и купчих людей, и прочих всих москвичь, кои пригоже, по их силе...» Беззубцев получил великокняжескую грамоту и прочитал ее «всем князем и воеводам: кто въсхочет итти воевати Казаньские места по обе стороны Волги, и вы пойдете, а к городу Казани не ходите». «Вои», прослушавшие грамоту, отвечали: «все хотим на оканных татар». Это — приказ (или воззвание) верховного правителя войску, доведенный через командный состав. Хотя в числе участников похода — представители разных сословий (в том числе и купеческого), здесь отсутствует элемент совещания князя с «землей», но налицо стремление правительства узнать настроение «воев» и договориться с ними.

Таковы некоторые данные о трансформации государственных органов в период ликвидации политической раздробленности. Переходя теперь к характеристике самих земских соборов, мы, естественно, прежде всего должны затронуть вопрос об определении этого понятия. Задача затрудняется тем, что в памятниках XVI в. термин «земский собор» не встречается. Отмечая это, Н. И. Павленко

пишет: «Однако неустойчивость и нечеткость терминологии у современников не освобождает историков от необходимости ее уточнить и оперировать научными понятиями, в которые вкладывается определенное содержание». «Без дефиниции земского собора, совещания соборной формы и т. п. спор о земских соборах XVI в. может стать беспредметным», — продолжает Павленко.

С. О. Шмидт возражает в полемике с Н. И. Павленко против попытки «конструировать как бы типический земский собор на основании фактов, относящихся к истории соборов XVI—XVII вв., созданных при различных и отнюдь не схожих обстоятельствах»; «Историю соборов можно изучать только в теснейшей связи с конкретно-историческими обстоятельствами. При этом желательно было бы в определенной мере отрешиться от представлений о заранее якобы известной модели земского собора, а также его дефиниции»²⁶.

Думается, что и Н. И. Павленко, и С. О. Шмидт правы каждый по-своему. Нужно познание как конкретной эволюции учреждения, так и его типологии (во времени и пространстве). И методика изучения этой проблематики не может быть единообразной. Изучать явление необходимо в историческом развитии, но иногда знание его более зрелых форм помогает раскрытию форм зародышевых. Дефиниции также необходимы, только их роль на разных стадиях процесса исследования различна: вначале это предварительное рабочее орудие, помогающее разобраться в многовариантности исторической действительности, в итоге — социологическое обобщение, сведение в теоретическую модель обследованных вариантов.

С. О. Шмидт прав, говоря, что термин «земский собор» является научным обобщением. Он не характерен для XVI в. и редко употребляется в XVII столетии. Документы XVII в., трактующие о созыве земских соборов, чаще говорят просто «собор», «совет», «земский совет»²⁷. Это терминология не исследователей, а документов. Как же ее смысл?

Слово «земский» в XVI в. значит «государственный». Отсюда «дела земские» — государственные дела «Устроение (строение) земское» — государственное строительство, устройство. Иногда «земские» дела противопоставляются «воинским» или «ратным». В таком контексте различаются акции гражданские и военные. Иногда слово

«дело» встречается в сопровождении двух прилагательных: «земское» и «государство» (государское), как соединенных союзом «и», так и без него. Очевидно, значение этих терминов одинаковое — «государственные дела». Употребление же их вместе для обозначения одного понятия объясняется тем двойственным содержанием, которое в это понятие вкладывается: государственное дело есть дело одновременно и царя, и «земли» — правительственное и общественное. Такова политическая теория феодальной монархии.

Ту же терминологию мы находим и в документах о земских соборах XVII в.: выборные приезжают «для нашего (царского) великого и земского дела», для «государева и земского дела», для того чтобы «исправить и земля устроить»²⁸. Таким образом, для современников земский собор — это совещание представителей «земли», посвященное государственному строительству: «совет» «о устроении земском», «о чинах, судах и управах земских». Вот, по-моему, наиболее общая дефиниция земского собора, если попытаться представить себе образ мышления людей XVI—XVII вв. Но она вполне приемлема и как наиболее широкое обобщение в научных целях, если, конечно, раскрыть ее классовый смысл. Что касается состава, форм, полноты представительства, то это уже величины переменные, которые нельзя вводить в основное определение земского собора. Они зависят от конкретных условий.

Переходя теперь к термину «собор», надо сказать, что в XVI в. он обычно употреблялся для обозначения корпорации высших духовных иерархов («освященный собор») или совещаний духовенства (в которых могли участвовать, а иногда и играли видную роль великий князь — царь и его приближенные). Терминология здесь довольно устойчивая.

О вынесении решения «соборно» говорили применительно или к постановлению церковного собора, или к решению (мнению) духовенства, принимавшего участие в каком-то земском «совете».

Совещание светского характера обычно в источниках XVI в. называется «советом». Поэтому, вероятно, правильнее было бы говорить о «земских советах», а не соборах, тем более что такая терминология встречается и в документах XVII в. — времени расцвета сословного пред-

ставительства. Однако нет надобности менять сложившееся словоупотребление, ибо это не вызывается принципиальными соображениями. Гораздо важнее, мне думается, дать классификацию тех совещаний середины XVI в., которые подводятся в литературе под понятие земских соборов или обозначаются менее четкими терминами: совещания соборной формы, расширенное заседание «думного собора», «импровизированный» земский собор и т. д. Критериев классификации может быть, по-моему, несколько: 1) цели собора или содержание его работы, 2) характер представительства, 3) происхождение или генетическая связь с учреждениями предшествующего времени.

Исходя из характерного для XVI в. понимания «земского дела» как «строительства», установления «чинов, судов и управ», вероятно, прежде всего надо выделить по целевому признаку (содержание работы) соборы, занимающиеся вопросами общегосударственными, так сказать, большой политики. Это прежде всего собор 1549 г. Я не ставлю сейчас вопроса (вызвавшего и большую дискуссию и значительные источниковедческие изыскания) о соотношении известия Продолжения Хронографа редакции 1512 г. об этом соборе²⁹ и имеющейся в тексте речи Ивана IV (которая помещена в Стоглаве 1551 г.) ссылки на собор «в преидущее лето»³⁰. Об одном и том же совещании (1549) идет речь или о двух (1549 и 1550)? По поводу этого ведутся споры³¹. Но бесспорно, что собор 1549 г. (или соборы 1549 и 1550 гг.) послужил началом больших государственных реформ: изъятия детей боярских из подсудности наместникам, принятия нового Судебника, начала введения земского самоуправления на местах.

С. О. Шмидт выдвинул предположение, что на каком-то «соборе» в 1555—1556 гг. были приняты решения об отмене кормлений, Уложение о службе и подтвержден приговор об отмене местничества. О характере этого совещания он говорит очень осторожно. Это мог быть «думный собор» (т. е. расширенное заседание боярской думы), могло быть и совещание, напоминающее земский собор. При узости источниковедческой базы твердые суждения здесь невозможны, но как гипотеза суждение Шмидта правомочно. Что касается тематического критерия классификации, то на его основе (независимо от состава и ха-

рактера представительства) совещание 1555—1556 гг. может быть отнесено к первой (основной) группе (совещания по «устроению земли», по рассмотрению «земских дел»).

Безусловно, к числу земских соборов как сословно-представительных органов, собираемых для обсуждения общегосударственных («земских») дел, принадлежит собор по вопросу о мире с Литвой 1566 г. Это первый земский собор, от которого до нас дошел подлинный документ («грамота»). В летописи этот документ назван «приговорным списком», причем указано, что участники собора «приговорили» не уступать военному противнику «Ливонские земли городов»³². Это не совсем точно. Выражения «приговорили» в грамоте нет, и составлена она скорее в виде протокола, чем «приговора». Построение документа такое: государь «говорил» (т. е. ставил вопросы) и отдельные сословные группы высказывали ему свое мнение; духовные иерархи — по формуле: «И мы государю своему совет учинили таков», светские представители — по формуле: «И государю нашему... наша мысль...», «...И мы государю своему изъявляем свою мысль...», «И мысль наша то...», «И нам ся видит...»³³. Прежде чем дать ответ царю, сословные группы «говорили» (советовались) между собой. В конце документа — обобщающая статья о рукоприкладстве представителей ряда сословных групп к «своим речам», о печатях, привешенных к грамоте высшими духовными иерархами, о присяге царю светских участников собора.

Эта первая из дошедших до нас грамот земского собора, как можно думать, не была первым юридическим актом такого рода вообще, ибо формуляр ее достаточно разработан. Об устойчивости формуляра можно судить, сравнив акт 1566 г. с летописным рассказом о соборе 1549 г. Построение там такое: царь «говорил» разным группам феодальных сословий (в присутствии освященного собора), те «били ему челом». Тексты челобитной (присяги) 1549 и 1566 г. во многом совпадают.

В особую, вторую группу следует выделить совещания царя с воинами накануне походов. Их иногда сближают с земскими соборами, иногда называют «совещаниями соборной формы»³⁴. Лучше именовать их, как предложил Н. Е. Носов, войсковыми собраниями³⁵. Одно из них подверг анализу М. Н. Тихомиров. Оно происходи-

ло в начале 1550 г. во Владимире, где собралось русское войско, направлявшееся в поход под Казань. По данным Продолжения Хронографа редакции 1512 г., Иван IV, прослушав молебен и обедню в Успенском соборе, обратился в присутствии митрополита Макария с речью к боярам, воеводам, княжатам, детям боярским дворовым и городovým Московской и Новгородской земель с призывом отказаться от местнических счетов на царской службе во время похода.

Конечно, это не был земский собор в том устойчивом смысле органа сословного представительства, который укрепился за этим понятием впоследствии. Совецание не было заранее созвано, проходило в походных условиях. Выступление царя (или митрополита) походило скорее на воззвание, чем на программную речь на соборе, предназначенную для обсуждения. И в то же время термин «совещание соборной формы» применительно к владимирским событиям не случаен. Вопрос, поднятый в выступлении царя,— это дело «ратное», «воинское», но в то же время «земское». Здесь не было специально для данного совещания организованного представительства «чинов», но это было достаточно представительное собрание различных групп феодального класса основных русских земель. Договоренность правительства с войском была достигнута.

Еще интереснее в этом отношении рассказ летописи об одном эпизоде в Коломне во время похода Ивана IV под Казань в 1552 г.³⁶ В Коломне проявили недовольство новгородские дети боярские и стали подавать челобитные, жалуясь на тяжесть службы и долготу пути. Тогда, по словам летописи, Иван IV «прикращает многонародных гласов молву» и велит детей боярских «о нуждах въспросити», обещая тех, кто с ним пойдет, «жаловати и под Казанью перекормити». Убежденные царем воины «отвещаша вси по единому и равногласны: готови с государем...»³⁷. Здесь было не только обращение к войску, но и рассмотрение его челобитий, и царский приговор, т. е. все элементы совещания перед военным походом.

Третью группу соборов составляют такие, на которых разбирались судебные дела. Подобных соборов исследователи насчитывают два: на одном рассматривалось дело Адашева и Сильвестра (1560), на другом — митрополита Филиппа (1568). Источником по истории первого собора является «История о великом князе Московском» Курб-

ского — источник мутный, тенденциозный. Автор язвительно называет судебную коллегия «соборищем» и состав его определяет так: царский «сенат...мирский» (т. е. боярская дума), митрополит, «градские епископы» и какие-то «прелукавые...мнихи»³⁸. Думаю, что правильно будет отнести собор 1560 г. к категории церковных, а активное участие в нем светских лиц — характерное для того времени явление³⁹.

Церковным по своему назначению (предназначенным разбирать духовное дело) был и собор 1568 г., осудивший митрополита Филиппа. В суде участвовали «представители всех духовных и светских чинов»⁴⁰, последнее вызвало резкую отповедь Курбского: «Кто слышал зде епископа от мирских судима и испытуема?»⁴¹

Была, очевидно, еще одна категория собраний, на которых Иван IV обращался с воззваниями или политическими декларациями к людям разных «чинов». До сих пор остается источниковедческой загадкой происхождение вставки в Хрущовскую степенную книгу текста речи двадцатилетнего царя, якобы произнесенной с «лобного места». Что это поздняя интерполяция — доказательств тому достаточно; но просто ли это домысел или в основе сообщения лежит что-то реальное — пока остается спорным. Во всяком случае некоторые политические мотивы, звучащие в тексте вставки (демагогические призывы к социальному миру), перекликаются с мотивами других произведений (речь Грозного на Стоглавом соборе, его послания Курбскому, Степенная книга и т. д.). Это дает право ряду исследователей говорить о реальности подосновы Хрущовской интерполяции и реконструировать выступление (или выступления) Грозного конца 40-х — начала 50-х годов. Эти выступления нельзя приравнять к соборам. Но из практики их формировались и постоянные органы сословного представительства.

Итак, выделяются четыре категории совещаний: 1) общегосударственные (земские), 2) войсковые (ратные), 3) церковные, 4) широкие собрания с выступлениями царя декларативного характера. Это — классификация по общему характеру, целям, содержанию деятельности собраний разного типа.

Тот же вывод напрашивается при подходе к вопросу о классификации соборов с точки зрения характера представительства. Было три пути попадания в состав земско-

го собора: по общественно-политическому положению, по назначению (приглашению), по выбору. Состав общегосударственных земских соборов 50—60-х годов определяли первые два фактора; составные части двух ранних земских соборов (1549 и 1566) — освященный собор и боярская дума по положению, представители феодальных сословий, а в 1566 г. — и «третьего» сословия по назначению.

На войсковых совещаниях правительство обращалось непосредственно к воинам, собравшимся в поход. Это было тоже представительство разных категорий господствующего класса различных земель, причем достаточно солидное. Судя по летописи, на войсковом совещании во Владимире в 1550 г. Иван IV произнес речь, обращаясь к боярам, воеводам, князьям, детям боярским дворовым и городовым Московской и Новгородской земель⁴². Сословный состав этой аудитории такой же, что и земского собора 1549 г. Кроме участников похода, во Владимир прибыли вызванные царем митрополит Макарий и крутицкий архиепископ Савва «со своим собором». В походах бывали и купцы.

Таким образом, войсковые собрания могли стать и становились формой сословных совещаний.

Участие членов правительства, представителей светских сословий в церковных соборах сообщает им характер церковно-земских. Термин этот, относимый обычно к Стоглавному собору 1551 г., может быть применен и к другим церковным соборам.

У нас нет данных для определения состава таких собраний, которые служили бы ареной выступления для царя или царского правительства в целях обоснования своей политической линии. Вероятно, аудитория подбиралась и контролировалась, но в нее, как и на вече, попадали разнородные элементы.

Остается рассмотреть еще один критерий классификации совещаний середины XVI в. — с точки зрения их генетической связи с предшествующими институтами, с точки зрения истории преемственности общественных форм. Земские соборы общегосударственного характера, требовавшие участия представителей господствующего класса всей земли, в какой-то мере заменили княжеские съезды и вместе с думой унаследовали их политическую роль. В то же время земские соборы — это орган, который

пришел на смену вече, восприняв традиции участия разных общественных групп в решении правительственных вопросов, но заменив присущие ему элементы демократизма началами сословного представительства.

Совещания по ратным делам восходят к войсковым собраниям XV в. Имея сословный характер, они подчиняют феодальную демократию задачам государственной централизации, сдерживая тем самым проявления со стороны участников походов тенденции к неповиновению командному составу. Сословное совещание в войске противопоставлялось неорганизованным собраниям типа войскового круга или вечевых сходок, подобных той, которую устроили новгородцы под Смоленском в 1214 г.⁴³.

Церковные соборы старше земских, появились раньше их и, как можно думать, передали последним наименование, некоторые организационные и процедурные формы⁴⁴. Освященный собор и боярская дума были теми институтами, через которые происходило взаимодействие совещаний: церковных (в которых участвовали бояре) и светских (куда привлекались высшие духовные иерархи). И на церковных, и на земских соборах активно проявлялась организующая роль великого князя — царя.

Так называемый «собор (или соборы) примирения» как форма общения царя с обществом с целью парализовать классовые и внутриклассовые противоречия связан в какой-то мере с традицией вечевых собраний Древней Руси, на которых выступали князья в моменты острых политических и социальных ситуаций. В то же время «собор примирения» — это новая форма третейского суда, направленная, при посредничестве митрополита, к установлению иллюзии мира не только внутриклассового (царя с боярами, бояр между собой), но и классового (царя и бояр с народом).

Приведенный выше материал о генетической связи земских соборов с институтами предшествующего времени показывает, что процесс формирования сословно-представительной монархии начинается задолго до середины XVI в., когда появились первые земские соборы. Этот процесс идет с конца XV в., и вряд ли стоит выделять в нем два этапа, различая сословную и сословно-представительную монархии.

Остается последний вопрос: как примирить тезис о сословно-представительной монархии с фактами опрично-

го деспотизма Грозного, представлявшего собой целую систему, растянувшуюся на много лет?

Прежде всего был ли указ об опричнине утвержден на земском соборе? Я считаю, если даже указ об опричнине и был принят царем на заседании боярской думы и освященного собора, предварительно он был согласован с земским собором.

И здесь мы подходим к сложному вопросу, недавно поставленному в труде Н. Е. Носова о противоречивости политического развития России в XVI в. В 50—60-х годах в стране утвердились представительные институты, и тут же она делает шаг в сторону деспотического режима. Такие политические зигзаги наблюдаются и в дальнейшем.

Система опричной военной диктатуры была принята органом сословного представительства. Но это не означало перехода от одной формы государства к другой, от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Через полтора года, в 1566 г., в трудное военное время, Грозный снова обратился за содействием к земскому собору. Очевидно, введение опричины представляло собой опыт применения на практике одного из возможных вариантов государственного строя феодальной монархии. Грозный так и писал в духовной детям: «А что есмь учинил опричнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов»⁴⁵. Это был действительно «образец» или, точнее, один из «образцов». Середина XVI в. — время появления ряда государственных проектов. Максим Грек, Иван Пересветов, князь Андрей Курбский, сам царь Иван IV выступают с предложениями политического характера. Используют (каждый по-своему) опыт (положительный и отрицательный) Византии, Турции, Польши и т. д. и прежде всего наблюдения над русской действительностью. А в жизни совершалось противоречивое взаимодействие двух линий развития, из которых одна вела к сословно-представительной монархии общеевропейского типа, другая — к абсолютизму с отчетливыми чертами восточной деспотии. Характер этого взаимодействия определялся как диалектикой экономического развития, так и формами классовой борьбы. К этому выводу склоняются новейшие исследователи.

- ¹ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972.
- ² *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958.
- ³ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
- ⁴ *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
- ⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- ⁶ *Зимин А. А.* Опричина Ивана Грозного. М., 1964.
- ⁷ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
- ⁸ *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973.
- ⁹ *Смирнов И. И.* Очерки..., с. 262.
- ¹⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 127, 317.
- ¹¹ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени, с. 397; *он же.* Реформы..., с. 325—326.
- ¹² *Носов Н. Е.* Становление..., с. 12.
- ¹³ *Шмидт С. О.* Становление..., с. 260.
- ¹⁴ Там же, с. 191.
- ¹⁵ ПСРЛ, т. 13, ч. 1. М., 1965, с. 86, 87, 101.
- ¹⁶ Там же, с. 5.
- ¹⁷ ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 293, 327.
- ¹⁸ Там же, с. 267.
- ¹⁹ Там же, с. 273.
- ²⁰ Там же, с. 228.
- ²¹ ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 102.
- ²² Там же, с. 118.
- ²³ РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, с. 62—63.
- ²⁴ *Шмидт С. О.* Становление..., с. 192—193.
- ²⁵ ПСРЛ, т. 25, с. 190, 281.
- ²⁶ *Павленко Н. И.* К истории Земских соборов XVI в.—«Вопросы истории», 1968, № 5, с. 83—84; *С. О. Шмидт.* Становление..., с. 127—129.
- ²⁷ Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909, с. 16, 19, 21 и др.
- ²⁸ Там же, с. 21, 35.
- ²⁹ *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года.— В кн.: Исторический архив, вып. VII. М., 1951, с. 295.
- ³⁰ Стоглав. СПб., 1863, с. 38.
- ³¹ *Зимин А. А.* Реформы..., с. 349—350; *Н. Е. Носов.* Становление..., с. 29—31, 53; *С. О. Шмидт.* Становление..., с. 156, 163—164.
- ³² ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 402.
- ³³ Акты, относящиеся к истории земских соборов, с. 1—12.
- ³⁴ *Шмидт С. О.* Становление..., с. 183.
- ³⁵ *Носов Н. Е.* Становление..., с. 20, примеч. 12.
- ³⁶ Там же, с. 191.
- ³⁷ Об этом см.: *Шмидт С. О.* Становление..., с. 186.
- ³⁸ РИБ, т. XXXI, с. 260.
- ³⁹ *Зимин А. А.* Зарождение земских соборов.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения, сб. IV. Казань, 1969, с. 18, примеч. 2.
- ⁴⁰ Послание И. Таубе и Э. Крузе.— В кн.: Русский исторический журнал, кн. 8. Пг., 1922, с. 44.
- ⁴¹ РИБ, т. XXXI, с. 311; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 306—307.
- ⁴² *Шмидт С. О.* Продолжение Хронографа..., с. 397.
- ⁴³ НПЛ, с. 53, 251.
- ⁴⁴ *Зимин А. А.* Зарождение земских соборов, с. 16—17.
- ⁴⁵ ДДГ, М.—Л., 1950, с. 444.

РУССКИЕ КАРТЫ МОСКОВИИ XV—XVI ВВ. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТОГРАФИИ

(Тезисы)

Б. А. Рыбаков

Изучение карт Московии XV—XVI вв. позволяет решать важные вопросы русской картографии и истории той поры*. В основе этих карт лежат изданные в Англии, Голландии и Франции в 1562—1706 гг. более ранние русские чертежи, которые предоставлялись иностранцам после того, как устаревали. Среди них можно назвать чертеж, который предшествует карте А. Вида—И. В. Ляцкого (1542—1555), считавшейся наиболее ранней русской картой. Исследование карты А. Дженкинсона (1562) показало, что в ее основе лежит русский чертеж московских земель конца XV в. и тех соседних территорий (Псков, Рязань и Казань), которые в то время находились в сфере влияния Ивана III. Точная дата чертежа определяется тем, что на шведской территории помещен Ивангород, что отвечало действительности только в 1496—1497 гг.

Так называемый чертеж царевича Федора Годунова, опубликованный Гесселем Герритсоном в 1613 г., основан на более раннем русском чертеже, составленном около 1523 г. Этот чертеж был как бы сводной картой тех локальных чертежей западного пограничья, список которых известен нам по описи Посольского приказа. Именно эта карта Московии могла быть доступна С. Герберштейну в 1526 г., а годом ранее могла демонстрироваться Д. Герасимовым в Риме Павлу Иовию.

Особый интерес представляет карта Гийома Делиля, посвященная русскому послу А. А. Матвееву. Там, помимо инкорпорированного в нее подробнейшего чертежа Двинской земли (Матвеев был в 1691—1693 гг. двинским воеводой), есть карта великих и удельных княжеств первой четверти XVI в. Карта очень тенденциозно преуве-

* Подробнее см.: *Рыбаков Б. А. Русские карты Московии. М., 1975.*

личивает некоторые второстепенные земли и сильно преуменьшает Московское княжество, показывая его в устарелых границах 1300 г. Эту карту можно связывать с кругами оппозиционного боярства, выступавшего против Василия III, а составителем или вдохновителем ее следует считать опального князя И. М. Воротынского, владения которого особенно преувеличены на карте: в Воротынское княжество XVI в. включены владения далеких предков князя в XIII в. Источником для составления карты-памфлета могли послужить разные географические материалы, предоставленные этими оппозиционными кругами С. Герберштейну в 1526 г.

ЛИТОВСКИЕ КНИГИ XVI В. И ПРОЯВЛЕНИЕ В НИХ ИДЕЙ ГУМАНИЗМА

Ю. М. Юргинис

В литературе эпохи Ренессанса появилось мнение, будто бы литовцы — потомки древних римлян, а их язык — не что иное, как испорченная латынь. В противовес этому мнению в связи с началом реформационного движения были написаны первые книги на литовском языке, но появились они не в Литовском государстве, а за его пределами.

Первым автором, утверждавшим, что литовцы — потомки древних римлян, был Ян Длугош (1415—1480). В своей «Истории Польши», освещая события, связанные с Кривской унией и крещением Литвы в 1387 г., он уверял, что римляне и литовцы пользовались общим языком. «И если в литовском языке в настоящее время имеются слова, отличающиеся от латинского языка, — говорится в его «Истории» — то только потому, что литовцы долгое время жили в соседстве с поляками, чехами и русскими и некоторые слова позаимствовали у них». Вторым доказательством родства литовцев с римлянами, по словам Длугоша, является общность языческой религии. Он дает несколько примеров такой общности: у римлян имелись боги Вулкан и Юпитер, литовцы почитали в качестве Эскулапа ужа, они имели святые леса, вечный огонь и девушек-весталок, которые присматривали за огнем. Кроме того, Длугош объяснял, каким образом часть римлян очутилась в Прибалтике. По его мнению, сторонники Помпея после поражения бежали от Цезаря и значительная их группа, руководимая князем Вилюсом, нашла для себя приют у берега Балтийского моря. Освоенный ими край они называли л'Италия, но русские и поляки, чтобы было легче произносить это слово, вставили в него гласную *У* и произносили Литуана или, сокращенно, Литуа. Именем князя Вилюса были названы главный город края и две реки, пересекающие этот город, — Вилия и Вильня¹.

Подсказанное Длугошем предположение о римском происхождении литовцев в XVI в. довольно быстро превратилось в теорию. Все авторы, писавшие о Литве, старались собственными доводами подкрепить это мнение, которое было по душе господствующему классу. Если до тех пор литовскому боярину неловко было признаваться, что его прадед был язычником, то теперь он своими предками стал гордиться. В литовских летописях, которые создавались при великокняжеском дворе, вместо придуманного Длугошем Вилюса появился Палемон со своими боярами, которые, по различным вариантам летописей, оказались основателями потомств знатных литовских князей и вельмож.

Наряду с этим начала появляться и критика существующего общественно-политического строя государства. Особенно ярко она выражена в мемуарах политического деятеля середины XVI в. Михаила Тышкевича, который вручил под псевдонимом Михаила Литвина свою рукопись-меморандум великому князю Сигизмунду Августу. Фрагменты этого меморандума были отпечатаны в 1615 г. в Базеле². В пятом фрагменте автор, доказывая родство литовцев с римлянами, приводит 70 слов, общих для литовского и латинского языков. Автор также ссылается на общность религии и обычаев. Его критика направлена против упадка нравственности дворянства и особенно духовенства, против порочности правосудия. Выражая явные взгляды гуманистов, он сожалеет, что в Литве отсутствуют гимназии, где молодые люди могли бы получить научные знания. Он высказывается против употребления в государстве русского языка в качестве официального и выражает мнение, что настоящим языком литовцев является латынь, которую поэтому следовало бы осваивать в школах.

Такую школу пытался создать в 1539 г. Иоганн Вилимовский, секретарь воеводы Альбрехта Гаштольда. Однако капитул Виленского епископства ему этого не разрешил по той простой причине, что он сам и его коллега магистр Георгий из Ейшишек учились в протестантском университете в Лейпциге и, следовательно, могли бы оказаться еретиками. Подобную школу типа гимназии или коллегии, пользуясь покровительством королевы Боны, в том же году в Вильно открыл Абрам Кульветис. Основанная им школа просуществовала до 1542 г., пока епис-

копом не был обнаружен ее реформационный дух. Великокняжеская власть поддержала епископа и потребовала от Кульветиса предстать перед духовным судом. Основатель школы и ближайшие его сотрудники, спасая свою жизнь, бежали в Пруссию, где их любезно принял герцог Альбрехт и назначил профессорами создаваемого лютеранского университета в Кенигсберге. Эти беженцы из Литвы начали готовить и издавать протестантские книги на литовском языке. Первая из них — катехизис Мажвидаса — была отпечатана в 1547 г. До конца XVI в. в Пруссии вышло в свет 16 книг на литовском языке, не считая четырех приказов герцога, отпечатанных на том же языке. Крупнейшим изданием явилась двухтомная книга проповедей — «Постилла» Бреткунаса. В том же веке в Пруссии было создано значительное количество литовских рукописей. Крупнейшей из них являлся перевод Библии Бреткунасом.

Как же это произошло, что центром издания литовских книг стали не Вильно и Каунас, крупнейшие города Литвы, а Кенигсберг? Первая книга на литовском языке в самой Литве, в Вильно, появилась лишь в 1595 г., спустя 48 лет после издания катехизиса Мажвидаса. В историографии это объясняется довольно просто: католическая реакция помешала развитию того, что было начато Кульветисом. У нас отсутствуют сведения о том, что в школе Кульветиса проявлялась какая-либо забота о литовском языке. Главным предметом преподавания в этой школе была классическая латынь.

Преследование протестантизма не стало препятствием для появления литовских книг в самой Литве, так как продолжалось весьма незначительное время. В 1545 г. из Кенигсберга в сопровождении своего друга по убеждениям вернулся Кульветис, и местный епископ Павел Гольшанский уже был не в состоянии применить против него какие-либо административные меры. Стоявшие у власти местные вельможи оказали сопротивление литовскому великому князю и польскому королю, и крупнейшие из них — Радзивиллы — стали покровителями кальвинизма, более радикального течения в реформации, чем лютеранство. Можно сказать, что в середине XVI в. реформация в Литве процветала. В Вильно в то время появлялось множество книг и листовок, но только не на литовском языке.

Николай Черный Радзивилл развернул издательское дело. Его средствами в 1563 г. в Бресте была отпечатана Библия на польском языке, на том языке, на котором в Великом княжестве Литовском в то время говорила значительная часть литовского, белорусского и украинского дворянства. Возникает вопрос: почему Радзивилл, крупнейший политический деятель, сторонник самостоятельности Литовского государства, ярый противник унии с Польшей, вздумал распространять реформацию в Литве при помощи польского языка, невзирая на то что официальным языком в государстве был русский язык, а крестьяне и значительная часть горожан пользовались белорусским, украинским и литовским — своими родными языками?

Некоторые исследователи предполагают, что не было большой надобности печатать протестантские книги на литовском языке в Вильно или в другом городе Литвы, так как они издавались в Кенигсберге и оттуда свободно попадали в Литву. На самом деле катехизис Мажвидаса был предназначен не только для тех литовцев, которые вследствие завоевания крестоносцами оказались на территории тогдашнего Прусского герцогства, но и для жителей Литвы. Это ясно сказано самим Мажвидасом в написанном стихами обращении к своим соотечественникам-литовцам: литвинам и жемайтам. Он призывает всех учиться читать, осваивать христианскую науку и отказаться от языческих верований и богов, которые ничего, кроме зла, припести не могут. Он обращается также к землевладельцам, призывая их позаботиться об учителях и следить за тем, чтобы челядники и крестьяне-подданные по воскресеньям обязательно посещали костел.

Катехизис был одновременно и букварем, поэтому Мажвидас уверял, что без усвоения его дальнейшая наука невозможна. Обращаясь к ксендзам, он напоминал, что каждый священник является одновременно и учителем и что нельзя скрывать божье слово от простых людей.

Заслуга первых литовских книг заключалась не только в том, что у протестантов чтение церковных книг и пение по печатным текстам связывалось с культовым обрядом каждого верующего, но и в том, что они были в первую очередь предназначены для литовских крестьян, которые, в отличие от дворянства, обвинялись в сохранении язычества. Невзирая на то что одну часть народа отделяла

эт другой государственная граница, была предпринята попытка распространять в Литве литовские книги, отпечатанные в Кенигсберге. Герцог Альбрехт договаривался по этому вопросу с покровителем кальвинистов Радзивиллом. Но из-за очень малых тиражей тогдашних книг возможность распространения их в Литве была весьма незначительна. Следует учитывать и то, что кальвинисты и лютеране пользовались, как правило, своими собственными изданиями, невзирая на некоторую их общность. Кальвинисты стали издавать книги на литовском языке лишь в самом конце XVI в., после появления подобных книг католического содержания. В 1595 г. в Вильно появился католический катехизис М. Даукши, а в 1598 г. — кальвинистский польско-литовский катехизис М. Петкевича.

Николай Радзивилл, крупнейший политический деятель Литвы, и его соратники русского происхождения примкнули к реформации прежде всего по политическим соображениям. Католическая церковь, крупнейший после великого князя землевладелец, оказалась для государства лишь бременем: она не поставляла солдат, не платила налогов, не распространяла в деревнях христианства. Крестьянство не боялось христианского бога, ибо о нем почти ничего не знало. Как отметил Мажвидас в своем обращении в стихах, среди крестьян не оказалось человека, который бы знал десять заповедей и смог произнести главную молитву.

Следует напомнить и по-латыни написанную книжонку Яна Ласициуса «О богах жемайтов», в которой доказывается, что в Жемайтии сплошь и рядом царит язычество. Книжонка написана в 1580 г.³ Ласициус (Ласицкий) — участник реформационного движения, но он каких-либо предложений для искоренения язычества в народе не делает. Из его описания следует вывод, что католическая церковь на протяжении полутора столетий своего существования в Литве не сделала простой народ верующим в христианского бога.

Возник вопрос: как, на каком языке распространять христианское учение среди крестьян? Жители Великого княжества Литовского были не одной религии и говорили на разных языках. Радзивиллу и другим вельможам, стоявшим у власти, хотелось, конечно, чтобы все жители исповедовали одну религию и пользовались одним языком. С этой целью реформация распространялась как сре-

ди католического, так и среди православного населения. Польский язык стал языком письменности кальвинистов с самого начала этого движения. Между тем лютеранство, поощряемое герцогом Альбрехтом и его преемником, распространялось среди литовского населения как в Пруссии, так и в Литве, особенно в Жемайтии, на литовском языке, на котором говорили крестьяне. Это не было случайным явлением. Герцог Пруссии также преследовал политические цели.

Крестоносцам не удалось объединить Ливонию с Пруссией. Между этими двумя орденовыми государствами находилась Жемайтия, из-за овладения которой в прошлом многократно вспыхивали военные конфликты. Реформация обнадеживала герцогов Пруссии. Она являлась подходящим средством для усиления влияния в Ливонии, особенно в Латвии и Литве. Тенденция политического влияния на эти края не могла не встретить сопротивление со стороны Радзивилла и других властителей, стремившихся к интеграции населения.

В 1569 г. в Литве появились иезуиты, представители ударной силы контрреформации. Иезуиты пользовались в Литве значительным успехом. Вельможи один за другим отвернулись от протестантизма и примкнули к католицизму. И один из сыновей Николая Черного Радзивилла стал кардиналом. Следует отметить, что значительное число тех вельмож, которые, будучи православными, перешли в протестантизм, под воздействием контрреформации не вернулись к прежнему своему вероисповеданию, а стали католиками. Яркий пример тому — Лев Сапега, воевода и канцлер.

Главной причиной такого поворота в правительственных кругах следует считать ту социально-политическую опасность, которую создало радикальное течение в реформации. Антитринитарии пользовались значительным успехом у городских плебеев и мелкой шляхты. Их движение имело явно антикрепостнический характер. Это не могло не беспокоить класс феодалов. Иезуиты в своих проповедях неоднократно указывали на ужасы крестьянской войны в Германии и предостерегали от такой же опасности в Литве. Подобная опасность была весьма реальной, ибо значительное число приходов очутилось в руках антитринитариев.

У нас не имеется каких-либо данных о влиянии ради-

кального направления реформации на крестьянство. Следует предполагать, что такому влиянию препятствовало и то обстоятельство, что взгляды антитринитариев излагались по-польски, на непонятном для крестьян языке. На литовском языке антитринитарии не издали ни одной книги. Кроме того, литовские крестьяне, не имея представления о христианстве вообще, навряд ли могли бы понять учение антитринитариев и на родном языке.

Среди иезуитов, прибывших в Литву, не было ни одного владевшего литовским языком. Заслуга иезуитов перед правительством заключалась между прочим и в том, что они наряду с усиленным распространением католичества среди жителей литовской деревни намеревались добиваться интеграции жителей государства посредством церковной унии с православными. Сделать это без помощи религиозных книг на литовском языке было невозможно. Книги светского и теологического содержания в то время печатались в Литве на латинском, русском и польском языках. Художественная литература создавалась преимущественно по-латыни.

В качестве переводчиков иезуитам пришлось использовать местных священников из среды гуманистов. Епископу Жемайтии Мельхиору Гедрайтису удалось найти такого автора-переводчика. Им оказался настоятель одного прихода и каноник Жемайтийской капитулы Миколай Даукша. Заслуживает особого внимания одна деталь из его биографии. Будучи настоятелем небольшого прихода в местечке Жемайтии Кракес, он создал себе немалую библиотеку. Посланный епископом визитер осмотрел не только костел, хозяйство прихода, но и личную библиотеку плебана. В ней были обнаружены книги Эразма Роттердамского, Меланхтона и других гуманистов и деятелей реформации. Визитер Т. Петкул приказал Даукше немедленно уничтожить эти книги или же поручить иезуитам очистить библиотеку. Его предупредили, что если он в течение шести месяцев это не сделает, то будет наказан большим денежным штрафом в пользу церкви⁴.

И этому поклоннику еретиков выпала доля стать первым автором литовских книг, изданных в Вильно, в типографии иезуитской академии, в той же типографии, в которой тридцать лет назад средствами и заботой Николая Черного Радзивилла была отпечатана Брестская Библия на польском языке. Перу Даукши принадлежат две

книги: перевод катехизиса Я. Ледесмы, отпечатанный в 1595 г., и книга проповедей Я. Вуёка, изданная в 1599 г. Последняя из них в настоящее время носит название «Постилла Даукши»⁵. Эта книга большого формата имеет 630 страниц, а со всеми приложениями — 646. В 1600 г. в Вильно в литовском переводе Якуба Моркунаса появилась Постилла Рея. Таким образом, на исходе XVI в. на литовском языке были изданы три книги проповедей: лютеранская Постилла Бреткунаса, католическая Постилла Даукши и кальвинистская Постилла Моркунаса. В книгах проповедей затрагивались самые актуальные вопросы повседневной жизни. Наряду с комментариями цитат Евангелия объяснялись признаки эпидемических и других болезней, указывалось, как лечиться и соблюдать здоровье, избегать спиртных напитков и т. п. Наиболее богатой просветительским содержанием оказалась Постилла Бреткунаса.

В Постилле Даукши содержится много грубых нападок на протестантов, особенно на Лютера и его сторонников. Но ведь текст проповедей он не создавал, а лишь переводил. Переводчик от себя добавлял не многое, а именно то, что он неоднократно напоминает: поскольку литовцы христианскую веру восприняли от поляков, поляки являются, таким образом, их собратьями. Но главное не это.

Даукша к своему переводу проповедей Я. Вуёка написал обращение к читателю. Его «Предисловие к милостивому читателю», помещенное в начале книги, является образцом публицистики Ренессанса и изложением взглядов гуманиста на письменность, созданную на языке народа. Предисловие написано по-польски, так как он обращался к дворянам и ксендзам, а не к крестьянам, к тем, которые проповеди будут произносить, а не слушать. Затем следует написанное на классической латыни предисловие, посвященное епископу М. Гедрайтису.

Предисловие — дедикация — интересно по двум соображениям. Несмотря на то, что она не лишена черт, свойственных панегирикам того времени по адресу как своего начальника, так и Я. Вуёка, в ней нет ссылок на Библию или на авторитет римских пап. Примеры приводятся из античной истории и литературы; проводится параллель нравственности между Кимоном, Периклом и Гедрайтисом. Дедикация написана мастерски, по образцу

античной художественной прозы. В ней нет искусственности и увлечения формой в ущерб конкретному содержанию. В конце предисловия автор сравнивает себя с Орфеем, который свою лиру пожертвовал бессмертным богам у входа в святыню Геракла.

«Предисловие к милостивому читателю», как памятник культуры Ренессанса, отчасти освещено в польской литературе Станиславом Кольбушевским и обстоятельно изучено литовским исследователем Ю. Лебедисом⁶. В «Предисловии» сурово упрекаются люди, которые уклоняются от родного языка или презирают его. Делая такие упреки по адресу дворян и ксендзов, автор ссылается не на Библию и не на авторитет теологов, а на естественные законы природы. Люди делятся на народы, и каждый народ имеет свой собственный язык. Язык, по его мнению, — первый признак народности. С гибелью языка погибнет и народ. Доказывая это, он ссылается на историю. Персия, Греция и Рим стали могучими только благодаря сохранению собственного языка. Римляне на своем языке издавали законы, развивали философию, возвышали своих богов. Они запрещали пользоваться греческим языком в законодательстве и в сенате. Этим как бы напоминает античная поговорка, что Рим своей славой обязан не победам Цезаря, а латинскому языку.

В понятие народа М. Даукша включает три основных элемента: 1) язык, 2) территорию — как родную землю, 3) обычаи. Основой народа он, конечно, считал дворянское сословие. Прогрессивным у него было то, что он крестьянство включал в понятие народа. Всех говорящих по-литовски он называет братьями по происхождению и крови. Издавна Литва делилась на две части: на Аукштайтию, жители которой обычно назывались литвинами, и на Жемайтию, в которой жили жемайты, или, как их обычно называют в польской историографии, — жмудзины. Даукша не делит литовцев на части, язык их считает общим.

Настаивая на том, чтобы литовский язык употреблялся не только в костелах и школах, но и в государственных учреждениях, чтобы на нем издавались законы, Даукша первым в Литве выдвинул идею собственно литовской государственности.

Обращение Даукши к дворянам Литвы осталось без каких-либо последствий. Полонизация высшего сословия

происходила по-прежнему. Литовский язык остался главным образом языком крестьянства и незначительной части дворянства Жемайтии. Но Постилла Даукши стала крупнейшим памятником литовского языка и литературы, а его обращение к читателю и к епископу — свидетельством того, как в Литве идеи эпохи Ренессанса, а вместе с тем и благоприятная политическая конъюнктура привели к появлению литовских книг, а также содействовали возникновению среди какой-то части гуманистически настроенных литовских феодалов программы собственно литовской государственности. Однако все это происходило в последние десятилетия XVI в., когда силы реформации отступали перед силами контрреформации, когда на смену культуре Ренессанса постепенно приходило барокко. Неудивительно, что написанная на латинском языке в середине XVII в. «История Литвы»⁷ (ее автор — А. Виюк-Коялович, литовец, профессор Академии в Вильно, доктор теологии, член Ордена иезуитов) много говорит о реформации и контрреформации, но хранит полное молчание по поводу книг на литовском языке, а также по поводу идей собственно-литовской государственности. Это и понятно: подобные настроения в эпоху торжества контрреформации явно потеряли свою актуальность — они были пройденным этапом идеологической жизни Литвы, оказавшейся теперь «интегральной» частью польско-католической государственной системы.

¹ *Dlugosz J. Dzieje Polski*, t. III. Kraków, 1868, s. 442—447.

² *Lietuvis M. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius*. Vilnius, 1966. В этом новейшем издании опубликованы сфотографированный текст подлинника и статьи М. Любавского и И. Йонинаса об авторе.

³ *Lasickis J. Apie žemaičių, kitų sarmatų bei natikrų krikščionių dievus*. Vilnius, 1969.

⁴ *Lebedys J. Mikalojus Daukša*. Vilnius, 1963, p. 151.

⁵ *Daukšos Postile*. Kaunas, 1926.

⁶ *Kolbuszewski St. Mikolaja Daukszy «Przedmowa do czytelnika łaskawego»*. — «Pamiętnik literacki», 1947, t. XXXVII, s. 193—196; *Lebedys J. Mikalojus Daukša*, p. 271—306.

⁷ *Wituk Kotalowicz Alberto. Historia Litvanæ pars prior*. Dantisci, 1950; *pars altera*. Antverpiae, 1650.

ЛИТОВСКИЕ СТАТУТЫ — ПАМЯТНИКИ ПРАВА ПЕРИОДА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ю. Бардах

Вся проблема рассматривается в историческом контексте с учетом изменений общественной среды и политических отношений. Такой подход делает возможным взгляд на литовские статуты как на явление правовой культуры, составляющее часть общей культуры ¹.

Для получения более полной картины представлялось целесообразным показать статуты на фоне современного европейского кодификационного движения, а также попытаться определить сферу их влияния в границах культурного круга, охватывающего Центральную и Восточную Европу ².

1. ОДИН ИЛИ ТРИ СТАТУТА?

В течение почти шестидесяти лет (1529—1588) литовское правительство трижды осуществило кодификацию системы своего права. Это было исключительным явлением в период, когда раз изданные законы чаще всего столетиями оставались в силе. Оно объясняется быстрыми темпами изменений социальной структуры, прежде всего эмансипацией литовско-русской шляхты от превосходства князей и панов, а также заключением в 1569 г. унии Польши и Литвы. Оба эти фактора вызвали существенные преобразования в правовой системе Великого княжества Литовского.

Многие исследователи трактовали литовские статуты как три последовательные редакции одного и того же памятника, называя его «Литовский Статут», несмотря на то что уже Тадеуш Чацкий подчеркивал, что существовали три отдельных статута ³. За Чацким рассмотрение каждого статута как отдельного целого требовал Стефан Эренкренц ⁴. Подобную точку зрения разделяли Станислав Кутшеба ⁵ и другие исследователи. Сейчас она яв-

ляется господствующей. Понимание статутах как одного памятника приводило к затушевыванию перемен в период 1529—1588 гг., а из-за произвольного и превратного оперирования положениями всех трех статутах возникла не существующая в исторической действительности картина системы права.

II. КОДИФИКАЦИОННЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРОПЕ И ЛИТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Для XVI в., когда возникли литовские статуты, был характерен общий в Европе рост заинтересованности в кодификации права. Эти кодификации не ограничивались записью обычного права, применявшегося в судах, но систематизировали его, а также вводили новые элементы, являющиеся выражением интересов господствующих сословий или групп, которые в тот период добивались превосходства. Это было связано с повышением ранга права, понимаемого как основа строя, и следовательно имеющего силу и для правителей. С усилением (согласно идеологии Возрождения) государственного суверенитета было связано стремление к праву, основанному на принципе территориальной исключительности его действия. Отмечалась также тенденция к унификации права, направленная к замене местных прав единым действующим общегосударственным правом. Некоторые поборники кодификации также выступали с позиции унификации права — против сословных различий, но не в области политического права, поскольку деление на сословия соответствовало господствующим тогда отношениям, а в сфере частного права, и в особенности уголовного.

Задача кодификации, а отчасти и унификации права была связана с оживлением науки права, с ростом ее влияния на складывающуюся систему права и судебную практику. «Научной» основой идеи общедействующего права, установленного законодательным путем, была система римского права. Хотя влияние римского права на ряд стран, в том числе Центральной Европы, проявилось уже в средневековье, в частности через каноническое право, увеличение влияния римского права в большинстве стран Европы следует связывать с периодом гуманизма. Границы и формы этой — как принято определять — рецепции

римского права в Европе на переломе средневековья и нового времени принадлежат к наиболее интересным проблемам в истории права. Сейчас преобладает взгляд (выраженный, в частности, Паулем Кошакером и Францем Виакером), что основой этой редепции было не столько введение институций и норм *Corpus Iuris Civilis* Юстиниана в правовой обиход XVI в., сколько распространение учеными юристами схем, системы понятий, методов рассуждения, свойственных римскому праву⁶. Суть заключалась в процессе рационализации и концептуализации⁷ права, что приводило к замене казуистических положений общими нормами. Эти процессы легче осуществлялись там, где рационализация права достигла наибольшего прогресса, например в обязательном праве, труднее всего — в семейном и наследственном праве, где вековые традиции долго — и не раз успешно — противостояли новым понятиям и правовым концепциям.

Как конкретизировались эти тенденции в странах Центральной Европы?

В Венгрии в 1514 г. юрист Стефан Вербёчи составил проект кодификации, который из-за сопротивления магнатов хотя и не получил королевской санкции, но сыграл большую роль в развитии венгерского права, широко применяясь на практике. «*Opus Tripartitum iuris consuetudinarii incluti Regni Hungariae partiumque adnexarum*» представлял собой кодификацию венгерского обычного права, систематизированного и обработанного в соответствии с принципами римского права⁸.

В Чехии в первой половине XVI в. трижды осуществляли кодификацию права в виде издания «*Zřízení zemské Kralovství Českého*» в 1500, 1530, наконец, в 1549 гг. Объем этой кодификации увеличился с 562 статей в 1500 г. до 862 статей в 1549 г. Параллельно этому Викторин Корнелиуш из Вышеграда — профессор Пражской академии и писарь канцелярии Чешского королевства — написал «*o právích země české knihi devaterý*» (1508), в которых чешское право было систематизировано и подвергнуто обработке в соответствии с римским правом. Хотя этот проект не стал действующим правом, он повлиял на дальнейшее развитие права и судебную практику в Чехии⁹.

В Польше напечатанный в 1506 г. свод действующих законов, известный как Статут Лаского, мог стать исходным пунктом кодификационных работ. На Петрков-

ском сейме 1519 г. с этой целью была создана кодификационная комиссия, а Быдгоцкий сейм 1520 г. при участии шляхетского ополчения потребовал скорой кодификации права. Частичным результатом этих начинаний была кодификация процессуального права 1523 г. под названием «Formula Processus»¹⁰.

Кодификационная деятельность в Польше, побуждаемая, в частности, введением в жизнь в 1529 г. I Литовского статута¹¹, дала подготовленную в 1532 г. *Congestura Jurium*, отклоненную сеймом 1534 г., что надолго положило конец польским кодификационным работам. С этого времени развитие права в государствах, управляемых Ягеллонами, а после 1569 г. — в федеративной Речи Посполитой происходило прежде всего в Великом княжестве Литовском.

Впервые в Великом княжестве Литовском кодификационные тенденции проявились в 1501 г., когда в областном Волынском привилее великий князь Александр объявил, что будет действовать, «пока права Статута в отчизне нашей вставим». Однако в связи с бездеятельностью великокняжеской власти сейм 1514 г. обратился с просьбой о кодификации права. Великий князь с панами-радой в своем «отказе» «право им прирекли дати». Проект I Статута был представлен сейму в 1522 г., но окончательный текст был утвержден лишь на виленском сейме 1528—1529 гг. как право, имеющее силу для всех жителей Великого княжества независимо от сословия. Что касается редакторов I Статута, то чаще всего называют имя Альбрехта Гаштольда — воеводы виленского и канцлера Великого княжества. Исследователи исходят из предпосылки, что в силу своего служебного положения он должен был руководить кодификационной деятельностью. Вероятно (хотя это снова гипотеза), он привлек к сотрудничеству двух докторов права из Виленской капитулы — Е. Талиата из Ейшишек и Вацлава Чирка, родовитых литвинов, которые были представителями самого высокого уровня правовой науки того времени и знатоками правовой действительности Великого княжества¹². Этот коллектив мог осуществить труд, о котором В. И. Пичета писал, что он был не только кодексом, но «одновременно и основными законами Великого княжества Литовского», определяющими государственный строй и социальное устройство¹³.

Польский ученый Я. Якубовский, оценивая I Статут, констатировал, что «обширный, умело составленный правовой кодекс свидетельствует об интеллектуальном развитии литовского общества в XVI в.» Рассматривая Статут со стороны источников, он пришел к выводу, что в сфере публичного права, а также имущественных и личных прав шляхты «исходным пунктом для создателей Статута были земские привилегии». Идущие за земскими привилегиями Короны в том, что касается свобод и прав шляхты, они были «модифицированы, приспособлены к потребностям литовского общества»¹⁴. В. И. Пичета полагал, что одним из источников могли быть нормы Русской Правды, которые в условиях Великого княжества подверглись серьезным преобразованиям¹⁵.

В литературе удерживается мнение о принципиальном различии между I Статутом 1529 г., содержащим 13 разделов, насчитывающих 282 статьи, и II Статутом 1566 г., состоящим из 14 разделов и 368 статей. Вообще считается, что, в отличие от I Статута, который был основан главным образом на обычном праве, II Статут знаменовал внесение научного права в законодательство Великого княжества. Подчеркивается также, что между Статутами II и III 1588 г. (14 разделов, 488 статей) различия были значительно меньше. Они, согласно господствующему мнению, ограничивались уточнением формулировок, изменениями, направленными на расширение и уточнение текста, а также введением новых положений, не изменяющих, однако, сущности правовой системы.

Главным защитником этих взглядов был И. И. Лаппо¹⁶ и — независимо от него — Р. Таубеншляг¹⁷. Между тем детальные исследования показали, что уже I Статут был не только кодификацией, основанной на обычном литовском праве и привилегиях великих князей, а также на положениях, заимствованных из Русской Правды и ее практики, но содержал также рецепированные романистические элементы. Фр. Боссовский обратил внимание на то, что лишение наследства непослушного сына (*arogėgixis*) в I Статуте было заимствовано из 115-й новеллы Юстиниана через Кормчую книгу, тогда как во II Статуте, очевидно, было непосредственное влияние *Corpus Iuris Civilis*¹⁸. Также и институцию свободной части, так называемой трети, которой собственник наследственных имуществ мог свободно распоряжаться, Фр. Боссовский вы-

водил из обычной византийской институции *trimoiria*, хотя в этом последнем случае свободная часть могла быть заимствована и с Запада. Одновременно К. Кораный констатировал наряду с другими влияниями в I Статуте «отчетливую рецепцию римского права»¹⁹. Сюда относились заимствованные из *Institutiones* положения о способных составлять завещание (разд. V, ст. 15) и свидетелях при завещании (разд. V, ст. 13). На образцы римско-канонического права опирались формулировки, выражающие тенденцию к ограничению коллективной ответственности и к ее индивидуализации в уголовных делах, но с сохранением ответственности ближайших родственников в случае *crimen laesae maiestatis*. Вводя смертную казнь за насилие, I Статут следовал примеру позднесредневековых законов Западной Европы.

Перечисленные примеры не являются исчерпывающими. Исследования правотворческой деятельности в Великом княжестве, а также вопрос рецепции находятся еще в начальной стадии научного изучения. Можно, однако, полагать, что реципированные в I Статуте элементы подготовили почву для значительно более широкого и глубокого процесса их адаптации во II Статуте.

III. СТАТУТ 1566 Г., ЕГО СОЗДАТЕЛИ И ИДЕИ

Известно, что периоды усиленного культурного развития — а таким был в Литве XVI в. — характеризуют восприимчивость к моделям и образцам, созданным передовыми странами, тогда как периоды застоя и регресса обычно связаны с большей или меньшей степенью культурной автаркии. Это позволяет нам определить рецепцию как восприятие культурных ценностей в интересах страны, которая их производит²⁰.

Рецепция добровольная — а о ней идет здесь речь — обычно происходит тогда, когда ощущается потребность в переменах. Она способствует их ускорению, делает возможным использование наиболее совершенных юридических форм для удовлетворения новых потребностей. Из факта, что при такой рецепции активной является реципирующая сторона, следует: реципированные институции, нормы и правовые понятия заимствуются выборочно и приспособляются к новым условиям. В результате новые элементы подвергаются ассимиляции существующей

правовой системой. Они обогащают, но не меняют ее сущности. Когда реципированные правовые элементы начинают служить другому обществу, они приобретают иное содержание.

Среди разных видов рецепции особую роль играла, как уже говорилось, рецепция, осуществленная при посредстве науки. Образованные юристы вносили в судебную практику и законодательство элементы науки права. Поэтому исследователи II Статута обратили особое внимание на состав его редакционной комиссии²¹. На виленском сейме 1551 г. Сигизмунд II Август обязался «с порадую панов-рад своих» создать для исправления Статута комиссию из десяти человек — пяти католиков и пяти православных. Состав «латинской» половины комиссии известен. Однако сам принцип паритета исповедующих обе религии является симптоматичным для условий кодификации в Великом княжестве накануне Люблинской унии.

Из известных нам членов комиссии жемайтский епископ Ян Домановский заседал в составе ассессорского суда, являвшегося судом монарха для городов на магдебургском праве, и был, следовательно, знатком этого права и права канонического. Другой ее член — архидьякон виленской капитулы Станислав Габриялович Наркуский (после Домановского короткое время был жемайтским епископом)²² — оставил о себе память также, как обладатель большой личной библиотеки²³. Среди светских членов — Павел Островицкий — земский виленский судья и Мартин Володкович — писарь великокняжеской канцелярии, а после введения II Статута — земский писарь и затанземский минский судья — были представителями практики. Важно добавить, что Володкович был, вероятно, кальвинистом, но происходящим из православной семьи²⁴. Включение его в римско-католическую часть комиссии могло бы свидетельствовать о не очень большем значении, которое придавалось тогда в Великом княжестве религиозным различиям.

Главную роль в комиссии играли «докторы прав чужоземьских» Августин Ротундус и Петр Роизий. Секретарь великого князя, виленский войт Августин Ротундус²⁵, доктор права Виттенбергского университета, был не только юристом, но и историком²⁶. Приверженец римского права, он выдвигал предложения по унификации

правовой терминологии, судебного производства только на основе письменных законов. В обращении к монарху, помещенном во вступлении к латинскому переводу II Статута, он требовал введения латинского языка в качестве официального в законодательство и правовой обиход Великого княжества, что не было ни реальным, ни необходимым, так как старобелорусский язык, на котором были написаны все три статута, полно и четко выражал все необходимые правовые понятия.

Петр Роизий (точнее — Педро Руиз де Мороз) после обучения в Падуе и Болонье прибыл в Польшу на рубеже 1541—1542 гг. Профессор римского права Краковской академии, обескураженный негативным отношением поляков к римскому праву (он писал в письме к другу, что юрист у поляков в таком же почете, как скорняк у эфиопов), переселился около 1551 г. в Вильно²⁷, где стал судьей ассессорского суда. Его судейская деятельность позволила ему сформулировать в 1563 г. пять правовых проблем, которые он разрешал в соответствии с принципами римского права²⁸. Он защищал целесообразность применения римского права как вспомогательного, подчеркивая, что это не наносит никакого ущерба достоинству государства и не ограничивает его суверенитет²⁹. Роизий был непререкаемым авторитетом в области права и как советник епископа Домановского оказывал влияние на труды комиссии, разрабатывавшей проект II Статута.

После смерти Домановского в 1563 г. Роизия назначили на его место членом кодификационной комиссии. Ротундус, ссылаясь в одном из своих писем на авторитет «doktora Niszpana», противопоставлял его глубокое знание классического римского права глосаторам. Это подтверждает взгляд, что Ротундус (как и Роизий) был сторонником гуманистического способа трактовки римского права, противопоставлял его схоластической экзегезе средневековых ученых³⁰.

Одного присутствия в составе комиссии двух выдающихся знатоков римского права было бы, однако, недостаточно, чтобы не только придать II Статуту романистическую оболочку, но и внести в него понятия, почерпнутые из римского права. Требовалось, чтобы литовцы — члены комиссии сотрудничали в этом деле с профессиональными юристами. Создавая кодификацию, они учитывали существующие в Великом княжестве социальные

отношения и правовые нужды, развивали право, содержащееся в I Статуте, совершенствовали его при помощи римских правовых понятий, а также вводили новые институты, в том числе — почерпнутые из институций или Дигестов (памятников византийского права) ³¹.

Н. А. Максимейко, занимаясь источниками уголовного права статутов, отделял реципированные элементы римского права от городского, так называемого магдебургского, права ³². Затем Р. Таубеншляг сопоставил несколько десятков норм II Статута с положениями институций, дигестов. Он показал генетическую связь между ними, идущую от рецепции норм до заимствования системы понятий, которые подвергались модификациям в социально-правовых условиях, отличающихся от классической древности ³³.

Если в других странах, как уже говорилось, влияние римского права проявилось задолго до эпохи гуманизма, в Литве оно пришлось как раз на это время. Ведь только в XVI столетии Великое княжество оказалось в большей степени в сфере воздействия культуры Запада. Здесь произошло сочетание а) адаптации романистических норм и системы понятий, б) кодификационной тенденции, связанной с рационализацией и концептуализацией права, в) интенсификации влияний культуры Возрождения. Сокращенная во времени и, таким образом, более интенсивная деятельность литовских законодателей в большей, думается, степени, чем где-либо, носила печать культуры Возрождения.

Культура и наука Возрождения нашли в Литве XVI в. благоприятные для развития условия. Учеба шляхетской молодежи в итальянских университетах (во главе с Падуйей), в Париже, а прежде всего в немецких университетах — от далекого Виттенберга до близкого Крулевца — охватила в XVI в. представителей 77 семей. Некоторые семьи — главным образом магнатские — были представлены сравнительно большим числом студентов ³⁴. Одновременно в Литве оседали, пользуясь покровительством магнатов и монархов, иностранцы, представители как разных течений реформации, так и ортодоксального католицизма. В этой последней группе особую роль сыграли иезуиты. Были также выходцы из Польши, которые, как историк Матвей Стрыйковский, публицист и деятель реформации Андрей Волян или известный нам Ротундус,

становились — в государственно-политическом смысле — литовцами. Немалую роль играли также привозные, а затем и напечатанные на месте книги.

В такой атмосфере в Литве развивалась идеология Возрождения, связанная с традицией классического прошлого. Этому способствовала также легенда о римском происхождении литовской шляхты³⁵. Думается, не случайно эта легенда распространилась с середины XVI столетия. Выводя свое происхождение от римлян, папы и вся литовская шляхта должны были иначе смотреть и на римское право, которое было для них якобы правом их предков. Из этого также исходила аргументация Ротундуса, когда он требовал восстановления латыни в законодательстве и правовой жизни Великого княжества.

Рассматривая процессы романистических влияний в Литве (а римское право называлось тогда также и имперским), не следует забывать, что Радзивиллы, игравшие там главную политическую роль, были меценатами реформации и с 1518 г. — князьями Священной Римской империи.

Условия усвоения элементов римского права были значительно более благоприятными в Литве, чем в Польше, где вопреки тезису Р. Таубеншляга в XVI в. не была осуществлена рецепция римского права³⁶. В последнее время противоположную точку зрения подытожил Адам Ветуляни, указав, что римское право в сознании польской шляхты представляло угрозу ее вольности и связывалось с призраком абсолютизма³⁷. Отсюда недоброжелательное отношение шляхетского земского права к *ius civile*, которое в отличие от городского права уже в средневековье реципировало ряд романтических институций и трактовало римское право как вспомогательное³⁸. Польскую шляхту не убедили выводы ученых юристов. Голос знаменитого писателя того периода Анджея Фрича Моджевского, который писал, что римское право должно стать основой системы и содержания законов Речи Посполитой³⁹, был в польской политической литературе, пожалуй, одиноким.

Статут 1566 г. был правовой системой пезависимого государства, связанного с Польшей только общим правителем. Тот факт, что более тесная уния встала на повестку дня в период подготовки II Статута, влиял на ускорение кодификационных работ. Политическая и правовая эмансипация шляхты Великого княжества от превосход-

ства магнатов отразилась в организации через II Статут поветовых сеймиков, а также шляхетского судопроизводства по польскому образцу. Реформы, основанные на предпосылке равенства всей шляхты (с этим была связана ликвидация судебных привилегий князей и панов), соответствовали идеологии, подчеркивающей принцип равенства в границах привилегированного сословия. Одновременно усиливалась тенденция к тому, чтобы система права, с которой Великое княжество подошло к унии, стояла на возможно более высоком уровне, что должно было гарантировать ее сохранение и в будущем. В области частного права были уничтожены ограничения при отчуждении наследственных имуществ и провозглашена свобода оборота всего имущества⁴⁰. Эти реформы, принятые в интересах развивающихся товарно-денежных отношений, находили опору в романистической концепции собственности, провозглашавшей неограниченное право владения вещью.

Если сопоставить I и II Статуты, то в последнем видна систематизация правового материала, которой еще не было в Статуте 1529 г. Разделы I—III касаются политического строя Великого княжества, раздел IV — судостройства, разделы V—X посвящены частному праву, наконец, разделы XI—XIV — уголовному праву и процессу. И. И. Лаппо подчеркивал «стройность мысли и системы» Статута 1566 г.⁴¹ Сознание этого у современников нашло выражение в выступлении Николая Черного Радзивилла на польском сейме 1563/64 г., когда он сказал, что Литва приступает к унии «*cum respublica sua bene ordinata*» (со своим государством, прекрасно управляемым)⁴².

IV. РАБОТА НАД СТАТУТОМ 1588 Г.

Акт Люблинской унии говорил о возможно более далеко идущем сближении польской и литовской систем права, однако не выдвигал концепции общего кодекса. Под польским влиянием на сейме 1569 г. было сформулировано постановление, что депутаты, назначенные для исправления Литовского статута, «Статут польский (речь шла о Статуте Лаского 1506 г.— Ю. Б.) должны положить перед собой, согласовать с ним, насколько возможно, литовские законы, чтобы уже во всех наших государст-

вах, как в единой Речи Посполитой, могло отправляться единое и незамедлительное правосудие», а проект поправок должны представить королю на ближайшем сейме⁴³. В Польше в унификации права видели также фактор, при помощи которого можно было бы преодолеть существовавшие преграды в кодификации польского права. Поэтому решения конвокационного сейма периода бескоролья 1587 г., принятые без участия литовцев, когда были уже закончены работы над III Статутом, содержали требование, что «исправление Статута должно быть таким, чтобы из обоих, то есть из польского и литовского, то, что необходимо, было бы внесено в один, а потом случившиеся дела обоих народов были бы сужены единым статутом»⁴⁴. До унификации права, однако, не дошло, так как литовская шляхта защищала обособленность своей правовой системы. Она также усматривала в Статуте (не без оснований) основу политической автономии Литвы в федеративной Речи Посполитой.

Работы над III Статутом сделали возможным дальнейшее развитие правовой системы Великого княжества. В комиссию, созданную для дополнения Статута после Унии 1569 г., монарх назначил двух радных панов (одного — епископа, второго — светского), «секретаря нашего доктора Августина» и девять представителей шляхты (по одному от воеводства)⁴⁵. Среди них были представители как иноверцев, так и православной шляхты. В сравнении с комиссией, созданной для подготовки II Статута, представительство панов-рады было наполовину ослаблено (с четырех до двух). В перевесе представителей воеводств выразилось измененное соотношение политических сил, следствие эмансипации шляхты Великого княжества.

При выработке текста III Статута депутаты воеводств сыграли существенную роль. Кроме того, проект был представлен для обслуживания в повестовые сеймики, а также на генеральные литовские съезды, созванные с этой целью Стефаном Баторием в 1582 и 1584 гг. Такой порядок процедуры делал возможным влияние шляхетского мнения, руководимого в то время главным образом кальвинистами, а также арианами. Редакционные работы сосредоточились в канцелярии Великого княжества. Отсюда ведущая роль, которую играли в то время канцлеры и подканцлеры, в годы подготовки III Статута (1569—

1588) бывшие исключительно кальвинистами: Николай Радзивилл, Остафий Волович (ему принадлежат наибольшие заслуги в подготовке III Статута), Кристоф Радзивилл, наконец, Лев Сапега. Это, конечно, влияло на направление кодификационных работ.

Подканцлер Лев Сапега во вступлении к напечатанному на собственные средства Статуту подчеркнул идею правового государства, целью которого является охрана прав и свободы граждан, а властитель сам подчиняется праву. В помещенных рядом двух посвящениях — одном, адресованном монарху, втором — сословиям — после похвалы вольности, для защиты которой стоит пожертвовать жизнью, Сапега писал: «Бо для того права суть поставлены абы можному и потуженному не все было вольно чинити, яко Цыцерон поведал, иж естесмо невольниками прав для того, абысьмы вольности уживати могли. Также и сам господарь Пан наш жадное звирхности над нами заживати не может, одно толко, колко ему право допущаеть». Он отличал также значение того, что «не обчым яким языком, але своим власным права описаные маем». В этом нашел выражение характерный для эпохи рост признания родного языка как фактора национальной и государственной интеграции⁴⁶.

III Статут должен был согласовать внутренний строй Великого княжества с его положением после Унии 1569 г. Польские влияния заключались главным образом в заимствовании образцов шляхетского государственного строя, в том случае, если это не было осуществлено во II Статуте. Помимо того, литовские законодатели постарались сохранить и развить отдельную систему права Великого княжества. Высокие качества системы права III Статута усиливали позицию Великого княжества, помогали ему успешно противостоять тенденциям унификации польского и литовского права, с которыми, как известно, выступали с польской стороны. Одновременно литовские законодатели одобрили некоторые предложения реформ, сформулированные в польской политико-правовой литературе, а также институты, являвшиеся их выражением. Ограничимся двумя примерами: а) влиянием взглядов Фрича Моджевского на наказание за убийство в литовском праве, б) рецессией III Статутом Варшавской конфедерации 1573 г., санкционировавшей свободу вероисповедания и религиозный мир исповедующим разные религии.

Польский перевод фундаментального труда Фрича Моджевского «O prawie Rzeczypospolitej», выполненный мещанином Киприаном Базиликом, появился в 1577 г. в разновременной типографии в Лужке (Ошменский повет), изданный на средства Николая Монвида Дорогостайского, полоцкого воеводы — рьяного кальвиниста, а одновременно члена комиссии, созданной на Люблинском сейме 1569 г. для выработки III Статута. Три предисловия, написанные выдающимися деятелями Великого княжества того времени: католиком Матвеем Стрыйковским, кальвинистом Андреем Волапом и антитринитарием Симоном Будным, свидетельствуют о литовской инициативе этого издания. Волап уже раньше выступал против неравенства в области уголовного права в работе «De libertate politica sive civile ...» (Краков, 1572), возможно побуждаемый трудом Фрича, который должен был знать в латинском оригинале. Волап называл «божьим» голос Фрича, добивавшегося уничтожения постыдного, как он писал, денежного наказания за убийство человека и введения за это преступление — независимо от сословия убитого и убийцы — смертной казни как эффективно служащей защите той наивысшей ценности, какой является человеческая жизнь⁴⁷. Волап сожалел о том, что польские сеймы остались глухи к его аргументации.

По-другому было в Литве. Если Статут 1566 г. за убийство простого человека требовал только головщину, то Статут 1588 г. вводил за такое убийство смертную казнь (разд. XII, ст. 2), а также — хоть и в ограниченных пределах — смертную казнь за умышленное убийство простолюдина шляхтичем. Текст положения представлял компромисс между старым и новым принципами, в котором заметно влияние идей Фрича Моджевского и Волапа. Ведь издатель труда Фрича был членом редакционной комиссии Статута. Влияние этих взглядов можно также усмотреть в смягчении наказания за убийство шляхтича. Согласно II Статуту, можно было наказать смертью до семи человек из простонародья за убийство одного шляхтича (разд. XI, ст. 12), III Статут это число уменьшил до трех (разд. XI, ст. 39). Так, в пределах, ограниченных существующими социальными отношениями, редакция III Статута старалась проводить предложение Моджевского о равном наказании за убийство.

Примером рецепции польской конституции (т. е. за-

кона.— Ю. Б.) III Литовским статутом было внесение в него Варшавской конференцией 1573 г. ст. 3 (разд. III), названной: «О захованью в покою всех подданных наших обывателей того паньства з стороны розного розуменья и уживанья набоженьства хрестияньского», которая содержала полный текст Варшавской конфедерации и стала таким путем действующим правом в Литве⁴⁸.

Санкционирование религиозной терпимости в Литве было в интересах влиятельного разнореческого можновладства и шляхты. Отсюда внесение текста Варшавской конфедерации в Статут, который был подтвержден королем, несмотря на протест кустоша Виленской капитулы Бенедикта Войны, предъявленный от имени католического духовенства⁴⁹.

В III Статуте имелся также ряд положений, соответствующих интересам некатоликов. Это — защита храмов и священнослужителей всех христианских вероисповеданий, устранение «ереси» как основания для лишения наследства, ограничение роли присяги как доказательства.

Влияние гуманистических идей в III Статуте сочеталось с типичным для позднефеодального периода усилением уголовных наказаний. Отсюда увеличение количества преступлений, за которые угрожала смертная казнь (в I Статуте — 20 случаев, во II Статуте — 60, в III Статуте — 100). Это было главным образом следствием обострения социальных конфликтов, что вызывало реакцию в виде стремления господствующего класса к усилению правовой охраны их жизни и имущества, поставленных под угрозу. Однако задачи успешной борьбы с преступностью диктовали необходимость распространения этой правовой охраны и на другие слои населения. Выступавший параллельно — под влиянием идей Возрождения — гуманизм нашел выражение в некоторых нормах процедуры и материального уголовного права. Сюда, в частности, относился принцип, что суд «в сомнительных делах должен быть более склонен к освобождению, чем к наказанию» (разд. XIV, ст. 13), что в сущности является идентичным формулировке, согласно которой сомнение говорит в пользу обвиняемого. Отметим еще положение об ограничении уголовной ответственности несовершеннолетних до 16 лет. В случае поимки с воровством такие несовершеннолетние не могли быть наказаны палачами. Родители или родственники несовершеннолетнего пре-

ступника должны были компенсацию «з навезкою запла- тити [...] а то почтивости его шкодити не маеть» (разд. XIV, ст. 11). В случае упорного рецидива несо- вершеннолетний мог быть подвергнут телесному наказа- нию, но не смертной казни и лишению чести, к которым обычно присуждались воры. Было предусмотрено предста- вительство бедных в суде, и не только в уголовных де- лах (разд. IV, ст. 57), а также льготы при взимании денежных штрафов с сирот, людей бедных, «а не сво- вольных» (разд. IV, ст. 101).

Многие решения в уголовном праве статутах имели компромиссный характер. Как отметил Г. Демченко, они не раз соединяли новые предпосылки со старой практи- кой. Так обстояло дело с провозглашенным принципом индивидуальной ответственности, наряду с которой сохра- нялась, хотя и сильно ограниченная, ответственность бли- жайших родственников или порука (I Ст., разд. I, ст. 7; II Ст., разд. I, ст. 14; III Ст., разд. I, ст. 18). В системе нака- заний наряду с публичным наказанием допускалась и воз- можность мести, что, по мнению Г. Демченко, представляло типичное явление переходного периода⁵⁰.

В другой области обратим внимание на интересное по- ложение о невольничестве. В XVI в. Литва знала институ- цию рабства, а II Статут установил — в соответствии с классическим правом — три его источника: рождение от несвободных родителей, захват в плен на войне, долговое рабство. III Статут ограничивал невольничество, исклю- чая пленных (разд. XII, ст. 21). Однако в окончатель- ной редакции III Статута установлено, что термин «не- вольник» — вообще компрометирующий. Поэтому в кон- це было добавлено положение, по которому «в сем тепе- решнем Статуте тых людей о челядь, которые перед тым неволниками были званы, отменено назвиско», что, одна- ко, не должно было влиять на объем власти панов (разд. XIV, ст. 36). Эта «правовая косметика» была про- явлением указанной тенденции; она ускоряла растворение прежних невольников в массе зависимого населения.

Тенденция в направлении развития всеобщности и тер- риториальности права в статутах очевидна, хотя этот пер- воначальный принцип был в значительной мере нейтра- лизован сословным характером строя и связанным с ним наличием магдебургского права, а также растущим при- вилегированным положением шляхты. Уже I Статут кон-

статировал, что он представляет право, обязательное для всех господарских подданных, «которого роду або стану были бы». Во II Статуте встречаем обещание великого князя, что он должен всех подданных «от вышнего стану аж и до нижнего тыми одними права писанными от нас данными судити и справовати» (разд. I, ст. 1). В III Статуте статья эта была дополнена параграфом 2, согласно которому «так же чужоземци, заграничники [...] тым же правом мають быть сужоны». Поскольку публичное право имело характер права «народа шляхетского», разделы, посвященные процедуре, уголовному и частному праву, содержали также положения, касающиеся непривилегированных сословий⁵¹. Так, разделы, посвященные уголовному праву, применялись ко всему населению⁵², за исключением городов на магдебургском праве, хотя и выделяли шляхту, признавая за ней усиленную правовую охрану и облегчения в представлении доказательств о невиновности.

Характерными были изменения, касающиеся вспомогательного права. I Статут трижды предусматривал, что в случае отсутствия соответствующего положения судьи должны судить в соответствии со старыми обычаями (разд. VI, статьи вступ., 5, 25). Это было связано с убеждением законодателя, что первая кодификация не может быть исчерпывающей и потребует дополнений. Поэтому приговоры, изданные на основе «стародавнего обычая», должны быть представлены великокняжескому суду на ближайшем сейме. Там монарху и панам-раде надлежало решить, следует ли на основе приговора пополнить Статут дополнительной статьей. Рационалистическая тенденция, проявляющаяся в сознании полноты кодификаций, связывала обычное право, трактуемое как вспомогательное, с пониманием его как источника, служащего для пополнения кодификации. Отрицательное отношение к обычному праву комиссии, составляющей II Статут, привело к принятию в 1561 г. принципа, что следует судить исключительно на основе письменного права (разд. I, ст. 1), не уточняя, что́ нужно делать в случае пробела в праве. Такая установка должна была вызвать сомнения, и вот в III Статуте появилось новое положение, предусматривавшее, что, «где бы чого в том Статуте не доставало, тогда суд [...] водле сумненья своего и прикладом иных прав хрестияньских то отправовати и судити маеть»

(разд. IV, ст. 54). Это положение в судебной практике было понято как полномочие для использования римского права в качестве вспомогательного. Такого рода взгляды высказывали также в правовой литературе XVII—XVIII вв. Николай Залашевский и Теодор Островский, а более осторожно в науке XIX в.—Ромуальд Губе⁵³.

III Статут представлял, как видно, существенный шаг вперед в развитии системы литовского права. Он вводил смертную казнь за убийство независимо от сословного положения убитого и убийцы, санкционировал религиозную терпимость, применял ряд гуманистических решений в уголовном праве, провозглашал признание вспомогательного права в случае пробелов в законах. Пшемыслав Домбковский оценивал его как исчерпывающий и совершенный для своего времени законник⁵⁴. Достоинства III Статута нашли выражение как в приверженности к нему в Великом княжестве, так и в его влиянии на право соседних стран.

V. ВЛИЯНИЕ СТАТУТА 1588 Г. НА СОСЕДНИЕ СТРАНЫ

Историческую роль законодательства Великого княжества в контексте систем права соседних стран высоко оценил В. А. Мацеевский, написав: «Великим памятником законодательства своей эпохи является Литовский Статут, и таким, какого современная Европа не имела. Он, как растение, которое, притянув к себе соки кустившихся рядом деревьев, воспользовалось ими и переработав их в себе, вернуло им снова, но лучшими и более питательными»⁵⁵.

Это влияние проявилось в трех аспектах.

II Статут остался действующим правом во включенных в 1569 г. в Польское Королевство украинских воеводствах: Волынском, Киевском и Браславском. Он не дождался печатного издания, но переписывался в польском переводе с пропусками или дополнениями из позднейших коронных конституций и действовал на этих территориях как так называемый Волынский Статут. Практика заменила его III Статутом, который применялся на всей Приднепровской Украине вплоть до 1840 г. Важно добавить, что проект кодификации украинского права первой половины XVIII в. основывался в первую очередь на III Статуте⁵⁶.

III Статут стал одним из источников кодификации русского права, известного под названием Соборного уложения 1649 г.⁵⁷ Русские ученые начиная от автора первой монографии об этом памятнике права В. Строева (1833), в особенности М. Ф. Владимирский-Буданов (1877), показали, что редакторы Соборного уложения много заимствовали из III Статута. На полях оригинала Уложения находятся 56 пометок «из Литовского», указывающих на заимствование положений III Статута. В последнее десятилетие о III Статуте как источнике Уложения писал М. Н. Тихомиров. Полагаем, что о правотворческой деятельности царской канцелярии положительно свидетельствует то, что она взяла в качестве одного из образцов лучшую в Центральной Европе кодификацию, творчески приспособив ее нормы к условиям Московской Руси. Поэтому нас не убеждает гипотеза В. М. Чернова, что III Статут не повлиял на Уложение, а обе кодификации использовали общий источник, каким должен быть несохранившийся памятник русского права XV в.⁵⁸ Чтобы сделать эту гипотезу правдоподобной, следовало бы сначала установить существование этого гипотетического памятника права. Мы считаем более правильным утверждение Д. Черской: «Не подлежит сомнению использование в широкой степени редакционной комиссией Уложения постановлений Литовского Статута с тем, чтобы его правовые нормы были приспособлены к российской действительности»⁵⁹.

Статут 1588 г. играл роль вспомогательного права в практике польских шляхетских судов второй половины XVII—XVIII в. Польская правовая литература того времени ссылалась на III Статут как на «источник польского права или по крайней мере кодификацию, дополняющую недостатки польского права», — писал Ю. Макаревич⁶⁰.

Теодор Островский трактовал литовское право как вспомогательное в случае пробелов в польском праве. Он шел в этом за судебной практикой, констатируя, что «литовское право, являясь [...] провинциальным правом одного народа, при недостатке коронного всегда имело свое значение в наших судах»⁶¹. Думается, что Ю. Макаревич слишком смело утверждал, что «право обоих народов» действовало наравне в польских судах. Нужно полагать, что Статут 1588 г. оставался вспомогательным, но во мно-

гих областях некодифицированного польского земского права роль III Статута была значительной. Когда в период Просвещения был поднят вопрос об усилении охраны жизни крестьянина, конституция 1768 г. реципировала положение III Статута о смертной казни за умышленное убийство, в том числе и подданного⁶². На положение III Статута в системе польского права указывает также факт, что после I раздела императрица Мария Тереза патентом 1775 г. признала Статут в Галиции как вспомогательный для польского наследственного права⁶³.

Анализируя практику польских судов в XVII—XVIII вв., Ю. Рафач обратил внимание на то, что «влияние уголовного литовского права проявилось в уголовном польском земском процессе двояко. Во-первых, в употреблении судьей [...] положения, взятого из литовского права», в случаях смертной казни за убийство шляхтича и отсрочки исполнения смертного приговора, вынесенного беременной женщине. Во-вторых, в адаптации в польском судопроизводстве институций уголовного литовского права, смягчающей ответственность несовершеннолетних⁶⁴. Равным образом при неумышленном убийстве польская практика в XVII в. приняла постановления III Статута (разд. XI, ст. 23), который предусматривал уплату штрафа, но не смертную казнь или тюремное заключение.

Влияние литовского частного права на польское нуждается в дальнейшем исследовании. Наименьшим, возможно, было влияние литовского процесса, поскольку польское земское право обладало, как известно, кодификацией процессуального права с 1523 г.

Достоинства литовской кодификации были, видно, так велики, что она оказала значительное влияние на право и судебную практику соседних стран, как связанных политически с Великим княжеством, так и находившихся с ним в конфликтных отношениях.

Правовая система, зафиксированная в III Статуте, представляла удачный синтез принципов феодально-сословного строя с романистическими элементами, а также новыми правовыми понятиями, воспринятыми и развитыми литовскими законодателями XVI в. Наилучшим доказательством того, что синтез был удачным и отвечал требованиям эпохи, является то, что два с половиной века III Статут представлял образец для законодателей и вполне удовлетворял практиков.

- ¹ См.: *Steinwenter A.* Recht und Kultur.— In: Aufsätze und Verträge eines österreichischen Rechtshistorikers. Kolonia — Graz, 1958, S. 17—64.
- ² *Zweigert K.* Zur Lehre von den Rechtskreisen.— In: XX century comparative and conflicts law. Legal essays in honor of H. E. Yntema. Leyden, 1961, p. 42—55.
- ³ *Czacki T.* O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 roku wydanym, t. II. Kraków, 1861, s. 12.
- ⁴ *Ehrenkreutz S.* Stan badań nad statutami litewskimi.— «Ateneum Wileńskie», 1924, r. II, s. 289—349.
- ⁵ *Kutrzeba St.* Historia źródeł dawnego prawa polskiego, t. II. Lwów, 1926, s. 69—82.
- ⁶ *Koschaker P.* Europa und das römische Recht. München — Berlin, 1958; *Wieacker Fr.* Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen, 1952, S. 118—131.
- ⁷ *Trusen W.* Anfänge des gelehrten Rechts in Deutschland. Ein Beitrag zur Geschichte der Frührezeption. Wiesbaden, 1962, S. 3.
- ⁸ *Bónis G.* Der Zusammenhang der Summa Legum mit dem Tripartitum.— «Studia slavica hungarica», 1965, t. XI, p. 373—409.
- ⁹ *Vaněček V.* Mistř Viktorín Cornelius ze Všehrd a další vývoj českého právnictví.— «Rozprawy ČSAV», 1960, r. 70, z. 9, s. 3—59.
- ¹⁰ Corpus juris Polonici, t. IV, N 16, p. 50.
- ¹¹ *Volsé W.* Frycza Modrzewskiego nauka o państwie i prawie. Warszawa, 1956, s. 213.
- ¹² Сведения о них см.: *Ochmański J.* Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Poznań, 1972, s. 41—43.
- ¹³ *Пичера В. И.* Литовский Статут 1529 г. и его источники.— В кн.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, с. 17—18.
- ¹⁴ *Jakubowski J.* Studia nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa, 1912, s. 72.
- ¹⁵ *Пичера В. И.* Указ соч., с. 24—27. Подробный разбор литературы, касающейся I Статута, см.: *Лазурка С. А.* I Литовский статут. Вильнюс, 1973, с. 211.
- ¹⁶ *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г., т. 1, ч. 1. Каунас, 1934; ч. 2. Каунас, 1936, с. 591.
- ¹⁷ *Taubenschlag R.* Wpływ rzymsko-bizantyńskie w drugim Statucie Litewskim. Lwów, 1933, s. 36.
- ¹⁸ *Bossowski Fr.* Nowela Justyniana 115 — Statut Litewski I, IV, Art. 13 (14); Statut II i III, r. VIII, Art. 7.— In: Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu Litewskiego. Wilno, 1935, s. 107—121.
- ¹⁹ *Koranyi K.* O niektórych postanowieniach karnych Statutu Litewskiego z r. 1529. Studium prawnoporównawcze.— In: Księga pamiątkowa..., s. 123—157.
- ²⁰ Теоретические вопросы рецепции являются предметом обширной литературы. См.: *Schwarz A.* La réception et l'assimilation des droits étrangers.— In: Introduction à l'étude du droit comparé. Recueils en l'honneur d'Edouard Lambert, t. II, cz. 4. Paris, 1938, p. 581—590; *Schnittzer A.* Vergleichende Rechts-

- lehre, Bd. I. Basel, 1961, S. 58—68; *Rivero J.* Les phénomènes d'imitation des modèles étrangers en droit administratif.— In: *Miccellanea W. J. Ganshof van der Meersch*, t. III. Bruxelles—Paris, 1972, S. 619—639.
- ²¹ Подробнее об этом см.: *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г., т. 1, ч. 1, с. 40—49.
- ²² *Ochmański J.* Biskupstwo..., s. 61.
- ²³ *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г., т. 1, ч. 1, с. 97—100.
- ²⁴ Г. Василевский установил, что он был похоронен в церкви, основанной его семьей, а его сын был известным кальвинистским деятелем.
- ²⁵ *Baryczowa M.* Augustyn Rotundus Mieleski, wójt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy.— «*Ateneum Wileńskie*», 1935, r. X, s. 71—96; 1936, r. XI, s. 117—172.
- ²⁶ *Wierzbowski T.* Wikientij Laureo... i jego nieizdannyje doniesienija... Warszawa, 1887, s. 668 (list z 12.III 1578).
- ²⁷ *Barycz H.* Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego w epoce humanizmu. Kraków, 1935, s. 424—430; *Fijałkowski T.* Z badań nad Rojzjuszem. Między prawem a literaturą.— In: *Prace polonistyczne*, 1970, t. XXVI, s. 86.
- ²⁸ *Fijałkowski T.* Piotr Rojzjusz w opiniach współczesnych i potomnych.— «*Sprawozdania z czynności i posiedzeń Łódzkiego towarz. nauk.*», 1972, r. XXVI, z. 5, s. 1—10.
- ²⁹ *Fijałkowski T.* Andrzej Frycz Modrzewski wobec tradycji prawa rzymskiego.— In: *Andrzej Frycz Modrzewski i problemy kultury polskiego Odrodzenia.* Wrocław, 1974, s. 174.
- ³⁰ *Estreicher S.* Kultura praw-
- nicza w Polsce XVI wieku.— In: *Kultura staropolska.* Kraków, 1932, s. 18.
- ³¹ *Ehrenkreutz S.* Zagadnienia wpływu prawa rzymskiego na Statuty litewskie.— In: *Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków polskich*, t. I. Lwów, 1935, s. 193.
- ³² *Максимейко Н. А.* Источники уголовных законов Литовского Статута.— «*Университетские известия*», Киев, 1894, № 12, с. 151—181.
- ³³ *Taubenschlag R.* Wpływy...
- ³⁴ *Kot S.* La Réforme dans le Grand-Duché de Lithuanie. Facteur d'occidentalisation culturelle. Bruxelles, 1953, p. 44—48.
- ³⁵ *Zachara-Wawrzyńczyk M.* Geneza legendy o rzymskim pochodzeniu Litwinów.— «*Zesz. histor. Uniw. Warszawskiego*», 1963, r. III, s. 5—35.
- ³⁶ *Taubenschlag R.* La storia della recezione del diritto romano in Polonia fino del secolo XVI. Bologna, 1939.
- ³⁷ *Taubenschlag R.* Les entraves á la pénétration du droit romain dans le droit polonais médiéval.— In: *Ius Populi Dei. Miscellanea in honorem Raymundi Bidagor*, t. I. Roma, 1972, p. 53—68. См.: *idem.* La Pologne médiévale et le droit romain.— In: *Studi Volterra*, t. I. Milano, 1969, p. 289—307.
- ³⁸ *Bukowska K.* O recepcji prawa rzymskiego w prawie miejskim w dawnej Polsce.— «*Czasop. prawno-historyczne*», 1968, t. II, z. 1, s. 71—91.
- ³⁹ *Estreicher S.* Kultura..., s. 20; *Voisé W.* Frycza Modrzewskiego nauka..., s. 217—218.
- ⁴⁰ *Dąbkowski P.* Dobra rodowe i nabyte w prawie litewskim od XIV do XVI wieku. Lwów, 1916, s. 117.
- ⁴¹ *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г., т. 1, ч. 1, с. 152—153.

- ⁴² Там же, с. 207.
- ⁴³ Volumina Legum, t. II, p. 794. См.: *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г. т. 1, ч. 1, с. 376—378.
- ⁴⁴ Цит. по: *Ptaszycki S.* Konfederacja warszawska roku 1573 w trzecim Statucie Litewskim.— In: *Кsięга pamiątkowa...*, s. 200.
- ⁴⁵ Volumina Legum, t. II, p. 794.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Jurginis J.* Renesansas iv humanismas Lietuvoje. Vilnius, 1965, p. 162—168.
- ⁴⁷ *Voisé W.* Frycza Modrzewskiego nauka..., s. 272—273, 217—241.
- ⁴⁸ *Ptaszycki S.* Konfederacja warszawska..., s. 198—199.
- ⁴⁹ *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г., т. 1, ч. 2, с. 238—240.
- ⁵⁰ *Демченко Г.* Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566, 1588 гг.). Киев, 1894, с. 6—12.
- ⁵¹ Сюда относятся, в частности, положения «о записех людей простых...» (разд. VII, ст. 8), о составлении завещаний простыми людьми (разд. VIII, ст. 9), о поручительстве простых людей (разд. IX, ст. 18). Многие статьи сформулированы так, что могут относиться к представителям и шляхты, и других сословий. Была предусмотрена также возможность их применения к мещанству городов на магдебургском праве с оговоркой, что мещанин может, если хочет, перейти под право Статута (разд. III, ст. 35).
- ⁵² На это указывают уже заголовки разд. XII—XIV.
- ⁵³ *Hube R.* O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-bizan-
- tyńskiego u narodów słowiańskich (1868 г.).— In: *Pisma*, t. I. Warszawa, 1905, s. 386—387.
- ⁵⁴ *Dąbkowski P.* Prawo prywatne polskie, t. I. Lwów, 1910, s. 6.
- ⁵⁵ *Maciejowski W. A.* Historia prawodawstw słowiańskich, t. I. Warszawa, 1856, s. 207.
- ⁵⁶ Эту кодификацию под названием: «Права, по которым судится малороссийский народ» опубликовал А. Ф. Кистяковский (Киев, 1879). Подробнее см.: *Юшков С. В.* История государства и права СССР, ч. 1. М., 1947, с. 434—444.
- ⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Czerska D.* Sobornoje Ułożenije 1649 roku. Zagadnienia społeczno-ustrojowe. Wrocław. 1970, s. 54—63; *Ланно И. И.* Литовский Статут 1588 г., т. 1, ч. 2, с. 527—530.
- ⁵⁸ *Чернов В. М.* Можно ли считать доказанным, что Литовский статут является источником V и IX глав Соборного Уложения?— В кн.: *Славянский архив*. М., 1963, с. 73—99.
- ⁵⁹ *Czerska D.* Sobornoje Ułożenije 1649 roku, s. 63.
- ⁶⁰ *Makarewicz J.* Polskie prawo karne. Część ogólna. Lwów, 1919, s. 15.
- ⁶¹ О полемике с автором см.: *Makarewicz J.* Polskie prawo karne..., s. 15—19.
- ⁶² Volumina Legum, t. VIII, p. 600.
- ⁶³ *Dąbkowski P.* Prawo prywatne..., s. 6.
- ⁶⁴ *Rajacz J.* Z wpływów prawa litewskiego na prawo koronne polskie.— *Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu*, t. I, s. 204—208.

О МЕСТЕ СУДЕБНИКА КАЗИМИРА 1468 Г. В ПРАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

И. П. Старостина

В 1826 г. профессор Харьковского университета И. Н. Данилович опубликовал под названием «Судебник Казимира» (в польском переводе — «Statut Kazimierza») законы Великого княжества Литовского, изданные при Казимире IV Ягеллоне в 1468 г.¹ Исследователи по-разному определяли место «Судебника» и значение его в литовском праве второй половины XV — начала XVI в. Его называли «белорусским статутом»² и русским памятником³, отмечали, что ничего литовского в нем нет⁴, считали попыткой фиксации «литовских обычаев»⁵, определяли как первый опыт кодификации в масштабах всего Литовского государства⁶, наконец, утверждали, что он действовал только в Великом княжестве Литовском в тесном смысле⁷. Неоднозначно решался и вопрос о взаимоотношении Судебника и I Литовского статута⁸. В литературе сосуществуют также противоречивые сведения об открытии Судебника, обстоятельствах введения в научный оборот его списков и т. п.

Такое большое количество разных мнений можно отчасти объяснить отсутствием хороших публикаций и специальных исследований об этом памятнике. Сейчас не имеется современной научной публикации Судебника, соответствующей принятым археографическим требованиям. Считающееся лучшим его издание 1846 г.⁹ устарело и имеет серьезные недостатки. Все же последующие перепечатки памятника¹⁰ основываются именно на этой публикации.

В значительной степени такое положение определяется состоянием науки литовского права вообще. Несмотря на обилие работ по истории Литовского государства в русской буржуазной дореволюционной историографии, очень многие вопросы литовского права остались неизученными, а порой были искажены. Исследователи исходили из тезиса о господстве русского права в Литве, а правовые памятники, в том числе и Судебник, объяв-

лялись русскими. Польские исследователи искали в литовском праве польское влияние, а в литовской буржуазной историографии проявлялись националистические тенденции¹¹.

Советские историки изучению литовского права уделяли мало внимания. Однако в работах по истории Великого княжества Литовского подчеркивалась важность данной проблемы и указывалось, что в этом государстве со сложным этническим составом действовало и русское, и литовское, и польское, и прусское право¹².

В литовской историографии отметим работы К. Яблонскаса¹³, исследования Ю. Юргиниса по истории крепостничества в Литве¹⁴, а также попытки современных литовских историков выделить в источниках I Литовского статута обычное литовское право¹⁵. Серьезный вклад в изучение литовского права вносят работы современного польского исследователя Ю. Бардаха¹⁶.

Однако следует признать, что пока еще вопрос о характере права Великого княжества Литовского не нашел достаточно полного отражения в современной исторической литературе. Особенно важным представляется в этой связи изучение источников I Литовского статута (о чем в свое время писал В. И. Пичета)¹⁷. Этому должно предшествовать тщательное исследование всех сохранившихся правовых памятников достатутовского периода, а в случае необходимости и новое научное их издание на современном археографическом уровне. Такая работа уже начата В. Т. Пашуто, который ввел в научный оборот ценные для литовской истории прусские материалы по дофеодальному (Кишпоркский договор, жалованные грамоты Ордена прусским нобилям) и феодальному (Помезанская правда) периодам¹⁸. В настоящей работе рассматриваются историографическая судьба Судебника и вопрос, для какой территории он был издан. История разысканий и введения в научный оборот списков Судебника разобрана нами в специальной статье¹⁹.

У первых исследователей Судебника, по всей вероятности, вопроса о предназначении его даже не возникало. В работах И. Н. Даниловича²⁰, Т. Нарбута²¹, Ю. Крашевского²², Ю. Ярошевича²³ и др. этот памятник расценивался как первое свидетельство законодательной деятельности Литовского государства вообще. Особо следует выделить лишь мнение В. А. Мацеевского, полагавшего, что

он был издан для белорусских земель Великого княжества Литовского²⁴. Доказательства автора были аргументированы слабо, и в литературе эту точку зрения никто не поддержал.

Историки России, изучавшие историю Великого княжества Литовского, не занимались вопросом, для какой области предназначался Судебник. Однако в своих работах они исходили из признания его общегосударственным кодексом. Так, Чарнецкий писал, что Судебник после Русской Правды «можно назвать первым кодексом общих законов в литовско-русских областях»²⁵. М. Н. Ясинский характеризовал его как «первый литовско-русский общезаконодательный сборник»²⁶. Попыткой создания общеземского кодекса считал его Н. А. Максимейко²⁷. Эта оценка вошла и в общие курсы русской истории²⁸.

В фундаментальных трудах М. К. Любавского было доказано, что Великое княжество Литовское, включившее значительную часть бывших древнерусских территорий, имело характер федерации²⁹. Первенствующее положение в ней занимала собственно Литовская земля, к которой были присоединены некоторые бывшие древнерусские области. Теснее других к ней примкнули Берестейская земля, Турово-Пинское княжество и др. Как отмечает М. К. Любавский, земли «Полоцкая, Витебская, Смоленская, Жмудская, Киевская и Волынская, Чернигово-Северские княжества и Подолье, примкнувшие к Великому княжеству по соглашению и договору, с сохранением местной самостоятельности и самобытности, продолжали удерживать свое особое от Литвы положение в составе Великого княжества и в изучаемое время»³⁰.

В работе об областном делении Литовско-Русского государства М. К. Любавский, хотя и упоминает Судебник, специально вопрос о его предназначении не разбирает³¹. В труде по истории литовско-русского сейма он писал, что на сейме в Вильно в феврале 1468 г. Казимир издал целый ряд законов касательно отправления правосудия в Великом княжестве. Он не относил его к числу вальных сеймов «князей, панов и бояр со всего Великого княжества, от всех его земель», хотя и отметил присутствие на нем шляхты-рыцарства³².

В обобщающем «Очерке истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавский еще более четко подчеркнул различия между областями и «центральной землей»,

т. е. «Великим княжеством Литовским в тесном смысле с некоторыми его наростами второй половины XIII и первой половины XIV в.», под которыми он понимал бывшие древнерусские территории, вошедшие в состав Виленского и Троцкого воеводств³³.

В этой земле, «самой населенной», были сосредоточены господарские великокняжеские имения и имения правящей литовской знати. М. К. Любавский писал: «Эта область обособлялась от других своими внутренними порядками по части управления и суда, своим обычаем, своим литовским правом... Суд в этой области до издания общегосударственного свода, т. е. Статута 1529 г., производился по местному обычному праву и узаконениям, вроде, например, Судебника Казимира 1468 г., разнившимся от действовавших в других областях норм. Подобно другим областям, и эта главная область Литовско-Русского государства имела свой земский привилей» — Городельский 1413 г.³⁴ Он указал, что Судебник 1468 г. был составлен и издан «на областном сейме Великого княжества Литовского в тесном смысле»³⁵.

Основные положения о характере государственного устройства Великого княжества Литовского, изложенные в работах М. К. Любавского, нашли признание у большинства историков, хотя в дальнейшем уточнялись и развивались. Эти положения в известной мере сохранили свое значение в советской историографии, которая дала новое истолкование классовой природы федерации Великого княжества Литовского.

Оценка М. К. Любавским Судебника как узаконений, действовавших в Великом княжестве Литовском в тесном смысле, заслуживает пристального внимания³⁶. Н. А. Максимейко в более поздней своей работе также находил весьма вероятным, что «Судебник Казимира был кодифицирован на сейме Литовского княжества в собственном смысле этого слова»³⁷. Аналогично охарактеризовал памятник Ф. И. Леонтович. В работе о вече и сеймах Великого княжества Литовского он рассматривал Судебник «в значении устава, данного собственно Литовской земле, а не всем автономным областям литовского государства», и отпустил сейм, на котором был принят Судебник, к числу областных³⁸.

Однако и после трудов М. К. Любавского и Ф. И. Леонтовича Судебник продолжал рассматриваться как пер-

вый опыт общегосударственной кодификации³⁹. Отметим, что лишь в истории Литвы И. А. Кацеля памятник охарактеризован как «первая попытка собрать и зафиксировать различные литовские обычаи... Судебник этот, утвержденный литовским сеймом, получил общеземское значение»⁴⁰. Как видно, здесь объединены обе точки зрения.

Более внимательно предназначение Судебника рассмотрел С. И. Борисенок⁴¹. По его мнению, наиболее характерным явлением правовой жизни Литовского государства до издания I Литовского статута был правовой сепаратизм. Право Великого княжества Литовского этого периода он называл «конгломератом систем обычного права, характерные особенности которых наукой еще не выявлены»⁴². Источники этого периода называют права «Вольнское», «Дорогицкое», «Киевское», «литовское» и т. п. В уставных грамотах, выданных землям (областных привилеях), наряду с общими политическими принципами и гарантиями были записаны и нормы уголовного права, отличающиеся своеобразием в разных областях.

С. И. Борисенок, указав на существенные различия между некоторыми нормами Судебника и областных привилеев, пришел к выводу, что Судебник не мог поэтому иметь общегосударственное значение и был своеобразным дополнением к привилею 1413 г., выданному литовским феодалам. В самом его тексте не говорится, что он будет действовать на всей территории Великого княжества Литовского, в то время как при издании общегосударственных актов это обычно обозначается. Судебник, по его мнению, был принят на расширенном заседании литовской рады⁴³. Наконец, в источниках есть указания на то, что до издания I Литовского статута в Великом княжестве Литовском не было общего письменного права⁴⁴. Таковы доводы С. И. Борисенка, утверждавшего, что и по форме, и по содержанию Судебник можно отнести к «литовскому земскому праву, которое отличалось от местного права других земель». Он указал также, что это еще не решало вопроса о его национальном характере⁴⁵.

Через несколько лет, по-видимому независимо от С. И. Борисенка, к тем же выводам пришел И. И. Лаппо⁴⁶. Он обратил внимание на то, что в двух статьях Судебника упоминаются воеводы. Между тем в конце XV в. воеводский уряд был только в Аукштайтии и Черной Руси. По его мнению, Виленский сейм 1468 г., утвер-

дивший Судебник, «приходится считать сеймом лишь государственного ядра Великого княжества Литовского...»⁴⁷ В ст. 21 Судебника предписывалось заключать в тюрьму совершившего «наезд» и держать там до приезда великого князя, который вместе с радой вынесет окончательный приговор. «Но сколько же времени должно было длиться такое ожидание» для жителей «земель-аншексов», если Судебник был общегосударственным кодексом?⁴⁸ И. И. Лаппо отметил несоответствие заголовка «Судебник» назначению памятника, имевшего в тексте самоназвание «лист», и указал, что название «Судебник» позднее. На основании сходства некоторых формул он считал, что «по своей форме Судебник Казимира ничем не отличается от областных привилеев». По его мнению, это также подтверждало, что рассматриваемый памятник не был «общим законом для всего государства»⁴⁹. В целом он пришел к заключению, что памятник был «листом-привилеем или «уставою» ...для Аукштайтии и Черной Руси»⁵⁰.

На эти работы долго не было отклика. Лишь в 1967 г. при вильнюсском издании Судебника была опубликована статья проф. А. Янулайтиса, написанная в 1948 г., в которой они были рассмотрены⁵¹. Он посчитал доказательства С. И. Борисенка и И. И. Лаппо недостаточно убедительными и защищал точку зрения сторонников оценки Судебника как первого общегосударственного кодекса. А. Янулайтис был единственным, кто попытался сформулировать доводы в пользу общегосударственного значения памятника. Однако они были недостаточно аргументированы. К тому же автор смешал два вопроса: 1) для какой территории предназначался Судебник и 2) на какой территории он применялся.

В настоящее время в общих работах по истории Литвы, Украины, Белоруссии, в энциклопедиях, учебниках и т. п. Судебник только упоминается или разбираются отдельные нормы, зафиксированные в его статьях. Вопрос о его общегосударственном значении (и в связи с этим — рассмотрении его как первого кодификационного опыта) или не вызывает никаких сомнений, или не поднимается вообще⁵². Только в Малой литовской энциклопедии указывается, что Судебник действовал в Аукштайтии и так называемой Черной Руси⁵³.

Между тем доводы сторонников областного значения Судебника по существу никем серьезно не разбирались.

Выяснение вопроса о предназначении Судебника важно как для общей характеристики права Великого княжества Литовского, так и для определения в нем места этого памятника. Рассмотрим подробнее доказательства за и против областного значения Судебника.

Вот вкратце аргументы сторонников того, что памятник предназначался для Великого княжества Литовского в тесном смысле. Заголовок Судебника не соответствовал его содержанию. Он не является общим законом для всего государства и потому по самоназванию и некоторым формулам совпадает с областными привилегиями (С. И. Борисенко, И. И. Лаппо). В источниках есть указания на то, что в Литовском государстве в начале XVI в. не было общегосударственных письменных законов (С. И. Борисенко). Судебник был утвержден областным сеймом Великого княжества Литовского (Н. А. Максимейко, М. К. Любавский, Ф. И. Леонтович, С. И. Борисенко, И. И. Лаппо). В памятнике упоминаются воеводы, которые во время его издания имелись только в Вильно, Троках и Новгороде (И. И. Лаппо). Правовые нормы, зафиксированные в Судебнике, отличались от правовых норм других земель (М. К. Любавский, С. И. Борисенко, И. И. Лаппо). Все это соответствовало характеру государственного устройства Великого княжества Литовского рассматриваемого времени. Несмотря на определенную государственную консолидацию, Литовское государство во второй половине XV в. отличалось политическим и правовым сепаратизмом. Единое общеземское право только еще складывалось.

В свете этих вопросов историографии мы рассмотрим Судебник с точки зрения формы и содержания. Подлинник памятника до нас не дошел. Сохранились три списка (Р, Т, У)⁵⁴ в составе восточнославянских рукописей, происходящих с территорий, входивших в конце XV — начале XVI в. в состав Великого княжества Литовского. Памятник — небольшой по объему (25 статей, по делению М. Ф. Владимирского-Буданова). Хронологически списки близки друг другу и к времени издания Судебника, значительных текстуальных различий между ними нет.

Ни в одном из списков Судебник не озаглавлен. В списке У слова «Судебник Казимеров» написаны позже, другими чернилами, скорописью XVII в., на пижнем поле первого листа. Так рукопись с законами Казимира была названа в начале XVII в. в Кирилло-Белозерском

монастыре, возможно в связи с тем, что в ней был также русский перевод польских средневековых законов Казимира III⁵⁵. В поздней копии списка У, которую использовал первый издатель Судебника И. Н. Данилович, эти слова были написаны как заголовок. Он и закрепился за памятником после публикации И. Н. Даниловича. Продолжая употреблять по отношению к нему ставшее традиционным название «Судебник», следует помнить об искренности его происхождения.

Сам памятник называет себя «листом»⁵⁶: «Чиним знаменито сим нашим листом», «как у сем листу верху писано» и т. п. Такое название в Литве конца XV — начала XVI в. применялось для обозначения самых разных по содержанию грамот. Нормы, зафиксированные в Судебнике, понимались составителем как «право» или «право земское». Так, нарушивший постановление суда и захотевший отпустить «злодея» за выкуп на волю — «ис права выступать». Решение о его наказании принимают великий князь и рада (ст. 12). Совершивший «порубы» и «наезды» — «ис права земьского выступил — а над право сягнул» (ст. 21). Приговор по такого рода делам выносится также великим князем и радой. Наконец, те, которые не заделают свой участок моста, «а исполошатся» и поэтому конь повредит себе ногу, — «ис права выступили» (ст. 25). В Литве конца XV — начала XVI в. термин «право» имел широкое распространение. Под «правом» понимались и законы. Так, I Литовский статут и в тексте, и в источниках 1529—1530 гг. назывался «права писаные». Однако Судебник унифицировал только очень небольшую часть «земского права» (главным образом уголовного). Все исследователи отмечали узость его содержания. К. Яблонскис, указав на ошибочность его традиционного заголовка, назвал его краткой инструкцией⁵⁷.

В этой связи нам представляются неубедительными ссылка С. И. Борисенка на Волынский привилей 1501 г. как на свидетельство того, что в Литве начала XVI в. не было единого письменного права, и его сделанное на этом основании заключение об областном характере Судебника⁵⁸. Великий князь Александр в этом привилее признает, что в государстве не было единого законодательства. Но даже если бы наш памятник имел «общеземское» значение, это не противоречило бы сказанному выше.

Ведь он был очень кратким сборником правовых норм и потому не мог рассматриваться как статут в настоящем понимании этого слова.

Остановимся подробнее на форме Судебника. Начало памятника в двух списках (Р и У) в основном совпадает: «Казимир Божьею милостью...» Это — интитуляция, где девоцийная формула «Божьею милостью» объединяет имя и титул издателя. В списке У в титуле пропущено слово «Жомоитьский». В списке Т Судебник начинается словами «про то ж еще мы», а потом уже идет интитуляция. Это заставляет предположить, что, возможно, подлинник содержал компоненты, опущенные позднейшими переписчиками. Обычно слова «про то ж» или «про то ж еще» соединяли инвокацию, апрекацию, формулы вечности, аренгу с интитуляцией. Для примера приведем русский текст общеземского привилея 1447 г.: «Во имя божье аминь. К вечной речи памяти. Все речи, которые ж бывають, от людской памяти поспол с часом отходить, а ни потом к памяти могут приведены быти: олиж писмом имають потвержены быти. Про тож мы Казимир...»⁵⁹ В литовских грамотах, как вообще в средневековой дипломатике, аренда давала возможность издателю продемонстрировать свои намерения⁶⁰. К сожалению, нам неизвестно содержание опущенной части Судебника, а она, вероятно, могла бы помочь в уяснении вопроса о его предназначении.

После интитуляции в Судебнике идут обычные формулы нотификации в соединении с инскрипцией (в данном случае — с общим адресом)⁶¹: «Чиним знаменито сим нашим листом, кто нань посмотреть или чтучи услышит»⁶². М. Ф. Владимирский-Буданов обратил на них внимание и отметил, что законы выдавались, конечно, не только для тех, кто их увидит или услышит. Он полагал, что здесь они употреблены просто по привычке⁶³. И. И. Лаппо на основании этого относил Судебник по форме к областным привилеям⁶⁴. Но в XV—XVI вв. аналогичные формулы употреблялись в международных договорах великих литовских князей⁶⁵, в правых грамотах⁶⁶, присяжных записях⁶⁷; литовские феодалы «чинили», «вызнавали», «сознавали» «знакомито», «знаменито», «явно» в грамотах разного типа⁶⁸. Формулы варьировались: «вызнаваем сами на себе сим нашим листом, хто на него посмотрит, або чтучи его вслышит, нынешним и потом

будучим, кому будет потребно того ведати», «каждому доброму, кому того потреб будет ведати або чтучи его слышати» и т. п. Варианты этих формул употреблены также в общеземских привилеях⁶⁹, в Эдикте об издании Статута 1522 г.⁷⁰ на латинском языке и т. п.

Далее в наррации сообщается, что законы были приняты на совещании великого князя с радными панями, князьями и посольством («ижь мы с князьми и с паны радою нашею великого князьства Литовьскаго и с всим посольством согадавши»), и идет диспозитивная формула «урядили есмо так». В списке Т слова «и с всим посольством» пропущены. Варианты этой наррации встречаются в международных договорах великих литовских князей⁷¹. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, полагаем, что здесь уместно сделать отступление и отметить, что большинство исследователей (и среди них — специально изучавших историю литовского сейма) видели в этом указание на областной сейм Великого княжества Литовского. С этим можно согласиться. Ниже в тексте памятника ничего не говорится о том, что Судебник предназначался для всего государства. Добавим, что, вероятно, это было обычное расширенное совещание великого князя с радой с участием посольства во время пребывания Казимира в Литве. По сообщению Я. Длугоша, рождество, зиму и начало весны великий князь провел в Вильно, где принимал посольства разных князей и охотился⁷².

После статей Судебника идет санкция: «Про тож, как у сем нашем листу выписано, по тому бы есте рядили, а ис того не выступали». Похожие формулы встречаются в уставах начала XVI в.⁷³ Во многих литовских грамотах имеется корробация с сообщением о печати. В эсхатоколе указываются дата и место издания, иногда перечисляются свидетели, а также отмечаются составитель или писец. Чередование этих компонентов различно, отдельные из них могут отсутствовать. Только в списке У нашего памятника после санкции указаны место и дата издания Судебника. Значит, и в этой части в списках Р и Т имели место сокращения. Лишь в конце списка Т стоит «аминь», возможно апрекация. Характер отмеченных выше сокращений во всех списках делает вероятным предположение, что подлинник мог иметь корробацию и более полный эсхатокол. Поэтому, на наш взгляд, было

бы точнее констатировать, что в сохранившихся списках этих данных нет, а не утверждать, что он был издан без подписи свидетелей и печати ⁷⁴.

Сделаем некоторые заключения из наблюдений над формой памятника и его обозначением. Думается, что его нельзя приравнять на основании совпадения ряда формул и по названию «лист» к областным привилеям. И название, и эти формулы были достаточно широко распространены в средневековой литовской дипломатике и встречались в грамотах разных типов. Скорее можно сказать, что и Судебник, и привилеи, и другие памятники были построены по сходному формуляру, и одна из задач литовской дипломатики состоит в определении сходства и расхождения в этом отношении между грамотами разного вида ⁷⁵.

Рассмотрим теперь упоминание воевод. В нашем памятнике они встречаются в двух статьях (11 и 21). В ст. 11 говорится, что в случае конфликта между подданными разных владельцев, если владелец обвиняемого откажет в суде, великий князь посылает детского (в обязанности которого входило и доставление обвиняемого к суду). При отсутствии господаря в Великом княжестве Литовском детского посылают воеводы. В ст. 21 пострадавшим от наезда предоставлено право подавать жалобу господарю, а в его отсутствие в княжестве — раде. Воеводы «моцно» доставляют обвиняемого. Если нарушение действительно имело место, обвиняемого заключают в казнь (тюрьму), где он дожидается приезда великого князя, принимающего вместе с радой окончательное решение. Великий князь выступает здесь как высший вершитель правосудия, в свое отсутствие он возлагает эти функции на представителей высшего государственного уряда — воевод. Они отличаются в нашем памятнике от других урядников более низшего ранга — наместников и тиунов (ср. ст. 9, 10).

Разберем теперь, в каких областях Великого княжества Литовского во время издания Судебника были воеводы. Воеводства Виленское и Трокское были учреждены в 1413 г. ⁷⁶ Правителями Полоцка ⁷⁷, Смоленска ⁷⁸, Витебска ⁷⁹ во время издания Судебника являлись наместники, которые стали называться воеводами в начале XVI в. Старшим урядником на Волыни при Казимире был лудкий староста, воеводство там было образовано лишь в 1566 г. ⁸⁰

Наименование «староста» сохранялось за правителем Жемайтии вплоть до XVIII в.⁸¹ Во время выдачи Судебника Киевской землей правил князь Семен Олелькович, воеводы там появились только после его смерти и ликвидации киевского княжения⁸². В 30—50-х годах XV в. с титулом воеводы выступал иногда наместник новгородский Петр Монтыгирдович⁸³. Следующий известный нам новгородский правитель Мартин Гаштольд как раз во время издания Судебника (по Вольфу — 1464—1471 гг., по Бакусу — 1457(?) — 1471 гг.) назывался наместником. Утверждение титула воеводы за новгородским правителем произошло только в начале XVI в.⁸⁴ Новгородские наместники в своем округе были самостоятельными и не находились в судебно-административном отношении в подчинении виленского воеводы. В соответствии с этим полагаем, что Судебник предназначался для территорий, находившихся в судебно-административной власти виленского и трокского воевод.

М. К. Любавский полагал, что в ст. 21 весь состав рады назван воеводами⁸⁵ (пострадавший «имаеть паном раде нашой жаловати; и паном воеводам нашим по того послати»). На основании этой же статьи Ф. И. Леонтович пришел к выводу, что и в ст. 11 речь идет о раде, хотя там названы только воеводы⁸⁶. Думается, что в данном случае подобное толкование недостаточно обоснованно. Что же касается ст. 21, вероятно, здесь отразились реальные отношения в раде Великого княжества Литовского, где главную роль играли именно виленский и трокский воеводы. Нужно учесть и то, что им принадлежала высшая судебно-административная власть в своих округах⁸⁷. Отметим, что упоминаемое в ст. 11 и 21 «Великое князьство Литовское» могло здесь иметь значение только одной области государства, как во многих источниках этого периода⁸⁸. Относительно содержания ст. 21, вероятно, можно согласиться с мнением И. И. Лаппо о том, что она могла иметь реальное применение в Великом княжестве Литовском в тесном смысле. Отметим, что ее значение состояло в выделении наездов как особо важных дел и в отнесении их к ведомству великокняжеского суда⁸⁹.

Здесь уместно привести возражение А. Янулайтиса против упоминания воевод как свидетельства областного значения Судебника. Автор попытался доказать, что между Судебником и областными привилеями нет противоре-

чий. Для сравнения он привлек только привилей Жемайтии, поскольку считал, что все остальные были изданы после 1492 г.⁹⁰ Но исследования ряда ученых уже давно доказали, что, хотя областные привилеи дошли до нас в поздних подтверждениях, некоторые из них были изданы, вероятно, уже в конце XIV в.⁹¹ А. Янулайтис сравнил ст. 11 Судебника со ст. 12 общеземского привилея 1447 г., предусматривающей посылку детского при отказе владельца обвиняемого в производстве суда. Автор сопоставил ее с привилеем Жемайтии, где говорилось, что великий князь не будет посылать детских в пределы Жемайтии. Он считал, что, поскольку привилей 1447 г. был общеземским, он действовал и в Жемайтии, а значит, противоречий между ст. 8 привилея и Судебником не было. По мнению А. Янулайтиса, то обстоятельство, что в Жемайтии был не воевода, а староста, сути дела не меняло⁹². Думаем, что это не так. Различие в терминах при обозначении должностных лиц обязательно должно учитываться. Напомним, что в общеземском привилее 1447 г. урядник, посылающий детского, назван общим термином *officialis*, а в двух русских списках — «заказник» и «врядник».

Но главное расхождение между Судебником и областными привилеями заключается даже не в этой статье, а в ст. 21. Именно она, по мнению С. И. Борисенка, противоречила праву жителей на суд над ними только в пределах их земли и нарушала их личные права, зафиксированные в ряде областных привилеев⁹³. Этот вопрос не может быть решен без предварительного тщательного сопоставления норм Судебника и областных привилеев. То же самое можно сказать и о различиях между некоторыми нормами уголовного права областных привилеев и Судебника. А. Янулайтис соглашается, что эти различия есть, но объясняет их исключениями из общих норм⁹⁴.

Рассмотрим теперь другие доказательства А. Янулайтиса. В подтверждение общегосударственного значения Судебника автор указывает, что литовские феодалы им не дорожили, его списки сохранились не в собственно литовских, а только в «русских» землях, его нет в литовской метрике, на него не опираются привилеи, он не упоминается в решениях судов⁹⁵. Но эти доводы не могут быть признаны убедительными.

То обстоятельство, что литовские феодалы не дорожили Судебником, не подтверждавшим их права, и потому не сохранили его, не является аргументом в пользу его общегосударственного значения. Ведь права и вольности феодалов наиболее полно отражены как раз в общеземском привилее 1447 г. К тому же А. Янулайтис сам указал, что в области суда Судебник не сужал, а расширял боярские права. Вопрос этот скорее связан с общей оценкой значения Судебника, отразившего определенный этап взаимоотношений воликокняжеской власти и боярства.

Не является серьезным возражением факт, что рукописи не сохранились в литовских землях. Даже если признать, что Судебник был общегосударственным кодексом, его списки могли находиться в любой области государства; ведь А. Янулайтис не доказывает, что Судебник применялся только в бывших древнерусских областях. Кроме того, география сохранившихся списков весьма примечательна. Список Р связан с Турово-Пинскими территориями⁹⁶, которые тесно примыкали к Литве⁹⁷. Список Т исследователи относят к Киеву⁹⁸, а именно Киевский привилей обнаруживает близкое сходство с некоторыми нормами уголовного права, зафиксированными в Судебнике Казимира⁹⁹. Исследование польского филолога А. Вандаса показало, что рукопись со списком У была написана на территории к северу от линии Вильнюс — Минск — Рогачев в конце XV — начале XVI в. и имеет типично белорусские признаки¹⁰⁰. К сожалению, более точно список не локализуется. То, что рукописей Судебника сохранилось мало, вовсе неудивительно. I Литовский статут, действительно первый общегосударственный кодекс, памятник, несравненно больший по объему, чем Судебник, также дошел до нас в небольшом количестве списков¹⁰¹.

Отсутствие Судебника в литовской метрике можно объяснить тем, что текущие книги метрики начали более или менее регулярно вести только в 80-х годах XV в.; к тому же период, когда был издан Судебник, вообще мало в ней представлен¹⁰². Кстати, этим, вероятно, можно объяснить и то, что непосредственных ссылок на Судебник нет в судебных решениях: все они в основном относятся к более позднему времени. Вообще же вопрос об отсутствии ссылок на Судебник в привилеях и других ис-

точниках имеет скорее значение для определения срока действия Судебника, его взаимоотношений с последующим законодательством, но это выходит за рамки нашей статьи.

Далее А. Янулайтис говорит, что в Литве конца XV в. не смотрели, для какой территории предназначались узаконения. Если они были удобными, то им находили применение. Но здесь вопрос о первоначальном предназначении памятника подменяется другим — о его распространении и применении.

В заключение отметим, что характер взаимоотношений между составными частями Великого княжества Литовского в конце XV в., своеобразии норм Судебника, отличие их от правовых норм других земель, принятие его областным литовским сеймом, упоминание воевод представляются серьезными доводами в пользу областного происхождения Судебника, предназначавшегося для Виленского и Троцкого воеводств.

В Великом княжестве Литовском изучаемого периода наряду с местными нормами действовали и общегосударственные. Процесс складывания общеземского права был длительным и осуществлялся различными путями. Один из них — распространение узаконений, действовавших на литовской земле, на другие территории. Вполне вероятно, что, возникнув сначала как местный устав, он со временем стал использоваться и в некоторых других землях. Во всяком случае отмечается его сходство с Киевским привилеем. Дальнейшее исследование должно идти по пути тщательного сопоставления Судебника с другими правовыми памятниками Великого княжества Литовского. Его изучение будет содействовать укреплению традиций славяно-литовской культурной общности.

¹ Statut Kazimierza Jagiellończyka, pomnik naydawniejszych uchwał litewskich z XV w. Wilno, 1826.

² Maciejowski W. A. *Historia prawodawstw słowiańskich*, t. I. Warszawa, 1856, s. 208.

³ Леонтович Ф. И. Русская правда и литовский статут.— «Университетские известия», Киев, 1865, № 2, с. 9; Мак-

симейко Н. А. Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894, с. 7, 33 и др.

⁴ *Lelewel I. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej*. Poznań, 1844, s. 167.

⁵ *Кацель И. А. История Литвы*. Ковно, 1921, с. 56.

⁶ *Чарнецкий. История Литов-*

- скою Статута.— «Университетские известия», Киев, 1867, № 1, с. 26; *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-русского государства. Киев, 1889, с. 4; *Малиновский И. А.* Лекции по истории русского права. Ростов-на-Дону, 1916, с. 51, и др.
- ⁷ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915, с. 82—83; см. также: *Барысенак С. I.* Нацыянальны характар Літоўскага статуту 1529 г.— «Полымя», 1927, № 6, с. 154—157; *Лаппо И. И.* «Судебник» Казимира Ягайловича.— «Зап. Рус. научн. ин-та в Белграде», 1939, вып. 17, с. 23—36, и др.
- ⁸ *Максимейко Н. А.* Источники уголовных законов Литовского Статута.— «Университетские известия». Киев, 1894, № 12, с. 68; *Kutrzeba St.* Historia źródeł dawnego prawa polskiego, t. 2. Lwów — Warszawa — Kraków, 1926. s. 65; *Jakubowski J.* Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską. Warszawa, 1912, s. 72—73, и др.
- ⁹ АЗР, т. I. СПб., 1846, № 67.
- ¹⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 2. СПб.— Киев, 1901, с. 32—43; *Jireček H.* Swod zákonů slovanských. Praha, 1880, s. 75—79; *Турцевич А. О.* Хрестоматия по истории Западной России. Вильна, 1892, с. 240—245; *Малиновский И. А.* Сборник памятников древнего русского права. Ростов-на-Дону, 1917, с. 112—116; *Яковкин И. И.* Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. Л., 1936, с. 11—14; *Гісторыя Беларусі ў дакументах і ма-*
- тэрыялах*, т. I, IX—XVIII ст. Менск, 1936, с. 398—400; *Белоруссия в эпоху феодализма*, Минск, 1954, т. I, с. 128—130; *Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М.*, 1960, с. 666—669; *Kazimiero Teisynas.* Vilnius, 1967. Издания Судебника до 1846 г. также имеют ряд серьезных недостатков: *Statut Kazimierza Jagiellończyka.*— «Московский телеграф», 1832, № 5, с. 144—149; *Русская вивлиофика*, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. М., 1833, с. 93—100; *Dziatyński A. T.* Zbiór praw litewskich. Poznań, 1841, s. 36—55.
- ¹¹ Обзор литературы см.: *Ehrenkreutz St.* Stan badań nad statutami litewskimi.— *Ateneum Wileńskie*, 1924, r. II, z. 7—8, s. 289—349; *Пущета В. И.* Разработки истории литовско-белорусского права XV—XVI вв. в историографии.— В кн.: *Белоруссия и Литва*. М., 1960, с. 413—455; *он же.* Изучение литовских статутов в новейшей историко-юридической литературе (1918—1940).— Там же, с. 487—502. Критический разбор литературы по истории литовского права см. также в кн.: *Лазутка С. А.* I Литовский статут — феодальный кодекс Великого княжества Литовского. Вильнюс, 1973, с. 14—57.
- ¹² *Пущета В. И.* Литовский статут 1529 г. и его источники.— В кн.: *Белоруссия и Литва*. М., 1960, с. 503—521; *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 352, 354.
- ¹³ *Jablonskis K.* XVI amžiaus belaisviai kaiminai Lietuvoje.— «Praeitis», t. I. Kaunas, 1930,

- p. 166—213; *idem*. Lietuviški zodžiai senosios lietuvos raštinių kalboje, I d. Kaunas, 1941; *idem*. Lietuvos valstybės ir teisės istorija nuo XIV a. pabaigos iki XVI a. vidurio. Vilnius, 1971, и др.
- ¹⁴ *Jurginis J.* Baudžiamos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962.
- ¹⁵ *Lazutka S., Gudavičius E. I.* Lietuvos Statuto šaltinių klausimu.— «Lietuvos TSR Aukštųjų Mokyklų mokslo darbai. Istorija», 1970, t. XI, p. 149—177. В 1974—1975 гг. в журнале «Socialistinė teisė» появились статьи литовских исследователей В. Андрюлиса, В. Раудялюнаса, Р. Фирковича, посвященные конкретной разработке отдельных сторон литовского права.
- ¹⁶ *Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego. Warszawa, 1970.
- ¹⁷ *Пичета В. И.* Литовский статут..., с. 511—517. На важность этой проблемы недавно обратил внимание С. А. Лазутка (*Лазутка С. А.* Литовский статут..., с. 9).
- ¹⁸ *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства; *он же*. Помезания. М., 1955; *он же*. Страны Прибалтийского региона.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 252—320. Для решения этого вопроса важен анализ публикаций по истории Белоруссии, а также Литвы и Украины с 1824 по 1940 г., выполненный Н. Н. Улащиком (*Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973).
- ¹⁹ *Старостина И. П.* Из истории разыскания списков Судебника Казимира 1468 г.—
- В кн.: Древнейшие источники по истории народов СССР. Материалы и исследования. М., 1976, с. 180—195.
- ²⁰ *Statut Kazimierza Jagiellończyka...*, s. III—XIII.
- ²¹ *Narbutt T.* Dzieje narodu litewskiego, t. 8. Wilno, 1840, s. 240.
- ²² *Kraszewski J. I.* Wilno od początków jego do r. 1750, t. I, Wilno, 1840, s. 158.
- ²³ *Jarozzewicz J.* Obraz Litwy, cz. II. Wilno, 1844, s. 128—129.
- ²⁴ *Maciejowski W. A.* Historia..., s. 208.
- ²⁵ *Чарнецкий.* История..., с. 26.
- ²⁶ *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 7.
- ²⁷ *Максимейко Н. А.* Источники уголовных законов..., с. 4.
- ²⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. кн. III, т. 5—6. М., 1960, с. 203; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история, т. II, вып. I. СПб., 1885, с. 113.
- ²⁹ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892; *он же*. Литовско-русский сейм. М., 1900; *он же*. Очерк истории...
- ³⁰ *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 1—62; *он же*. Очерк истории..., с. 81—94.
- ³¹ *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 630—632 и др.
- ³² *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 125, 129.
- ³³ *Любавский М. К.* Очерк истории..., с. 82.
- ³⁴ Там же, с. 82—83.
- ³⁵ Там же, с. 91.
- ³⁶ М. К. Любавский специально занимался правовыми источниками. В его фонде в ОР ГБЛ сохранились материалы для семинара по изучению внутреннего строя Великого княжества Литовского на основании законодательных памятников. См.: *Карев Д. В.* Неопубликованное наследие

- М. К. Любавского.— В кн.: Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 303.
- ³⁷ *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства. Харьков, 1902, с. 27.
- ³⁸ *Леонтович Ф. И.* Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском.— ЖМНП, 1910, № 2, с. 237, 246.
- ³⁹ *Малиновский И. А.* Лекции..., с. 51; *Wróblewski T.* O statucie Litewskim i podziale admin. W-go Księstwa Litewskiego.— «Kurier litewski», 1915, № 103, s. 1; *Лащенко Р.* Лекції по історії українського права, ч. II, вип. I. Прага, 1924, с. 44.
- ⁴⁰ *Кацель И. А.* История Литвы, с. 56.
- ⁴¹ *Барысенак С. I.* Нацыянальны характар..., с. 154—157; *он же.* Звичаево право Литовсько-Руської держави на поч. XVI ст.— В кн.: Праці комісії для виучування звичаєвого права України, вип. 3. Київ, 1928, с. 73—81.
- ⁴² *Барысенак С. I.* Нацыянальны характар..., с. 153.
- ⁴³ *Борисенок С. I.* Звичаево право..., с. 74—75.
- ⁴⁴ Там же, с. 80—81.
- ⁴⁵ Там же, с. 81.
- ⁴⁶ *Лаппо И. И.* «Судебник»...
- ⁴⁷ Там же, с. 31—32.
- ⁴⁸ Там же, с. 33.
- ⁴⁹ Там же, с. 25, 29—30.
- ⁵⁰ Там же, с. 35.
- ⁵¹ *Janulaitis A.* Pagrindinės žinios apie teisyną.— In: Kazimiero Teisynas, p. 5—15.
- ⁵² Українська Радянська Енциклопедія, т. 14. Київ, с. 153; История государства и права СССР, ч. I. М., 1967, с. 255; см. также изд. 1972 г., с. 241; *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, s. 90; Советская историческая энциклопедия, т. 13, с. 936; Гісторыя Беларускай ССР. Мінск, 1972, с. 172; Беларуская Савецкая Эцыклапедыя, т. X. Мінск, 1974, с. 108 и др.
- ⁵³ *Mažoji Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija*, t. II. Vilnius, 1968, p. 107. В работе С. А. Лазутки о I Литовском статуте указывается, что главным источником норм уголовного права, зафиксированных в I Литовском статуте, «являлось обычное литовское право и составленный на его основе Судебник Казимира 1468 г.» (См.: *Лазутка С. А.* I Литовский статут..., с. 105—106).
- ⁵⁴ ГБЛ, ф. 256, д. 232, лл. 203—204 об.; Ягеллонская библиотека в Кракове. Акс. 71/1952; ГИМ, Собрание Уварова. № 7024°, лл. 1—4 об. Поздние копии начала XIX в. списков Р и У; см. также: ГБЛ, ф. 255, к. 12, д. 40, лл. 31—32 об.; ф. 256, д. 430.
- ⁵⁵ *Старостина И. П.* Из истории..., с. 185.
- ⁵⁶ Текст цитируется по Kazimiero Teisynas.
- ⁵⁷ *Jablonskis K.* Lietuvos valstybės ir teisės istorija..., p. 30.
- ⁵⁸ *Борисенок С. I.* Звичаево право..., с. 80—81.
- ⁵⁹ АЗР, т. I. СПб., 1846, № 61, с. 73. Латинский текст см.: *Любавский М. К.* Очерк истории..., с. 325.
- ⁶⁰ О преамбулах в средневековой дипломатике см.: *Fichtenau H.* Préambule dans les diplômes médiévaux.— «Le zród'oznawcze», 1971, t. XVI, N 1-2. Об аренгах в Великом княжестве Литовском в документах Витовта см.: *Kosman M.* Dokumenty wielkiego księcia Witolda.— «Studia zród'oznawcze», 1971, t. XVI, s. 156—157.
- ⁶¹ Различные варианты нотификации и общего адреса см.: *Boüard A. de.* Manuel de

- diplomatie française et pontificale. *Diplomatique générale*. Paris, 1929, p. 262—263, 274—276.
- ⁶² Эти формулы выводятся из латинского: *significamus tenore presencium quibus expedit universis*. См.: *Kosman M.* Dokumenty wielkiego księcia Witolda, s. 163.
- ⁶³ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия..., с. 32.
- ⁶⁴ *Лаппо И. И.* «Судебник»..., с. 30.
- ⁶⁵ АЗР, т. I, № 40, 50, 51.
- ⁶⁶ Там же, № 30.
- ⁶⁷ Там же, № 18.
- ⁶⁸ РО библиотеки АН Лит. ССР, f. 4, п. 2; f. 6, п. 122; f. 20, п. 12; f. 37, А-813, А-814, А-785, 789 и др.
- ⁶⁹ *Любавский М. К.* Очерк истории..., с. 334.
- ⁷⁰ Там же, с. 341.
- ⁷¹ АЗР, т. I, № 40 и др.
- ⁷² *Jana Dlugosza kanonika Krakowskiego Dzieła wszystkie*, t. V, ks. XII. Kraków, 1870, s. 469.
- ⁷³ АЗР, т. II, СПб., 1848, № 86, 87.
- ⁷⁴ См., например: *Бершадский С. А.* Литовские евреи. СПб., 1883, с. 285, примеч. 55; *Леонтович Ф. И.* Источники литовско-русского права.— «Варшавские университетские известия», 1894, № 1, с. 34.
- ⁷⁵ Средневековая литовская дипломатика изучена пока недостаточно, поэтому наши наблюдения здесь носят самый общий характер. См.: *Chodyncki K.* O wpływach polskich na dokument ruski Wielkiego Księstwa Litewskiego.— *Pamiętnik IV Powsechnego zjazdu historyków polskich*, t. I. Lwów, 1925, s. 1—7; *Kosman M.* Sredniowieczna dyplomatyka litewska. Stan i potrzeby badawcze.— «Zesz. nauk. Uniw. im.
- A. Mickiewicza. *Historia*», 1967, N 7, s. 179—192; *idem.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda.— «*Studia źródłoznawcze*», 1969, t. XIV, s. 91—119; *idem.* Dokumenty wielkiego księcia Witolda, s. 139—169; *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация.— В кн.: *Историко-ведческие проблемы истории народов Прибалтики*. Рига, 1970, с. 47—74.
- ⁷⁶ *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. Kraków, 1885, s. 2, 55, 71; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 67, 77; *Bachus O. P.* Motives of West Russian nobles in deserting Lithuania for Moscow. 1377—1514. Lawrence, 1957, p. 61, 64. Виленский воевода встречается в источниках еще до 1413 г. Однако это наименование неустойчиво и чередуется с *capitaneus* и *hauptman*. См.: *Ochmański J.* Ruskie wzory organizacyjne w państwie Litewskim XIV—XV wieku. Sówianie w dziejach Europy. *Studia historyczne ku uczczeniu 75-jej rocznicy urodzin i 50-lecia pracy naukowej prof. H. Łowmiańskiego*. Poznań, 1974, s. 169—170.
- ⁷⁷ *Wolff J.* Senatorowie..., s. 2, 44—45; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 254; *Bachus O. P.* Motives..., p. 70.
- ⁷⁸ *Wolff J.* Senatorowie..., s. 2, 48—51; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 267; *Bachus O. P.* Motives..., p. 71.
- ⁷⁹ *Wolff J.* Senatorowie..., s. 2, 84—86; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 248; *Bachus O. P.* Motives..., p. 69.
- ⁸⁰ *Wolff J.* Senatorowie..., s. 2, 21—24, 90; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 211—213; *Bachus O. P.* Motives..., p. 77.

- ⁸¹ *Wolff J. Senatorowie...*, s. 2, 90—96; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 204; *Vackus O. P. Motives...*, p. 70. М. К. Любавский указал, что староста Жемайтии приравнивался к воеводам (Областное деление..., с. 204) и даже иногда назывался воеводой (Литовско-русский сейм, с. 330). При этом он ссылался на текст привилея Жемайтии 1492 г. (ст. 16) (АЗР, т. I, № 103, с. 121). В нем речь идет о праве феодалов Жемайтии участвовать в назначении воевод и тивунов. Такое же право относительно главного правителя земли — старосты было гарантировано выше в ст. 9 (там же, с. 120). М. Н. Ясинский считал, что жемайтийские воеводы стояли ниже старосты и подчинялись ему (*Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 119). Так же считает Ю. Бардах (*Bardach J.* O przekładach ruskich polskich statutów ziemskich XIV i początku XV w. dla Wielkiego księstwa Litewskiego i Chełmszczyzny.— In: *Studia z ustroju i prawa...*, s. 329).
- ⁸² *Wolff J. Senatorowie...*, s. 2, 18—21; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 235; *Vackus O. P. Motives...*, p. 74;
- ⁸³ *Wolff J. Senatorowie...*, s. 34; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 126; *Vackus O. P. Motives...*, p. 63.
- ⁸⁴ В перечне урядников у О. П. Бакуса он назван воеводой (*Motives...*, p. 63); однако в приложении Гаштольд назван наместником (там же, с. 138); см. также: РИБ, т. XXVII, с. 24; ПСРЛ, т. 32. М., 1975, с. 162. Об утверждении титула новгородского воеводы см.: *Wolff J. Senatorowie...*, s. 36; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 126—127.
- ⁸⁵ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 330.
- ⁸⁶ *Леонтович Ф. И.* Рада великих князей литовских.— ЖМНП, 1907, № 9, с. 144.
- ⁸⁷ *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 77—82, 292—293 и др.
- ⁸⁸ Там же, с. 2—6.
- ⁸⁹ *Ясинский М. Н.* Главный литовский трибунал. Киев, 1901, с. 109.
- ⁹⁰ *Janulaitis A. Pagrindinės žinios...*, p. 8.
- ⁹¹ *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты...; *Якубовский И. Б.* Земские привилеи Великокняжества Литовского.— ЖМНП, 1903, № 6.
- ⁹² *Janulaitis A. Pagrindinės žinios...*, p. 8—9.
- ⁹³ *Борисенок С. J.* Звичаеве право..., с. 78—79.
- ⁹⁴ *Janulaitis A. Pagrindinės žinios...*, p. 9.
- ⁹⁵ *Ibid.*, p. 8—9.
- ⁹⁶ *Щанов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972, с. 226; *Старостина И. П.* Из истории..., с. 193.
- ⁹⁷ *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 23—26.
- ⁹⁸ *Рогов А. И.* Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши.— «*Studia źródłoznawcze*», 1969, t. XIV, s. 158; *Щанов Я. Н.* Княжеские уставы..., с. 223.
- ⁹⁹ *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 178—179.
- ¹⁰⁰ *Wandas A.* Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 9—11, 19, 63—67.
- ¹⁰¹ *Лазутка С. А.* I Литовский статут..., с. 12.
- ¹⁰² *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.—Л., 1946, с. 77, 95.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СФЕРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Я. Тазбир

Первые последователи лютеранства и даже анабаптизма появляются на территории шляхетской Речи Посполитой уже в 20-х годах XVI в. Однако реформационное движение того времени — явление очень трудноуловимое, поскольку оно развивалось полулегально. Там, где последователи протестантства пытались открыто овладеть костелами, удалить из монастырей монахов или посадить своих единомыслителей на школьные кафедры, католическая церковь при помощи светской власти восстанавливала прежний порядок, как это, например, было в Гданьске в 1525 г. Только с середины XVI в. начинается быстрое развитие открытого реформационного движения, оно находит поддержку у шляхетской элиты, видящей в нем орудие борьбы за политическую власть в государстве¹. В конце XVI в. на территории Польско-Литовского государства, насчитывавшего по Люблинской унии (1569) около 900 тыс. км², существовало свыше 700 церквей разных вер, в том числе (по уже устаревшим подсчетам Х. Мерчинга) — более 100 немецких². В его исследованиях, которые велись в начале XX в., учтена только часть известных источников, в которых упоминаются церкви разных вероисповеданий. После второй мировой войны В. Урбан к упомянутым Мерчингом 73 гминам Братьев Польских добавил еще 98 новых³, а изданные Марией Сипайло акты синодальные⁴, как и составленная для их исследования картотека центров реформации⁵, позволили увеличить число кальвинистских церквей в XVI — первой половине XVII в. Наконец, организованная Комиссией церкви (при Комитете исторических наук) в Варшаве в апреле 1973 г. конференция по теме исторической географии реформации позволила по-новому оценить число церквей⁶, значительно превысив данные Мерчинга⁷.

Все это не меняет того факта, что даже в период наи-

больших успехов польской реформации католическая церковь сохраняла в шляхетской Речи Посполитой господствующее положение. Это нашло свое выражение не только в области вероисповедания, но также в политических и хозяйственных отношениях, поскольку в сенате среди представителей духовенства заседали только католические епископы. Они также занимали ответственные государственные должности, включая наивысшие. Варшавская конфедерация 1573 г. не многое изменила в этом отношении, признав равноправие лиц шляхетского происхождения (независимо от их вероисповедания), а не церквей. Для дальнейших судеб протестантских центров существенным оказался тот факт, что в руках церкви остались обширные владения, составлявшие 10—12% всей обрабатываемой земли. В большом количестве находились они и в Мазовии, где реформационное движение почти не развилось. Только на территориях, граничивших с другими землями (в Серховах Гостомских, Сусеже Ласоцких и в Зволи), появились три кирхи. Попытка создания кирхи в Варшаве, предпринятая Ежи Немцем в 1581 г., закончилась полным поражением.

Причины этого заключаются, очевидно, в том, что в Мазовии, с одной стороны, было слишком много мелкой и бедной шляхты, а с другой — отсутствовали магнатские латифундии. Эта шляхта, остающаяся в частичной хозяйственной зависимости от католического клира, не могла решиться на серьезные финансовые усилия, связанные с созданием центра реформации (школы, кирхи, типографии). Трудно было также внедрять новую веру в разделенной деревне, где обычно один костел имел несколько колаторов. Отсутствие же магнатов-иноверцев лишало это реформационное движение влиятельных протекторов. Определенную роль тут могли сыграть всегда присущая мазовецкой шляхте религиозность, чувство лояльности по отношению к власти, которая постоянно взывала к верности католицизму.

При переходе в новую веру было важно образование, поскольку первыми поборниками религиозных реформ были наиболее просвещенные люди. В отношении к протестантизму имело значение первоначально признаваемое вероисповедание. Понятно, что реформация, движение, которое родилось в лоне католической церкви, наивысший отклик нашло среди «папистов», как тогда называли

сторонников Рима. До исповедующих православие оно дошло лишь в последней четверти XVI в., т. е. почти с полувековым опозданием. В. Собеский обратил внимание на то, что, прежде чем выступил Лютер, «на территории польской Речи Посполитой уже существовала религия народа, занимающего половину Речи Посполитой, обряды которой признавали и женитьбу священников, и причастие с двумя постатями»⁸. Если к этому прибавим, что греческая церковь употребляла в службах язык народа и на этом же языке передавали прихожанам тексты священного письма, станет ясным, что исповедующие православие не могли особенно сочувствовать основным постулатам реформации, которые в их церкви уже давно были реализованы.

Существование покровительства со стороны магнатов или шляхты создавало условия для появления в некоторых местах Речи Посполитой сильных общин сторонников реформации. Напомним, что Варшавская конфедерация, осудившая вмешательство светской власти в дела веры, признала за шляхтой свободу исповедания добровольно выбранной веры через запрет применения к ней религиозного принуждения, признала действительно существующее уже с четверть века положение, при котором феодалы без существенных помех со стороны Сигизмунда II Августа вводили в своих владениях реформацию⁹.

Шляхта прежде всего восприняла кальвинизм, в меньшей степени лютеранство и антитринитаризм, а также веру Братьев Чешских, которые после преследований на родине с 1548 г. начинают находить безопасный приют именно в Польше. Польский кальвинизм лишь в незначительной степени напоминал веру нидерландских купцов или женеvского патрициата. Напрасно искать в нем одобрение продуктивного способа жизни, апологию торговли, убеждение, что успех в делах обозначает благословение божье. В Польше в кальвинизме увидели прежде всего подтверждение превосходства шляхетского сословия над династией и подвластным ей административным аппаратом. Он давал светским феодалам, а не государю руководящее положение в соборе. Ничего удивительного в том, что эту веру признавали в основном богатая шляхта и магнаты, тем более что в Литве кальвинизм автоматически усиливал местные стремления этой среды.

Среди знатных родов, которые поддерживали новую веру, надо назвать в Великой Польше Гурков, Остророгов, Латальских, Зборовских, Закревских, Лютомирских или Томицких; в Малопольше — Фирлеев, Дрогойовских, Олешницких, Оссолинских, Конецпольских, Потоцких и др. Под их покровительством и защитой, начиная с середины XVI в., церкви разных вер появляются в таких центрах Великой Польши, как Остророг, Лешно, Радзейув, Кожминек, Мендзыжеч, Шмигел. В Малопольше такими местами были Сецымин, Водзислав, Пиньчов, Ксенж, Сломники, Баранов, Ланьцут, Хмельник, Левартов, Коцк, Белжиц, Пяски. В свою очередь дорогу пачалу реформации в Великом княжестве Литовском открыло принятие кальвинизма несвижской ветвью влиятельного рода Радзивиллов (Николай Радзивилл и др.). В их владениях прежде всего создаются кирхи и школы иноверцев, например в Биржах, Кейданах, Несвиже, Клецке, Венгруве. Примеру Радзивиллов последовали Нарушевичи, Белевичи, Кмиты, Ходкевичи, Воловичи, Кипски и много других родов. Церкви, школы или типографии основывались чаще всего в городках, являвшихся, с одной стороны, административными центрами владений данного магната или богатого шляхтича, а также его резиденцией, с другой — ремесленно-торговыми центрами.

Реформационное движение вплоть до середины XVII в. было полностью защищено в границах частных владений своих приверженцев, в королевские города долгое время ему вход был запрещен. Сигизмунд II Август даже пару раз издавал суровые декреты, предписывающие изгнание иноверцев из городов. На практике, однако, исполнение этих суровых повелений зависело от доброй воли старост, чиновников, формально зависимых от короля, но фактически обладающих большой независимостью. Многие из старост, симпатизировавших реформационному движению, не торопились с преследованием сторонников кальвинизма или лютеранства, тем более что обычно они имели могучих покровителей. Благодаря этому возникали первые протестантские общины в местах, являвшихся королевской собственностью, например, в Гродике Великопольском Касчяне, Всове или Междуречье¹⁰. И в конце концов в гораздо больших городах король уступал, выдавая под нажимом могущественных покровителей привилегии, подтверждающие правовую охрану совер-

шающим в соборе службам, как это было в случае с Краковом. Несмотря на запрещения и эдикты, даже в столице государства (а также католической Мазовии) — Варшаве среди мещан было небольшое число лютеран.

Во многих городах Короны и Литвы можно отметить религиозное расслоение, частично совпадающее с общественным, на стороне реформации там стояло значительное число патрициата. Как представляется, пропаганда лютеранства, шедшая из соседней Германии, Пруссии и даже от самого севера — из Курляндии, иногда совпадала с продолжающимся еще процессом полонизации этой среды, способствуя в какой-то степени его торможению. Одновременно просвещенное и богатое мещанство Познани, Кракова, Люблина или Вильно, поддерживающее личные контакты с магнатами и богатейшей шляхтой, в своем отношении к реформации пошло по примеру этой среды. Исключение составил патрициат Львова, напуганный еще раньше конкуренцией со стороны колонистов армян и «русинов». Католицизм в его руках был орудием борьбы за особые сословные привилегии¹¹. Если же во многих городах Литвы и Короны простонародье и плебс остались верны католицизму, вытекало это из факта, что, поддерживая церковь, эти сферы давали вылиться своему антагонизму — общественному и национальному — по отношению к представителям патрициата.

Малопольская шляхта многократно оказывала финансовую и даже военную помощь краковским протестантам; в то же время различие вероисповеданий могло не только увеличить внутригородской антагонизм, но и усилить общий шляхетско-мещанский конфликт. Примером может быть Торунь, окруженная владениями католической шляхты, или Новый Сонч, расположенный в районе, где ариане составляли преобладающее большинство. В свою очередь волыцкие городки, населенные православными, иногда становились собственностью феодалов-католиков или протестантов. Поэтому там часто дело доходило до религиозных конфликтов.

Причины такого антагонизма были ясны: как реформация, так и католицизм развивались на Воляни за счет православия, на основе которого к этому времени уже развились культура, литературное и полемическое красноречие. При этом имели место частые распри клира со шляхтой. Крестьяне, исповедовавшие тогда православие,

долго помнили всевозможные капризы представителей шляхетской реформации, которые среди прочего вынуждали подданных к работе на пахоте в дни церковных праздников. Ничего удивительного, что в середине XVII в. восставшие казаки одинаково относились и к протестантам, и к католикам ¹².

Широкую внутреннюю автономию использовала та часть государства крестоносцев, которая в силу подписанного в 1466 г. мира осталась присоединенной к Польше. Главные города Королевских Прус владели различными хозяйственными и правовыми привилегиями, расширенными в период реформации королевскими мандатами, гарантирующими свободное развитие лютеранства в этих центрах. Эти религиозные привилегии, выданные Сигизмундом II Августом в 1557—1558 гг. сначала лишь Гданьску, Торуню и Ельблонгу, в последующие годы распространились на остальные центры Королевских Прус, за исключением, однако, епископских городов (Любавы, Хелмжи, Хелмна и несколько других), где католицизм остался господствующей религией. В 1559 г. свободу вероисповедания официально получила шляхта этой земли. Развитие реформации пойдет там с этого времени (кроме территории Варминского епископства) совершенно иными путями, чем на других территориях Речи Посполитой; притесняемой стороной в городах будут — даже в период полной победы контрреформации в XVII в. — католики, а не протестанты. В 1561 г., как и Прусы, свободу вероисповедания получила присоединенная к Речи Посполитой Инфляндия. Сигизмунд II Август как тамошней шляхты, так и мещанству гарантировал свободное исповедание лютеранства.

На территории Польско-Литовского государства мы имеем дело с ярко выраженной региональностью реформационного движения. Если посмотреть на карту иноверческих церквей, составленную Мерчипгом, бросается в глаза — на что обратил внимание сам автор — их группировка в определенных районах. Так, в Великой Польше это будет район между Калишем, Лешном и Познанью, с одной стороны, и Торунем и Крушевицей (на Куявах) — с другой. В Малой Польше это частично Любельская, Хелмская, Бельская и Радомская земли. Одновременно реформационное движение проявляется явно вокруг определенных рек, таких, как Висла (до границы Силезии),

а также ее южные притоки, над Дунайцем и у подножия Карпат. Иноверческие соборы выступают также между Нидой и Шаренявой, называемой поэтому в XVI в. «еретической рекой», а также в бассейне Саны от Баранова над Вислой и до Пулав. Несомненно это было связано с плотным поселением здесь средней и мелкой шляхты, находящейся в тесном родстве, которая следовала примеру соседей, ближайшей родни, а также тех, кто импонировал культурным уровнем, политической подготовкой, связями в свете.

Покровительство магнатов центрам реформации выявится еще выразительней, если посмотрим на русские земли, принадлежащие Короне, а также земли Великого княжества Литовского¹³. Чем дальше на восток, тем меньше встречаем иноверческих церквей. То же самое можно сказать о юго-восточных границах тогдашней Речи Посполитой, постоянно подвергавшихся набегам татар и находившихся под угрозой турок. В Литве протестантские центры группируются в треугольнике между Новогрудком, Вильно и Минском, на Жмуди — между Блужажами, Кельмами и Кейданами¹⁴. Такое районирование было, очевидно, результатом покровительства крупных родов, приводившего к сосредоточению реформационного движения вокруг определенных городов, таких, как Лешно (Лещинские) или Кейданы (Радзивиллы), покровительства политически влиятельной шляхты (Любельщина) или состоятельного мещанства (Прусы Королевские). Одновременно с регионализацией заметен частичный перевес определенной веры в данном районе. Вероятно, антитринитарные церкви можно было встретить как в Великой Польше, так и на Украине, в Литве, под самым Гданьском; лютеранские находились также и на Любельщине, кальвинистские — в Литве, Волыни и Великой Польше.

Это не изменит того факта, что в первой половине XVII в. социнианские церкви были сосредоточены прежде всего в Прикарпатье (Подгорье), Волыни и Киевщине, а также в некоторых районах Сандомира и Любельщины. Всего в 1618—1620 гг. в широко определяемой Малопольше существовали 53 арианские церкви, среди них 26 — на самой Руси. И если их соотношение с кальвинистскими церквями, по мнению В. Урбана, в XVI в. было 1:6, то в следующем столетии уже — 1:2. Кальвинисты

также имели свой главный центр в Малопольше (еще в 1618—1620 гг. владели там 155 церквями) и на севере Литвы, которая представляла собой оплот польского кальвинизма. Еще в 1611—1640 гг. там существовало свыше 140 церквей этой веры. В Великой Польше кальвинисты объединились унией с Братями Чешскими (до 1634), владеющими здесь в середине XVII в. примерно 20 церквями. Эта земля представляла рядом с Королевскими Прусами (где лютеранские пасторы не допускали значительного распространения кальвинизма) главный опорный пункт лютеран. В конце XVI в. в Великой Польше существовало 37 польских церквей аугсбургских, а также 120—140 немецких той же веры¹⁵.

Сфера распространения реформации на землях шляхетской Речи Посполитой зависела также в определенной степени от местных факторов. Поскольку это движение в своем кальвинистском варианте способствовало колонизации русской шляхты, осевшей в Великом княжестве Литовском, постольку в большой степени немецкий характер лютеранства был одной из причин, благодаря которой он нашел так много приверженцев среди жителей городов и деревень Королевских Прус или пограничья бранденбургско-великопольского. Лютеранство шло в Польшу также с далекого севера — из Курляндии и Инфляндии, где его приняла немецкая часть городского населения.

В арианстве, развивающемся на территории русских земель, входящих в Корону, во второй половине XVI в. проявлялось очень сильное влияние Московской Руси. Все это время антитринитарии проводили свою пропаганду, рассчитанную на воыньских сторонников православия, в основном на русском языке. Ее следы остались в виде печатных работ или в распространенных копиях рукописей. В конце XVI в. такие семьи, как Бабиничи, Чаплицы, Иваницы, Немиричи, Сенюты, — это русская православная шляхта; в середине XVII в. все эти семьи представляются уже колонизированными покровителями социианства. Ассимиляция воыньской шляхты несомненно шла дорогой церкви Братьев Польских, которая вела к ее дальнейшей колонизации. Трудно установить, что здесь было следствием, а что — причиной.

Если же говорить об отношении к реформации различных общественных прослоек, то крестьяне как поляки и литовцы (преимущественно католики), так и русские

(в основном православные) остались равнодушными к призывам реформационного движения. Исключая княжества Освенцимское и Заторское, а также отдельные районы Предгорья или восточной Литвы, сторонников реформации среди крестьян можно сосчитать по пальцам, хотя некоторые из феодалов-кальвинистов пытались проводить в своих владениях в жизнь известный из истории немецкой реформации принцип: «*cuius regio, eius religio*»¹⁶. Даже на Волыни Братья Польские не нашли много последователей в деревне, хотя арианская шляхта старалась, вероятно, завоевать подданных, применяя льготы в определении чиншей и оплаты труда. Религиозная пропаганда, проводившаяся преимущественно людьми, приехавшими из этнически польских земель, слабо владевшими русским языком, не могла доходить до широких слоев крестьян, тем более что арианизм требовал определенной теологической подготовки. Кальвинистам или лютеранам агитация, основанная на добровольности, также не приносила существенных результатов.

Некоторые историки приписывают это низкому уровню развития сознательности подданных, утверждая, что только более активные в хозяйственном отношении районы оказались податливыми на лозунги реформации. Другие подчеркивают тот факт, что крестьян притягивали в католицизме богато развитые формы обрядности¹⁷. Им не могло прийти по вкусу лютеранство, повсеместно признанное за «швабскую веру», которое дошло до немецких крестьян (Королевские Прусы). В период реформации в Прусы в поисках религиозных свобод приезжали немецкие или голландские крестьяне. Так, в первой половине XVI в. из Голландии в Польшу приходят менониты — ценимые за свое умение ремесленники и славящиеся работоспособностью крестьяне. Они селятся на Жулавах около Гданьска, Мальборга и Эльблонга¹⁸. Также и в основанные во второй половине XVI в. города властители стягивали обещаниями полных религиозных свобод сторонников реформации даже из других стран (Раков около Опатова, 1567 г.; Левартов близ Люблина, 1543 г.). Основателями этих городов были магнаты-кальвинисты, которые в локационных привилегиях уверяли жителей в своей полной религиозной терпимости. Благодаря прибытию в следующем столетии новой волны эмигрантов Братьев Чешских население Лешна возросло от 300 семей в

1618 г. до 2000 в 1658 г., т. е. почти семикратно. Туда приехали также лютеране, которым владетель города Рафал Лепчинский выделил место под постройку собора.

В период Тридцатилетней войны лютеране, преследуемые в Силезии и различных районах Германии, переезжают в Великую Польшу. Их наплыв облегчает шляхте основание таких городов, как Равич (1638), Шлихтынгов (1644), Каргов, Бойянов. Эти города также превращаются в центры реформации. Их владельцы в своих локационных привилегиях уверяли верующих в свободе проведения всех религиозных обрядов, строительства школ и соборов, основании евангельских гмин, выборе духовных властей. Благодаря этому в Великой Польше в первой половине XVII в. основывается 17 новых лютеранских гмин. В общем свобода вероисповедания служила не только интересам самих церквей; поскольку она способствовала основанию новых городов, постольку приумножала развитие хозяйственной жизни¹⁹.

Большую роль в создании центров реформационного движения играло также развитие культурной жизни. Историки польской литературы и культуры уже давно заметили, что в это время ее характеризовала далеко идущая децентрализация. Наряду с большими городами (Краков, Познань, Вильно, Торунь) выдвигались меньшие центры, живущие дотацией и лаской владетельных покровителей. В XVI в. среди них можно назвать Пиньчув, Лоск или Венгров, в следующем же столетии — Лешно, Раков, Кейданы²⁰. Реформация, принося за собой бурное развитие печати и школ, усугубила существовавшую ранее расплывленность культурной жизни.

Достаточно посмотреть на карту книгопечатания²¹, чтобы убедиться, что иноверческие типографии основывались прежде всего во владениях могучих покровителей реформации (Пиньчув, Несвиж, Лоск, Луславич). Только со временем протестантские типографы, число которых в середине XVI в. почти равняется католическим, осмеливаются закладывать свои мастерские в королевских городах. Но наиболее эффективно работающими для нужд реформации оказывались в XVII в. центры книгопечатания, существующие или в частных владениях (во главе с Лешном и Раковым), или даже в охраняемых монаршими привилегиями городах Королевских Прус (прежде всего Торуне).

При большинстве иповерческих соборов, как правило, возникали школы; их существование решало важную проблему воспитания многочисленной способной шляхетской молодежи. Еще в XVII в. иповерческие школы решили на Волини вопрос о привлекательности социнианства. Тесная связь сети школ с владениями сильных покровителей реформации оказалась, однако, в будущем для нее очень невыгодной с двух основных точек: во-первых, не только развитие, но и само существование школы ставилось в зависимость от щедрости, доброй воли и постоянства в вере светского патрона или патронов²². Шляхта, которая составляла основу прихода, не очень торопилась делать что-либо для нужд новой церкви, а часто даже забирала себе десятины, отдаваемые раньше крестьянами ксендзам. Ничего удивительного, что большинство кальвинистских школ, особенно в XVII в., явно прозябало. Лучше обстояло дело с обучением у Братьев Чешских и Братьев Польских, однако и там смерть или переход патрона в католичество накладывали крест на существование центра, а вместе с ним — школы и типографии.

Другой видимый результат, вытекающий из создания школьной сети во владениях разноверческой шляхты и магнатов, выражался в ее случайности и бессистемности. Иногда кальвинистские, лютеранские или социнианские школы располагались далеко, в то время как иезуитские коллегии стремились охватить страну регулярной сетью. Больше того, школяр после окончания такой коллегии мог идти не только в Краковскую академию, но также в основанные иезуитами Виленскую (1579) или Львовскую (1661), тогда как иповерцам не удалось создать собственное высшее учебное заведение. Их роль только частично исполняли поставленные на более высоком уровне диссидентские гимназии в Лешне (Братьев Чешских), Ракове (Братьев Польских) и в Торуне и Гданьске (лютеранские).

Эти центры фактически играли роль столиц соответствующих течений реформационного движения. Хотя разноверческие соборы отрицали мысль, будто бы какой-либо из их городов или городков мог играть роль диссидентского Рима, однако уже современники называли Раков «*Roma arianorum*» («арианским Римом»). То же лютеране могли сказать о Торуне, Братья Чешские — о Лешне, литовские кальвинисты — о Кейданах. Именно там прохо-

дили основные заседания иповерческих синодов, там же существовала лучше всего организованная школа, хранился архив, работала типография и т. д.²³ Тогда как во всей Речи Посполитой господствующей религией был католицизм, в отдельных местах религиозная власть принадлежала диссидентам; так, в Лешне было гельвецкое исповедание (как и в Кейданах), в Ракове — социнианское, в Торуне и Гданьске — лютеранское. Эта власть была настолько сильной, что еще в первой половине XVII в. католики должны были бороться, чтобы заложить в этих местах новую святыню или восстановить старую. В Кейданах это им удалось в 1627 г., в Лешне — только в 1645 г. В Ракове же владелец городка Якуб Сененский вообще не согласился на продажу места для строительства костела. Только в 1638 г., когда на сейме велся процесс, который закончился уничтожением антитринитаризма в этом городе, Сененский дал бесплатно землю для строительства католической часовни²⁴. Но было уже поздно. В прусских городах толпа часто нападала на католические костелы, процессии, оскорбляла ксендзов.

Распространение реформационного движения усугублялось еще фактом, что отдельные районы были в значительной мере отделены друг от друга преградами в виде географической среды, или тем, что часть районов Польши осталась совсем не затронутой реформацией. Так, болотистое и слабозаселенное Полесье отделяло иповерческие общины на Руси (Волынь, Киевщина) от литовских центров реформации. А диссидентские костелы в Великопольше и Королевских Прусах отделял от литовских и малопольских широкий пояс воеводств (Ленчицкие, Раевские, Мазовецкие и Плоцкие), где не было никаких или почти никаких иповерческих общин²⁵. Регионализация реформационного движения углубилась в XVII в. одновременно с наступающей децентрализацией Польского государства; отдельные земли попадают в зависимость от городских центров, власть в которых все больше забирают магнаты. С середины XVII в. местные можновладцы начинают проводить собственную внешнюю политику: Радзивиллы и великопольские магнаты — с бранденбургским электором, Любомирские, имевшие владения на юге страны, — с Семиградьем и т. д. Это не могло не отразиться на политике отдельных центров польской реформации. Обосабливаются институции кальвинистского костела в Лит-

ве, одновременно ослабевают узы, связывающие лютеранские города Королевских Прус с такими же городами на территории Великой Польши, а еще более — Малопольши. Прусский лютеранизм начинает все больше тяготеть к Княжецким Прусам, обращаясь туда за помощью и покровительством. С подобными же целями Братья Польские завязывают теснейшие контакты с Семиградьем, где находят единоверцев в лице тамошних унитариев²⁶.

Эти действия дают в какой-то мере ответ на то, почему в первой половине XVII в. резко уменьшается число центров реформации в Польше. Так, решения трибунала частично прекращают действие разноверческих соборов (Краков, 1591 г., Познань, 1616 г., Люблин, 1627 г. и Вильно, 1640 г., а также в других меньших центрах). Стефан Баторий суровыми указами осуждал эксцессы толпы, подстрекаемой духовенством; Сигизмунд III Ваза играл на Вавеле в мяч, когда жаки и простонародье уничтожали краковский диссидентский собор. Однако не только личность монарха отрицательно повлияла на судьбы польской реформации; определенное значение сыграл тот факт, что на переломе XVI и XVII в. покровительство магнатов этому движению стало менее ощутимо. Часть магнатов вернулась в католичество, часть просто исчезла со страниц истории²⁷. На месте старой появилась новая магнатерия, выросшая на королевских милостях, несколько позднее — на состояниях, пажитых на Украине. Умирает (1592) глава великопольских протестантов Стапислав Гурка, который благодаря своим связям с высшей духовной иерархией противостоял уничтожению протестантских святынь в Познани. После смерти бездетного магната Яна Кишки (1591) антитринитарии теряют большинство своих соборов в Литве, которые переходят в руки кальвинистов или католиков. Вымирание Шафранцев или Олесницких отрицательно сказалось на дальнейшей судьбе малопольского кальвинизма.

В особенно трудном положении находились иноверцы тех городков, которые меняли своего владельца. Если владельцем становился католик либо после заблудшего в вере отца — его сын, возвращающийся в католицизм, диссиденты должны были обычно или покинуть город, или менять веру. Католическая шляхта все чаще помогает духовенству отбирать у протестантов те церкви, которые образовались из бывших католических костелов. Вследст-

вие этих акций диссиденты, как уверял Ю. Лукашевич, утратили в 1606—1620 гг. две трети своих святынь²⁸. По последним подсчетам, число кальвинистских церквей в это время в Малопольше уменьшилось с 260 до 155, в Литве же — со 191 до 140, т. е. до 60—70%²⁹.

Не следует, однако, переоценивать размеры этих утрат, поскольку число лютеранских и арианских церквей не подверглось в эти годы большим изменениям, а вместо возвращенных католикам костелов строили новые церкви или основывали их в частных домах. Больше того, как прусские города, так и иноверческая шляхта умели охранять свои владения, даже если они получали суровые указы, предписывающие ликвидацию церквей в данной местности. Так, на Украине в 1644—1648 гг. многократно предписывалось закрыть арианские святыни, школы и типографии, а также изгнать Братьев Польских из той или иной местности. На властителя обычно накладывался чудовищный штраф. Денежные штрафы платились без большого сопротивления, антиринитарики же переходили в другие места, а через пару недель спокойно возвращались на старое место. Таким образом, почти все арианские центры на Волыни просуществовали вплоть до 1648 г. Уничтожение протестантских соборов в королевских городах или их закрытие по распоряжению судебных властей также не приводило к исчезновению иноверческой гмины. После 1591 г. кальвинисты из Кракова ездили на службы в расположенную сравнительно недалеко деревню Велканочь. Иногда же после ликвидации церкви в центре города ее переносили за крепостные стены, как это было в Люблине в 1627 г. и в Вильно в 1640 г.

В условиях веротерпимости в Польше, сохранявшейся еще значительно в первой половине XVII в., только смерть или обращение верующих, а прежде всего самого главы, могли прекратить существование церкви в данной местности. Так, в арианском Ракове в 1638 г. был реализован эдикт сейма, который предписывал закрыть тамошнюю гимназию, типографию и святыню, но это наступило, очевидно, не из уважения к юридическому постановлению, а после смерти в 1639 г. владельца городка Якуба Сененского. Его наследники, как усердные католики, позаботились, чтобы Раков действительно перестал быть «столицей польского арианства»³⁰.

В 1650 г., по мнению Мерчинга, в Польше осталось уже только около 240 иноверческих церквей³¹. Как трагически отразился на их судьбах «потоп», свидетельствует факт, что число кальвинистских церквей на Литве уменьшилось во второй половине XVII в. до 51, а Братьев Чешских в Великой Польше — до 9 (с 15). Наиболее сохранившимися вышли из этих событий лютеране; число их соборов подверглось относительно небольшому уменьшению. Победило здесь лояльное отношение лютеран в период шведского нашествия (особенно в прусских городах) и то, что «еретикам» иностранного происхождения всегда спокойней прощалось отличие религии. Хуже всего пришлось арианам, чьи святые вообще исчезли с религиозной карты Польши. В 1660 г. социниане в силу постановления сейма двухлетней давности покидают родину. Их церкви в изгнании организованы в ближайшем соседстве с Речью Посполитой: в Восточных Прусах (Косинов и Рудовне), в Силезии (в Ключоборке), даже в Семиградье (Колошвар). Поскольку в стране остались еще скрывающиеся антиринитариане, не исключено, что они имели тайную церковь в Янковце³².

Реформация углубила существовавшие в Польше еще раньше религиозные конфликты, способствуя усилению сепаратистских настроений на территории Королевских Прус, а также Великого княжества Литовского. И на землях этнически польских, расположенных за пределами тогдашней Речи Посполитой, — в Силезии, а также в южной части Княжецких Прус — лютеранство способствовало углублению уже существующих противоречий. Политическая граница делила до тех пор единую этнически территорию, становилась демаркационной линией между еретиками и исповедующими новую веру. В этом смысле реформация становилась бы фактором, дезинтегрирующим общество XVI в. Одновременно, однако, она действовала бы в совершенно противоположном направлении. Достаточно вспомнить пример Литвы. Ст. Кот, вероятно, справедливо отметил, что протестантство оказалось для многих феодалов Великого княжества Литовского удобной формой перехода из «восточного» православия в «западное» католичество. Тогдашние вельможи и шляхта дошли до католицизма окружной дорогой: от православия через арианство или кальвинизм, чтобы затем остановиться на религии, общей почти для всей шляхты в XVII в.

Нужно также помнить, что те процессы дезинтеграции, которые принесла пропаганда протестантизма в других странах, в Польше были в значительной степени обузданы благодаря сильно развитой толерантности. В нашей книге «Государство без костров» доказывается, что религиозные различия не были в Польше причиной споров или вражды в других областях; поверх голов спорящих теологов поддерживались приятельские, семейные, общественные и политические контакты. Подобные отношения существовали также в XVI в. на территории Семиградья; в следующем столетии, как видно из работы на эту же тему Г.-Г. Нольте, многочисленные элементы религиозной терпимости содержала в себе религиозная политика московского правительства³³. Как в Речи Посполитой, так и в России она частично была следствием того, что оба эти государства лежали на территории, где смыкались друг с другом не только разные направления христианства, но также ислам, анимизм (поганство), приверженцы Рима, Женевы, Виттенберга или Константинополя. Это были единственные в Европе государства, в которых существовала непосредственная конфронтация протестантизма с поганством, т. е. веры, появившейся в XVI в., с верованиями, существующими сотни лет.

¹ См. об этом: *Histoire de Pologne. Varsovie*, 1971, p. 203; там же две карты главных центров реформации в XVI—XVII вв. (с. 205) и школ иезуитов и протестантов в XVI—XVIII вв. (с. 250).

² *Merczyng H. Zbory i senatorowie protestanczy w dawnej Polsce*. Warszawa, 1904, s. 132, 141.

³ *Urban W. Losy Braci Polskich od za ożenia Rakowa do wygnania z Polski*.— In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, t. I. Warszawa, 1956, s. 128; *idem*. *Projekt słownika historyczno-geograficznego reformacji w Polsce*.— *Ibid.*, t. VIII, Warszawa, 1963.

⁴ Опубликованы уже два тома, охватывающие 1550—1559 и

1560—1570 гг. (Варшава, 1966, 1972).

⁵ Эта картотека находится в Отделе научной работы библиотеки Варшавского университета.

⁶ Так, в конце XVI в. существовало, по мнению Урбапа, в Малопольше 260 (а не 206, как считал Мерчинг) соборов кальвинистских, а также 52 арианских. В Великой Польше было тогда 37 польских и 120—140 немецких аугсбургских соборов (подсчеты Я. Двожачковой). В Литве же, по С. Твореку, был тогда 191 собор кальвинистский.

⁷ Определить географию распространения реформационного движения не так про-

- сто. За начальный момент следует, очевидно, взять существование религиозной гмины, а не строительство костела, поскольку им сначала могли служить снятая изба или двор. Дальнейшими указаниями можно считать записи источников о существовании владетельного протектора. Однако эти цифры всегда приближительные; только их сопоставление на протяжении ряда лет может определить территорию развития реформационного движения.
- ⁸ Pamiętnik Zjazdu historyczno-literackiego im. Mikołaja Reja. Kraków, 1910, s. 86.
- ⁹ *Tazbir J.* A state without stakes. Polish religious toleration in the sixteenth and seventeenth centuries. Warsaw, 1973; см. также: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, t. XIX, Warszawa, 1974.
- ¹⁰ *Dworzaczkowa J.* Wprowadzenie reformacji do miast królewskich Wielkopolski.— In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, t. X. Warszawa, 1965.
- ¹¹ См.: *Schramm G.* Lemberg und die Reformation.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1963, Bd. 11, H. 3.
- ¹² Отдельные примеры см.: *Tazbir J.* Antytrynitarizm na ziemiach ukraińskich w XVII wieku.— In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria 4. Historia. Warszawa, 1972.
- ¹³ *Kot S.* La Réforme dans le Grand-Duché de Lithuanie. Facteur d'occidentalisation culturelle. Bruxelles, 1953; *Подкошин С. А.* Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970.
- ¹⁴ *Merczyng H.* Zbory..., s. 135—137.
- ¹⁵ *Tworek S.* Z zagadnień liczebności zborów kalwińskich na Litwie.— In: *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, t. XVIII. Warszawa, 1972, s. 207, 211.
- ¹⁶ До сегодняшнего дня среди исследователей продолжается дискуссия, было ли в акте Варшавской конференции 1573 г. за панами признано право насильно переводить подданных в свою веру (так называемый спор о bonis i rebus). См.: *Tazbir J.* Refleksje nad konfederacją Warszawską (z okazji rocznicy i sesji).— «Kronika Warszawy», 1973, N 4.
- ¹⁷ См.: *Urban W.* Chłopi wobec reformacji w Małopolsce w drugiej połowie XVI w. Kraków, 1959, s. 9 i in.; *Schramm G.* Der polnische Adel und die Reformation, 1548—1607. Wiesbaden, 1965, S. 15.
- ¹⁸ *Mężyński K.* Über die Mennoniten in Polen.— «Mennonitische Geschichtsblätter», 1968, Bd. 25, H. 20, S. 49—66.
- ¹⁹ *Kulejewska-Topolska Z.* Nowe lokacje miejskie w Wielkopolsce od XVI do końca XVIII wieku. Poznań, 1964, s. 30—33, 46, 59—60; *Tazbir J.* A state without stakes..., p. 175—176.
- ²⁰ Подробнее см.: *Florczak Z.* Udział regionów w kształtowaniu się piśmiennictwa polskiego XVI wieku. Studium z zakresu socjologii pisarstwa.— In: *Studia Staropolskie*, t. XVII. Wrocław, 1967.
- ²¹ Эти карты находятся в кн.: *Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku*; опубликованы тома, касающиеся Поморья (т. 4, 1960), Великого княжества Литовского (т. 5, 1959), Русских земель, входивших в Корону (т. 6, 1960).
- ²² *Tworek S.* Działalność oświatowa-kulturalna kalwinizmu

- małopolskiego (po'owa XVI—po'owa XVIII w.). Lublin, 1970.
- ²³ Достаточно вспомнить, что из 44 генеральных арианских синодов, которые происходили в 1600—1638 гг., 30 были проведены в Ракове. См.: *Tazbir J.* Le socinianisme après la mort de Sozzini (Les Frères Polonais dans les années, 1604—1660).— In: *Movimenti ereticali in Italia e in Polonia nei secoli XVI—XVII. Atti del convegno italo-polacco.* Firenze, 1974.
- ²⁴ *Tazbir J.* Miejsce Rakowa w ruchu ariańskim.— In: *Wokół dziejów i tradycji arianizmu.* Warszawa, 1971, s. 51—52.
- ²⁵ *Merczyng H.* Zbory..., s. 135.
- ²⁶ Подробнее см.: *Tazbir J.* Bracia Polscy w Siedmiogrodzie (1660—1784). Warszawa, 1964, s. 19—22.
- ²⁷ Значение этого факта для дальнейшей судьбы реформации подчеркивал С. Чарновский (*Czarnowski S.* La reaction catholique en Pologne à la fin du XVI-e et au debut du XVII-e siècle.— In: Społeczeństwo. Kultura. Prace z socjologii i historii kultury. Warszawa, 1939, s. 392—393).
- ²⁸ *Łukaszewicz J.* O kościołach Braci Czeskich w dawnej Wielkiej Polsce. Poznań, 1835, s. 188.
- ²⁹ Оценочные определения, предложенные В. Урбаном и С. Твореком на апрельской конференции Комиссии истории церкви (1973). См. также: *Tworek S.* Działalność..., s. 211—212. По мнению В. Урбана, если принять количество кальвинистских костелов в Малопольше в 1560 г. за 100%, то в 1620 г. их было лишь 44%, а в середине XVII в.—24%.
- ³⁰ *Tazbir J.* Miejsce Rakowa w ruchu ariańskim, s. 59—60.
- ³¹ *Merczyng H.* Zbory..., s. 141. По мнению В. Урбана, в Малопольше было тогда 97 кальвинистских церквей, а не 60, как пишет Мерчинг.
- ³² Так полагает Мерчинг (*Zbory...*, s. 244).
- ³³ *Nölte H. H.* Religiöse Toleranz in Russland, 1600—1725 Göttingen, 1969.

РОССИЯ В ПОЛЬСКО-ЛАТИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI В.

Л. Базылев

Необычайно интенсивные и крайне разнообразные проявления политической жизни в Польше на протяжении всего XVI в. должны были обусловить и значительное развитие политической литературы, даже если приписать во внимание не только категории количественные, наиболее заметные и поддающиеся оценке. Тем не менее этих оценок не торопились давать, поэтому единственной попыткой целостного рассмотрения проблемы все еще остается исследование С. Тарновского, о котором уже скоро можно будет говорить как о работе столетней давности¹. Польская политическая литература XVI в. анализировалась и оценивалась в бесчисленных справочниках, историко-литературных и исторических работах, а также во введениях к публикациям или — что значительно чаще — к избранным публикациям. Оценки эти, иногда довольно правильные и эффектные, порой дискуссионные, являются не всегда достаточными и обоснованными.

Остается непонятным, почему до сих пор не возник вопрос о более комплексном сопоставлении оценок и сведений о России в польской литературе XVI в.? А таких оценок и сведений, конечно, было немало: отношения между обоими государствами — Польшей и Россией — в этот период изобиловали большим количеством событий.

Предстоит еще немалая работа, если речь идет вообще о польской политической литературе и ее проблемах. Одной из них, понимаемой наиболее многосторонне, является проблема характеристики взглядов нашей литературы на другие народы и государства, а также наших знаний об этих государствах и народах. Имеются в виду те знания, которые были тогда необходимы и без которых невозможно было обойтись, да и сама политическая литература не могла бы без них всесторонне развиваться. Это не означает, что в историографии никто никогда этими проблемами не занимался, но необходимо повторить еще

раз — никогда в достаточной степени. Даже Брюкнер в своей истории польской культуры рассматривал эту проблему только в разделах о чужих влияниях и упоминал там Италию и Испанию, Францию и Германию, Чехию и «других славян», а также венгров, но не выделял Россию². А то, что он о ней написал в разделах о «других славянах», можно очень поверхностно охарактеризовать: очень мало, очень неинтересно и очень необъективно³, при этом в авторском тексте много противоречий⁴.

Уточняя проблему, следует добавить: речь идет не о влияниях, в рамках которых изложил свои взгляды Брюкнер; речь идет также не о мнениях, которые выражает политическая литература, или по крайней мере не только о них.

Нуждается в уточнении и само определение того, что следует понимать под политической литературой. В настоящей статье ее понимают не только в каком-то узком значении, но рассматривают все те формы польской и латинской литературы, которые имели тогда политическое значение: не только статьи того периода⁵ или речи⁶, произнесенные, например, во время заседаний сейма, но также исторические и географические работы⁷ и даже поэзию⁸. При этом подходе сопоставление главных оценок было бы несовершенным.

Точно так же должна рассматриваться и польская, и латинская литература, ибо значение латыни в Польше в течение всего XVI в. было велико, а в различных сферах политической жизни латынь играла почти исключительную роль (особенно в первой половине века). Это не препятствовало развитию польского языка как языка разговорного и литературного, возможно менее упругого, нежели язык научный⁹. Еще более интересной и бурной была эта «двуязычная» жизнь в политике.

В польско-латинской литературе XVI в., имеющей политическое значение, можно выделить три следующие главные группы: описания географического, бытового и исторического типа (последних не очень много); военные конфликты и мирные договоры; вопросы, связанные с обеими элекциями после смерти Сигизмунда Августа; кроме того, есть менее важные события, как правило подтвержденные более скромными и вольными материалами.

В описаниях географического типа первенство нужно отдать, естественно, Матвею из Мехова, автору много раз

оцененной и поднятой до ранга самого значительного для своего времени научного события работы под названием «Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis» («Трактат о двух Сарматиях»), изданной в Кракове в 1517 г.¹⁰ О Матвее Меховском и его Сарматиях писали у нас (и не только у нас) очень много. В последние двадцать пять лет вновь возник интерес к этому автору¹¹, вероятно в связи с 500-летием со дня его рождения. Появился наконец-то новый польский перевод Трактата¹².

Роль, которую сыграл в свое время Трактат Меховского, была исключительной. Этому имеется много доказательств, и именно благодаря им такое убеждение упрочилось в нашей и не только в нашей научной литературе¹³. Мы должны четко уяснить себе, в какой степени информация, которую приводит Меховский, свидетельствует о знании России тогдашней Польшей, в каких размерах эта информация могла способствовать углублению этих знаний или — еще осторожней — служить толчком к процессу познания России в Польше. Наша позиция должна зависеть от ценности сведений Меховского, а не от того шума, какой вызвала их публикация в стране и за границей.

Интерес зарубежных ученых объясняется двумя причинами: потребностью в более достоверных и полных сведениях, чем те, которыми располагали ранее, а также научной смелостью Меховского, который, не колеблясь, начал полемику с авторитетами. И то и другое уже многократно подчеркивалось, например: «Возрастающее влияние гуманизма проявилось в сфере польской географии и картографии характерным явлением: поляки взяли инициативу в свои руки и затем выступили в новой и неизвестной им до сих пор роли информаторов Европы о собственных землях и дальше на восток от них положенных... Значение и европейская известность работы М. Меховского совпали с... не менее важной деятельностью первого польского картографа Бернарда Ваповского... Имена Меховского и Ваповского открыли светлую страницу в истории этой области науки в Польше»¹⁴.

Тот же автор (Т. Улевич) дает высокую оценку самому трактату: «Отбрасывал он (Трактат.— Л. Б.) окончательно многие доморощенные географические преувеличения периода средневековья, вводил... множество точных, в большинстве случаев неизвестных на Западе и впервые

приведенных и одновременно удивительно деловых точных информации и известий». Позже появляются и такие оценки, как: «сжатый синтез сведений об описываемых странах», «синтез очень популярный и влиятельный», «заслуживший европейскую известность»¹⁵.

Не был забыт Трактат Меховского во время организованной в широком масштабе научной сессии «Возрождение в Польше» в 1953 г. Характеристику деятельности Меховского дал Б. Ольшевич, подчеркнувший между прочим, что Меховский, автор первой современной географии европейского востока, был известным польским географом того времени и не имел себе равных среди писателей древней Польши, если речь идет о влияниях на дальнейшее развитие географии. Докладчик отметил также, что настоящую оценку творчеству Меховского дали не польские историки и географы, а прежде всего — немецкие и русские, и упомянул, что Трактат был также переведен на голландский язык.

Но по крайней мере два тезиса Б. Ольшевича нельзя принять, поскольку они не имеют доказательств. Во-первых, о том, что, описывая земли Московского государства, в котором он сам не был, Меховский «старался собрать наиболее достоверные (откуда это известно? — Л. Б.) сведения у тех, которые их имели...» Во-вторых, о том, что в «работе Меховский исчерпал доступную ему литературу... возможно, и определенные неопубликовавшиеся материалы». Не является достаточно ясным вопрос о переводе Трактата на голландский язык¹⁶.

Книга Л. Краковецкой в основном посвящена Меховскому как врачу (автор была руководителем Отдела истории медицины в Медицинской академии в Познани), но содержит исторический и экономический «фон», а также разделы «Матвей из Мехова как историк» и «Матвей из Мехова как географ». Точка зрения автора о значении Меховского достигает просто апогея: «Даже если бы Меховский ничего, кроме Трактата, не написал, одно это дало бы ему славу, а Польшу в области географии поставило бы в ряд первых народов эпохи Возрождения». Более того, автор ставит вопрос таким образом, что Меховского вообще нельзя критиковать: «Несмотря на то что заслуженная слава Меховского как географа не должна вызывать даже самые малейшие сомнения, оживают еще и сейчас в Польше критические голоса по адресу Меховского

и его Трактата»¹⁷. И как пример: Буяк (*Geografia na UJ do połowy XVI w. Kraków, 1900*) испытывает сожаление, что Меховский основал не кафедру географии, а кафедру астрономии, а Б. Бараповский пишет, что «история татар, переданная Меховским, кишит ошибками»¹⁸.

Формулировки эти, вероятно, основаны на каких-то недоразумениях, при этом трудно понять их безапелляционность. Но сейчас речь идет не об этом. Обвинение по адресу Ф. Буяка неосновательно, ибо оно не касается Трактата; обвинение по адресу второго из авторов имело бы смысл, если бы была сделана попытка доказать, что Меховский писал о татарах обстоятельно и точно. К сожалению, прав Б. Бараповский, а не Л. Краковецкая.

Наиболее обширным и исчерпывающим является исследование Трактата Меховского К. Бучеком. Автор тщательно проанализировал текст, стараясь, и, пожалуй, со всех точек зрения справедливо, ввести какой-нибудь «порядок» в существовавшую до того времени систему взглядов и оценок. Именно К. Бучек подчеркнул значение отмечавшегося 500-летия со дня рождения Меховского, указывая при этом, что не как врач, историк, профессор, ректор, «Столп и колонна» ягеллонской *Almae Matris*, а как автор небольшой книжечки о двух Сарматиях Матвей из Мехова пришел в будущее и вызывает и сейчас интерес. К. Бучек высоко оценил и заслуги Меховского в области географии, выдвинув тезис, что «до недавнего времени трудно было найти там (в нашей историографии.— Л. Б.) убедительное обоснование такого выделения (что Меховский был ведущим специалистом в области гуманитарных наук.— Л. Б.), точно так же как и соответствующую оценку его достижений», что в отличие от «Польской хроники»¹⁹ именно на Трактат Меховского обращали относительно мало внимания²⁰.

В других разделах своего исследования К. Бучек еще не раз дает общую высокую оценку Меховскому, например: «...никто не мог сравниться с Меховским, если речь идет о многогранности его научных интересов и огромной начитанности и одновременно о его бескомпромиссном отношении к правде... Трактат является работой полемической. Меховский боролся тут во имя правды с существовавшими до сих пор взглядами на физическую географию с греческими, римскими и средневековыми авторитетами»²¹.

Однако при детальном анализе (единственном до сих пор в польской литературе) многократно подчеркивалась только одна заслуга Меховского — его настойчивое утверждение, что «все сарматские реки вытекают из местностей равнинных, а не с гор Гиперборейских, или Рифейских, или каких-либо других, которые... были выдуманы греками»²². Но если абстрагироваться от этих гор, на которых настаивали исследователи в древности, останется совсем мало места для похвалы; даже, наоборот, окажется, что энтузиазм нечем мотивировать...

Прежде всего конструкция Трактата неудачна. Известно, что Меховский перегрузил его историческими выводами — об этом пишет К. Бучек, отмечая эту диспропорцию, хотя и заканчивает оптимистическим заключением: «Трактат наш не является ни в целом, ни в большей части работой географически-этнографической, так как по крайней мере $\frac{2}{3}$ содержания Трактата — это в конце концов ошибочные, хотя для оценки их автора важные и интересные исторические выводы»²³. В другом месте он пишет, что Меховский «вообще не видел собственными глазами описываемых им земель». Но об этом было известно всегда, не скрывал этого и сам Меховский, ведь так писали многие. К. Бучек отмечает также, что решение написать Трактат Меховский принял только в 1517 г. и тогда же написал его, отсюда — поспешность, которую «должен заметить каждый», повторение по 2—3 раза одного и того же, что портит конструкцию и внутреннюю гармонию работы, «насколько о ней вообще можно здесь говорить»; подчеркивает также «разбросанность информации об одном и том же предмете или родственном ему в различных местах, а также весьма неоднородный и непродуманный подбор содержания». Читатель узнаёт, что Меховский «взялся писать Трактат, не имея четкого плана, и писал очень поспешно, не располагая даже временем на проверку деталей по литературе или же по собственной Хронике»²⁴.

И еще примеры: «В момент начала работы [он] не имел ясно сформировавшегося взгляда на территорию и границы обеих Сарматий...», «Не дал себе труда критически проанализировать принимаемые координаты», «В свете вышеуказанных замечаний Меховский не вырастает по крайней мере до роли хорошего географа... ибо географическое положение собственной родины определил почти по-

дилетантски»²⁵. И еще такие, более детальные заключения, как то, что Меховский включает в Великое княжество Литовское Можайск, Вязьму и Смоленск (отшли к России соответственно в 1454, 1494 и 1514 гг.), а когда речь идет о таких городах, как Вильно, Ковно, Полоцк, Витебск, Львов и Киев, Меховский дает «указания побочные и голословные»²⁶. Весьма минорна и общая оценка Трактата²⁷. Самое удивительное то, что во введении к сборнику исследований, в котором поместил и свое К. Бучек, мы можем прочесть оценку Трактата, данную Г. Баричем: «Смелый отход от авторитета Птолемея, от традиционных описаний и невероятных сказок и легенд.. для большинства был потрясением, ослеплением и научно-познавательным открытием. Книга возбудила огромный интерес необычностью своего содержания. Была на устах мыслящей элиты...»²⁸

Поистине нелегко выйти из этой «западни». Откуда такие противоречия в суждениях о работе небольшой с точки зрения ее объема и, казалось бы, совсем нетрудной для однозначной интерпретации по крайней мере ее основных географических разделов, которые не превышают одной трети всего текста? Противоречия могли родиться в результате очень поверхностного ознакомления с текстом, особенно, если читающий не был ни историком, ни географом. Другим источником противоречий является весьма небрежное уяснение того, что нельзя идентифицировать восприятие в XVI в. с нынешним. Тогда относительно мало знали о Востоке и каждую новую информацию принимали с интересом. Не многое знал о нем и сам Меховский, но он был действительно отважным, отвагу обычно ценят, и поэтому Трактат делал карьеру. В определенной ситуации это было абсолютно справедливо.

Трактат касался в значительной мере великорусских земель, поэтому им должны были там заинтересоваться.

В русском издании 1936 г., в котором опубликованы русский и латинский тексты Трактата, солидный комментарий и введение объемом 40 страниц, посягающее инструктивный характер, мы находим много самых высоких оценок этой работы. Автор введения и переводчик С. Аннинский пишет: «Читатель находил в Трактате живое описание Московии... Трактат Меховского отвечал самым разнообразным вкусам и интересам, ожиданиям и запросам читателя XVI в. ...Трактат является особенно интерес-

ным явлением в истории науки... а когда речь идет о географии и этнографии, отличается самостоятельностью и его можно считать почти целиком первоисточником»²⁹.

Трактат несколько раз издавался на немецком языке, он совершенно справедливо импонирует немцам. Даже в новейшем немецком исследовании, которое не могло еще быть известным названным выше польским авторам, мы находим оценку Меховского, вероятно наиболее лестную, с вознесением польского врача и географа на пьедестал родоначальника «революции в мышлении»³⁰. Там же припоминается, что первый перевод Трактата на немецкий язык сделал по предложению аугсбургских фуггеров знаменитый противник Лютера — доктор Иоганн Эк. Соперничая с Ганзой в борьбе за русский рынок, банкиры выступили с инициативой перевода Трактата Меховского, чтобы углубить знания о России в Германии³¹.

В свете этих разнообразных и в большинстве положительных оценок можно было бы прийти к мнению, что знание России в Польше уже в начале XVI в. было на высоком уровне, что там не только писали о ней, но и делились своими знаниями с другими. Но было бы неверно успокоиться на этом, зная о многочисленных оговорках К. Бучека и считая, что его обвинения касаются в основном конструкции текста.

Меховский старался включить в свое описание двух Сарматий детали географического и этнографического характера. Наиболее существенны из его формулировок выглядели бы (в польском тексте) следующим образом: «Древние выделяли две Сарматии: одну, находящуюся в Европе, другую — в Азии. Они граничили и были объединены между собой. В состав Сарматии европейской входили территории, заселенные русинами, литовцами и москалями и другими народами, соседствующими с ними. Территория эта на западе доходила до реки Вислы, а на востоке кончалась на реке Дон... Сарматию азиатскую заселяют сейчас многочисленные племена татар... от Дона до Каспийского моря»³².

Но есть еще формулировки, в которых Меховский осмелился выступить против авторитетов и установить истинное положение вещей. Благодаря этому (даже по всеобщему убеждению) он всшел в пантеон географов: «Но ведь и нынешние писатели заявляют, что страшный люд татарский, живущий в степях азиатской Сарматии, авто-

хтонен, что живет здесь испокон веков, в то время как это народ — недавно прибывший (более или менее три столетия тому назад)», «Заявляют также эти писатели, что в этих северных районах находятся пресловутые Горы Аланские, Гиперборейские и Рифейские, из которых должны вытекать не менее известные реки, описанные географами и известными поэтами, как Дон, Днепр, Буг и самая большая из этих рек — Волга. Как учит опыт, все это не отвечает действительности... Мы ведь хорошо знаем, что три упомянутые выше реки берут свое начало с территории Московского государства. Буг, который Аристотель называет Дяборисфен, имеет свой исток в Великой Руси, а потом сливается с Днепром... а те названные горы не существуют»³³.

О других деталях вспоминать не нужно, в конце концов многие из них были обсуждены при анализе точек зрения в литературе. Стоит, пожалуй, добавить, что интересной деталью является, например, информация о Юграх и Югре — «земле, во всей Сарматии наиболее холодной и расположенной дальше всех на севере». Известно, что речь идет о территории, расположенной между Печорой и Уральскими горами, входящими в состав Новгородской республики, а с XV в. принадлежащей Москве; довольно противоречивыми были и есть гипотезы о народе, называемом юграми.

Не возражая против действительно большого значения этих смелых утверждений Меховского, следует, однако, иметь в виду, что их, так сказать, фактическая основа — слишком слабая. Допустим даже, что были две «Сарматии» (спор о названиях не имеет здесь значения). допустим даже, что европейская Сарматия доходила на востоке до Дона, но почему она доходила на западе до Вислы? А что за Вислой? Почему территорию между Доном и Каспийским морем Меховский называет Сарматией азиатской? Действительно, как он пишет на основе «опыта», истоки главных рек России следует разместить иначе, нежели это делали древние, по почему Буг имеет свои истоки в «Великой Руси» и где он сливается с Днепром? Таких вопросов можно поставить много. Не говоря уже о том, что сейчас трудно понять, почему дискутировали, например, об истоках Буга или Днепра, как будто эти реки текли по крайней мере из-за Урала, и этого нельзя было изучить хотя бы во время неоднократных

посольских миссий в Москву. В литературе встречаются попытки выяснения этого парадокса, не всегда, однако, убедительные: например, что в великом княжестве Московском чужие посольства старательно опекались и не имели практически возможности связаться с кем-либо. Более правдоподобен тезис, что известия о Московском государстве Меховский получил от пленных, взятых в битве под Оршей (1514), некоторые из них были привезены в Краков³⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что стремление к действительно объективной оценке Трактата Меховского, без высокопарных определений и без указаний на особенно слабые стороны в содержащемся там материале, не может принести вред ни нашей науке, ни памяти этого гуманиста. Трактат Меховского является свидетельством того, что в Польше Россией интересовались, что интерес отражался в конкретных, хотя и не всегда точных информациях и что это получило соответствующий отклик за границей, где также пуждались в этой информации.

Доказать это можно дальнейшими аналогиями. Так, например, в свое время правильно обратили внимание на то, что подобную же задачу в отношении Европы должна была выполнить изданная в 1523 г. «Песнь о зубре» Николая Хусовчика («Carmen de statua, feritate ac venatione bisontis»), считая, что «работу Хусовчика следовало бы вывести из пробудившегося в период Возрождения желания познать новые земли и страны, в связи с чем чувствовалась потребность писать на эти темы», «что до Хусовчика Меховский в превосходной своей работе, постоянно в науке польской недооцениваемой... развенчивал перед удивленными глазами европейцев самые удивительные басни о далеких землях на Востоке»³⁵. Трактат Меховского появился в момент, наиболее к тому подходящий, поскольку именно тогда возникла конкретная заинтересованность наших гуманистов востоком. К тому же подобные Трактату Меховского работы в следующие десятилетия были беднее по материалу, возникали случайно, иногда как короткие заметки о путешествии, часто мы не имеем даже польского текста, так как они были написаны по-латыни.

Сохранились упоминания, что некий Михаил Литвин писал об обычаях татар, литовцев и жителей Московского государства (по-латыни), из чего сохранилась

только часть, изданная в 1615 г. Анджей Гарановский, который многократно был послом в Турции, а также в Москве и в других странах, написал «Короткое изложение пути из Польши до Константинополя, а оттуда до Астрахани, московской крепости...»³⁶

Только рубеж седьмого и восьмого десятилетий XVI в. приносит новые работы, но одновременно и новые конфликты. Речь идет прежде всего о не разрешенном до сегодняшнего дня споре о том, была ли оригинальной работой хроника Александра Гваньини, изданная в Кракове в 1578 г. Это была первая польская переработка книги под таким же названием, написанной известным польским историком Матвеем Стрыйковским³⁷. Главная работа М. Стрыйковского «Хроника польская...» — очень большая (почти тысяча страниц). М. Стрыйковский занялся проблемой, которую сейчас можно было бы назвать этногенезом славян и которую он объединил с проблемой славянских языков, выводя их из «московского»; в других местах своей работы автор выразил свою симпатию к Руси и удивление некоторыми ее правителями³⁸. Его рассуждения об этногенезе и языке неясны, поэтому попытка их дословной интерпретации может оказаться рискованной³⁹.

М. Стрыйковский хорошо знал русские летописи и дал интересные сведения об истории Древней Руси и о польско-московских войнах в XVI в., начиная от известного дела Михаила Глинского; много места он посвятил победе поляков под Оршей в 1514 г., а также последующим войнам, которые вели Сигизмунд Август и Стефан Баторий, битве под Великими Луками (1580). Описывая войны, Стрыйковский уже не симпатизирует России и без колебаний стоит на стороне тогдашней польской государственности, хотя не скрывает и польских поражений (потеря Смоленска в 1514 г., Полоцка в 1563 г.). В общем у Стрыйковского немало преувеличений, особенно при настойчивых попытках связать историю Литвы с античным миром.

Другие написанные в Польше работы также приносили известия о России и ее истории; некоторые из них пользовались популярностью в России, например «Хроника всего света» Мартина Бельского (1551), переведенная и переписанная в Москве в 1584 г.⁴⁰

О системах управления, господствующих в Москве, писал в своем «Королевском саду» Бартош Папроцкий⁴¹.

К близким вопросам обращались временами те польские писатели, которые по каким-либо причинам занимались православием, оценивая его или как «схизму», или самым положительным образом. К ним относится Станислав Ожеховский, который в своем «De baptismo Ruthenorum» пытался доказать, что «схизма греческая... по вере не отличалась от костела римского и только насилеиом и несправедливостью латинистов была подтолкнута к отрыву и сопротивлению»⁴². С симпатией к православию и с неприязнью к унии относились некоторые польские писатели и гораздо позже, в XVII в., например историк Павел Пясецкий⁴³. Возможно, не очень многих поляков интересовала церковная литература и староцерковнославянский язык, но такая заинтересованность иногда влекла за собой симпатии, а если не вызывала их, то находила отражение в творчестве, не только в научном, но и в полемике, переписке, переводах и т. д.

Польская историография содержит некоторую информацию об этих вопросах. Так, А. Брюкнер вспоминает об Уханском, Будном и Верешчинском⁴⁴. Якуб Уханский, архиепископ гнезненский и примас Польши, перевел на польский язык (со славянского) так называемые катехизисы, или поучения, одного из восточных докторов костела, святого Кирилла Ерусалимского. Симон Будный, известный мыслитель и арианский деятель, также был прекрасным знатоком вопросов, связанных с церковью. Это, правда, не были непосредственные связи с Россией, но ведь не всегда ярко и отчетливо проявлялись и развивались контакты и заинтересованность.

Не следует, наконец, забывать, что в политическом смысле эти контакты не должны были быть тогда исключительно дружественными. Например, третий из упомянутых Брюкнером лиц — Юзеф Верешчинский, с 1588 г. епископ киевский, «пробовал посвятить царю какую-то русско-польскую мешанину», из чего можно было сделать вывод о его симпатии к царю, покорности или о чем-то подобном. А в действительности Верешчинский точно так же, как, например, Стрыйковский, прочно стоял на почве интересов Речи Посполитой и, помимо теологических сочинений, писал антитурецкие политические трактаты, в которых старательно пропагандировал колонизацию восточных окраин, желая обезопасить их не только от татар: «Милостивые господа-братья Украину потерять могут, ибо

не только турки, не только татары, но и великий князь московский чихает на это, как будто ее от Речи Посполитой оторвал»⁴⁵. Это не мешало Верешчиньскому написать от своего имени письмо царю Федору (сыну Ивана Грозного) с целью привлечения его на сторону коалиции против турок⁴⁶. Епископ, преклоняющийся перед утопиями, достиг таких же результатов, каких приблизительно двести лет спустя — Роберт Оуэн, который писал Наполеону.

Когда речь идет о вопросах, близких к религиозным, нельзя не вспомнить Петра Скаргу. Наиболее известный польский проповедник имел, разумеется, совершенно иные взгляды на эти вопросы, нежели до него Ожеховский и после него Пясецкий. Для Скарги Польша была бастионом христианства, а христианство идентифицировалось им только с католицизмом. Такую точку зрения разделяли и другие⁴⁷. Отрицательное отношение к православию не повлекло за собой у Скарги какой-либо ненависти к народу, но самих правителей Русского государства он обличал как тиранов и выражал сожаление в связи с тем, что граждане вынуждены терпеть такую тиранию. «Граждане Турецкого и Московского государств, смотрите, какой гнет и тиранию терпят». Но тут же выставлял антитезис: «Не такая ваша родина: мать она для вас, а не мачеха»⁴⁸. Или в другом месте: «Не такую монархию хвалим, какая есть у турок, татар и Москвы и которая имеет беззаконное господство»⁴⁹.

Определенно нелегкой была жизнь подданных царя в великом княжестве Московском, особенно во времена Ивана Грозного, но разве в Польше этого времени был действительный рай? Скарга не проявляет стопроцентной последовательности, когда речь идет о собственном отечестве; в тех же самых проповедях он предвещает его падение, которое должно наступить, ибо накопилось много зла.

Подданные царя и польского короля почти в течение всего XVI в. вели между собой войны продолжительные и разрушительные. Политические отношения между Польшей и Россией в XVI в. не были из лучших.

Все военные события между Россией и Польшей XVI в. в большей или меньшей степени нашли отражение в польской исторической и политической литературе и даже в поэзии, которая, как мы уже упоминали, не

сторонилась политических функций. Особенно это заметно в латинской поэзии, которая на основе реальных событий и особой композиции текста добивалась большого эффекта. Именно эти поэтические произведения и политические отступления, несмотря на весь утилитаризм их происхождения, являются особенно интересными.

Поэты посвящали стихи отдельным победам Польши. Одним из них был Анджей Кшицкий — тогда секретарь королевы Барбары, жены Сигизмунда I, потом — епископа, архиепископа и примаса. Это — большая работа, насчитывающая свыше 300 рифмованных стихов, чего латынь не переносит⁵⁰. В нем много пафоса, Василий III сравнивается с Дарием и Ксерксом⁵¹, показано мужество польско-литовских войск, одержавших победу, несмотря на то что противник тоже рассчитывал на нее.

Писал Кшицкий и другие каптилены по этому случаю, в его произведениях встречаются отдельные высказывания, помещаемые, можно сказать, ненароком. Так, например, в стихотворении, написанном на обручение Сигизмунда I с Барбарой (февраль 1512 г.), он не забыл, перечисляя достоинства и черты характера короля, подчеркнуть, что сам Аполлон не сумел бы достойным образом воспеть его неисчислимые победы⁵², среди которых вспоминает об одной — в 1508 г. также под Оршей.

Был с королем Сигизмундом под Оршей в 1514 г. и другой, писавший по-латыни польский поэт — Ян Дантышек, предприимчивый дипломат, позже — епископ хелмский и вармицкий. В некоторых его произведениях выступают те же мотивы, что и у Кшицкого, даже названия и темы бывают одни и те же (например, «*Epithalamium Sigismundi et Barbarae*»)⁵³. В стихотворении «*De victoria Sigismundi*» поэт говорит о потере Смоленска, называет Василия III «вероломным», грозит отмщением⁵⁴.

Русских польские поэты, пишущие по-латыни, называют «москалями» — *Moschi*, *Mosci*, иногда — *Scytowie*, что частично исходит от тогдашней манеры обращаться, где только возможно, к древней номенклатуре. Название это мы встречаем и у не названных здесь поэтов: Павла из Кросна и Яна из Вислицы. Вопрос, однако, довольно запутанный: можно было бы опасаться, не происходит ли контаминация с татарами. Т. Улевич считает это невозможным: «Недоразумения с татарами здесь исключены, поскольку, например, Ян из Вислицы опреде-

ляет их как кочевников — *nomades*»⁵⁵. Так же пишет о М. Глинском Дантышек: «побит, в стране скифов блуждает»⁵⁶.

Дело требовало бы, пожалуй, дальнейших сопоставлений и размышлений. Тот же Дантышек в одном из своих произведений, которое принесло ему большую славу, нежели стихотворение о победе под Оршей, пишет (речь идет о турках):

Et sibi, quos dicunt hoc nostro tempore Moscos,
Foedere iunxerunt terribilesque Scythas.
Qui gelidum Tanaim vastique Borysthenis undas
Quique vel ex rapido Phasidis amne bibunt⁵⁷.

(И договором с собой связали ужаснейших скифов,
Москалями кого в наши зовут времена.
Дога поток ледяной, Борисфена просторные волны
Или быстрый Рион — каждый им воду дает).

Попытки называть соседей по-иному, нетрадиционно, нужно признать интересным явлением, а порой из этого можно сделать различные выводы. Но не только как скифов представляли русских. В свое время русских называли в Польше *septentrionis* — пароды севера. Это название неоднократно использует Сенкевич в «Потопе»⁵⁸.

Польские историки и хронисты в XVI в. занимались в основном историей военных столкновений с Россией, и поэтому их сведения однообразны, похожи одно на другое и меньше всего их по тому периоду, который нас интересует. Такой была традиция в написании истории в то время. Но в конце концов писали не только о войнах (*exempli gratia*) (например, Стрыйковский); невозможно иметь какие-либо претензии к тому, что древние писатели выделяли в своих описаниях политическую или военно-политическую сторону⁵⁹, поскольку в этой области с большей легкостью достигались эффекты и в этом выражались желание наследовать традиции римских историков и истинно «сарматские» традиции и т. д. Различна ценность памятников польской историографии, различными были мастерство писателей, их материальная база.

Кончая свою хронику 1535 г., Бернард Ваповский сумел описать первые две московские войны времен Сигизмунда Старого и начать описание третьей. Он пишет между прочим о занятии русскими Смоленска, подчеркивает,

что случилось это по вине Глинского, который уговорами склонил часть защитников сдаться Василию III. Он пишет также об ужасных опустошениях, совершенных обеими сторонами в 1534 г. Каких-либо далеко идущих выводов в тексте нет, хотя заметна, например, неприязнь автора к чрезмерной (в его понимании) амбиции Василия III, который вел переговоры с Максимилианом I о королевской короне и подкреплениях против поляков⁶⁰. Ведь московских князей считали главными неприятелями и в начале столетия, и после войн Батория. Когда на сейме в Варшаве в 1585 г. Анджей Жечицкий выступил с обвинением против Кшистофа Зборовского, он, между прочим, сказал: «Если бы Речь Посполитая сама по себе говорить могла, то, без сомнения, заявила бы: «Чего только злого порочный гражданин против родины своей допустить может, то все это ты, Кшистоф Зборовский, против меня замышлял... С главным моим противником периода войны с Москвой тайные заключал союзы»⁶¹.

В 1587 г. въезжающего в Краков короля Сигизмунда III от имени Stanów koronnych (сословий коронных) Вавжинец Гослицкий приветствовал следующими словами: «На голову свою корону возьмешь, которую прапрадеды носили, владеть будешь народом, который своею древностью не уступит самому благороднейшему народу. О твердости и мужестве не вспоминаю — прикажешь ли спросить? Расскажите, татарин, волошин, турок, москвитин и другие противники короны...»⁶²

Войны, которые велись с Москвой при Сигизмунде Августе, не имеют красочных описаний. Немного писал о них Лукаш Гурницкий⁶³. Только походы Батория нашли действительно талантливого историка в лице Рейнгольда Гейденштейна, который является также историком периода 1572—1602 гг. Для Гейденштейна Баторий был человеком, достойным сравнения с древними героями, и в этом духе он описывал полоцкую, великолукскую и псковскую кампании. Не все описания и заключения Гейденштейна принимались с энтузиазмом, порой можно понять его сомнения, критику и обвинения, особенно если речь шла о вопросах исторически щекотливых. Гораздо труднее его понять, если какие-нибудь положения строятся на предвзятых основах⁶⁴.

Зато следует признать, что Гейденштейн писал мужественно, решительно, даже как будто грубо, во всяком

случае — нелицеприятно. Наиболее ясно это обнаруживает-ся в отчете о только что прошедшей войне, принятом сеймом в 1578 г. Вот главный тезис этого отчета Гейденштейна: «Москва... богатая и сильная (он этого не отрицает. — Л. Б.) давала больше выгоды в настоящем и больше славы в будущем (чем, например, война с татарами. — Л. Б.). Наградой за победу над ней были бы Инфлянты, богатые и населенные, и в дополнение к этому еще и морское побережье. Приняли тогда решение о войне против Москвы и постановили вести ее в стране неприятеля, ибо опыт уже показал, сколь плохи были эта система замыкания в собственных границах и вытекающие из нее действия сверху»⁶⁵. Подобным же образом выглядит повествование, когда Гейденштейн занимается вопросом формального разрыва перемирия после смерти Грозного⁶⁶. Так или иначе, сочинения Гейденштейна остаются самым важным источником по истории правления Батория, что уже давно признано в историографии⁶⁷.

Для Гейденштейна Баторий был героем, для других историков — не всегда, поэтому противники Батория могут получить некое удовлетворение, читая этих других (к сожалению, менее одаренных). Среди последних можно назвать львовского архиепископа Яна Димитрия Соликовского. Неприязню его к Баторию можно объяснить доброжелательные по отношению к его тогдашнему противнику формулировки, такие, например, как «Москва по своему обычаю крепко защищается»⁶⁸ (во время осады Великих Лук). Так что польские историки XVI в. признавали достоинства противников и наиболее ценное в те времена — мужество.

Но не только одно это достоинство ценили. Обзор польских мнений XVI в. о России, по понятным причинам неисчерпывающий, не дает оснований для пессимистических выводов. Тогда в Польше к восточному соседу не относились с антипатией, отдельные исключения не могли иметь решающего значения.

Естественно, политики считали Москву главным врагом, опасались ее, требовали гарантий от возможных вооруженных претензий с ее стороны, писали о коварстве Василия III, о тирании Ивана Грозного. Оценивая все это, необходимо еще раз повторить, что в тогдашних условиях не могло быть иначе. Ясно также и то, что формулируя при различных случаях свою позицию, писатели, особенно

политические, оперировали иногда весьма сильными выражениями, иногда иронией, что-то слишком выделяли или оправдывали, а иногда просто были неправы.

В польской литературе эпохи Возрождения действительно нетрудно найти основания для различных мнений. Россией интересовались, о ней собирали информацию и писали, хотя не всегда исчерпывающе и точно. Примерно так было и в литературе других стран Запада. Там, где не было актуальных государственных интересов (естественно — как отражений интересов и тенденций определенной социальной группы), тон изложения становился иным, начинали проявляться иные ориентации, даже симпатии. Тем не менее польская литература XVI в. (огромная количественно), естественно, не могла заниматься всем, что мы бы сейчас хотели в ней найти, не могла посвятить всем вопросам столько места, сколько нам сейчас нужно для анализа и обобщений.

Мы подходим к следующему вопросу. Что могло быть более важным в Речи Посполитой, нежели избрание короля, или элекция? Речь должна пойти не столько о самой элекции, точнее — о самих выборах, сколько о том, что о выборах писали. Следует сразу сделать несколько оговорок. В свете всех до сих пор известных фактов ясно одно, что московские кандидатуры не имели никаких шансов; в историографии мнения на этот счет, возможно, немного различны. Ближе к истине, возможно, были «минималисты», особенно потому, что способ выдвижения московских кандидатур всегда оставлял желать лучшего: их не выдвигали официально и при этом не давали далеко идущих обещаний. Проблема тем не менее существовала, между двумя сторонами происходил обмен мнениями и — что при рассмотрении этого вопроса наиболее важно — в Польше высказывались и писали на эту тему. А это уже снова проблема России в польской политической литературе.

Московская кандидатура на польский трон была впервые выдвинута еще при жизни Сигизмунда Августа. Один из наших политических писателей Анджей Цесельский в брошюре, изданной в 1572 г., советовал: «...пужно пойти за тем мудрым примером (призвание Ягеллы в конце XIV в. — Л. Б.) и призвать на трон младшего сына царя Ивана (ибо старший был варвар и изверг. — Л. Б.). Выгода от этого была бы огромная: прежде всего — мир с Москвой, безопасность Литвы, спокойное владение Инфлян-

тами, наконец, прекращение всех интриг и закулисных переговоров как турецких, так и немецких с Москвой...»⁶⁹ Правда, он добавлял еще к этим аргументам самый утопический из истории утопий — чтобы Иван Грозный отдал половину своего государства сыну-избраннику с целью включения этой территории в состав Речи Посполитой, но это уже другой вопрос; можно — самое большее — выразить удивление, что такие требования выдвинул именно Цесельский, занимавшийся как писатель также проблемами экономическими, а поэтому бывший реалистом.

Аргументы в пользу кандидатуры царя или его сына проявились интенсивней в период первого бескоролья. «Мы должны призвать на трон никого другого, но московского, который сердца большого и с большим достатком войну ведет», — писал Петр Мычельский в 1373 г.⁷⁰ При этом он подчеркивал (и многие другие тоже) близость происхождения и языка славянских народов. Другой, безымянный автор старался нейтрализовать страх перед тиранией: «У нас или не хотел бы, или не мог бы быть тираном... и Подольские земли населил бы, с татарами бы не шутил, турка также не слушался бы...»⁷¹

Гейденштейн также пишет, что «большая часть шляхты склоняется к царю», ибо государство его стало огромно, вырисовываются перспективы прочного мира и, наконец, «не застыла еще в умах память Ягеллы» (Цесельский также выдвигал эту аналогию). Правда, добавлял Гейденштейн, «странности царя отталкивали от него всех, ибо он, ожидая передачи ему королевства, не присылал послов к полякам, как будто они не были этого достойны, но лишь только в письмах через гонцов... удивительные ставил условия...»⁷² Выше отмечалось, что с попытками Ивана получить трон для себя или сына дело не так просто, но это не относится к литературе, хотя и влияло на изложение в ней доброжелательных настроений.

Для ясности необходимо напомнить, что литовцы сразу же после смерти Сигизмунда Августа сообщили об этом в Москву, а немного позднее, в сентябре 1572 г., послали к царю писаря Великого княжества Литовского Михаила Харабурду с предложением трона для Федора. Харабурда, отчитываясь на сейме о своем посольстве, изложил и условия Федора (или Ивана, что в этом случае одно и то же): сохранение существовавшего до тех пор титула царя с польским королевским титулом в самом кон-

це, сохранение при этом православия, прав наследников и т. д. Естественно, эти условия не могли быть приняты. Грозный соглашался на кандидатуру Федора с оговоркой, что не наделит его частью своего владения, «ибо он не девица»⁷³. Таким образом, начало не обещало ничего хорошего, и так шло до третьей элекции⁷⁴.

Во время второй элекции кандидатура Ивана Грозного была в течение определенного времени актуальной, тем не менее все уже достаточно прочно уяснили себе, что ее возможный успех повлечет за собой больше политических осложнений, чем выгод⁷⁵. Об отрицательном отношении к кандидатуре Грозного заявляли некоторые подданные Короны, например епископ плоцкий Петр Мышковский 18 октября 1575 г. на элекционном сейме в Варшаве⁷⁶.

И еще раз, уже последний, кандидатура русского царя снова стала актуальной, когда умер Баторий. Царем был тогда Федор, известно, какое влияние имел Борис Годунов; именно он выдвинул эту кандидатуру, даже с конкретными обещаниями и предложениями. В литературе уже высказывалось предположение, что кандидатуру Федора Москва выдвинула только для того, чтобы избежать польско-шведского союза⁷⁷. Возможно, так, хотя опасения эти были абсолютно бесплодными, ибо «швед» стал польским королем, но из так называемого союза ничего не вышло. Зато начались польско-русские переговоры, последним этапом которых должно было быть заключение вечного мира или же длительного перемирия, и именно с этой целью отправилось в 1600 г. из Польши в Москву посольство, во главе которого стоял великий литовский канцлер Лев Сапега.

Пять месяцев пребывали поляки в Москве, ведя переговоры, во время которых были рассмотрены различные варианты мира, союза или даже унии. Дело закончилось заключением 20-летнего перемирия начиная с 1602 г. (тогда кончался срок 15-летнего перемирия 1587 г.).

Спустя четыре года положение изменилось полностью и все торжественные заверения развеялись. Но важно отметить, что даже в столетие стольких конфликтов имели место попытки прочного примирения. Только еще не время было для действительно вечного мира, сотрудничества и дружбы; чтобы прийти к этому, нужно было дожидаться эпохи, в которой окончательное слово принадлежит народам, а не королям или императорам.

- ¹ *Tarnowski S.* Pisarze polityczni XVI wieku. Studia do historii literatury polskiej, t. I—II. Kraków, 1886, s. 397—404.
- ² *Brückner A.* Dzieje kultury polskiej, t. II. Polska u szczytu potęgi. Warszawa, 1958.
- ³ *Ibid.*, s. 349—350.
- ⁴ Чтобы не быть голословным, по крайней мере один пример: А. Брюкнер пишет, что «страшная тирания (при Грозном самая суровая.— Л. Б.) и дикость отпугивали от Москвы, и кандидатура (на польский трон.— Л. Б.) Грозного или Федора никогда не выходила за пределы платонических помыслов; даже пример польско-литовской унии, приведенный случайно у оратора для красного слова, не действовал как побудитель» (там же, с. 339). А на с. 363 читаем: «В конце концов мечтали о кандидатуре Грозного или Федора» (!).
- ⁵ Например: *De republica emendanda Andrzej Frycz Modrzewskiego, De optimo senatore Wawrzyńca Goślickiego, De libertate politica sive civili Andrzej Wolana, De legato legationeque liber Krzysztofa Warszewickiego* и др.
- ⁶ Хотя бы «Turcicae» Варшевицкого и др.
- ⁷ Речь идет прежде всего о Меховском, Истории обеих Сарматий которого можно приписать значение политическое в большей степени, чем географическое.
- ⁸ Политическая тематика в поэзии, особенно латинской, встречалась много раз, только на это обращается меньше внимания. Возможно, в определенной мере это и справедливо, ибо открытые формулировки в поэзии трудно было бы найти, но исторических мотивов там достаточно. На политическую тематику в нашей латинской поэзии обратил внимание Я. Круковский (см.: *Krókowski J.* Język i piśmiennictwo łacińskie w Polsce XVI wieku.— In: *Kultura staropolska.* Kraków, 1932, s. 430.
- ⁹ О роли латыни см.: там же, с. 407—408, 415, 420. Автор подчеркивает (с. 421), что польский язык не создал польской научной терминологии в точных науках и философии, и приводит единственный конкретный пример, слишком слабый и малоубедительный: «Дмитрию Самозванцу сопровождающие его в 1605 г. иезуиты не смогли изложить основ каких-либо наук, поскольку Дмитрий не знал латыни».
- ¹⁰ Вопросы, связанные с дальнейшими изданиями и определенными изменениями в названии, мы опускаем как несущественные для нашей темы. Последнее польское издание: *Maciej z Miechowa.* Opis Sarmacji azjatyckiej i europejskiej. Wrocław, 1972, s. 100.
- ¹¹ Например: *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950. Раздел IV (с. 53—66) носит название «Матвей Меховский и его две Сарматии». В 1956 г. в Варшаве вышла большая (334 с.) работа Л. Краковецкой (*Krakowiecka L.* Maciej z Miechowa, lekarz i uczonej Odrodzenia). В 1960 г. в XV томе серии «Монографии по истории науки и техники» появилась коллективная работа: «Maciej z Miechowa».

- 1457—1523. Historyk, geograf, lekarz, organizator nauki». Wroc aw — Warszawa, 1960. На с. 75—160 помещена статья К. Бучека (*Buczek K. Maciej Miechowita jako geograf Europy Wschodniej*).
- ¹² *Maciej z Miechowa. Opis Sarmacji...*, s. 100.
- ¹³ «Большую популярность в стране и за границей получила его краеведческая работа, в которой он описывает народы Восточной Европы» (*Tymieniecki K. Zarys dziejów historiografii polskiej. Kraków, 1948, s. 24*). То же в пособиях по истории литературы: «...первый обзор Восточной Европы, исправляющий сказки, которые об этой стороне повторяли на протяжении веков в западном мире... Работа эта отчетливо свидетельствовала о том, что Польша эпохи Ренессанса пуждалась в сведениях о широком мире, воспринимала их научно и передавала их Западной Европе» (*Krzyżanowski J. Dzieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych. Warszawa, 1972, s. 49—50*). Немецкую и русскую литературу приводит К. Бучек (*Buczek K. Op. cit., s. 77—79*).
- ¹⁴ *Ulewicz T. Sarmacja...*, s. 13.
- ¹⁵ *Ibid.*, s. 53.
- ¹⁶ *Olszewicz B. Geografia polska w okresie Odrodzenia.*— In: *Odrodzenie w Polsce. Materiały sesji naukowej PAN. 25—30. X 1953, t. II. Historia nauki, cz. 2. Warszawa, 1956, s. 342—343*.
- ¹⁷ *Krakowiecka L. Maciej...*, s. 254, 260.
- ¹⁸ *Ibid.*, s. 312, 313. Речь идет о работе Б. Барановского (*Baranowski B. Znajomość Wschodu w dawniej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950*).
- ¹⁹ Хроника Меховского не разбирается здесь, работа эта не имеет большого значения в нашей историографии. Критический тщательный разбор ее был сделан еще в прошлом столетии Антоном Божемским (*Borzemski A. Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny.*— In: *Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Seria II, t. 1 (26). Kraków, 1891, s. 1—200*). Ссылаются на эту работу и Краковецкая, и Бучек — и в обоих случаях мы имеем дату — 1890 г. (?).
- ²⁰ *Buczek K. Op. cit...*, s. 77. Там же сообщение о том, что «единственной в нашей литературе работой, посвященной разбору Трактата, является опубликованная в 1926 г. маленькая статья Стефана Войцеховского, тогда еще студента, написанная как доклад на семинарских занятиях». И что естественно — в ней очень много ошибок.
- ²¹ *Ibid.*, s. 81.
- ²² *Ibid.*, s. 119.
- ²³ *Ibid.*, s. 79. Ср.: *ibid.*, s. 152.
- ²⁴ *Ibid.*, s. 101—103.
- ²⁵ *Ibid.*, s. 116.
- ²⁶ *Ibid.*, s. 138.
- ²⁷ *Ibid.*, s. 152: «Результаты нашего анализа не в пользу Меховского...»
- ²⁸ *Maciej z Miechowa. 1457—1523...*, s. 11.
- ²⁹ *Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936*. Перевод Аннинского является первым переводом всего Трактата. Во фрагментах переводы появлялись и раньше. См.: «Отечественные записки», 1854, т. 97, ч. 2, СПб., с. 141—151.
- ³⁰ «Польский ученый каноник, истинный человек эпохи Возрождения, из-под пера которого вышли многие, делающие эпоху медицинские ра-

боты, в том числе и «Хроника польская», произвел своим Трактатом в тогдашнем учебном мире, и прежде всего в гуманистических кругах, поистине духовную революцию. Краковский ученый выступил в Трактате против господствующего тогда учения Аристотеля и Птолемея в области орографии и гидрографии Восточной Европы и отрицал существование Гифаньских гор. Появление работы Меховского стало началом создания современной географии Восточной Европы» (*Donnert E. Russland an der Schwelle der Neuzeit. Der Moskauer Staat im 16 Jahrhundert. Berlin, 1972, S. 467*). Некоторые из этих общих формулировок повторены автором, впрочем, вслед за польской литературой.

³¹ *Ibid.*, S. 315.

³² *Maciej z Miechowa. Opis Sarmacji azjatyckiej i europejskiej*, s. 28.

³³ *Ibid.*, s. 21—22.

³⁴ *Buczek K. Op. cit.*, s. 100.

³⁵ *Nadolski B. Poezja polsko-łacińska w dobie Odrodzenia.— In: Odrodzenie w Polsce...*, t. IV. *Historia literatury. Warszawa, 1956, s. 178.*

³⁶ Вспоминает об этом в очень краткой форме Б. Барановский (*Baranowski B. Znajomość...*, s. 26—27). Описание Тарановского было издано в 1860 г. Михаил Литвин занимался изучением истории Литвы. От его книги сохранились только фрагменты, которые были опубликованы в Базеле в 1615 г. под названием «*Michalonis Lithuani de moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum fragmenta*», вместе с работой другого историка Яна Ласицкого «*De diis Samogitarum caeterorumque Sarmatorum et*

falsorum Christianorum», более важна составленная Ласицким антология старых польских текстов о верованиях и обычаях народов, живущих на Востоке: «*De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu*».

³⁷ Спор этот действительно никто не разрешил, а суждения были весьма различные; преобладали, пожалуй, формулировки, выражающие неуверенность. Например: «На изданную итальянцем Гваньини работу Стрыйковский предьявил свои авторские права, которых его незаконно лишили» (*Tymieniecki K. Zazys...*, s. 28). Подобным же образом пишет и Б. Барановский (*Baranowski B. Znajomość...*, s. 30).

³⁸ Например, о смерти Ивана III: «Это был самый счастливый после Владимира русский монарх, ибо из татарской неволи выбился своей твердостью и самих татар несколько орд покорил..., опасным был для всех соседних народов...» (*Strzykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi, t. 2. Warszawa, 1846, s. 323*).

³⁹ Это видно на примере очень тщательного анализа Хроники Стрыйковского, который провел А. И. Рогов (*Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)*. М., 1966, с. 267).

⁴⁰ Об этом см.: *Берг А. С. История русских географических открытий*. М., 1962, с. 53.

⁴¹ *Brückner A. Dzieje kultury polskiej*, s. 285.

⁴² *Tarnowski S. Pisarze polityczni XVI wieku, t. I, s. 119.*

⁴³ *Kronika Pawła Piaseckiego*

- biskupa przemyskiego. Kraków, 1870, s. LVIII.
- ⁴⁴ *Brückner A.* Dzieje kultury polskiej, s. 363. Но это только короткие упоминания.
- ⁴⁵ *Tarnowski S.* Pisarze..., t. II, s. 94. Трактат был оглашен в 1594 г. под названием «Publica... z strony fundawania szkoly rycerskiej».
- ⁴⁶ *Ibid.*, s. 109—110.
- ⁴⁷ В предисловии к последнему изданию «Kazańia sejmowy» (Wrocław, 1972, s. LXXVI) Я. Таабир называет поэта Миколая Семпа Шажиньского и публициста Павла Палчовского, которые пытаются убедить читателя, что православные не являются вообще христианами.
- ⁴⁸ *Ibid.*, s. 41.
- ⁴⁹ *Ibid.*, s. 135.
- ⁵⁰ *Cantilena de victoria ex Moscis parta die natali Sanctae Mariae 1514 (tj. 8.IX) rem summarie continens.*— In: *Andreae Cricii Carmina. Sracoviae, 1888, p. 42—53.* Польский перевод (неполный) этого произведения см.: *Krzycki A.* Poezje. Przełożył Edwin Jędrkiewicz. Warszawa. 1962, s. 45—47.
- ⁵¹ «*Ille Moscus celebratus
Tamque potens aestimatus
Quam Xerxes vel Darius
Qui tot gentes subiugavit...
Ecce iacet profligatus,
Confusus et spoliatus
Flore sui populi.*
(«Этот знаменитый москаль, которого считали таким же могущественным, как Ксеркс или Дарий, и который покорил столь много племен... он лежит сокрушенный, приведенный в смятение и лишенный цвета своего народа»). *Andreae Cricii Carmina, p. 42.*
- ⁵² *Epithalamium Sigismundi regis et Barbarae reginae Poloniae.*— *Ibid.*, p. 26.
После второй победы под
- Оршей (1514) Кшицкий написал еще маленькую поэму в форме письма Барбары к мужу: «*Ad serenissimum Dominum Sigismundum Primum... nomine inclitae reginae Barbarae coniugis suae post partam de Moscis victoriam epistula*» («К светлейшему господину Сигизмунду I... послание от имени славной королевы Барбары, его супруги, после одержанной над москалями победы») (*ibid.*, p. 36—41). Польский перевод сделан Л. Кондратовичем. (*Gratulacja zwycięstwa imieniem królowej Barbary.*— In: *Najstarsza poezja polsko-łacińska (do połowy XVI wieku).* Wrocław, 1852, s. 81—87).
- ⁵³ «*Quid potuit [Zygmunt], noscunt pharetrati Martia Moscicastra, Borysthenidas parvum milite turmas Prostravil...*» («О том, что смог [Сигизмунд], знают москаль, он с небольшим войском сокрушил марсовы крепости и отряды днепровцев...»). *Borysthenidas* — «днепровцев», что объясняется как намек на первую битву под Оршей (1508). См.: *Najstarsza poezja polsko-łacińska...*, s. 100).
- ⁵⁴ *Ibid.*, s. 60.
- ⁵⁵ *Ulewicz T.* Sarmacja..., s. 173.
- ⁵⁶ *Najstarsza poezja polsko-łacińska...*, s. 100.
- ⁵⁷ Самое длинное (536 стихов) и, пожалуй, наиболее ценное произведение Дантышка под названием «*De nostrorum temporum calamitatibus silva*» («О множестве бедствий нашего времени»).
- ⁵⁸ *Sienkiewicz H.* *Potop*, t. III. Warszawa, 1950, s. 77, 144; t. IV, s. 49, 94.
- ⁵⁹ *Historia nauki polskiej*, t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 353.
- ⁶⁰ «*Sub quo tempore (1513) Ba-*

- «silius magnus Moscovitarum dux, Maximilinaum... pro regia corona et insignibus regalibus, nimia ambitione per legatos sollicitavit, a quo etiam auxilia tanquam ab amico et socio foederato contra Sigismundum Poloniae regem flagitavit» («В это время (1513) великий князь московский Василий с чрезмерным честолюбием через послов подстрекал Максимилиана из-за царской короны и царских insignий и даже требовал от него помощи против короля Польши Сигизмунда, словно от друга и союзника») (*Scriptores Rerum Polonicarum*, t. II. Kraków, 1874, p. 113). Вавовский писал и оды, в одной из них он восхвалял победу под Оршей. Обратил на это внимание И. Первольф (*Первольф И. Славяне. Их взаимные отношения и связи*, т. II. Варшава, 1888, с. 172).
- ⁶¹ *Mecherzyński L. Historia wytomowy w Polsce*, t. I. Kraków, 1856, s. 633.
- ⁶² *Ibid.*, s. 505. Подробнее об этом см.: *Tarnowski S. Pisarze...*, t. II, s. 50—144.
- ⁶³ Например, о сдаче Полоцка в 1563 г. см.: *Górnicki L. Dzieje w koronie polskiej*. Wrocław, 1950, s. 126; *Первольф И. Указ. соч.*, с. 187.
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Donnert E. Russland...*, S. 470.
- ⁶⁵ *Heidenstein R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta...*, t. I. SPb., 1857, s. 287.
- ⁶⁶ *Ibid.*, t. II, SPb., 1857, s. 169.
- ⁶⁷ *Nehring W. O historykach polskich XVI wieku*, cz. II. Poznań, 1860, s. 50.
- ⁶⁸ *Solikowski J. D. Krótki pamiętnik rzeczy polskich od zgonu Zygmunta Augusta...* SPb., Mohylew, 1855, s. 57.
- ⁶⁹ *Tarnowski S. Pisarze...*, t. II. s. 6.
- Название брошюры Цесельского: «Oratio ad equites legatos ad conventionem Varsoviensem publice designatos de regni defensiones» («Речь к рыцарям-послам, публично назначенным на Варшавский сейм, о защите королевства»).
- ⁷⁰ *Tarnowski S. Pisarze...*, t. I, s. 11.
- ⁷¹ *Ibid.*, s. 16, 17. Общее заключение Тарновского: «Одним словом, Иван нравился, ибо смелый, сильный и предприимчивый, государство расширяет, ибо сам правит».
- ⁷² *Heidenstein R. Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta*, t. I, s. 71.
- ⁷³ «...filium Theodorum se regem Polonis, si cupiant, daturum, nec quidpiam ditionum sive dotis posteaquam non virgo aliqua sit, Poloniae adiungere velle» («...если хотят, он даст сына Федора в короли полякам, но не хочет прибавить Польше ни власти, ни приданого впоследствии, поскольку он не девица») (*Scriptores Rerum Polonicarum*, t. XXII. Kraków, 1917, p. 82).
- ⁷⁴ Много деталей, касающихся русской кандидатуры во время первой элекции, привел в своей работе Стефан Грушецкий (*Gruszecki S. Walka o władzę w Rzeczypospolitej Polskiej po wygaśnięciu dynastii Jagiellonów (1572—1573)*. Warszawa, 1969, s. 169).
- ⁷⁵ *Bazyłow L. Starania Stefana Batorego o koronę polską*. Wrocław, 1948, s. 11.
- ⁷⁶ См.: *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. XXII, p. 396.
- ⁷⁷ *Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie 1600 r.* Lwów, 1927, s. 13.

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XV—XVI ВВ.

Ю. А. Лимонов

XV—XVI века, эпоха великого князя Ивана Васильевича и короля Казимира, время Ивана Грозного и Стефана Батория, характеризуются довольно прочными и активными контактами между двумя самыми обширными районами Восточной Европы — Польшей и Московским государством. Эти контакты, несмотря на сложные международные отношения, несмотря на политическое противоборство, приводившее иногда к военным действиям, неуклонно расширялись, эволюционировали и охватывали разнообразные отрасли политики, торговли и, наконец, культуры.

Общая информация о России, получаемая Польшей, а через нее и Западной Европой, поступала в XV—XVI вв. по двум каналам. Первый — это устные рассказы, сообщения, передаваемые дипломатами и купцами на Западе, а также известия, почерпнутые из дорожных дневников путешественников, побывавших в Москве. Эта информация в основном была посвящена внутренней и внешней политике страны и содержала минимум сведений о культуре, письменности, истории и религии русского народа. Более того, подобный источник был весьма поверхностен, неточен и часто субъективен в оценке русской культуры. Вторым потоком информации были письменные источники, в основном русского происхождения. Они состояли из нарративных источников: летописей, памятников публицистики, житий святых, дорожников и карт-планов. Эти источники давали огромный и, видимо, основной материал по духовной культуре Руси. Большая часть подобной информации зиждилась на русских исторических сочинениях — летописях.

Именно летописи были теми источниками, которые давали польской исторической науке XV—XVI вв. сводку фактического материала по истории Древней Руси, Галиции, Волыни, Молдавии, Белоруссии, Литвы, Северо-Вос-

точной Руси, Пскова, Новгорода, побережья Северного Ледовитого океана, а также по истории балканских стран, Византии и даже древней Польши. Более того, позднейшие летописи XV—XVI вв. давали сведения о Московской Руси, ее истории и культуре.

Настоящая статья и посвящена этой крайне важной и интересной проблеме истории культурных отношений — использованию русских летописей в польской историографии XV—XVI вв. Эта тема, сама по себе весьма важная и интересная, не разработана в достаточной степени ни в польской, ни в отечественной историографии. Правда, влияние русских источников на польские исторические сочинения отмечалось А. А. Шахматовым, С. А. Аннинским, М. Н. Тихомировым, В. Т. Пашуто, А. И. Роговым в нашей историографии; А. Семковичем, В. Семкович-Зарембиной, Е. Перфецким, А. Боржемским, Я. Домбровским и др. — в польской. Но указанные авторы касались лишь отдельных сочинений. Вся проблема в целом — взаимоотношение польской историографии XV—XVI вв. и русских летописей — не была предметом изучения.

Основоположником использования русских летописей в польской историографии был выдающийся славянский историк и крупный политический деятель Ян Длугош. В своей «Истории Польши», созданной в 60—80-х годах XV в., он уделил большое внимание России¹. Основной материал по истории Руси сконцентрирован в первых книгах его труда, материалы по истории западнорусских земель и Москвы — в заключительных главах. Включение истории соседней славянской страны в сочинение Длугоша объясняется тем вниманием, которое проявлял автор к землям Галиции, Волыни, Черной Руси, Украины и Белоруссии, входившим в состав Польско-Литовского государства — государственного образования, которое, по мнению Длугоша, было правопреемником перечисленных территорий.

Но в Истории имеются сообщения, посвященные Северо-Восточной Руси и Москве. Их появление объясняется несколькими причинами. Первая — это идея общности славянства, декларированная Длугошем в первых разделах Истории, в рассказе об общих предках чехов, поляков и русских. Идея, хотя и завуалированная известными идеологическими и политическими напластованиями, проходит

через весь труд (например, польско-чешские связи XII—XIV вв., русско-польские — XII—XIII вв., Грюнвальд, сообщение об уничтожении татарского ига на Руси). Вторая причина — структура книги. Первая часть труда Длугоша претендует на освещение общей картины всевропейской истории с привлечением материалов по истории империи, папства и прежде всего славянских стран. Наконец, третья причина включения «русских» материалов — политическая. Она особенно четко проявляется в последних книгах труда. Здесь мы сталкиваемся с комплексом материалов по истории западнорусских земель и с известиями о Москве. Это объясняется той политической ситуацией, которую наблюдал Длугош уже не как историк, а как государственный деятель и современник. Усиление русской православной шляхты в Литве и в самой Малой Польше в XIV—XV вв., ее роль в борьбе против гегемонизма Ягеллонов, стремление на отдельных этапах не только к автономии, но и к полной политической самостоятельности, наконец, отношение русского населения к польской короне и к великому князю литовскому — все это заставляло Длугоша включить в состав Истории сведения о Литве, Галиции, Волыни, Смоленске XIV—XV вв. Наконец, отношения Руси и Литвы в XV в. повлекли за собой включение в состав Истории известий о Москве.

Почти все эти сообщения базировались на летописных материалах. Рассматривая начальную историю Руси X — начала XII в., мы сталкиваемся с огромным количеством сообщений (свыше 50), которые находят себе параллели в Повести временных лет. Большая часть этих сообщений совпадает с летописными известиями или очень близка к ним. Некоторые при совпадении основы различаются по своим редакциям, что даже позволило А. А. Шахматову, Е. Перфецкому и М. Н. Тихомирову поставить вопрос о заимствовании Длугошем информации либо из неизвестного древнерусского источника, либо из особой редакции Повести временных лет. Только тщательный текстологический анализ сплошного текста Истории позволил отклонить эту гипотезу и прийти к выводу, что Длугош использовал Повесть временных лет (2-я редакция), сокращая и переделывая некоторые известия².

В тексте Истории находится огромный комплекс известий (несколько десятков сообщений), относящихся к

XII—XIII вв. По своей тематике они затрагивают не только историю Южной Руси, Польши, но и Северо-Восточной Руси. Ряд известий уникален. Это прежде всего сообщения о Галицко-Волынской Руси до 30-х годов XII в. и некоторые редакции известий второй половины XII—XIII в.

Возникает вопрос: что за памятник (или группа памятников) был использован Длугошем? То, что известия принадлежали к летописным, не вызывает сомнения. Но, безусловно, требуется более четкое определение источников. Текстологическая сверка сообщений Длугоша и ряда летописей: Лаврентьевской, Троицкой, Ипатьевской, Софийской, Московского летописного свода 1480 г. и Ермолинской — заставляет признать, что ни один из перечисленных памятников не был использован в Истории. Определение усложняется еще и тем, что текст летописных известий Истории прерывается с конца XIII по вторую половину XIV в. Тем не менее текстологический анализ позволяет определить искомый источник. Сверка сообщений показывает, что ближе всего к источнику Длугоша был общерусский свод, точнее, Московский летописный свод 1480 г. Объем его известий, структура, определенная направленность позволяют утверждать, что источник сочинения Длугоша был близок к этому памятнику, но не тождествен ему. Реконструкция Московского свода 60-х годов XV в., произведенная А. Н. Насоновым³, привлечение этим сводом южнорусских известий XII в., читаемых у Длугоша, позволяют, как нам кажется, утверждать, что в Истории использован именно этот памятник. Таким образом, надо полагать, что История донесла до нас летописный свод 60-х годов XV в., не сохранившийся самостоятельно.

Вторым русским источником для Длугоша служила западнорусская летопись. Ее использование уже отмечалось и в польской историографии (например, А. Семкович, Е. Перфецкий), и в русской (А. А. Шахматов), а также и в советской (М. Д. Приселков, В. Т. Пашуто и М. Ючас)⁴. Просмотр текста Истории второй половины XIV — первой половины XV в. позволяет утверждать, что около десятка сообщений заимствовано из русского источника. Действительно, этим памятником была западнорусская летопись. Этот вывод, вошедший в историографию, неоспорим, хотя и требует некоторых коррективов.

При написании Истории Длугош привлек не западнорусскую летопись одной из известных нам редакций, а ее протограф. Это памятник, который был создан в 30-х годах XV в. в Смоленске и, судя по направленности, отражал политическую борьбу в Великом княжестве Литовском не только между группировками православной шляхты, но и между зарождающейся бюргерско-мещанской прослойкой и феодалами. Базировался он, видимо, на митрополичьем общерусском своде⁵.

Оценивая в целом работу Длугоша, надо признать, что привлечение им русских источников не только обогатило ее сведениями по истории ближайшего славянского соседа, но и дало право гражданства русским летописям в европейской историографии того времени.

Если Длугош творил в переходную эпоху от средневековья к Возрождению, что безусловно наложило отпечаток на его Историю, то его последователь и младший современник — Матвей Меховский создавал свои труды в то время, когда гуманистические веяния довольно глубоко проникли в духовную жизнь польского общества. Это не могло не сказаться и на трудах Меховского. Его сочинение «Трактат о двух Сарматиях», вышедший в 1517 г. и в дальнейшем неоднократно переиздававшийся (16 изданий на четырех языках только за XVI в.)⁶, совершил настоящий переворот в знаниях современников о географии Восточной Европы⁷. Вместо традиционных представлений, зиждившихся на античных классиках, Меховский дал свое описание, основанное на реальных источниках, фактах и наблюдениях. Трактат также сыграл огромную роль в деле пропаганды и популяризации сведений о славянстве и Руси в странах Западной Европы. В своем сочинении — настольной книге историков и географов XVI в. — Меховский использовал Историю Длугоша. Его разделы, посвященные истории Руси, базировались на переложении русских летописей с добавлением, как показал Б. Н. Флоря, сведений из устных источников⁸. В то же время сплошная текстологическая сверка позволяет утверждать, что возможно и непосредственное использование русской летописи. На это, в частности, указывает сообщение о захвате Киева татарами.

Если Трактат пользовался и пользуется огромным вниманием, то Хроника польская Меховского почти забыта не только русской, но и польской историографией⁹. Это

сочинение охватывает события с древнейших времен до начала XVI в. Базируется оно также на Истории Длугоша, но чрезвычайно интересно тем, что его известия с 1480 по 1506 г. уникальны. Это оригинальный труд Меховского, труд современника, много уделявшего внимания актуальным вопросам русско-польских отношений. В изложении событий древнейшего периода Меховский не просто перелагает Историю Длугоша, в Хронике есть дополнения, исправления, основанные на текстах летописи. Это доказывается и сплошной текстологической сверкой. Некоторые особенности оригинальных сообщений Меховского свидетельствуют о том, что им был использован тот источник, та летопись, которая была у Длугоша, т. е. Московский летописный свод 60-х годов XV в.

Труды Длугоша и Меховского сыграли исключительную роль в польской историографии XVI в. Их материалы, в том числе и русские летописи, были использованы выдающимися историками Польши. Сведения, относящиеся к истории Руси, находим в сочинениях яркого представителя польского Возрождения — Стрыйковского, самостоятельно исследовавшего русские летописи¹⁰, а также в трудах Мартина Бельского, Ваповского, Кромера, вплоть до Яна Гербута. Все эти работы большую часть своих материалов о Руси основывали на сведениях Длугоша — Меховского, а следовательно, хотя и опосредованно, на русских летописях.

Необходимо отметить также то влияние, которое оказали эти работы на европейскую историографию. Так, труды Герберштейна, восхищавшие Ульриха фон Гуттена и кружок венских гуманистов, были основаны не только на трудах предшественников и на русских источниках, но и на польских работах Меховского. Польская историография того времени вообще во многом повлияла на историографию немецкоязычную. Достаточно назвать весьма популярную работу по истории Руси австрийского дипломата и историка Даниила Принтца¹¹. Его работа, почти целиком основанная на сочинениях Длугоша — Меховского, была издана через несколько лет, в 1599 г., в Англии, в сборнике Гаклюйта под названием: «Краткое сообщение о происхождении великого князя Московского, взятое из московских летописей и записанное одним из поляков»¹².

Но Длугошем, Меховским и их последователями не

исчерпываются линии развития польской историографии XVI в.

Особняком, на наш взгляд, стоит в польской историографии второй половины XVI в. сочинение Гейденштейна. Он совершенно не использует работ Длугоша и его последователей. Ученик итальянских гуманистов, длительное время занимавшийся в Падуанском университете, Рейнгольд Гейденштейн создал свой труд «Записки о Московской войне» по образу и подобию аналогичных сочинений западноевропейской историографии¹³. Его труд прежде всего преследует практические политические цели. Изданные в 80-х годах XVI в. Записки о Московской войне являются непосредственным отражением международного положения на востоке Европы, возникшего в результате борьбы за Ливонию и похода Стефана Батория. Излагая все перипетии политики своего времени, королевский секретарь Гейденштейн дает обширные экскурсы в историю Руси. К этому его понуждали не только политические цели (в информировании Запада о московитах были заинтересованы покровители автора: канцлер Ян Замойский и сам король Стефан), но и те источники, которые попали к нему в качестве трофеев, — русские летописи.

На первый взгляд, его источники тесно связаны с определенными районами Северо-Западной Руси (Полоцк—Псков), где и происходили военные действия. Но это утверждение не совсем верно. Гейденштейн стремится дать историю, во всяком случае древнейшую, всей Руси. Автор использовал несколько русских источников. Это прежде всего Псковская I и Псковская III летописи, дающие превосходный материал по истории самого Пскова. К числу летописных источников Гейденштейна надо отнести и Новгородскую IV летопись, основанную на московских сводах конца XV — начала XVI в., в которых находился обширный комплекс известий о «всей Московии», а не только о северо-западе Руси.

Значение работы Р. Гейденштейна не исчерпывается тем вкладом, который она сделала в польскую историографию. Записки о Московской войне значительно повлияли на западноевропейскую историографию. Так, шведский историк и дипломат начала XVII в. Петр Петрей неоднократно использует сочинение Гейденштейна в своей работе по истории России¹⁴. Крупнейший французский историк и гуманист конца XVI в. Де Ту в «Истории свое-

го времени» также упоминает сочинение Гейденштейна. С полным основанием можно утверждать, что главным трудом, давшим Де Ту сведения по древнерусской истории, явился не труд Герберштейна, как полагала ранее историография, а сочинения Гейденштейна, основанные на русских летописях и содержащие сведения о Древней Руси, неизвестные послу императора. Добавим, что Де Ту заимствовал и сам термин «русские анналы», т. е. русские летописи, из сочинения своего польского коллеги¹⁵.

В целом значение польской исторической литературы эпохи Возрождения в деле информирования стран Запада о культуре Руси, в деле пропаганды памятников русской историографии — летописей — трудно переоценить. Авторитет польской историографии в этом вопросе был общепризнан в Европе. Достаточно сослаться на так называемый «Франкфуртский сборник» 1600 г., специально посвященный истории Московии¹⁶. Его первая статья о происхождении московских князей основывалась на сведениях, которые были почерпнуты из летописей. Около половины сочинений сборника принадлежит перу польских историков, дающих обширный материал о Руси, Белоруссии, Украине. Превосходно изданный, с четким шрифтом и гравюрами, сборник содержит по сути дела огромный летописный материал, переведенный на латинский язык. Через 150 лет, после использования Длугошем русских исторических сочинений они стали доступны любому просвещенному читателю Европы.

¹ Последнее издание Истории Я. Длугоша предпринято в Польше в 60-х годах: *Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego królestwa Polskiego*, ks. 1—4. Warszawa, 1969; *Długiszi I. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*, lib. 1—2. Varsoviae, 1964.

² *Лимонов Ю. А.* «Повесть временных лет» в «Истории» Длугоша. — В кн.: *Очерки по истории феодализма*. Л., 1971.

³ *Насонов А. Н.* История рус-

ского летописания. XI — начало XVIII века. М., 1969, с. 255—274, 276—278 и др.

⁴ *Semkowicz A.* *Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384)*. Kraków, 1887; *Шахматов А. А.* Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 340—378; *Perfekij E.* *Historia Polonica Jana Długosze a ruske letopisectvi*. Praha, 1932, s. 18—21; *Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии. — Учен. зап.

- ЛГУ. Серия исторических наук», 1940, вып. 7; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *он же.* Образование Литовского государства. М., 1959; *Ючас М.* «История Польши» Яна Длугоша.— «Труды АН Лит. ССР», сер. А, 1959, т. I, с. 135—148.
- ⁵ Подробнее об этом см.: *Лимонов Ю. А.* Польский хронист Ян Длугош о России.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- ⁶ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, с. 6—9.
- ⁷ *Biczek K.* The history of polish cartography. Wroc'aw—Warszawa—Kra'ków, 1966, p. 14, 35, 54.
- ⁸ *Флоря Б. Н.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского.— «Советское славяноведение», 1965, № 2.
- ⁹ *Mathias de Miechowita.* Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.
- ¹¹ *Даниил Принц фон Бухов.* Начало и возвышение Московии. М., 1877.
- ¹² A brief treatise of the Great Duke of Moscovia, his genealogie, being taken out of Moscovites manuscript Chronicles written by a Pole.— In: Principal navigations voyages and discoveries of the English nation, made by sea or over land..., v. I. London, 1599, p. 246—250.
- ¹³ Reinoldi Heidensteinii secr. regii. De bello Moscovitico Commentariorum. Cracoviae, 1584. См. также: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889.
- ¹⁴ *Лимонов Ю. А.* «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея.— «Скандинавский сборник». т. XII. Таллин, 1966.
- ¹⁵ *De Thow J. A.* Histoire universelle. London, 1734.
- ¹⁶ Rerum Moscoviticorum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti Quibus et Gentis Historia, continetur; et regionum accuranta descriptio. Francofurti, 1600.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКО-ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

А. И. Рогов

Культурные связи двух славянских стран — Польши и России — имеют многовековую историю. Их интенсивность и плодотворность для развития обоих народов определились еще в эпоху раннего средневековья¹. И впоследствии — в XIV—XV вв. — эти связи не прекращались, несмотря на ряд внешнеполитических конфронтаций и военных столкновений, имевших место между Польшей и Русью². Не могли помешать этим связям и конфессиональные расхождения между двумя народами, один из которых исповедовал католичество, а другой — православие.

Однако в конце XV—XVI в. русско-польские культурные связи имели отличительные особенности принципиального характера. Если до этого времени культура обоих народов была так или иначе средневековой при всех различиях восточно- и западнохристианского путей ее развития, то в рассматриваемый период Польша была близка к восприятию ренессансной культуры, а Россия, хотя и вступала в самые оживленные связи со странами высоко развитой культуры Возрождения, все же сохраняла в своей культуре черты средневековья.

Отмеченная выше особенность обстоятельств развития русско-польских культурных связей в конце XV—XVI в. позволяет понять, почему с большинством памятников польского Возрождения в России познакомились лишь в XVII в. и главным образом уже в связи с восприятием культуры барокко, в рамках этой культуры, выполнявшей в России, по справедливому замечанию Д. С. Лихачева, просветительно-возрожденческие функции³. В XVI же веке, как мы увидим далее, в России все еще проявляли интерес к памятникам средневековой польской культуры.

В Польше деятели культуры эпохи Ренессанса проявляют в России интерес скорее исторического характера.

Чем же это было вызвано? Отвечая на вопрос, необходимо принять во внимание несколько факторов.

Прежде всего тем, что древнерусские земли входили в состав Польско-Литовского государства, как непосредственно в Коронные земли, так и в Великое княжество Литовское. В Польше все более крепнет представление об этих землях как об исконной польской собственности, а потому их история и отчасти культура вызывают самый живейший интерес. При этом в польских исторических сочинениях и различных политических трактатах и памфлетах Московская Русь, как правило, исключается из понятия Руси, а понятие «москвиты» — из понятия русских.

Этой тенденции в польской общественной мысли в известной мере противостояли все более получавшая развитие в Польше идея славянского самосознания и чувство славянского единства. Они были теснейшим образом связаны с так называемой «сарматской теорией», трактовавшей о Сарматии европейской как о прародине поляков и всех славян⁴. Зародившееся еще в античности и усвоенное средневековой литературой как географическое название понятие Сарматии в период Возрождения получает как бы три аспекта: географический, политический и этнический. В плане развития двух последних аспектов особое значение приобретает то место, которое польские историки и публицисты отводят в этом понятии Московии. Если в XV в. под Сарматией понимали только державу Ягеллонов, а в сарматах видели лишь народы, населяющие ее, то уже Григорий из Санока в 1479 г. безоговорочно включает в нее Московскую Русь. То же находим у Б. Воловского (первая половина XVI в.). О Московии в рамках своего знаменитого Трактата о двух Сарматиях пишет Матвей Меховский.

В Хронике всего света Мартина Бельского сарматы четко приравнены ко всем без исключения славянам, а в третьем ее издании (1564) не случайно большое место начинают занимать материалы о южных славянах и Московии. Сын Мартина — Иоахим в Польской хронике подчеркивает «единство языка у нас и у москвитов», видя в этом свидетельство, что «мы произошли от единого народа». Мартин Кромер в своей Хронике (Изд. 3-е. Краков, 1568) даст окончательное и развернутое обоснование равенства сарматов и славян; Матвей Стрыйковский в

своей Хронике (1582) делает следующий шаг, ставя Московию в центр своих сармато-славянских построений. Для него Московия — эпицентр расселения сарматов-славян, их прародина⁵.

В области публицистики эти идеи польских хронистов получают особое развитие в периоды бескоролья, когда кандидатом на польский престол неоднократно выдвигается русский царь. Характерно в этом плане высказывание Петра Мычельского: «Москали — одна нация с нами».

Памятники древнерусской письменности широко использовались польскими историками эпохи Возрождения. Включение их в состав польских исторических трудов не только обогатило эти труды, но и в ряде случаев способствовало их сохранению для нашей отечественной культуры. В первую очередь здесь следует назвать русские летописные источники Хроники отца польской истории Яна Длугоша, как известно изучившего в старости русский язык для знакомства с летописями. Русские источники Длугоша давно уже привлекают внимание исследователей, а вопрос о том, какие именно летописи использовал автор, является предметом научной дискуссии⁶.

Не вдаваясь в существо этой дискуссии, отметим только, что в любом случае вне сомнений остается факт, что Длугош имел в своем распоряжении древние, достаточно оригинальные источники, которые, возможно, получил в украинских землях Польши из Перемышля или же познакомился с ними через московское посредство. Хотелось бы отметить также, что вовсе не обязательно привязывать источники Длугоша к каким-то известным в настоящее время вариантам летописей, так как вполне можно допустить, что Длугош объединил известия нескольких летописей.

Привлечение русских летописей для воссоздания польской истории продолжил знаменитый польский ученый-энциклопедист Матвей Меховский. В своей Хронике (1520) он не только воспользовался русскими материалами Длугоша, Хронику которого положил в основу своего сочинения, но и самостоятельно привлек новые летописные материалы южнорусского происхождения⁷.

В свою очередь текст Меховского наряду с прямым обращением к Длугошу, а также к Ваповскому и Герберштейну, был использован Мартином Бельским при создании Хроники всего света. Но как и Меховский, Бель-

ский обратился и к русским материалам. Ему, в частности, было известно житие Владимира Святого, как можно думать, в украинской переработке⁸.

Особенно широко использовал памятники древнерусской письменности Матвей Стрыйковский. Есть основания считать, что для своей Хроники он привлек какой-то древний Киево-Печерский летописец, а также был знаком с летописанием типа Тверского летописного сборника и Летописца Переяславля-Суздальского. Две последние летописи, кстати имеющие следы бытования в Западной Руси, Стрыйковский получил в Белоруссии при посредстве магнатов Заславских, Ходкевичей и Слуцких, на что есть прямое указание в самой Хронике. Что касается Киево-Печерской летописи, то ее Стрыйковский мог видеть в Супрасльском монастыре (под нынешним Белостоком). Ктиторами этого монастыря были Ходкевичи, а свое существование он начинал как филиал Киево-Печерского монастыря. При том же посредстве Стрыйковский мог получить житие Бориса и Глеба и Устав Владимира Святославича, т. е. памятники, следы использования которых обнаруживаются в сочинении Стрыйковского. Заслуживает внимания живой интерес Стрыйковского и к памятникам древнерусской эпиграфики — двинским Борисовым камням.

Важно отметить, что Стрыйковский, найдя какой-нибудь русский источник, стремится разыскать и другой его вариант, с тем чтобы сравнить их, выявить, по его мнению, более достоверный⁹.

В период Возрождения особенно важным и плодотворным становится развитие русско-польских связей в области книжного дела. Еще ко второй половине XV в. относится замечательная переписка польского королевского секретаря Якуба с известным московским купцом и землевладельцем XV в. Василием Дмитриевичем Ермолиным. Якуб просит изготовить для него в Москве некоторые книги. Ермолин был человеком самых разносторонних интересов и дарований. К книжному делу он имел непосредственное отношение. В Троице-Сергиевом монастыре была составлена так называемая Ермолинская летопись, в которой имелись приписки о строительной деятельности Ермолина.

В плане русско-польских контактов в области книгопечатания следует отметить краковские издания Швай-

польта Фиоля 1491 г.¹⁰ Фиоль напечатал кириллицей православные богослужебные книги — первые в мире кириллические печатные издания.

В них так или иначе представлена древнерусская редакция соответствующих текстов, и они получили довольно широкое распространение в России. Часослов Фиоля, как свидетельствует запись на одном экземпляре, уже в первой четверти XVI в. попал в Борисоглебский монастырь близ Ростова¹¹. Триодью постной в 1536 г. владел Димитрий Федорович Бельский¹², а другой ее экземпляр в 1598 г. был в далекой Устюжне¹³.

Не только начало славянского кирилловского книгопечатания, но и начало московского книгопечатания связано с русско-польскими культурными взаимоотношениями¹⁴.

В первопечатных московских изданиях нельзя обнаружить какие-либо конкретные черты, свидетельствующие о знакомстве Ивана Федорова с польскими изданиями и польским типографским делом, но есть основания считать, что образцом для отливки шрифта, когда надстрочные знаки делаются отдельно от литер, ему послужили книги Фиоля. Подобно Фиолю, Иван Федорович печатал в два проката с одной формы с первичным оттиском красного цвета¹⁵. Но не только издания православных книг, вышедших в Польше, были знакомы русскому первопечатнику. При оформлении Часовника 1565 г. он использовал заставки латинской книги «Историческое толкование животворных страстей Христовых» Яна из Львова и польской Библии 1561 г.¹⁶ С этими книгами Иван Федоров без особого труда мог познакомиться в Москве, подобно тому как он был знаком с чешскими и немецкими изданиями 20—40-х годов XVI в.¹⁷ Отметивший это знакомство Федорова с западными изданиями Е. Л. Немировский полагает, что с польскими он мог столкнуться только в самой Польше, где он, возможно, побывал еще до начала своей книгопечатной деятельности. В подтверждение своей гипотезы Е. Л. Немировский сослался на «*Liber promotium*» Краковского университета, где под 1532 г. значится как получивший степень бакалавра «*Joannes Theodorus Moscus-canonicus Crasnostaviensis*»¹⁸. Но в католическом канонике из Красностава в Люблинском воеводстве нельзя видеть православного дьякона Ивана Федорова. Е. Л. Немировский пытается объяснить это тем.

что приписка о красновоставском канонике — более позднего времени и может быть ошибочной. Однако он не приводит никаких данных, которые могли бы подтвердить, что эта приписка действительно относится к более позднему времени, чем сама запись. Еще более неубедительно указание на знание Иваном Федоровым греческого языка как на аргумент в пользу утверждения о пребывании его в Краковском университете. В Москве после Максима Грека, в особенности среди тех, кто окружал митрополита Макария, покровительствовавшего книгопечатанию, греческий язык не был редкостью¹⁹.

Более прочными стали связи московского первопечатника с польской книжной культурой после его отъезда в Великое княжество Литовское, а затем — на Украину. Здесь к Ивану Федорову и Петру Мстиславцу было самое почтительное отношение, как к опытным и образованным людям. Об этом сохранилось свидетельство в предисловии к польскому изданию Нового завета, осуществленному в 1574 г. в Лоске знаменитым деятелем белорусской и польской культуры того времени С. Будным. Будный интересовался работой московских первопечатников над Апостолом, расспрашивал их о подготовке текста и узнал, как он сам писал, что его «друкари, как сами мне сообщили, по старым книгам исправляли». Польский писатель и ученый, неутомимо ратовавший за четкость издаваемого текста, и сам тщательно изучил московское издание 1564 г., отработывая польский перевод текста Апостола. Знал Будный и московские безвыходные издания Евангелия, «что в Москве недавно накладом самого великого князя вышли». Протестант-кальвинист С. Будный не мог, конечно, целиком одобрить и принять тот вариант издания, который вышел в Москве, оценивая его только как «малое еще начало», но в то же время он считал, что и за то, что сделано, «другие должны быть благодарны». Для Будного существенным было и осознание общей принадлежности к славянству или, как он писал, к «нашему славянскому народу»²⁰.

Уже в конце XV в. польские сочинения начинают переводить на русский язык. В это время, как и в течение XVI в., для переводов избираются главным образом произведения, имеющие практический характер: юридические памятники, лечебники и т. п. В конце XV в., когда в России велась большая работа по кодификации права,

увенчавшаяся в 1497 г. составлением Судебника, русских книжников стали интересоваться памятники польского законодательства. В это время в Новгородско-Софийскую Кормчую были включены переводы Судебника Казимира Ягеллончика 1468 г., статуты Казимира Великого, статут краковско-варцкий Владислава²¹. Трудно говорить о каком-либо влиянии польского права на русское в этот период или о заимствованиях из него, но интерес к нему в России не может не быть отмечен.

В 1588 г. на русский язык был переведен лечебник, или травник Станислава Спичинского, представлявший собой, как можно видеть из заглавия, целый трактат энциклопедического характера: «О травах; о лейках и водках; о рыбах в море и в реках; о философском учении; о кровопускании; об искусстве аптекарском». Русский перевод был осуществлен в Серпухове по приказу воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина. Перевод делал Станислав Станчевский²².

В конце XV—XVI в. число книг, переведенных с польского на русский, оставалось еще незначительным по сравнению с тем потоком переводов, который хлынет в XVII в., но сама переводческая работа уже началась. Можно назвать, далее, одно беллетристское произведение, обратившее на себя внимание русских переводчиков еще в 40-х годах XVI в. Это — «Сказание о смерти некоего мистра великого сиречь философа», т. е. знаменитый «Разговор магистра Поликарпа со смертью», написанный в XV в. Как показала Р. П. Дмитриева, перевод скорее всего возник в Иосифово-Волоколамском монастыре или в близких к нему кругах. Переводчик старался придать Сказанию более привычную для русского читателя форму, приспособить его к традиционным поучительным повестям и притчам. С этой целью были выброшены народно-бытовые выражения, сопоставления юмористического плана и т. п.²³ Характерно, что в сборнике Иосифово-Волоколамского монастыря вслед за Сказанием были помещены изречения отцов церкви на тему о неизбежности смерти. Несмотря на сокращения, русский перевод «Разговора» имеет ценность и для истории польской литературы, поскольку в польском оригинале утрачен его конец, а русский перевод его воспроизводит.

XVI век — это период довольно широкого распространения в Польше различных протестантских учений: ан-

титринитаризма, социнианства, кальвинизма и др. Религиозное вольнодумство реформационного характера, хотя в меньших масштабах, заметно и в России. Достаточно вспомнить имена старца Артемия, Матвея Башкина и Феодосия Косого. В аспекте русско-польских культурных связей особенно заслуживает внимания «рабье учение» Феодосия Косого. В 1554 г. он бежал в Великое княжество Литовское и здесь вступил в тесный контакт с представителями польских и литовских протестантских кругов. Влияние Феодосия Косого в Литве и Белоруссии было значительным. По словам русского публициста Зиновия Оттенского, выступавшего с позиций православной церкви и осуждавшего Феодосия, он «развратил Литву», подобно тому как Магомет — Восток, а Лютер — Запад. Последователи Феодосия вызывали к себе протестантских проповедников из Польши (Короны) и учреждали общины²⁴. Действительно, в учении Косого можно найти немало общих черт с антитринитариями и социнианами. Это — отрицание Троицы, непризнание божественности Христа, признание Священного писания только в пределах разума, призыв к бегству от господ²⁵. Был ли определенный обмен идеями между русскими и польскими вольнодумцами или в данном случае имеет место параллельное и независимое друг от друга развитие, пока сказать невозможно. Вопрос этот все еще остается не разработанным в науке.

Ждет исследования и более широкая проблема русско-польских контактов в области общественной и общественно-политической мысли в целом. А. А. Зиминим уже отмечены определенные черты сходства в воззрениях Ивана Пересветова и А. Фрича Моджевского на идеальное государство, необходимость укрепления централизованной власти и проведения реформ в судебной, финансовой и военной областях²⁶. Правда, здесь можно говорить скорее о совпадении в постановке вопросов и в гораздо меньшей степени — о путях и средствах их решения. Достаточно указать на требование выборности короля и равенства сословий перед законом у А. Фрича Моджевского и на систему воззрений идеолога русского «самодержавства» Пересветова.

Таким образом, взаимосвязи Польши и России в эпоху Возрождения занимали заметное место в развитии культуры обеих славянских стран. Без их учета нельзя

понять многие явления в этой области. Вместе с тем русско-польские культурные связи были проявлением того постоянного интереса к достижениям культуры друг друга, который возник еще в эпоху раннего средневековья. В период Возрождения результаты этого общения были использованы и обогащены. Тогда же была создана и подлинная основа для расцвета русско-польских культурных связей, которыми был ознаменован XVII век.

- ¹ *Рогов А. И.* Культурные связи восточных и западных славян в раннефеодальный период (задачи предстоящих исследований).— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972, с. 172—177.
- ² *Рогов А. И.* Русь и Польша в их культурном общении в XIV—начале XV в.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 284.
- ³ *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 211.
- ⁴ Подробнее об этой теории и ее развитии см. исследование: *Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV u XVI w. Kraków, 1950.
- ⁵ *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, с. 244—247.
- ⁶ *Перфецький Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша.— «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. СХІХ. Львів, 1928, с. 31—83; т. І. Львів, 1931, с. 19—56; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 237; *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 340—343; *Лимонов Ю. А.* Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 76—81.
- ⁷ *Рогов А. И.* Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники. КСИС, 1964, т. 42, с. 54.
- ⁸ *Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 127.
- ⁹ Подробнее об этом см.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения..., с. 35—122.
- ¹⁰ *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971, с. 136—137, 155; *Можейко Н. С., Игнатенко А. П.* Древнерусский язык. Минск, 1970, с. 109—110.
- ¹¹ *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания, с. 125.
- ¹² Там же, с. 147.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Тихомиров М. Н.* Начало книгопечатания в России.— В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 35.
- ¹⁵ *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в

- Москве. Иван Федоров. М., 1964.
- ¹⁶ *Немировский Е. Л.* Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете.— «Советское славяноведение». 1969, № 1, с. 54.
- ¹⁷ *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве..., с. 287.
- ¹⁸ *Немировский Е. Л.* Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете, с. 52.
- ¹⁹ *Харламович К.* Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в. Казань, 1898, с. 191; *Савва В.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. Харьков, 1913, с. 1 и сл.
- ²⁰ *Голенченко Г. Я.* Русские первопечатники и Симон Будный.— В кн.: Книга, т. 10. М., 1965, с. 146—161.
- ²¹ *Roman S., Vetulani A.* Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław — Kraków, 1959.
- ²² *Змеев Л. Ф.* Русские учебники.— «Памятники древней письменности», СПб., 1896, № СХІІ, с. 49; Русский биографический словарь. «Бетанкур — Бякстер». СПб., 1908, с. 557—558.
- ²³ Подробнее об этом см.: *Дмитриева Р. П.* Русский перевод XVI в. польского сочинения XV в.— В кн.: Разговор магистра Поликарпа со смертью. ТОДРЛ, т. XIX. М.—Л., 1963.
- ²⁴ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958, с. 186—187.
- ²⁵ Там же, с. 197, 201, 208. Ср.: *Левицкий О.* Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси в XVI и XVII вв. Киев, 1882.
- ²⁶ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники, с. 440.

ОБЩНОСТЬ РАЗВИТИЯ ДЕКОРАТИВНЫХ ФОРМ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ XVI — XVII ВВ.

С. С. Попадюк

Проблема культурных связей народов Восточной Европы в эпоху Возрождения является лишь частью общего круга проблем, связанных с распространением культуры Ренессанса в европейских странах. При всем разнообразии проявлений ренессансной культуры в странах, расположенных к северу от Альп, мы можем выделить два существенных момента, определяющих общность всех этих проявлений: более или менее радикальное переосмысление местных культурных традиций и наличие внешнего импульса, который ориентирует это переосмысление.

В качестве общего внешнего импульса, способствовавшего формированию архитектуры так называемого Северного Возрождения, выступили классические архитектурные формы, в первую очередь — ордерная система расчленения фасадов. «Возрождение» этой системы, начавшееся в 1440 г. в Италии, становится, по выражению Г. Зедльмайра, «целостным событием» в архитектуре Запада вплоть до конца XVIII в. Расширению сферы этого «события» за пределы Италии способствует, во-первых, деятельность итальянских архитекторов в ряде стран Европы, во-вторых, широкое распространение (начиная с середины XVI в.) печатной архитектурной графики: 1) теоретических трактатов, обобщающих результаты изучения и применения классических архитектурных форм и снабженных многочисленными чертежами и рисунками (восходят к ранним переводам Витрувия и техническим энциклопедиям раннего Ренессанса); 2) «перспектив» и различных архитектурных фантазий (восходят к археологическим реминисценциям «Полифилуса» и «Сфорцинды»); 3) изображений существующих построек. Трактаты Альберти, Палладио, Виньола, Серлио, Скамоцци переводятся и переиздаются в ряде стран Европы. Параллельно с этим появляются и национальные теоретики — графики архитектуры, опирающиеся на итальянское на-

следие: Шют и Ганс Блюм в Германии, Корнелиус Лорис и Вредеман де Врис в Нидерландах, Джон Торп и Генри Уоттон в Англии и др.

Однако распространение нового архитектурного стиля к северу от Альп не приводит к тем быстрым и несомненным успехам, которые наблюдаются в архитектуре Италии. Живучесть местных традиций обуславливает сохранение готических пережитков в архитектуре Северного Возрождения до самого конца XVI в. Отсюда — глубокое своеобразие ренессансных явлений в архитектуре различных европейских стран. Это своеобразие служит почвой для создания национальных стилей раннего барокко, которые складываются в результате сложных взаимодействий местного ренессанса, еще более старых традиций и итальянских влияний. Таким образом, возникает необходимость сравнительного изучения этих процессов, соотнесенных с общим классическим «образцом», к которому они тяготеют, в целях более глубокого проникновения в природу их своеобразия и в их общую стилистическую специфику.

Особый интерес в этом отношении представляет сравнительное изучение польской и русской архитектуры XVI—XVII вв. Мы имеем здесь два различных типа художественной культуры: почти классическую последовательность стилей от поздней готики к позднему барокко на протяжении указанного периода — в польской архитектуре и одновременное развитие русской архитектуры, также идущее к позднему барокко, но опирающееся на совершенно иные традиции. Необходимо подчеркнуть, что эти глубоко различные процессы развиваются в непосредственном соседстве и сопровождаются активными политическими, а в дальнейшем — и культурными контактами. Таким образом, особенное значение приобретают общие моменты этих процессов, с одной стороны, расширяя наше представление об архитектуре Ренессанса в целом, с другой — уточняя понимание специфики как польской, так и русской архитектуры XVI—XVII вв. На некоторых из этих общих моментов нам и хотелось бы остановиться.

1. Кризис традиционных архитектурных систем, выражающийся прежде всего в нарастании декоративного начала в архитектуре. Именно это нарастание самостоятельной роли декоративных форм, тенденция к отчуждению убранства фасадов от их конструктивной основы сближа-

ют внешне несхожие памятники поздней польской готики и московскую архитектуру XV в. Достаточно сравнить оформление щипцовых стен гданьского костела бывшего монастыря францисканцев (вторая половина XV в.) с щипцом костела св. Якуба в Сандомеже (вторая четверть XIII в.), чтобы увидеть тот недвусмысленный результат, к которому пришло в Польше развитие декоративного «слоя» архитектурной поверхности. Если в сандомежском костеле начавшееся «расслоение» поверхности еще полностью подчиняется основной форме щипца, только дополняет ее, подчеркивая ее простоту и определенность (украшенный узором «слой» напоминает крупную шерстяную вязку, туго натянутую на основную форму), то оформление щипцов гданьского костела превращается уже в самостоятельное архитектурное целое, для которого основная форма является лишь едва различимым фоном. Декоративный «слой», развившийся в объемные пучки колонок, увенчанные вимпергами, и густую сеть стрельчатых арок, далеко распространившийся за пределы той поверхности, которую он украшает, фактически сам начинает играть роль основной формы, знаменуя разрушение традиционной логики построения архитектурного образа.

Сходные процессы, хотя, конечно, совершенно иначе выраженные, происходят и в московской архитектуре. Уже в раннемосковских памятниках обнаруживается «система несовпадающих членений», т. е. систематическое нарушение конструктивной схемы крестовокупольного храма сдвиганием лопаток относительно внутренних столбов в целях достижения художественного эффекта фасадов. Результатом такого сдвигания было то, что лопатки утратили характер конструктивных выступов, обнаруживающих сущность и работу каркасной конструкции, и превратились в накладные декоративные полосы, получившие вид пилястр, а фасад в целом, утратив жесткую связь с каркасом, обычную для памятников владимиро-суздальской архитектуры, открывал для зодчих совершенно новые декоративные возможности. Развитие «системы несовпадающих членений» наблюдается во всех ведущих памятниках конца XV в. и как раз накануне постройки московского Архангельского собора приводит к замене декоративного пояса в основании закомар профилированным карнизом, перекрывающим прясла ступ (собор Рождественского монастыря в Москве, 1501). Таким образом,

на исходе XV в. и в польской, и в русской архитектуре традиционные приемы оформления фасадов оказались исчерпанными и открылся путь к усвоению нового, ордерного декоративного принципа.

2. Непосредственное воздействие мастеров итальянского Ренессанса. Почти одновременно происходят крупные перестройки Вавельского замка и Московского Кремля, возглавляемые приглашенными из Италии архитекторами. И интерьер Зигмунтовской капеллы в Вавеле (Бартоломео Береччи, 1519—1533), и фасады Архангельского собора в Москве (Алевиз Новый, 1505—1508) демонстрируют широкое использование классических архитектурных форм: пилястр, полупилястр, антаблементов, филеюк, архивольтов, круглых окон, раковин. Оформление гробницы Ольбрахта в Вавельском соборе (Франческо Флорентинец, 1502) перекликается с украшениями порталов Архангельского и Благовещенского соборов и Грановитой палаты Московского Кремля (Марко Руффо и Пьетро Антонио Салари, 1487—1491), иллюстрируя ренессансные приемы оформления проемов. Архитектурные формы и краковских, и московских построек покрываются пышным ренессансным орнаментом. Таким образом, внешний импульс, ориентирующий и ускоряющий начавшееся переосмысление традиций, приходит на русскую и польскую почву одновременно. Более того, и польские, и русские архитекторы знакомятся с декоративным принципом ордерности в его наиболее полном, развернутом и роскошном — «венецианском» — варианте.

Тут, однако, необходимо остановиться и на различиях. Творчество итальянских архитекторов в Польше было интенсивным и продолжительным. Джованни Чини, Филиппо из Фьезоле, Никколо из Кастильоне, Джованни Квадро, Санти Гуччи, Морандо и другие мастера на протяжении всего XVI в. вносили свой вклад в развитие польской архитектуры, выполняя разнообразные заказы и находя широкое поле для своей деятельности — преимущественно в сфере архитектуры гражданской, светской. Этим объясняется появление многочисленных чисто ренессансных произведений на протяжении столетия: замков в Шидловце, Песковой Скале, Виснице, Баранове; усадеб в Шимбарке, Пабианице, Якубовице; вилл в Воле Юстовской, ратуши в Познани; планировки Замостья и пр. Наконец, через творчество Бернардини польские зодчие

непосредственно познакомились с итальянским барокко. На Руси последнее упоминание об итальянских архитекторах относится к 1552 г., но, по-видимому, их архитектурное творчество прервалось значительно раньше. Россия в то время в первую очередь нуждалась в освоении технических и военно-инженерных достижений Запада, чем и была в основном ограничена деятельность приглашенных русским правительством Марка Фрязина, Антонио Джиларди, Пьетро Антонио Салари, Алоизио ди Каркано. Даже Аристотель Фиораванте после постройки московского Успенского собора использовался лишь как военный инженер в походах на Казань и Новгород. Этим, в частности, и объясняется тот факт, что художественно-декоративная ордерная система осталась ярким, но кратковременным эпизодом в русской архитектуре рубежа XV и XVI в.

3. Воздействие форм Северного Возрождения. Проникновение голландско-фламандских форм в польскую архитектуру обнаруживается довольно рано (замок в Джевице, 1525—1535); можно даже сказать, что это проникновение идет параллельно влиянию итальянского Ренессанса, значительно, конечно, уступая ему в широте и интенсивности; особенно заметно оно на севере Польши, в Гданьске, где трудятся голландские архитекторы: ван Обберген, семья ван ден Блоке и др.

Контакты польской и северноренессансной архитектуры продолжаются и в XVII в., о чем свидетельствуют такие памятники, как костел в Голомбе (1628—1636), построенный, по-видимому, фламандским зодчим. Нетрудно заметить, что произведения северноренессансных (в частности, голландско-фламандских) мастеров — при их сравнительной немногочисленности — гораздо теснее, чем постройки итальянцев, связаны с основной линией развития польской архитектуры в XVI в. Это объясняется тем, что польская архитектура в этот период сама во многом повторяет путь, по которому развивается строительное искусство Англии, Германии, Нидерландов. Во всех этих странах распространение классических архитектурных форм и ордерного принципа членения фасадов сдерживается местными готическими традициями. Существование ренессансных новшеств и местных готизмов наблюдается уже в оформлении Вавельского замка, где порталы внутренних проемов исполнены тонкими

непрерывными обводами, образующими стрельчатые и двойные арки, переплетенные с хрупким и изысканным узором фрамуги, над которой помещается сочный классический карниз.

На протяжении всего XVI в. в Польше наряду с чисто ренессансными постройками (которыми руководили главным образом итальянцы) продолжают создаваться произведения, целиком укладываемые в традиционную готическую схему. Но основное развитие идет по пути более или менее радикального усвоения и переосмысления ордера. Ярким примером такого переосмысления могут служить ворота замка в Легнице (1533) с полуколоннами, несущими тяжеловесный аттик. Эти массивные полуколонны по всей своей высоте расчленены поясками, причем каждая часть обрабатывается особым образом: верхняя — украшена геральдическим рельефом, средняя — прорезана каннелюрами, нижняя — по форме напоминает дыньку; база круглого каннелированного пьедестала оформлена лучковым фронтоном с листовным узором в тимпане. Формы одна за другой как бы нанизываются на общий стержень, настолько видоизменяя цельную, ясную форму классической опоры, что, пожалуй, только грубовато трактованные капители указывают здесь на исходный, ордерный образец.

Что же касается несомых элементов ордера, то карниз раскреповывается по полуколоннам, а фриз, обработанный сплошными триглифами, помещается на одном уровне с капителями — в этом проявилось непонимание автором легницких ворот особенностей ордерной конструкции. Тем не менее и применение ордера, и даже характер его переосмысления свидетельствуют о решительном, хотя и достаточно мягком преодолении готических традиций. Эта «мягкость» выражается, в частности, в том, что очень часто готические элементы декора применяются наряду с ордерными, взаимно друг друга обогащая, образуя неожиданные, постоянно варьируемые сочетания. Такое взаимодействие традиций и новаторства является типичным для архитектуры северного Ренессанса; польская архитектура XVI в. представляет одно из разнообразных воплощений общего процесса. Проникновение в Польшу североренессансных форм можно расценивать как фактор, усложняющий, обогащающий развитие введением дополнительного элемента, который — в силу своей принципиальной одно-

родности с творческими устремлениями польских зодчих — еще больше «смягчает», стабилизирует формирование новых архитектурных образов.

Иное значение имеют контакты с Северным Ренессансом для русской архитектуры. В середине XVI в. начинается экономическая блокада Руси со стороны Ливонии, Польши и ганзейских городов, которые, в частности, не пропускают в Москву большую группу мастеров, набранных в Италии и «цесарской земле» (1554). Прежние зарубежные связи Руси прерываются, одновременно завязываются торговые отношения с Англией и Голландией.

Общение с протестантским севером Европы становится для Русского государства, в отличие от Польши, единственной возможностью знакомства с ренессансной культурой.

В 1567 г. Иван Грозный, предлагая союз Елизавете Английской, одним из главных условий этого союза ставит присылку и пропуск мастеров, в том числе «архитектора, который может делать крепости, башни и дворцы», и прибавляет: «как те, которые прибыли в прошлом году». Энергичный поиск «рукоделных каменного дела и городских мастеров» на Западе продолжается при Федоре и Годунове. Только непосредственным знакомством с северноренессансной архитектурой (сохраняющей, как мы видели, много готических пережитков) можно объяснить появление на Руси вимпергов, муфтированных колонок, стрельчатых архивольтов, декоративных машикулей, фигурных впадин, металлических спиралей и других элементов убранства фасадов, сменивших «чистый» ордер Архангельского собора. Даже такая, казалось бы, исконно русская форма, как крупные кокошники «вперебежку», находит точные аналогии в голландских и немецких памятниках.

Одним из центральных произведений русской архитектуры XVI в., в котором слились все эти формы, является храм Василия Блаженного. В качестве новшества при этом выступает не столько ордерное, сколько готическое начало северноренессансной архитектуры. А широкое использование национальных традиций обуславливает такую свободу и смелость сопоставлений разнородных форм, которая была совершенно неприемлемой для европейского архитектора.

«Неактуальностью» ордера в России XVI в. объясняется тот факт, что попытки «возрождения» его в конце столетия (церкви в Вяземах, Хорошеве, Борисовом городке и др.) ограничились неполным и непоследовательным воспроизведением декоративных форм Архангельского собора. Однако в 20—30-х годах XVII в. начинается новый этап сближения России с Западом, сопровождаемый «второй редакцией ордера» в русской архитектуре.

Именно в это время, когда преодолевается тяжелый общегосударственный кризис начала XVII в., Россия особенно остро нуждается, с одной стороны, в быстрой модернизации оборонительных средств, с другой — в переустройстве быта. Поэтому московское правительство проявляет лихорадочную деятельность по розыску и привлечению на службу иноземных мастеров, преимущественно военно-технического профиля, и специалистов по изготовлению предметов роскоши.

Русские зодчие, в первой трети XVII в. строившие в основном крепости под руководством иноземных инженеров, соприкоснулись теперь с новой для них европейской строительной культурой и развивали ее. Заказчиками являлись, во-первых, само государство, создавшее специальные приказы и столы, ведавшие строительным делом; во-вторых, частные лица, принадлежавшие к придворным кругам. Воспринятые и усвоенные новшества постепенно распространялись в русском обществе.

Конечно, непосредственное знакомство русских зодчих с западноевропейской строительной практикой имело большое значение. Однако иноземцы-строители, работавшие в России в XVII в., вряд ли напоминали тех разносторонних художников итальянского Ренессанса, которые появились в Москве в конце XV — начале XVI в. Это были в большинстве инженеры, механики, носители сугубо технического опыта, отразившие своей специализацией уже происшедшее в Европе разделение эстетического и прикладного творчества. Поэтому основным проводником западного влияния на русское зодчество XVII в. становится, очевидно, печатная архитектурная графика.

Печатные руководства (кунштовые книги), изданные во Франции, Англии, Голландии, Венгрии и Германии, во множестве шли в Москву. Хорошее знакомство русских людей того времени с гуманистической (ренессансной и античной) литературой позволяет предположить го-

раздо более широкое, чем это видно по сохранившимся свидетельствам, распространение тех книг, о которых идет речь.

В описях библиотек XVII в. упоминаются книги «всех немецких государств каменных строений чертежи», «печатного полатного строю», «чертежей полатных», «разных городов лица» и т. п. Некоторый свет на подлинные их названия проливает книжное собрание Петра Первого, куда вошли книги, перешедшие к Петру по наследству и вывезенные им в Петербург из старых московских дворцов и приказов. Среди перечисленных в реестре его библиотеки книг, изданных до середины XVII в., встречаем произведения ведущих теоретиков и практиков итальянской архитектуры — Альберти, Микеланджело, Палладио, Виньола, Скамоцци — и выдающихся европейских математиков, теоретиков перспективы и фортификации: Маролюа, Сиригатти, Вредемана; очевидно, во второй половине XVII в. в России появляется труд Витрувия. Как явствует из описей, книги по архитектуре хранились даже в учреждениях, не имевших непосредственного отношения к строительному делу: в Посольском, Аптекарском, Стрелецком приказах, в Оружейной и Мастерской палатах, у бояр (А. С. Матвеева, В. В. Голицына) и наиболее крупных заказчиков в Русском государстве — царя и патриарха. Проникновение этого графического материала в Россию XVII в. означает не только новое знакомство русских зодчих с классическими архитектурными формами и принципами, более полное и подробное, чем в конце XV — начале XVI в., но и знакомство, тоже более полное и подробное, чем в середине XVI в., с результатами и традициями творческой переработки этих форм и принципов в странах Северной Европы.

Влияние западных форм и приемов проявилось в архитектурном декоре церкви Троицы в Никитниках в Москве (1630—1634). Кроме расчленяющих ее фасады сдвоенных полуколонн, антаблементов и междуярусных карнизов, перекликающихся с северноренессансными ордерами, мы встречаем здесь немецкие формы белокаменных наличников в среднем ярусе южного фасада — с балясиной, вставленной во фронтон, и плоскостными имитациями коринфской капители. Фронтонные сандрики, приподнятые над оконными обрамлениями подклета, напоминают сандрики ратуш в Альтенбурге (1564), Мец-

Герхауза в Аугсбурге (1602) и здания муниципалитета в Кобурге (начало XVII в.). Своеобразный прием раскреповки нижней части карниза алтарных апсид характерен также для английской и немецкой деревянной резьбы интерьеров. Наконец, на фасаде западной галереи появляется неизвестный до тех пор в русской архитектуре мотив трифория. Рядом с никитниковской церковью можно назвать другие памятники архитектурно-декоративного творчества XVII в.: Теремной и Потешный дворцы, готическую надстройку Спасской башни Московского Кремля, уличный фасад Печатного двора с его балюстрадой, пинаклями и колоннами, поставленными на высокие пятигранные пьедесталы и увенчанными коринфскими капителями.

Северноренессансное влияние отражается и на русской архитектурной терминологии XVII в., изобилующей немецкими и польскими заимствованиями с проскальзывающей греко-латинской основой: «карниз», «кзымс», «штаб», «архитрав», «капитель», «каранштын», «франуга» и т. п. Можно предположить, что и русские архитектурные термины, применявшиеся в XVII в. и не отраженные в письменных источниках до конца XV в. (например, «гусенок», «полочка», «клепик», «вал», «вал четвертной», «жолуб», «падина», «перететивье» и др.), представляют собой переводы западных терминов и их кальки.

Говоря о западном влиянии как о важном источнике русского архитектурного декора XVII в., следует, однако, постоянно учитывать его «служебный», поверхностный характер. За формами и приемами, использовавшимися русскими зодчими в оформлении фасадов своих построек, иногда очень трудно разглядеть лежащий в основе этих форм и приемов западный образец. Этот образец помогал зодчим в их творчестве, являясь именно отправной точкой творческого процесса, но не заменяя его. Поэтому наиболее отчетливо западное влияние обнаруживается только в момент создания новой декоративной системы — в начале 30-х годов XVII в.

В основе этого влияния, как уже говорилось, лежали образы классической архитектуры, опосредованные творчеством северноренессансных художников. Оба эти «слоя» — и классических образов, и более глубоких готических традиций — проявляются в ранних формах русского архитектурного декора XVII в., многие из которых впоследствии переосмысливаются и перерабатываются

русскими зодчими. Ключом к интерпретации этих исчезающих форм могут служить пятилопастные арки проемов церкви Троицы в Никитниках (на фасадах Теремного дворца и кремлевской Гербовой башни, строившихся чуть позднее, — трехлопастные), сохранявшиеся в итальянской (XV в.) и английской (XVI — начало XVII в.) архитектуре как готический пережиток, и так же, как окна Сьютон Плейс в Суррее или входные башни Уэтхем Колледжа в Оксфорде, украшенные ренессансным орнаментом, заполняющим обрамление. Становится очевидным, что, хотя основные формы и принципы классической архитектуры воспринимаются русскими зодчими в общей массе поступающего с Запада материала и, может быть, даже в значительной степени сквозь призму готических традиций, тем не менее акцент переносится ими на преодоление этих традиций — так же как он переносился в творчестве самих северноренессансных художников.

4. В заключение необходимо остановиться на прямых контактах польской и русской архитектуры в конце XVII в. В эпоху Возрождения польские зодчие выработали оригинальные формы убранства фасадов: аттики в виде пирамидальных резных столбиков, волют или гребней и узорные, сложные по рисунку лепные оконные обрамления. Все эти формы входят важным составным звеном в русский архитектурный декор конца XVII в. Аттики и наличники церквей Покрова в Филях (1693), Спаса в Уборах (1694—1697), Троицы в Троицком-Лыкове (1698—1703), Введенского собора в Сольвычегодске (1689—1693), Успенского собора в Рязани (1693—1699) и др., применяемые наряду с ордерными элементами расчленения фасадов, создают нарядные и незабываемые образы так называемого «русского барокко». Эти образы завершают «вторую редакцию ордера» на Руси и открывают русской архитектуре путь к общеевропейскому позднему барокко XVIII в.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ
КРАКОВСКИХ ИЗДАНИЙ ШВАЙПОЛЬТА ФИОЛЯ
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI — XVII ВВ.

Е. Л. Немировский

Сто с лишним лет назад Кароль Эстрейхер, доказывая польское происхождение издания книги Иоанна Туррекрематы «Толкование Псалтыри», применил своеобразный книговедческий метод, смысл которого состоял в учете всех сохранившихся экземпляров книги и определении — по владельческим записям и маргиналиям — времени и места их издания¹. Эстрейхеру удалось зафиксировать 27 экземпляров «Толкования», 25 из них находились в Польше или происходили из польских собраний; этот факт, по его мнению, говорил о том, что книга была напечатана в Польше.

Вывод, впоследствии распространенный и на три других издания, напечатанные тем же шрифтом, что и книга Иоанна Туррекрематы, в настоящее время никем не оспаривается².

Недавно аналогичный метод был использован Элизой Шандровской для доказательства польского происхождения группы изданий XV в., известных в инкунабуловедении под наименованием «изданий печатника бесед папы Льва I»³.

Краковское происхождение первых книг кирилловской печати, вышедших из типографии Швайпольта Фиоля в 90-х годах XV в., доказывать не приходится⁴. В двух из этих изданий — Октоихе и Часослове — имеется колофон со сведениями о месте (Краков) и дате (1491) печатания. Два других издания — Триодь постная и Триодь цветная — выходных сведений не имеют. Однако они напечатаны тем же шрифтом, что Октоих и Часослов, и содержат те же элементы художественного убранства (заставка и некоторые инициалы). Кроме того, совсем недавно был найден экземпляр Триоди цветной с листом, отсутствующим в 20 других сохранившихся экземплярах⁵.

На листе воспроизведена гравюра с изображением распятия, отпечатанная с той же доски, что и в Октоихе

1491 г. Ниже оттиснуто изображение ленты с надписью «Шбеипольт Фиоль».

Если краковское происхождение изданий Фиоля очевидно, то весьма проблематичным является вопрос о кругах, для которых предназначались эти издания. В литературе существуют различные точки зрения. В качестве заказчиков называют славянских бенедиктинцев, имевших собор в Клепарже⁶, одного из молдавских воевод⁷, князя К. И. Острожского и связанных с ним украинско-белорусских магнатов⁸.

Сложный вопрос о заказчиках следует решать комплексно, анализируя состав краковских инкунабулов кирилловского шрифта, их язык, правописные нормы, композиционные и стилевые особенности фигурной гравюры и орнаментики. Не последнюю роль в решении проблемы играют сведения о распространении изданий Фиоля. Здесь-то и уместно применить метод, в свое время использованный К. Эстрейхером. Однако в отличие от польского книговеда, мы ставим акцент не на том, где эти экземпляры находятся в настоящее время, а на том, где они были в XVI—XVII вв. Современное местонахождение экземпляров складывалось в последние сто лет и было во многом случайным. Так, например, экземпляры Триоди постной, находящиеся ныне в львовском Музее украинского искусства, имеют московское происхождение⁹. И напротив, экземпляр московского Общества истории и древностей российских содержит украинские и польские записи XVII в.

В настоящее время известно 79 экземпляров изданий Швайпольта Фиоля¹⁰; 68 из них находятся в СССР, 11 — за рубежом (4 — в Польше, 3 — в Италии, по одному — в Болгарии, Венгрии, Румынии и США). Итальянские экземпляры принадлежат Папскому восточному институту, собрание которого составилось за последние пятьдесят лет. Часть из этих приобретений имеет русское или украинское происхождение¹¹.

Польские экземпляры изданий Фиоля имеют украинское происхождение¹².

Сведения о современном местонахождении краковских инкунабулов Фиоля недвусмысленно свидетельствуют о связях типографии с русско-украинскими кругами, а не с южнославянскими или румынско-молдавскими, что по сей день утверждается болгарскими и румынскими историка-

ми¹³. Эту версию подтверждают лишь три из 79 сохранившихся экземпляров изданий Фиоля; в двух из них, правда, имеются записи XVI в.

Для сравнения познакомимся с современным местонахождением экземпляров изданий двух других старейших типографий кирилловского шрифта: черногорской (1494—1495) и молдаво-валашской (1508—1512). Из 76 известных нам экземпляров и отдельных фрагментов изданий черногорской типографии (Октоих первогласник 1494 г., Октоих пятигласник около 1494 г., Псалтырь с воследованием 1494 г., Молитвенник 1495 г.) в СССР находится лишь 15¹⁴, а из 29 экземпляров изданий молдаво-валашской типографии (Служебник 1508 г., Октоих 1510 г., Четвероевангелие, 1512 г.) — 9.

Обратимся теперь к вкладным и владельческим записям на страницах сохранившихся экземпляров краковских инкунабулов. Нам известно 37 записей, сделанных в XVI—XVII вв. 30 из них имеют великорусское происхождение, 5 — украинско-белорусское и 2 — молдаво-румынское.

Отсюда как будто бы можно сделать вывод о том, что Фиоль и его финансист Ян Турзо печатали свои издания если не по прямому заказу из Москвы, то по крайней мере рассчитывая преимущественно на Москву¹⁵.

Вывод этот, очевидный по отношению к молдаво-румынским связям первой типографии кирилловского шрифта, спорен с точки зрения украинско-белорусских связей. Есть свидетельство Захарии Копыстенского, видевшего в начале XVII в. издания Фиоля во многих монастырях и церквах Украины¹⁶. Существует мнение, что условия сохранения богослужебных книг православной церкви в Московской Руси и на украинско-белорусских землях Польской Короны не были равноценными: книги эти в Польше нередко уничтожались.

И все же в нашем распоряжении есть большое количество украинских записей, например на экземплярах Апостола 1574 г. или Библии 1580—1581 гг. Если книги эти сохранились, должны были сохраниться и издания Фиоля, бытовавшие на украинских и белорусских землях.

Датированных точно или приблизительно записей XVI в. на страницах краковских инкунабулов известно семь. Старейшая из них сделана в Московском государ-

стве в 1517 г. представителем семьи Бухвостовых-Злобинных¹⁷. В 1520—1525 гг. Часослов 1491 г. был положен братьями Ярцовыми в Борисоглебский монастырь неподалеку от Ростова¹⁸. В 1536 г. фиолевская Триодь постная была положена людьми князя Д. Ф. Бельского «к Николе на Осовце»¹⁹.

Следующие две записи — 1546 и 1558 гг. — сделаны на территории Молдавии²⁰.

К 90-м годам XVI в. относятся записи русского происхождения: одна из них сделана в 1592 г. в селе Одинцове²¹, а вторая — в 1598 г. в Устюжне Железопольской²².

Датированные записи XVII в., а также недатированные записи XVI—XVII вв. позволяют нам расширить географию распространения краковских инкунабулов кирилловского шрифта в Московском государстве. Записи эти ведут нас в Гондозерскую Благовещенскую пустынь Олонецкой епархии, в Тихвинский Введенский монастырь, в порубежный город Велиж, в Никольский монастырь города Торопца. Известны экземпляры, принадлежащие патриарху Никону и Стефану Яворскому.

Все это свидетельствует о достаточно широком распространении краковских изданий Швайпольта Фиоля на территории Московской Руси.

Деятельность типографии Фиоля, условия распространения ее изданий являются примечательными фактами долголетней и плодотворной истории польско-русских культурных связей.

¹ См.: *Estreicher K. Günter Zainer und Świętopełk Fiol. Warszawa, 1867.*

² Ср., например: *Lewicka-Kamińska A. Początki drukarstwa w Krakowie.* — In: *Księga pamiątkowa ku czci Karola Estreichera. Kraków, 1964, s. 233—257.*

³ См.: *Szandorowska E. Tajemnicza oficyna drukarska XV w.* — «Roczn. Bibl. narodowej». 1967, Warszawa, s. 321—346.

⁴ См.: *Немировичий Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971.*

⁵ См.: *Mircea J.-R. Considerations sur les premières oeuvres imprimées à caractères cyrilliques.* — «Association internationale d'études sud-est Européen. Bulletin». Bucureşti, 1972, t. 10, N 1, p. 111—120.

⁶ Ср.: *Heintsch K. Ze studiów nad Sz wajp oltem Fiolem.* — «Rocznik Zak'adu Narodowego im. Ossolińskich», t. 5. Wrocław, 1957, s. 255—258.

⁷ См.: *Соболевский А. И. Заметка о языке печатных изданий Фиоля и Скорины.* —

- В кн.: Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 2. Киев, 1888, с. 192—193.
- ⁸ См.: Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965, с. 14.
- ⁹ Музей українського мистецтва во Львові, № 23176/310813, 27/281002.
- ¹⁰ См.: *Немировский Е. Л.* Заметки о славянском старопечатании. I. Славянские инкунабулы и палеотипы. Перечень сохранившихся экземпляров.— В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 99—100.
- ¹¹ См.: *Krajcar J.* Early-printed slavonic books in the library of the Pontifical oriental institute.— «*Orientalia christiana periodica*». Roma, 1968, v. 34, fasc. 1, p. 108.
- ¹² См.: *Немировский Е. Л.* Издания Ш. Фиоля, Ф. Скорины и И. Федорова в книгохранилищах Варшавы и Кракова.— «Советское славяноведение», 1975, № 5, с. 69—75.
- ¹³ См.: *Атанасов П.* Български текстове в първите славянски кирилски инкунабули.— «Език и литература», 1966, кн. 5, с. 17—32; *Panaitescu P. P.* Liturghierul lui Măcariu. București, 1961, p. XXXVIII—XXXIX.
- ¹⁴ См.: *Немировский Е. Л.* Югословенские кирилские инкунабулы в библиотеке Академии наук СФРЮ. Савеза.— «Библиотекар», Београд, 1967, № 5-6, с. 265—272.
- ¹⁵ *Хорошкевич А. Л.* Русско-славянские связи конца XV — начала XVI в.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973, с. 413.
- ¹⁶ *Исаевич Я. Д.* Джерела з історії української культури доби феодалізму. Київ, 1972, с. 121.
- ¹⁷ ЦГАДА, ф. 1250, № 819.
- ¹⁸ ГИМ, Шап. 68 б.
- ¹⁹ ГИМ, Меньш. 578.
- ²⁰ См.: Музей українського мистецтва во Львові, № 416/070512.
- ²¹ Там же, № 23176/310813.
- ²² ГПБ, I.1.2^а.

УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИЕ СВЯЗИ В ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ (1574—1648)

Я. Д. Исаевич

В последней четверти XVI — первой половине XVII в. книгопечатание Украины развивалось сравнительно быстро, возрастало количество типографий, все более разнообразной становилась тематика изданий, совершенствовалось художественное оформление книг. Самой характерной чертой украинского книгопечатания этого периода была его тесная связь с русским и белорусским книгопечатанием. Наряду с этим книгопечатание Украины имело разносторонние связи с книгопечатанием ряда других стран, в частности с польским, литовским, чешским, немецким, румынским¹. Важно отметить, что нередко украинские типографские мастера были посредниками при установлении связей русского книгопечатания с польским.

Уже первые шаги восточнославянского книгопечатания были ярким проявлением межславянского культурного общения. Одной из древнейших типографий кирилловского шрифта на территории Польши была «друкарня» Ш. Фиоля. Хотя она действовала в Кракове, продукция типографии предназначалась для распространения в восточнославянских странах². В числе рукописей, использованных для печати этой типографией, были украинско-белорусские списки из московских оригиналов³. Белорусский первопечатник Ф. Скорина начал свою издательскую деятельность в Праге, что содействовало укреплению связей восточнославянского книгопечатания с западнославянским.

Значительный вклад в развитие межславянских культурных связей внес первопечатник Иван Федоров. Его деятельность — один из самых ярких примеров единения культуры России, Белоруссии и Украины в эпоху феодализма. Наряду с этим Иван Федоров имел связи и с книгопечатанием Польши. В соответствии с темой настоящего сообщения следует в первую очередь отметить роль

Ивана Федорова в становлении польско-украинских связей в области книгопечатания.

Не так давно предпринята попытка связать с первопечатником две записи в актах из архива Краковского университета: о том, что в 1592 г. в университет поступил «Иоанн сын Федора из Петкевич Краковской диэцезии», а в 1534 г. степень бакалавра получил «Иоанн [сын] Федора, мосх»⁴. Однако последующие факты из биографии первопечатника Ивана Федорова не подтверждают, на наш взгляд, гипотезы о его обучении в Кракове. Переезд из Москвы в Белоруссию сам первопечатник квалифицировал как изгнание «от земля и отечества и от рода нашего... в ины страны незнаемы»⁵. Отсюда видно, что лицо, упоминаемое в университетских актах, не имеет никакого отношения к первопечатнику. Вероятно, учившийся в Кракове «Иоанн сын Федора» происходил не из белорусских Петкевич, а из Пионтковиц в Краковской диэцезии.

Наличие элементов художественного убранства, сближающих федоровские московские издания с некоторыми краковскими изданиями первой половины XVI в.⁶, также не является достаточным аргументом для того, чтобы принять тезис о пребывании Ивана Федорова в Кракове еще до начала его работы в Москве. Естественнее объяснить эти особенности оформления первопечатных книг общей атмосферой эпохи, когда международные связи стран Восточной Европы были гораздо более интенсивными, чем это изображалось в дворянской и буржуазной историографии. Иван Федоров опирался в первую очередь на отечественные художественные и литературные традиции, но уже в Москве он знал и творчески осваивал достижения зарубежных типографий. Выработанные в Москве приемы полиграфической техники и художественного оформления книги Иван Федоров использовал и позже: в Заблудове, Львове, Остроге. Они остались определяющими в его книгопечатной деятельности, несмотря на то что в Белоруссии и на Украине не могли не усилиться связи первопечатника с мастерами, исходившими из традиций западноевропейского книгопечатания.

Вскоре после переезда из Москвы в Белоруссию Иван Федоров и Петр Мстиславец встретились с выдающимся деятелем реформационного движения Белоруссии и Польши С. Будным. Будный, много занимавшийся издатель-

ской деятельностью, обсуждал с первопечатниками вопросы перевода и подготовки к изданию текстов из Библии⁷. Не исключена возможность и посредничества Будного в установлении контактов Ивана Федорова с польскими, белорусскими и литовскими типографскими мастерами.

Осенью 1572 г. Иван Федоров прибыл во Львов⁸ — крупнейший в то время город Украины, поддерживавший очень тесные экономические связи с Краковом, главным центром науки и книгопечатания в Польше. Не случайно во время пребывания во Львове Иван Федоров имел весьма разнообразные деловые контакты с краковскими ремесленниками и купцами. Уже в январе 1573 г., во время конфликта между Иваном Федоровым и цеховыми столярами, последние пригласили в качестве экспертов краковских типографских мастеров Матвея Зибенайхера и Николая Пренжину⁹.

Из более поздних документов известно, что Иван Федоров поддерживал отношения с польскими бумажными мастерами: краковским горожанином Мартином Сенником (Сянко)¹⁰ и Лаврентием Линчевским. Филологическое изучение федоровских украинских изданий также подтверждает использование первопечатником бумаги, изготовленной на бумажных мельницах в окрестностях Кракова¹¹. На последнем году своей жизни Иван Федоров побывал в Кракове; здесь он занял деньги у краковского горожанина Фольтына Бертольдо¹², а во время пребывания в доме страдомского войта (Страдом — часть Кракова) Анджея Сливки оформил договор займа с львовским пушечным мастером Даниилом Кенигом. Впрочем, весьма вероятно, что и ранее первопечатник посещал Краков, однако документы об этом пока не обнаружены.

Контакты с Краковом отразились и на оформлении украинских изданий Ивана Федорова. Так, для Апостола 1574 г., судя по монограмме *WS*, фронтисписную гравюру Луки и издательскую марку Федорова мог вырезать Вендель Шарфенбергер, силезский гравер, автор гравюр к таким изданиям краковской типографии Николая Шарфенбергера, как польский перевод «Статуты Польского королевства» Я. Гербурта (1570), второе издание Библии Леополиты (1575)¹³. Правда, стилистически обе гравюры с подписью *WS* в Апостоле отличаются друг от друга и от гравюр с той же монограммой в краковских изда-

ниях. Вероятно, каждая из львовских гравюр была исполнена В. Шарфенбергером в сотрудничестве с разными местными художниками.

Для концовок в Апостоле, кроме клише, привезенных из Москвы и Заблудова, использованы четыре новых клише. Все они — несомненные подражания краковским образцам. Их прототипы отмечены в книгах «русина» С. Ореховского (типография Лазаря Андрысовича, 1561, 1562), Я. Гербурта (типография М. Зибенайхера, 1569), К. Варшевицкого (без года)¹⁴. Такие концовки легко прижились в львовских изданиях, так как, несмотря на другое происхождение, несколько походили на плетенчатый орнамент рукописей того времени¹⁵.

В острожском Букваре 1578 г. Иван Федоров впервые в восточнославянском книгопечатании применил наборные украшения. В Букваре их всего два вида, зато в острожской Библии встречаем наборные украшения семи видов. Для большинства их можно найти аналогию в изданиях многих типографий Европы¹⁶. Все же мы считаем наиболее вероятным, что Иван Федоров заказал себе эти украшения по образцам краковских изданий или даже купил в Кракове готовые пунсоны. Ведь Краков был самым близким к Острогу крупным центром полиграфического производства. Не случайно именно в краковском (и притом протестантском) издании находится прототип столь характерной для острожской Библии детали, которую Н. П. Киселев назвал «херувимом-украинцем»¹⁷⁻¹⁸. Она применена и в острожском издании «Хронологии» писателя-протестанта А. Римши. Добавим к этому, что герб Острожских в книге Нового завета 1580 г. и Библии 1581 г. Иван Федоров поместил в овальную рамку, очень похожую на рамку герба Радзивиллов в протестантской брестской Библии.

Умелое использование достижений других мастеров не лишало издания Ивана Федорова глубокого своеобразия. Первопечатник включал в композицию книги заимствованные элементы лишь в той мере, в какой они не противоречили его художественным принципам, а, наоборот, усиливали их звучание. По тому же пути пошли и продолжатели дела Ивана Федорова на Украине.

После смерти первопечатника основанная им острожская типография действовала до второго десятилетия XVII в. (последнее бесспорное ее издание датировано

1612 г.). Типографское оборудование, заложенное Иваном Федоровым львовским ростовщиком, выкупили украинские горожане Львова для основанной ими типографии Успенского братства. Львовская братская типография в чрезвычайно трудных условиях действовала два столетия, используя некоторые доски гравюр Ивана Федорова.

Около 1616 г. была основана знаменитая типография Киево-Печерской лавры, которая стала одним из важнейших центров межславянских культурных связей. Острожская, Львовская, Киевская типографии играли в свое время ведущую роль в создании литературы, направленной против идеологического наступления католицизма и унии. Им противостояла основанная в 1642 г. типография Львовского иезуитского коллигеиума — первая постоянно действующая польско-латинская типография на землях Украины. Сравнительно позднее возникновение на этой территории постоянного польского книгопечатания объясняется разными причинами, в частности близостью такого крупного польского книгоиздательского центра, как Краков¹⁹.

Кроме перечисленных, действовал целый ряд кратковременных типографий, в том числе передвижных. Среди них были предприятия, связанные с православной церковью, католические, протестантские, а также типографии, принимавшие заказы от представителей разных религиозно-идеологических группировок.

То обстоятельство, что все украинские типографии опирались на творческий опыт Ивана Федорова, содействовало дальнейшему укреплению в их практике особенностей, характерных для русско-украинско-белорусской книги. Одновременно, следуя и в этом отношении «по стопам топтаным» Ивана Федорова, типографии Украины имели связи также с типографиями ряда других стран, в том числе и Польши.

Формы проявления польско-украинских связей в области книгопечатания были разнообразными. Польские мастера работали в украинских типографиях, а украинские — в польских. Нередко в польских типографиях издавались работы украинских авторов на украинском, церковнославянском и польском языках, а украинские типографии печатали польские произведения. Имело место и взаимное влияние в области оформления печатной книги.

Весьма определенно украинско-польские связи проявились в деятельности на Украине типографий, издававших польские и латинские книги. Некоторые из них ограничивались изданием лишь таких книг, другие издавали их наряду с украинскими и церковнославянскими.

Учитывая то, что немало книг завозилось на Украину из Кракова и других городов Польши, нельзя не отметить, что на украинских землях выходило значительно больше книг на польском языке, чем было необходимо для потребностей польского населения Украины. Лишь частично это объясняется тем, что в условиях господствовавшего в Речи Посполитой национально-религиозного угнетения светские и духовные феодалы всячески поощряли издание книг, служивших целям идеологической экспансии католицизма и полонизации местного населения. Применение польского языка далеко не во всех случаях связано с полонизацией авторов или издателей. Православные украинские и белорусские авторы нередко использовали польский и латинский языки, давая отпор католической пропаганде. Часто упускается из виду и то обстоятельство, что характерной для эпохи феодализма общей закономерностью было употребление в качестве письменно-литературного не своего, а чужого языка (арабского у иранских и тюркских народов, китайского — у корейцев и японцев, латинского — в странах Западной и Центральной Европы, немецкого — в Прибалтике и Чехии и т. д.)²⁰. Это явление, связанное в определенной степени с желанием господствующих классов противопоставить себя народным массам, захватывало и те прослойки господствующих классов, которые выступали против национально-религиозного угнетения²¹.

Белорусские и украинские авторы свои публицистические произведения на польском языке чаще всего публиковали в Вильно. Однако немало таких произведений вышло и в Кракове. Так, польский вариант «Апокрисиса», который ранее считали виленским изданием, набран шрифтом краковской антитринитарной типографии Алексея Родецкого. Из этого можно заключить, что книга была напечатана в Кракове по заказу острожских издателей²². Среди вышедших в Кракове произведений украинских авторов были и книги на украинском языке. Совсем недавно проф. А. Кавецка-Грычова обнаружила драматическое произведение на украинском языке «Ruska

traiedyia», напечатанное латинским шрифтом в одной из краковских типографий.

Печатание польских книг на территории Украины началось в 1578 г., когда во Львове некоторое время действовала сопровождавшая королевскую канцелярию походная типография В. Лапки (филиал краковской типографии Шарфенбергера)²³. Здесь были выпущены две книги на латинском языке и одна латино-польская. Выход их во Львове был явлением случайным, мало связанным с местными литературно-научными кругами²⁴. Более тесные связи со Львовом установил польский юрист П. Щербич, несколько лет занимавший здесь ответственную должность городского синдика. С указанием на Львов как место издания он выпустил в 1581 г. в собственной типографии том, содержащий книги «Speculum saxonum» и «Ius municipale», — переведенные с немецкого и латинского языков и дополненные Щербичем кодексы городского права. Ксилографические рамки на титульных листах указанных книг происходят из краковской типографии Я. Янушовского, к которой они перешли из типографии Виетора. Вероятно, Щербич взял их во временное пользование специально для издания своего труда²⁵. Существует предположение, что для печатания книг был пущен в ход станок Ивана Федорова, находившийся в то время в залоге у ростовщиков²⁶.

Всего один год (1592) во Львове действовала типография Матвея Гарвольчика (Гарволина)²⁷, который ранее работал в Кракове. После его смерти типографию купил Матвей Бернат из Готтесберга в Силезии, издавший всего 11 книг (1593, 1596, 1598, 1599). Среди них оформлением и содержанием выделяется издание стихотворений А. Чагровского²⁸ — польского поэта, происходившего из украинской мелкой шляхты. Из стихотворения «Do krajów rodzolckich syn ich mówić» часть, начинавшаяся словами «Powiedz wdzieczna kobzo moja», стала весьма популярной под названием «Дума украинная». Это одно из самых примечательных произведений на украинскую тему в старой польской поэзии²⁹. Впоследствии типографией владел бывший челядник Берната Павел Желязо (1600), а у него ее, по-видимому, купил член совета Львова Андрей Мюдрович (Мудрович). Ему приписывали восемь книг, главным образом панегириков, вышедших во Львове в 1601—1602 гг. без указания на типографию. Столь часто меняв-

шая владельцев львовская польско-латинская типография 1592—1602 гг. не сыграла сколько-нибудь заметной роли в культурной жизни страны. Ее оборудование вскоре вошло в стрятинскую украинскую типографию, принадлежавшую влиятельной семье Балабанов. В октябре 1606 г. в львовские городские акты было внесено заявление Андрея Мондровича о том, что архимандрит Исайя Балабан уплатил все взносы в счет долга за типографию, которую от имени Балабана получил украинский типограф Семен (Будзына). В связи с этим в литературе распространилось мнение, что якобы покупка Балабанами типографии Мондровича состоялась в 1606 г.³⁰ Однако типографию принял Будзына, умерший не позже января 1605 г. Отсюда видно, что в 1606 г. было оформлено заявление об окончательном урегулировании взаимных обязательств, но сама сделка состоялась ранее. Вероятно, типография была куплена Гедеоном Балабаном (через его племянника Исайю) в конце 1602 г., и во всяком случае после подписания им договора с Будзыной (январь 1602 г.), но до размолвки Балабана с Будзыной (началась не позже марта — апреля 1603 г.)³¹. Балабана интересовали в то время не латинские шрифты Мондровича (как это предполагала М. Блоньская)³², а его типографское оборудование. Оно было использовано для расширения основанной незадолго перед тем стрятинской типографии, а в составе последней позже, очевидно, было использовано и Киево-Печерской типографией.

Для той же стрятинской типографии Гедеоном Балабаном мастер Семен Будзына заказал краковскому ремесленнику пунсоны кирилловского шрифта пяти образцов³³. Из письма Шимона Шимоновича гетману Я. Замойскому также известно, что в Кракове были «формшнайдеры», вырезавшие пунсоны не только для латинского, но также для греческого и славянского кирилловского шрифтов³⁴.

По словам Будзыны, заказанное им типографское оборудование без должных на то оснований получил Гедeon Балабан во время сейма 1603 г. На это Балабан возразил, что купил оборудование в Кракове на рынке. Так или иначе, краковское происхождение части оборудования стрятинской типографии не вызывает сомнения.

Будзына был типичным типографом-специалистом, оборудовавшим типографии по заказу более богатых издателей. Характерно, что украинские и белорусские масте-

ра нередко привлекались и для организации польских типографий. Так, в 1598 г. мастер Василь Малахвийович напечатал польскую книгу в Вильно, в типографии кальвиниста М. Петкевича. А когда в 1608—1611 гг. была открыта кальвинистская типография в Панивцах близ Каменец-Подольского, руководителем ее стал некий Вавжинец Малахович, очевидно так стал себя именовать Василь Малахвийович³⁵. Кстати, панивецкая типография действовала при школе, напоминая этим острожскую. вполне возможно, что именно острожские школа и типография и стали образцом для кальвинистов, пожелавших иметь такой научно-просветительный центр, какой православные имели в Остроге³⁶. Панивецкие издания имели целью пропаганду реформации и критику католической церкви, причем распространялись они не только на Украине, но и в Белоруссии, Литве, Польше. Из них заслуживает упоминания антипапский памфлет И. Зигровиуса «Рароромре» — главный источник о внутренней организации панивецкой школы³⁷. В 1615 г. В. Малахвийович печатает две книги во Львове, после чего след его теряется.

«Мандрованным» (путешествующим) типографом был и Христофор Вольбрам. Еще в 1592 г. он наложил арест на имени Матвея Гарвольчика, пытаясь, возможно, прибрать к рукам его типографию. В 1594 г. он работал в одной из виленских типографий, в 1615 г. — во Львове. Изданный им панегирик интересен тем, что на обороте титульного листа имеется — впервые в практике книгопечатания Украины — гравюра на меди (герб Острожских). В другом сборнике панегириков («*Vota fausta omina, gratulationes... Joanni Andreae Prochnicki*»³⁸, 1615) помещено в числе прочих стихотворение Никиты Мелешко на церковнославянском языке³⁹. Таким образом, Вольбрам печатал не только латинским, но и кирилловским шрифтом.

Из Львова Вольбрам уехал в г. Замостье (в западной части Русского воеводства, почти на границе польского и украинского этнических ареалов), где в 1617—1618 гг. руководил типографией Замойской академии. По-видимому, не случайно на должность академического типографа пригласили мастера, умевшего печатать кириллицей. Еще основатель академии Я. Замойский желал превратить ее в центр культуры для шляхты Украины и Белоруссии, собирався даже пригласить из Львова «русского типогра-

фа»⁴⁰. Хотя кирилловский отдел при замостской типографии так и не был организован, в ней нередко печатались на польском и латинском языках произведения украинских авторов и книги, тематически связанные с Украиной.

С культурной и политической жизнью Украины была тесно связана и деятельность польского мастера Яна Шелиги, владельца небольшой передвижной типографии. В 1605—1609 гг. он занимался книгопечатанием в Кракове⁴¹, в 1610 г. прибыл в западноукраинский город Добромиль по приглашению владельца этого города. В 1618 г. типография Шелиги работала во Львове, в 1618—1619 гг. — в предместье г. Яворова, в 1621—1626 гг. — в Ярославле, в 1626—1636 гг. — опять во Львове. В 1619 г., во время пребывания в Яворове, Шелига издал «Трагедию на смерть Иоанна Крестителя» Якуба Гаватовича, которая несколько ранее ставилась на рынке в Каменике Струмиловой учениками местной школы. Вместе с «Трагедией» были опубликованы (латинским алфавитом) две интермедии на украинском народном разговорном языке. Их постановка и публикация — одно из важнейших событий в начальной истории украинского театра⁴². Шелига издал также на польском языке одно из произведений Касиана Саковича (образцы проповедей на свадьбах и похоронах), несколько публицистических трактатов Мелетия Смотрицкого⁴³.

После смерти Шелиги его типографию купил Михаил Слезка — один из самых талантливых последователей Ивана Федорова на Украине. По происхождению белорус из г. Новогрудка, Слезка всю свою сознательную жизнь провел во Львове. Здесь он занимался издательской деятельностью, книжной торговлей, принимал активное участие в борьбе украинского населения против национально-религиозного угнетения⁴⁴. Украинские и церковнославянские книги он издавал от имени Львовского братства в его типографии, а также в своей собственной. В своей типографии, кроме этого, Слезка печатал книги на польском и латинском языках. Значительная часть последних издана из коммерческих соображений по заказу разных лиц, в том числе — католического архиепископа С. Гроховского (выполняя его заказы, Слезка получил от него привилегию на право пользоваться титулом архиепископского типографа). В то же время Слезка издавал на поль-

ском языке и произведения, адресованные в первую очередь украинскому и белорусскому населению. Так, в 1639 г. он опубликовал панегирик «Aurora spot i chwaly świesasa...» в честь львовского православного епископа Иеремии Тисаровского⁴⁵. Львовская католическая консистория сочла книгу вредной для папского престола и приказала ее сжечь. Слезку оштрафовали и категорически запретили ему впредь издавать аналогичные произведения. Вопреки запрету, М. Слезка 7 февраля 1665 г. выпустил в свет панегирик Тараса Прокоповича «Zniwo spot i chwaly wiecznej...» в честь недавно умершего православного епископа Арсения Желиборского. Автор прославлял этого стойкого борца против католицизма, именуя его «любимым потомком» основателя Львова князя Льва Даниловича.

В более благоприятных условиях, чем типография Слезки, действовала знаменитая типография Киево-Печерской лавры. Польский отдел при ней был основан исключительно для потребностей украинско-белорусской православной церкви, защищавшей свои права в условиях наступления католической реакции. Уже в 1633 г. в Киеве вышел составленный студентами Киевского коллегіума панегирик «Mnemosyne sławy, prac y trudow... Piotra Mohily... od studentow gymnasium w bractwie kiowskim»⁴⁶.

В 1635 г. были напечатаны два труда Сильвестра Косова: «Exegesis» — трактат, где обосновывалось право украинского и русского народов на широкую общеевропейскую образованность⁴⁷, а также «Paterikon» — популярная переработка Киево-Печерского патерика⁴⁸. В идеологической борьбе против католицизма важную роль сыграл полемический трактат П. Могилы «Lithos abo kamień z prosy...» (1644)⁴⁹ и составленный им совместно с Исаией Трофимовичем-Козловским катехизис («Zebrańie krotkiey nauki o artikulach wiary prawoslawnokatholickiey krześciańskiey», 1645)⁵⁰.

Очевидно, в связи с изданием книг на польском языке в киевскую типографию приглашались мастера из Кракова. Сообщение об этом имеется в документах более позднего времени. В 1669 г. московское правительство предложило архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю переиздать «Беседы на 14 посланий апостола Павла» (1623) и «Беседы на деяния апостольские» (1624), гарантируя покупку 100 экземпляров каждой из этих

книг. Гизель отказался взяться за это дело, поскольку «в прежних ... годах, как у них бывало мастеров добрых много и приезживали в Печерский монастырь ис Кракова и из ыных далних мест многие... А ныне ... ис Кракова и из пных мест ниоткуда не приезжают»⁵¹. (В 1670 г. польским отделом типографии руководил украинский мастер Армащенко.)

Наряду с этим уже в первой половине XVII в. имели место факты приглашения украинских специалистов в ведущие типографии Польши. Так, в 40-х годах в краковской типографии Францишека Цезария работали львовский переплетчик Матвей Пухальский и словолитчик Дмитрий. Кстати, Дмитрия, именуемого в актах 1644 г. просто «гисером» (словолитчиком), можно, вероятно, идентифицировать с известным впоследствии мастером Дмитрием Кульчицким. Во всяком случае, известно, что в 1662 г. Д. Кульчицкий именно из Кракова прибыл во Львов, где изготовил шрифт для братской типографии и вскоре после этого стал ее руководителем. В 1663 г. он работал в братской типографии вместе с женой «друкаркой Дмитровой», в 1678 г. был словолитчиком и типографским мастером в Униве⁵²⁻⁵³.

Известны также случаи изготовления на Украине титульных листов и предисловий для присоединения их к части тиража книг, вышедших в Польше. В 1639 г. украинского мастера А. Скольского обвинили в том, что он напечатал во Львове польскую книгу «Oeconomia abo rozząddek zabaw ziemiańskich». Скольский разъяснил, что на самом деле книга напечатана в Кракове Мартином Филиповским, а Скольский напечатал только четыре экземпляра предисловия, посвященного шляхтичу Грушецкому. Он намеревался вклеить предисловие в готовые экземпляры краковского издания для того, чтобы поднести их Грушецкому.

Как уже отмечалось, и после Ивана Федорова в оформлении изданий типографий Украины и Польши можно найти немало общего. За последние годы исследователи устанавливают все больше случаев обмена типографскими материалами между типографиями Украины, Белоруссии, Польши и других стран. Например, в издании Львовского братства «Собор в ... градъ Вилни бывший» (1614) обнаружены оттиски подлинной доски из книги, вышедшей в 1580 г. в силезском городе Ниса и также содер-

жащей решения церковного собора «Breves dioeceseanae Synodi Vratislaviensis constitutiones»⁵⁴. С другой стороны, доска герба П. Могилы из «Поучений аввы Дорофея» (Киев, 1628) уже в 1632 г. появляется в книге, напечатанной первым постоянным варшавским типографом Я. Россовским. Концовка из львовского Анфологиона 1638 г. применена в изданном в 1682 г. панегирике Стефана Понятовского «Argonauticon nuptiale... Teresiae Constantiae Konarzewska»⁵⁵.

Для ряда иллюстраций украинских изданий обнаружены прототипы в книгах, напечатанных в Польше, Германии, Италии. Однако — и это следует подчеркнуть — украинскими мастерами эти образцы использовались творчески, в духе лучших традиций восточнославянской книги; очень сильна в их работах струя народно-демократического искусства⁵⁶. Международные связи содействовали обогащению арсенала творческих приемов мастеров, однако определяющими в их творчестве оставались традиции отечественного искусства. Наличие творческих связей усиливало черты национального своеобразия в оформлении печатной книги первой половины XVII в.

Со всей определенностью можно сделать вывод о том, что творческие связи не были односторонними. Имело место именно взаимовлияние русского, белорусского, украинского и польского искусства в области оформления печатной книги. Это видно из сравнительно скромного оформления титульного листа, заключения страницы в рамку из линий или наборных украшений, приемов пагинации и т. п. В книгах религиозного содержания такие особенности встречаются реже, в их оформлении большую роль играли традиции отечественного рукописания.

С другой стороны, в первой половине XVII в. черты, общие для украинской, русской и белорусской книги, отразились на оформлении некоторых польских изданий. Можно указать на более широкое применение клишированных орнаментальных заставок, которые в западных изданиях использовались реже, чем в книгопечатании народов Восточной Европы. Зафиксированы случаи копирования в польских и латинских книгах отдельных художественных элементов украинских изданий: заставок, реже наборных украшений⁵⁷.

Весьма важно также подчеркнуть, что польско-украинские контакты ни в коей мере не были изолированы от

культурных связей между всеми славянскими народами и их соседями. Поляки через украинскую книгу знакомилась не только с ее специфическими чертами, но и с явлениями, общими для русской, белорусской и украинской книги. Через польскую и литовскую книгу украинские и русские типографии знакомилась с достижениями немецких, французских, чешских художников книги.

В условиях подъема общественно-политической и культурной жизни международные связи в области книгопечатания имели большое значение.

¹ Коляда Г. И. Из истории книгопечатных связей России Украины, Румынии в XVI—XVII вв.— В кн.: У истоков русского книгопечатания. М. 1959, с. 81—100.

² Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания М., 1971.

³ Это обстоятельство говорит в пользу предположения, что заказчиками изданий Фиоля были деятели из Украины или Белоруссии. Автор предполагает в отдельной статье более подробно обосновать гипотезу о связи первой кирилловской типографии с Перемышльской православной епископской кафедрой.

⁴ Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете.— «Советское славяноведение», 1969, № 1, с. 51.

⁵ Послесловие Ивана Федорова к львовскому Апостолу 1574 г. Репродукцию см. в кн.: У истоков русского книгопечатания, с. 238.

⁶ Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете, с. 54.

⁷ Голенченко Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный.— В кн.: Книга, т. 10. М., 1965, с. 161.

⁸ О времени прибытия Ивана Федорова во Львов подробнее см.: Исаевич Я. Д. Львовский Апостол Ивана Федорова 1574 г.— В кн.: Книга, т. 9. М., 1964, с. 55.

⁹ Центральный государственный исторический архив УССР в г. Львове (далее — ЦГИА), ф. 52, оп. 2, т. 15, с. 1213; *Ptaszycki S. Iwan Fedorowicz drukarz ruski we Lwowie z końca XVI w.— «Rozprawy i Sprawozd. z Pos. Wydz. Fil. AU», t. 11. Kraków, 1886, s. 21.*

¹⁰ Неизвестно, идентичен ли он с Мартином Сенником (Пельцманом) — ботаником и переводчиком. См.: *Papiernie w Polsce. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971, s. 61—62.*

¹¹ Мацюк О. Я. Водяні знаки на папері друків Івана Федорова.— «Наук.-інф. бюл.», 1964, № 3, с. 37—46.

¹² Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров. Жизнь и деятельность.— «Полиграфия», 1964, № 3, с. 12—13.

¹³ *Birkenmajer A. Kto ilustrował najstarszy druk słowiański wydany we Lwowie? — In: Congrès International de bibliothécaires, t. 2. Prague, 1928, p. 55.*

- ¹⁴ Сидоров А. А., Коляда Г. И. О научных итогах 400-летнего юбилея русского книгопечатания— В кн.: Книга, т. 12. М., 1966, с. 124—126.
- ¹⁵ Запаско Я. П. Мистецтво книги України в XVI—XVIII ст. Львів, 1971, с. 65.
- ¹⁶ Киселев Н. П. Наборные украшения в изданиях Ивана Федорова— В кн.: Книга, т. 9, с. 70.
- ^{17—18} Впервые на это обратила внимание проф. А. Кавецка-Грычова.
- ¹⁹ См.: 400 лет русского книгопечатания, т. I. М., 1964, с. 77.
- ²⁰ Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянских языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963, с. 10.
- ²¹ Существующие библиографические указатели в недостаточной мере учитывают работы украинских авторов, писавших на польском языке.
- ²² Менее вероятно предположение, что книга напечатана в Остроге шрифтами, одолженными у Родецкого.
- ²³ Kawecka-Gryczowa A. Dzieje drukarni latającej.— «Rocznik Biblioteki Narodowej», t. 7. Warszawa, 1971, s. 360, 373.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Drukarze dawnej Polski..., t. 6. Warszawa, 1960, s. 220.
- ²⁶ Ibid., s. 221.
- ²⁷ Ibid., s. 139. Предположение некоторых авторов о том, что Гарвольчик печатал во Львове уже в 1586 г., требуют проверки (Słownik pracowników książki polskiej, s. 244).
- ²⁸ Czahrowski A. Rzeczy rozmaite... Lwów, 1599.
- ²⁹ Krzyżanowski J. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1964, s. 222, 239.
- ³⁰ Słownik..., s. 28, 60, 573.
- ³¹ Соціальна боротьба в м. Львові в XVI—XVIII ст. Львів, 1961, с. 117—118.
- ³² Błońska M. Baaban Geleon.— In: Slownik..., s. 28.
- ³³ Исследователи отмечали недостатки графической формы стрягинского шрифта. Возможно, это обстоятельство следует объяснить тем, что пунсоны резал не знавший кирилловского шрифта иностранец (см.: Запаско Я. П. Мистецтво..., с. 95—96).
- ³⁴ Bielowski A. Szymon Szymonowicz.— In: Pamiętnik wydziału filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności, t. 1. Kraków, 1875.
- ³⁵ Известны и другие случаи, когда принятые у восточных славян имена «переводились» на польский язык не польским вариантом того же имени, а другим, более или менее созвучным именем. Так, переплетчик из Подкаменя Величковский сам называл себя Тимофеем, однако в польском документе он превращен в Томаша. Очевидно, подлинное имя Малахвийовича — Василий (Василь). О тождестве его с Вавжинцем Малаховичем см. также: Drukarze..., s. 111, 139, 152.
- ³⁶ «Українське слов'янознавство», 1. Львів, 1970, с. 155.
- ³⁷ Tworek S. Działalność oświatowa-kulturalna kalwinizmu małopolskiego. Lublin, 1970. s. 138, 157.
- ³⁸ В научной литературе эту книгу датируют 1614 г., однако на титульном листе указана дата MDCXV.
- ³⁹ Сушко О. Никита Мелешко незвідний руський панегрист XVII ст.— «Записки НТШ», т. 50. Львів, 1902, с. 1—3.

- ⁴⁰ *Bielowski A. Szimon Szymonowicz*, s. 126.
- ⁴¹ Одно из его изданий этого периода — стихи С. Гроховского по случаю брака Лжедмитрия с Мариной Мнишек. См.: *Вержбовский Т.* Смутное время в современной ему польской литературе. Варшава, 1900.
- ⁴² *Історія української літератури*, т. I. Київ, 1967, с. 332—336.
- ⁴³ Українські письменники. Біобібліографічний словник. т. I. Київ, 1960, с. 548—549.
- ⁴⁴ Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965, с. 58.
- ⁴⁵ Известный польский историк литературы М. Вишневский предполагал, что книга была написана на украинском языке. По мнению И. Вагилевича, ее автором был Кирилл Трапквиллион Ставровецкий (*Возняк М.* З бібліографічних запяць Івана Вагилевича.— «Записки НТШ», т. 116, с. 175).
- ⁴⁶ См.: Книга і друкарство на Україні, с. 84.
- ⁴⁷ Перепечатан в Архиве ЮЗР, ч. 1, т. 8. Київ, 1914, с. 422—447.
- ⁴⁸ *Перетц В. Н.* Киево-Печерский Патерик в польском и украинском переводе.— В кн.: Славянская филология, т. 3. М., 1958, с. 174—210.
- ⁴⁹ Перепечатано в Архиве ЮЗР, ч. 1, т. 9. Київ, 1893, с. 1—446.
- ⁵⁰ В том же году вышло украинское издание книги; начиная с 1649 г. в Москве, Петербурге и Киеве она не раз издавалась на церковнославянском языке.
- ⁵¹ 400 лет русского книгопечатания, т. I, с. 88.
- ⁵² ЦГИА, ф. 52, оп. 2, т. 401, лл. 713—714, 815—818.
- ⁵³ *Исаевич Я.* Издательская деятельность Львовского братства в XVI—XVIII вв.— В кн.: Книга, т. 7. М., 1962, с. 225.
- ⁵⁴ *Гусева А. А.* Взаимосвязи украинских типографий конца XVI — первой половины XVII в.— В кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Секция истории книги. М., 1974, с. 42.
- ⁵⁵ *Гусева А. А.* Взаимосвязи..., с. 43—44.
- ⁵⁶ *Запаско Я. П.* Мистецтво..., с. 95—107.
- ⁵⁷ Там же, с. 261.

НЕСВИЖСКИЙ ПЛАН МОСКВЫ 1611 Г.

С. Александрович

Польский историк Ян Якубовский (1874—1938) в вышедшей в 1923 г. небольшой, но по сегодняшний день единственной монографии о несвижском художнике-гравере начала XVII в. Томаше Маковском сообщает, что одна из трех датированных 1611 г. гравюр на меди этого автора представляет до сих пор неизвестный вид Москвы. Автор ссылается на образец, по которому он гравировал. Единственный известный экземпляр этой гравюры имеется у доктора Эрзепки в Познани. Сам Якубовский гравюры не видел, информацию о ней получил от Павла Эттингера, проживавшего в Москве¹.

Несмотря на то что с момента издания широко известной брошюры Якубовского прошло полвека, исполненный Маковским план Москвы все еще не известен науке. Ввиду этого можно бы считать его утерянным или даже сомневаться в его существовании. Превосходно сохранившийся оригинал гравюры имеется в фондах Национального музея в Познани и доступен изучению. Его описание, подготовленное хранителем Отдела гравюр этого музея — магистром Евой Каминской и вошедшее в коллективный труд научных работников, давший подробный обзор фондов познаньского музея, пока не опубликовано. Настоящая публикация вводит в научный оборот этот интереснейший источник, который озаглавлен: «*Abris albo zarysowanie stołecznego miasta Moskwy ktore oprócz Car y Kitay gorodow dla zdrady Moskiewskiej od naszych wszystko spalone iest dnia 30 Marca w roku ninieyszym 1611. Uczynił tą delineatią Symon Iedraszewis Smutanski natenczas gdy przy poslech Je[g]o Kro. Msci do Dmitra na wesele posłanych w więzieniu był zatrzymany. Thomasz Makō wyrzezał w Nieswiezu*» (рис. 1).

Для двадцати четырех объектов даны пояснения на польском языке, помещенные ниже рамки гравюры². Не считая этой легенды, размеры плана (в рамке): высота

26,8 см, ширина 29,1 см. Гравюра отпечатана на листе бумаги размером 32,7 на 35,8 см, с филигранью, представляющей герб «Лис» (стрела с двумя поперечными выступами) длиной 13,0 см³.

План ориентирован приблизительно на запад (точнее — на юго-запад) согласно указанию изображенного в левом нижнем углу компаса. Он довольно подробно представляет Москву в пределах внешнего кольца укреплений, т. е. Земляного города, или Скородома. Вне стен Скородома заслуживает внимания подробное представление топографии и застройки в верхней (юго-западной) части гравюры; здесь видны Воробьевы горы, а ниже — ряд слобод и монастырей, среди которых выделяется изображение Ново-Девичьего монастыря.

Укрепления Кремля, Китай-города, Белого города и Скородома, а также отдельные здания и топографические особенности переданы на гравюре очень старательно, с некоторым учетом законов перспективы, как будто бы наблюдаемые с восточной стороны с птичьего полета. Благодаря этому гравюра является одновременно и планом, и видом города и может быть использована в качестве иконографического и картографического источника, как, впрочем, и большинство планов городов того времени⁴. Даже беглое сравнение с известными до сих пор планами Москвы начала XVII в. показывает, что гравюра Маковского по точности рисунка и количеству архитектурных деталей стоит выше других изображений Москвы того времени. Однако прежде чем это доказать, стоит рассмотреть вопрос об авторстве и условиях создания гравюры.

О творчестве Томаша Маковского, польского гравера начала XVII в., известно относительно много. Значительно меньше данных о его биографии⁵. Во всяком случае, с 1601 по 1611 г. (с вероятным перерывом с половины 1607 по половину 1609 г.) Маковский находился на службе у князя Николая Радзивилла (1549—1616), который с 1590 г. был воеводой троцким, а с 1604 г. — виленским. При дворе этого могущественного магната в Несвиже художник занимал скромную должность слуги — коморника, а заодно исполнял обязанности придворного артиста, рисуя и гравюры по заказам своего мецената. Дошедшие до нас его гравюры, среди которых есть планы и виды городов Литвы и Белоруссии, давно уже вызывают научный интерес искусствоведов. Однако самую большую по-

смертную известность принесло художнику участие в подготовке созданной на средства его покровителя карты Великого княжества Литовского, известной по амстердамскому изданию 1613 г., но впервые изданной до 1607 г. (вероятно, в 1603 г.)⁶. Согласно исследованиям проф. К. Бучека эта карта (в новой литературе чаще называемая картой Маковского) подготовлена коллективом авторов, роль Маковского сводилась, видно, к исполнению рисунков, скорее всего только для первого, не дошедшего до нас издания⁷.

Рассматриваемый в нашей работе план Москвы также не дает основания считать Маковского картографом. Он сам указывает в заглавии, что автором «делинеации», т. е. плана, снятого на местности, является Шимон Ендрашевич Смутаньский (очевидно так следует читать не очень разборчиво выгравированную фамилию), по другим источникам пока неизвестный. В заглавии указано, что план выполнен автором во время его пребывания «в тюрьме» вместе с послами короля Сигизмунда III, прибывшими на свадьбу Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Посольство, возглавляемое каштеляном Миколаем Олесницким и старостой Александром Госевским, въехало в Москву 12 мая 1606 г. Следовательно, можно предполагать, что Шимон Ендрашевич входил в состав посольства. Мало вероятно, чтобы он успел произвести необходимые детальные зарисовки до заговора Шуйских и восстания московского народа, во время которого погиб Лжедмитрий (27 мая 1606 г.); впрочем, это было бы возможно, если предположить, что он попал в Москву раньше — вместе с войском Лжедмитрия. Однако наиболее правдоподобным кажется, что план готовился исподволь уже после 27 мая 1606 г. и был окончен до 2 августа 1608 г., когда польские послы наконец смогли покинуть Москву⁸. Во всяком случае между этими датами автор располагал достаточным временем для зарисовок, редактирования и окончательного исполнения плана⁹.

Мы не знаем, в какое время и каким путем рисунок Шимона Ендрашевича попал в Несвиж. Можно предполагать, что это было связано с научными, географическими увлечениями князя Николая Христофора Радзивилла. В 1611 г. политическое и военное положение придали плану Москвы особую злободневность. Уже с половины сентября 1609 г. велись регулярные военные действия,

начатые польскими и литовскими войсками в связи с планами Сигизмунда III, пытавшегося овладеть Смоленском и Москвой¹⁰. Записи книги расходов Радзивилла от 23 и 30 декабря 1609 г., сделанные в Вильно¹¹, показывают, что князь позаботился получить точные планы или виды Смоленска, под мощные стены которого первые польские и литовские отряды подошли 29 сентября того же года¹².

Тем больший интерес должна была вызвать топография Москвы, в которой с 11 октября 1610 г. находился польский гарнизон¹³. Несомненно, известие о восстании жителей Москвы и сожжении польскими солдатами огромного города, исключая занятые ими Кремль и Китай-город, потрясло воображение литовских и польских магнатов и шляхты и пробудило особый интерес к прежнему облику Москвы. Ее образ, сохранившийся в плане Шимона Ендрашевича, мог получить довольно широкое распространение благодаря существованию в Несвиже граверной мастерской Томаша Маковского. Его гравюра, датированная 1611 г., исполнена, вероятно, после получения известия о сожжении Москвы, которое, согласно подробному рассказу Самуила Маскевича, длилось с 29 марта по 1 апреля 1611 г.¹⁴ С другой стороны, в легенде гравюры не отражена последовавшая затем осада польского гарнизона восставшими и народным ополчением, а в особенности пожар Китай-города, вызванный его обстрелом 8 сентября 1611 г. зажигающими снарядами русской артиллерии; в этом пожаре погибли все деревянные строения¹⁵. Таким образом, наиболее вероятным кажется исполнение гравюры в середине 1611 г.

Вопрос о ценности гравюры Маковского как источника для изучения истории Москвы не может быть решенным без определения отношения несвижского к другим, давно известным планам Москвы того времени¹⁶. Древнейший известный план Москвы, вернее, Кремля, приложенный к «Запискам о московитских делах» побывавшего в Москве в 1517 и 1526 гг. императорского посла Сигизмунда Герберштейна, ввиду крайнего схематизма заслуженно признан плодом фантазии¹⁷. Наиболее ценным среди планов Москвы конца XVI — начала XVII в. является так называемый Петров чертеж, дошедший до нас в более поздних печатных и рукописной копиях. По мнению специально исследовавшего Петров чертеж П. И. Гольденберга, чер-

теж создан в первую половину царствования Бориса Годунова (т. е. в 1598—1602 гг.)¹⁸. Гольденберг, критически сравнивая содержание Петрова чертежа с подробным планом Москвы Горихвостова 1767 г. и с описаниями московских укреплений 1629, 1645—1647, 1667 и 1701 гг., пришел к выводу, что Петров чертеж Москвы представляет собой ценнейший источник по исторической топографии Москвы¹⁹. Однако в деталях выводы Гольденберга могут вызывать сомнения, так как Петров чертеж отражает состояние Москвы до пожаров 1611 г.; источники же, использованные для проверки его данных, представляли Москву (или ее фрагменты) десятки лет спустя, после ее восстановления, когда согласно указам царя Михаила Федоровича от 1621, 1626 и 1629 гг.²⁰ были изменены уличная сеть и усадебные участки.

Указанные недостатки более поздних картографических и письменных источников для исследования истории Москвы начала XVII в. заставляют прибегнуть к сравнению основных элементов несвижского плана Москвы с другими планами города, составленными до его разрушения. В расчет входят только три плана Москвы начала XVII в., а именно: Петров чертеж, Годуновский план, напечатанный в 1613 и 1614 гг., и Сигизмундов план 1610 г.²¹ Сравнение начнем с легкоопределяемых объектов, какими являются прежде всего системы укреплений (с учетом количества и размещения башен и ворот), незастроенные площади, важнейшие улицы, мосты, наконец, наиболее характерные отдельные здания.

Поддающиеся относительно точному подсчету объекты сопоставлены в приведенной ниже таблице. Однако следует принять во внимание, что на гравюре Маковского некоторые башни скрыты за представленными на более близком плане зданиями. Следовательно, они не учтены в таблице. Отсутствие заметных на этом и других планах воротных проемов вызвало трактовку некоторых башен как лишенных ворот, хотя их наличие в этих башнях известно.

Сложная сеть улиц и переулков представлена на гравюре Маковского иначе, чем на остальных указанных планах Москвы. Несколько иные очертания получили также незастроенные площади. Впрочем, радиальные улицы Китай-города, Белого города и Скородома, идущие к воротам в каждом из трех колец укреплений, здесь изоб-

Башни и мосты по частям города Москвы	Чертежи			
	Годуновский	Сигизмундов	несвижский	Петров
Башни (в том числе воротные) Всего:	117 (28)	114 (26)	114 (22)	117 (28)
Башни:				
Кремля	18(4)*	16(4)*	15(4)*	18(4)*
Китай-города	15(5)	12(5)	16(5)	14(5)
Белого города	28(9)	28(7)	30(4)	28(7)
Скородома:				
от Москвы-реки до Неглинной	22(5)	23(5)	23(5)	22(6)
от Неглинной до Яузы	11(2)	11(2)	10(1)	11(2)
от Яузы до Москвы-реки	8(1)	8(1)	7(1)	8(1)
Замоскворечья	15(2)	16(2)	13(2)	16(3)
Мосты:				
на Москве-реке	1	1	1	1
на Неглинной	5	5	5	5
на Яузе	1	1	1	1
Итого:	7	7	7	7

* Здесь не учтены две отводные стрельницы кремлевских укреплений: перед Тайницкой и Троицкой воротной (Кутафьей) башнями.

ражены самым тщательным образом. В Китай-городе представлены три радиальные улицы, а именно (по древним названиям): Варварка, Ильинка и Никольская. На территории Белого города отчетливо представлены шесть идущих от центра Москвы (т. е. Кремля и Китай-города) радиальных улиц: Солянка, Маросейка, Большая Лубянка, Тверская, Большая Никитская и улица, название которой не установлено (Воздвиженка или Волхонка). В Скородоме вместе с Замоскворечьем (на гравюре именуемым «Стрелецкой слободой») таких улиц уже одиннадцать. В каждой из этих трех частей города можно заметить лишь несколько улиц, параллельных системам их укреплений; совершенно отсутствует сложная сеть переулков и тупиков, известная по другим планам Москвы

и по письменным источникам²². Заслуживает внимания наличие многих разных по формам площадей, представленных на несвижской гравюре, но отсутствующих на Годуновском, Сигизмундовом и Петровом чертежах Москвы, дающими сходные изображения.

Учитывая сказанное выше, следует считать гравюру Маковского не представляющей особой ценности для реконструкции уличной сети Москвы начала XVII в. Тем не менее и в этом отношении она имеет определенное значение для критики близких по времени чертежей Москвы, так как ни одна из подробно изображенных на ней улиц не является столь регулярной по направлению и ширине, как можно судить по другим чертежам. Гравюра отчетливо показывает местные изменения ширины и направления отдельных улиц, вызванные существованием более древней застройки, в особенности церквей и монастырей. Таким образом, подробное изучение несвижской гравюры может внести уточнения в историческую топографию Москвы.

Следует отметить также скрупулезное изображение деталей топографии, возвышенностей и холмов, речных долин с их крутыми и покатыми берегами, рек — Москвы, Неглинной и Яузы, мельничных прудов и пр., значительно более точное, чем на других чертежах Москвы.

Интересно изображена архитектура города и его укреплений²³. Точны и четки рисунки отдельных (заслуживших внимания автора рисунка) зданий и их деталей, представленных с соблюдением правил перспективы. Впрочем, это достоинство гравюры полностью заметно лишь при значительном увеличении, так что она может быть использована как иконографический источник, позволяющий установить архитектурные формы многих не сохранившихся до наших дней сооружений. Следует, однако, учитывать, что отдельные группы изб на гравюре не являются верным изображением существовавшей застройки, а лишь отмечают ее характер и дают представление о занимаемой ею площади.

Самым тщательным образом представлен Кремль, названный на гравюре «Сag albo Кrum Gorod». Видна главная кремлевская стена с ее башнями (исключая фрагмент, закрытый силуэтом собора Василия Блаженного), низкая внешняя стена со стороны Китай-города и Москвы-реки, мосты перед Фроловскими (Спасскими) и Ни-

кольскими воротами, перекинутые через ров, отделявший Кремль от Красной площади и Китай-города, и мост на Неглинной перед Троицкими воротами. Мост на Неглинной перед Боровицкими воротами закрыт силуэтом воротной башни так же, как и мост на рву, у Константино-Еленинских ворот, перед которым представлено большое деревянное здание (левее собора Василия Блаженного). Заслуживают внимания точность изображения укреплений и различия в архитектуре отдельных башен и их шатровых покрытий, замененных к концу XVII в. Совершенную точность деталей гравюры подтверждает сравнение с фрагментом иконы Симона Ушакова «Насаждение древа государства Российского» (1668), на которой показана кремлевская стена с башнями: Фроловской, Никольской, Сенатской и Набатной. Разница заметна лишь в верхней части Спасской башни, перестроенной в 1625 г., т. е. четырнадцать лет спустя после изготовления гравюры Маковским.

С такой же точностью представлена внутренняя застройка Кремля, особенно зданий, расположенных на и вокруг его центральной площади, западной частью которой является Соборная, а восточной — Ивановская площадь. С левой (южной) стороны различаются здание Приказов, перестраивавшееся в 1565, 1591 и 1602—1604 гг., за ним — Архангельский и Благовещенский соборы, в центре — грандиозная колокольня Ивана Великого, перестроенная Борисом Годуновым в 1600 г., и рядом с ней — церковь Рождества, построенная в 1543 г. С правой (северной) стороны изображен Успенский собор, в глубине же, под номером 1 — «царские дворцы», т. е. Золотая и Грановитая палаты. Среди строений, расположенных позади, различаются прежде всего группы куполов церквей Спаса на Бору и Рождества Богородицы. Определенный интерес представляет сложный комплекс дворцовых зданий, построенных в XVI — начале XVII в., помеченный номером 2 с пояснением «новые царские хоромы». Из кремлевских улиц подробно изображены лишь две, соединявшие центр Кремля с Никольскими воротами: Никольская и Житницкая (почти параллельная северной стене Кремля). На первом плане, направо от Фроловских ворот, видны постройки и церкви Воскресенского и Чудова монастырей, а кроме них — множество домов и церквей, принадлежавших светским и духовным феодалам.

Так же старательно представлен на гравюре Маковского Китай-город — древнейший и богатейший торговый центр Москвы. В то время как другие планы Москвы, созданные в начале XVII в., изображают его схематически, здесь же много подробностей и индивидуальная трактовка отдельных строений и комплексов. Их детальное обследование требует отдельной разработки.

Заметны также на гравюре характерные особенности торговых рядов, расположенных по соседству с Троицкой площадью, или «Пожаром» (ныне — Красная площадь). Годуновский чертеж Москвы представляет два отдельных комплекса рядов; на несвижском, Сигизмундовом и Петровом чертежах их три. Но лишь на несвижской гравюре, за передним рядом крайней правой группы каменных лавок, построенных по велению царя Федора Иоанновича в 1595—1596 гг. вместо погоревших деревянных рядов, изображены две церкви. На остальных чертежах Москвы начала XVII в. это место заполнено схематическим обозначением торговых рядов.

Каменные укрепления Китай-города, построенные вместо деревянных, разобранных в 1535 г.²⁴, представлены довольно подробно. Лучше, чем на других чертежах, видны конструкция Каменного моста на Неглинной, соединявшего Китай-город с Занеглименьем, а также соседние группы укреплений Кремля и Китай-города²⁵.

Обширное пространство Белого города, охватывавшего центр Москвы и окруженного построенной в 1585—1591 гг. каменной стеной, примыкавшей к Москве-реке²⁶, изображено с меньшим количеством деталей. Однако и здесь многие церкви и отдельные светские здания, например Пушечный двор (на гравюре — 13), Гостиный двор иностранных купцов (14) и царские конюшни (16), показаны достаточно точно.

Большую ценность представляет изображение отдельных составных частей Скородома, окруженного построенной в 1591—1592 гг. деревянно-земляной стеной с башнями²⁷. Особенно подробно показаны укрепления с их конструктивными деталями: отчетливо видно вертикальное деление вала на городни и горизонтальное — башен на венцы. Боевая площадка, крытая двускатной кровлей, видна на части стены спереди, с обозначенными бойницами, в части же стены, обращенной к зрителю внутренней стороной, показаны опорные столбы кровли,

В срубленных шестериком башнях можно различить два яруса бойниц: нижний — примерно в половине высоты башни и верхний — в ее расширенной верхней части, покрытой шатровой кровлей.

В Кремле, Китай-городе, Белом городе и Скородоме с Замоскворечьем показаны незастроенные площади и большие двory, а также сады, частью окруженные оградами самых разнообразных видов. Перед стенами каждого из городов показаны незастроенные площади, однако рядом с северной стеной Кремля и Китай-города изображены небольшие группы домов и лавок. Отдельные слободы примыкают с внешней стороны к укреплениям и в других местах.

В отличие от других чертежей (не считая примитивного чертежа Исаака Массы 1606 г.), гравюра Маковского изображает также ряд объектов за пределами внешнего пояса укреплений города, т. е. Скородома. Среди них заслуживает внимания прежде всего вид Ново-Девичьего монастыря с его каменными укреплениями, построенными при Борисе Годунове (23). Отчетливо видны стены и башни с шатровыми покрытиями, а также верхние части монастырских строений и церквей. Таким образом, дается довольно точное представление о внешнем облике монастыря до его разрушения в августе 1612 г.²⁸ Не лишено интереса украшавшее картуш с заглавием изображение горящей деревянной избы.

Полное определение степени достоверности гравюры как источника по истории Москвы начала XVII в. является задачей историков, работающих в области исторической топографии и истории архитектуры Москвы. Пока мы можем указать, что общие очертания города, его внутреннее деление, а также взаимное расположение составных частей и отдельных объектов соответствуют действительности. Сказанное выше не относится, однако, к определению расстояний, а следовательно, и площадей. Сравнение расстояний на несвижском плане с действительными, измеренными по плану Москвы начала XX в. (масштаб 1:21 000)²⁹, показывает, что масштаб всего изображения Москвы в пределах Скородома равен по вертикали (т. е. по направлению восток — запад) приблизительно 1:21 000, по горизонтали же он несколько больше, в результате чего произошло растяжение города по линии север — юг, а его очертания вместо круга приняли форму

овала. Кроме того, центр гравюры с Кремлем и Китай-городом изображен в значительно более крупном масштабе: по вертикали он близок к 1:8000, а по горизонтали — к 1:6200 для Кремля; Китай-город же представлен в несколько меньшем масштабе. Здесь заметно, как и в целом изображении Москвы, чрезмерное растяжение расстояний по горизонтали. Результатом этого является более обобщенная и пользующаяся меньшим масштабом трактовка внешних поясов города — Белого города и Скородома, которые, следовательно, занимают на гравюре относительно меньшую, чем в действительности, площадь. Подобные искажения расстояний имеются, впрочем, и на других чертежах Москвы начала XVII в., что лишает нас возможности определения единого масштаба для любого из них.

Причиной этому вряд ли можно считать отсутствие данных о размерах города или плохую подготовку составителей чертежей. Все указанные искажения объясняются целью, с какой составлялись чертежи: с одной стороны, ознакомить зрителя с общей топографией Москвы, ее делением на составные части и системами укреплений, с другой — с подробной топографией и архитектурой главных зданий ее центра, в первую очередь Кремля. Совместить оба требования на одном листе в едином масштабе было бы невозможно из-за огромных размеров города³⁰. Избранный же метод позволил представить всю Москву и наиболее интересные или важные подробности ее архитектуры без технических трудностей, связанных с изготовлением и хранением гравюр размером несколько листов.

Доказательством точности рисунка Шимона Ендрашевича и гравюры Маковского может служить тщательность изображения как общих силуэтов крупных зданий, так и их архитектурных деталей. Прежде всего это относится к церквам и укреплениям. В этом можно убедиться на примере зданий, сохранивших свой облик до наших дней, например — кремлевских соборов, собора Василия Блаженного. Многие не существующие в наше время объекты описаны в источниках и представлены на рассматриваемой гравюре. Примером может служить упоминание в мемуарах Самуила Маскевича «*jest baszta o pięciu wieżach (или «wierzchach».— С. А.) na zakrzywieniu zamku jakoby albo na rogu w tym Białum murze nad rzeką Moskwą*»³¹. В самом деле башня Белого города в

изломе Москвы-реки (в западной — верхней части гравюры) закончена тремя шатровыми покрытиями разной высоты; остальные два не видны, так как расположены позади башни и закрыты двумя самыми высокими шатрами.

Уже при беглом ознакомлении с несвижским планом Москвы возникает вопрос о его отношении к другим чертежам Москвы начала XVII в. Бросаются в глаза многие аналогии с Сигизмундовым чертежом, родство с которым доказывают очень близкие или вполне совпадающие изображения значительной части объектов и их архитектурных деталей. В большинстве случаев рисунок гравюры более разнообразен и богаче подробностями. Здесь лучше выдержаны пропорции зданий. Не лишен значения факт, что пояснения к Сигизмундову чертежу Москвы, составленные на латинском языке, являются в тринадцати случаях из двадцати точным переводом польских пояснений несвижской гравюры³². Единственным объяснением всему этому может быть использование при изготовлении Сигизмундова чертежа или рисунка Шимона Ендрашевича, или, скорее, его копии невысокого качества. Впрочем, это был только один из первоисточников Сигизмундова чертежа, так как на нем повторены многие элементы, отсутствующие на гравюре Маковского и представленные на Годуновском и Петровом чертежах и на плане-чертеже Кремля, подготовленном при Борисе Годунове и впервые выгравированном, вероятно, около 1614 г.³³ Из их числа можем указать, между прочим, более подробную зарисовку уличной сети во всех частях города, особый способ изображения архитектуры Кремля, рисунки подающих воду к общественным баням журавлей на левом берегу устья Яузы и в Замоскворечье, у моста. Лишь первый из этих двух комплексов бань (но без журавлей) представлен на несвижской гравюре. В части стены Скородома от Неглинной до Яузы на Сигизмундовом чертеже две, а не одна, как у Маковского, проездные башни с воротами³⁴. Следовательно, можно предположить, что Сигизмундов чертеж, гравированный впервые Лукой Килианом в 1610 г., а затем помещенный в вышедшем в 1618 г. шестом томе «*Civitatum orbis terrarum*» Брауна и Хогенберга, имеет источниками: 1) первую, не дошедшую до нас редакцию Годуновского чертежа Москвы (вероятно, в копии); 2) план Москвы Шимона Ендрашевича Смутапского в рукописной копии, снятой не позже

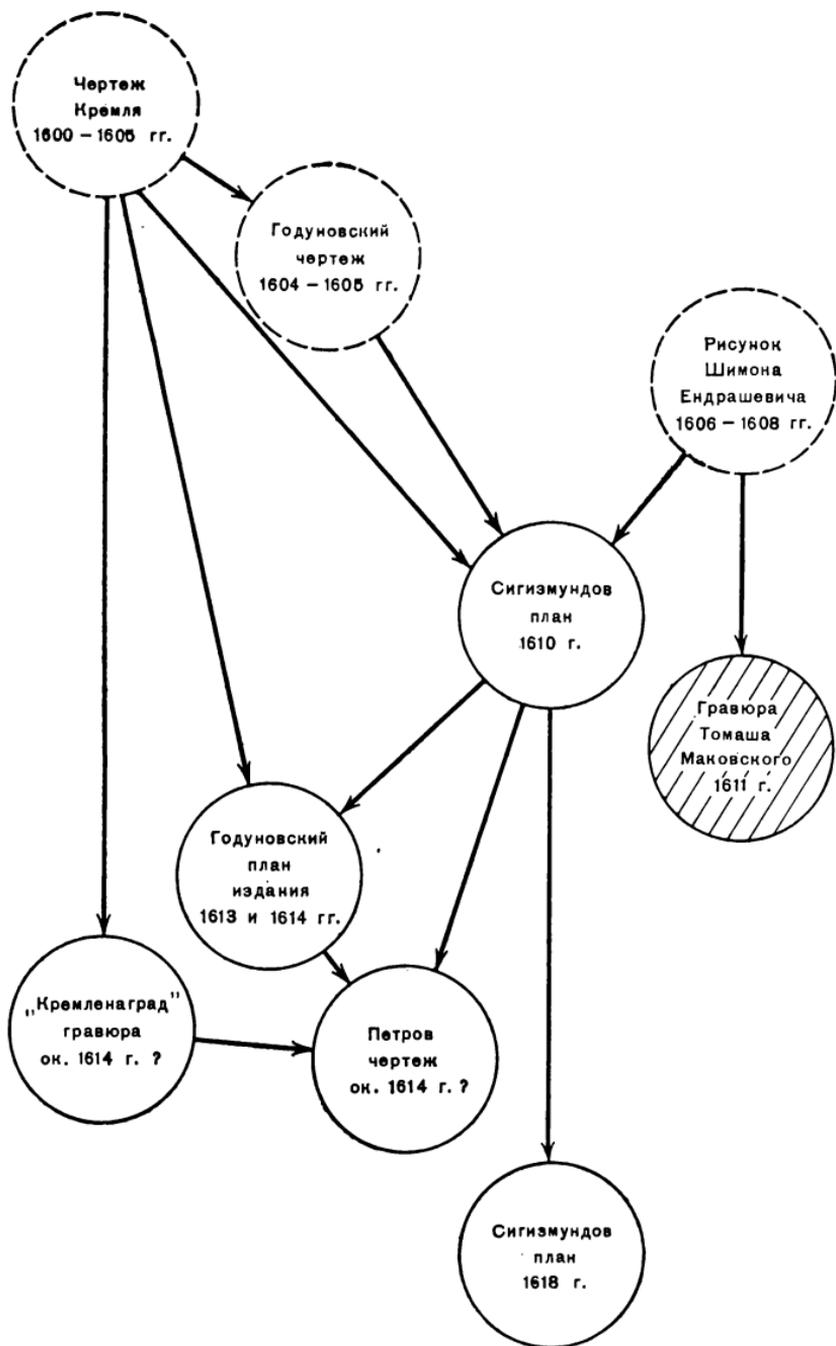

Рис. 2. Схема взаимосвязи планов Москвы начала XVII в. (Годуновский чертеж, план Ендрашевича, чертеж Кремля 1600—1605 гг.)

начала 1610 г., значительно уступавшей по качеству гравюре Маковского; 3) чертеж Кремля 1600—1605 гг. Предполагаемые взаимные связи между планами Москвы начала XVII в., вернее попытку их установления дает приложенная схема. В ней сознательно пропущен план Исаака Массы 1606 г., примитивный набросок, составленный по памяти.

Представленный в настоящем сообщении новый материал и результаты его, пусть беглого анализа дают основание для корректирования взглядов на время создания и значение самого популярного из планов Москвы начала XVII в. — так называемого Петрова чертежа. Некоторые утверждения многократно цитируемого здесь исследования П. И. Гольденберга требуют пересмотра. В частности, нельзя объяснять создание чертежа потребностями реконструкции Москвы в первые годы XVII в.³⁵, так как на нем заметно влияние Сигизмундова плана, следовательно, он не мог возникнуть раньше 1610 г. Подробное изображение на Петровом чертеже укреплений Москвы не может служить доказательством того, «что чертеж представляет собой официальный правительственный план столицы», так как «иностранцам укрепления Москвы были недоступны»³⁶. Точно так же изображение православных церквей, подворий и монастырей не является достаточным свидетельством «чисто московского происхождения чертежа»³⁷. В действительности Петров чертеж представляет собой компилятивный синтез разных по происхождению материалов: московских (их источниками могли быть гравюры, напечатанные в Западной Европе) и иностранных, прежде всего плана Шимона Ендрашевича, вернее, его содержания, переданного Сигизмундовым планом. П. И. Гольденберг правильно указывает на разную степень ценности и точности исходных материалов Петрова чертежа³⁸, следует также отметить, что многократное копирование этих материалов неминуемо влекло за собой деформацию элементов архитектуры города и очень снизило ценность чертежа как иконографического источника.

Тем более ценными оказываются данные несвижского плана, точно передававшего содержание оригинала или его совершенной копии работы Шимона Ендрашевича, основой которой являлись зарисовки, исполненные автором на месте в Москве. Отсутствие посторонних влияний по-

ложительно сказалось на достоверности и точности исполнения гравюры. Это дает полное основание считать ее первостепенной важности источником по истории архитектуры и топографии Москвы. Особенно привлекательной кажется перспектива использования этой гравюры для установления древнего облика многих, частью давно уже не существующих зданий, в первую очередь — церквей, чьи архитектурные формы неоднократно изменялись с начала XV по начало XVII в.

Сама гравюра, изготовленная Томашем Маковским в Несвиже, представляя очередное свидетельство меценатства князя Николая Христофора Радзивилла в области искусства и науки, еще раз доказывает высокий уровень работ придворного художника-гравера, который, что следует подчеркнуть, никогда не был профессионалом. Полное использование несвижского плана Москвы как исторического источника и его публикация будут лучшей данью уважения его скромным создателям и, быть может, позволят прочесть новые строки великой истории Москвы.

¹ *Jakubowski J.* Tomasz Makowski sztycharz i kartograf nieświeski. Warszawa, 1923, s. 16. Гравюра, приобретенная в 1949 г. у Ружы Эрзепки, хранится в Национальном музее в Познани (Gabinet Rycin, G22054). В Национальной библиотеке в Варшаве в Отделе картографии есть фотография другого экземпляра гравюры со следами складок и с пятнами, отсутствующими на превосходно сохранившемся познанском экземпляре. Фотография приобретена в составе коллекции Александра Чоловского; к сожалению, на ней не указано место хранения оригинала.

² «1 — Pa'ace Carskie, 2 — Nowe Carskie mieszkania, 3 — Cerkiew S. Michaj'a, 4 — Cerkiew S. Troyce, 5 — Kormorka murowana z ktorych czasow pewnych Wielki kniaz lu-

dowi się ukazywał i zkad edicta y wyroki ie[g]lo ludziom obwo'ywano, 6 — Na tym mieyscu ciało Dmitra zabite[g]o ludziom na okaz wystawione było, 7 — Dział dwie barzo wielkich, 8 — Kramy w ktorych rozne towary przedawano, 9 — Czekhaus, 10 — Poleski dwor, 11 — Malarskie kramy, 12 — Konski rynek, 13 — Dom, gdzie dzwony y dzia'a lano, 14 — Gospoda kupiecka, 15 — Sienny rynek, 16 — Staynia carska, 17 — Ogorod Carski, 18 — M'yn na Jawzie rzece, 19 — Łaznie pospolite, 20 — Mur oko'ło Zamku czyrwony ktory zamek Car gorod rzeczony y Kitay gorod przygrodek otacza a to tylko po spaleniu miasta zostało, 21 — Mur bia'ly od ktorego miasto te ktore otaczał zwane Bie'gorod ten na wielką przeszkodę naszym zostało samo miasto spalone, 22 —

- Parkan z drzewa budowany ziemią w środku fasowany. Ten parkan miasto wielkie Skorodum nazwane, Strzelecką S obodę, Kukuuygorod albo Niemieckie miasteczko otacza! lecz y ten parkan y miasta zwysz mianowane popalono, 23 — Manastyr dziewicy».
- ³ *Siniarska-Czaplicka J.* Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 31, N 503. Помещен рисунок точно такой же филигранны на бумаге документа, датированного 1606 г. Очень близкую филигрань из документа 1624 г. см.: *Laucevičius S.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967, p. 203, N 2004.
- ⁴ Анализ начальных стадий развития этой отрасли картографии см.: *Lavendan P.* Représentation des villes dans l'art du Moyen Age. Paris, 1954. Достигнутые в этом отношении результаты можно определить на основании печатных планов городов, крепостей и сражений, сохранившихся от XVI и особенно XVII в. в очень большом количестве.
- ⁵ Старую литературу использовал Я. Якубовский (*Jakubowski J.* Tomasz Makowski...), новую приводит К. Бучек (*Buczek K.* The history of Polish cartography from the 15th to 18th century. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, p. 61—62). Некоторые работы последних лет цитирует С. Александрович (*Alexandrowicz S.* Rozwój kartografii Wielkiego Księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Poznań, 1974, s. 47—49, 52—53).
- ⁶ *Buczek K.* Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII wieku. Zarys analityczno-syntezy. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, s. 47—51; *idem.* The history..., p. 58—63; *Alexandrowicz S.* Rozwój kartografii..., s. 47—74. Более полные данные о Маковском и его работе в области картографии собраны в статье «Маковский Томаш», которая выходит в очередном томе издания «Польский словарь биографический».
- ⁷ *Buczek K.* Dzieje..., s. 49—50; *idem.* The history..., p. 61—62.
- ⁸ О приеме послов в Москве см.: *Hirschberg A.* Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898, s. 223—230. Дневную дату их отъезда сообщает Ян Велевицкий (*Wielewicki J.* Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis annos novem 1600—1608.— In: *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. 10. Kraków, 1886, s. 276).
- ⁹ К сожалению, пока не удалось установить по другим источникам какие-либо определенные факты относительно Шимона Ендрашевича. Богатство и точность изображения деталей архитектуры могут служить доказательством непосредственной зарисовки отдельных зданий.
- ¹⁰ Этот этап осады Смоленска королевскими войсками описывает А. Хиршберг (*Hirschberg A.* Maryna Mniszchówna. Lwów, b. g., s. 146).
- ¹¹ В книге расходов Радзивилла под датами 23 и 30 декабря 1609 г. имеются записи: «Od wyrusowania Zamku Smoleńskiego Dukatów 2 fl. 4, 20»; «Za dwa Conterfety Smoleńskiego Zamku. fl. 9, 10». (Центральный Государственный исторический

- архив БССР (Минск), ф. 694, оп. 2, д. 9779, л. 59 и об.).
- ¹² *Hirschberg A. Maryna Mniszchówna*, s. 280—283.
- ¹³ *Ibid.*, s. 241.
- ¹⁴ Довольно точную передачу этих событий находим в мемуарах Самуила Маскевича, их непосредственного участника. См.: *Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów* (wiek XVII). Wrocław, 1961, s. 152—155.
- ¹⁵ «*Jeho kramy murowane zostaly, cerkwie murowane i sokolwiek od segily bylo*». *Ibid.*, s. 168.
- ¹⁶ Снимок плана Кремля, помещенного в издании 1549 г., и его обстоятельную критику дал П. В. Сытин (*Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования*, т. I, 1147—1762. М., 1950, с. 48—50).
- ¹⁷ Там же, с. 50.
- ¹⁸ *Гольденберг П. И.* Петров чертеж Москвы как источник изучения ее планировки конца XVI — начала XVII в.— В кн.: *Археографический ежегодник за 1966 год*. М., 1968, с. 53—64, рис. 2.
- ¹⁹ Там же, с. 55—59, рис. 3.
- ²⁰ Там же, с. 60—61, 63—64.
- ²¹ Исследование истории создания планов Москвы в польских условиях невозможно, так как ряд работ русских историков не опубликован, а их рукописи хранятся в Москве. Прежде всего следует указать здесь цитированные П. И. Гольденбергом (указ. соч., с. 53—54) доклады: М. И. Александровского «О планах Москвы до 1739 г.» и С. К. Богоявленского «Старинные планы Москвы», а также составленный М. И. Александровским
- Указатель московских зданий. Церкви Москвы (рукопись находится в ГИМ).
- Из очень многих опубликованных снимков Петрова чертежа Москвы легче всего доступна фотография, данная П. И. Гольденбергом (указ. соч., рис. 2). Годуновский чертеж сохранился в нескольких изданиях атласа Вильгельма Блеу, использующих таблицу карты России, гравированную в 1613 г., а дополненную в 1614 г. амстердамским гравером Гесселем Геритсом. См.: *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии, сер. 2, вып. 1. Киев, 1906, с. 19—21, табл. XV; *Сытин П. В.* История планировки..., т. I, с. 73; *История Москвы*, т. I. Период феодализма. XII—XVII вв. М., 1952, вклейка после с. 256. Так называемый Сигизмундов чертеж («*Moskovia urbs metropolis totius Russiae albae*») дошел до нас в оригинальной, очень редкой версии, датированной 1610 г., с посвященной надписью, обращенной к королю Сигизмунду III, с нарядным картушем с описанием Москвы в левом нижнем углу, портретом Сигизмунда III и подписанными именами составителя (Иоганн Готфрид Филип Абелин) и гравера (Лукас Килиан). Отличный снимок этой гравюры дал С. П. Бартенев (*Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь, ч. 1. М., 1912, рис. 44 (вклейка после с. 48)). Снимки, значительно уступающие по качеству, см.: *История Москвы*, т. I, вклейка после с. 296 и *Сытин П. В.* История планировки..., т. I, с. 74. Очень часто фрагменты этого пла-

на используются в качестве иллюстраций изданий по истории Москвы, так как лучше других передают подробности ее архитектуры. Вырезку, представляющую Кремль и Китай-город, см.: *Сытин П. В.* История планировки..., т. I, с. 74. Вторая версия, вошедшая в шестой том «Civitatum orbis terrarum» Брауна и Хогенберга (1618), лишена указанных выше элементов, но сохранила прежние заглавие и текст объяснений к заслужившим внимание составителя объектам (см. примеч. 32). Она многократно использовалась в атласах и сборниках видов и планов городов, издававшихся в XVII—первой половине XVIII в., а также в современных изданиях по истории архитектуры, например в «Истории русской архитектуры» (М., 1956, вклейка после с. 168). Критический анализ всех трех планов дал П. В. Сытин (*Сытин П. В.* История планировки..., т. I, с. 64—78).

²² Подробное изображение сети улиц и переулков Москвы требовало бы значительно больше времени и систематической организации обмеров на местности. Однако можно предположить, что художник сознательно откасался от изображения второстепенных улиц, чтобы основные черты планировки города и памятники архитектуры получили более четкое выражение. Впрочем, план составлен, несомненно, для общей ориентировки в топографии Москвы и детального ознакомления с ее центром, где происходили интересные современные события.

²³ Расшифровка отдельных объектов не представляет

особой трудности благодаря существующей литературе по истории Москвы. Для Кремля следует указать прежде всего: *Забелин И.* История города Москвы, ч. I. М., 1902; *Баргенов С. П.* Московский Кремль..., ч. 1—2. М., 1912—1916; *Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н.* Московский Кремль. История архитектуры. М., 1967; *Иванов В.* Московский Кремль. М., 1971. Первая и вторая из указанных работ особенно ценны благодаря обилию цитированных источников, сообщающих о кремлевском строительстве; они могут быть использованы для определения, какие именно здания изображены на гравюре. Во всех указанных здесь работах, а также в «Истории Москвы», т. I (вклейка после с. 104) и в «Истории русской архитектуры» (с. 98) даны планы Кремля к концу XVI—началу XVII в. Цветной снимок интересующей нас иконы с фрагментом кремлевской стены см.: *Ананьева Т.* Симон Ушаков. Л., 1971, рис. 6; *Баргенов С. П.* Московский Кремль..., ч. 1, с. 60, рис. 53.

Немало известий о зданиях, построенных и перестроенных в конце XVI—начале XVII в., сообщает летопись событий 1533—1613 гг. (с немногими более поздними прибавлениями). См.: Пискаревский летописец.— В кн.: Материалы по истории СССР, т. 2; Документы по истории XV—XVIII вв. М., 1955, с. 24—144, где показано начало строительства объектов, представленных на несвижском плане Москвы (большая часть их находилась в Кремле и ближайших частях Москвы).

²⁴ История Москвы, т. I, с. 224—225; С. П. Баргнев. Московский Кремль..., ч. 1, с. 49—50.

²⁵ На Троицкой площади, в начале XVII в. именуемой Пожаром, а с конца XVII в. — Красной площадью, на том месте, где в 1555—1560 гг. построен собор св. Троицы и Покрова — памятник Казанскому взятию, более известный как Василий Блаженный, раньше существовала церковь св. Троицы. Подробнее об этом см.: *Сытин В. И.* Из истории московских улиц (Очерки). М., 1958, с. 71—72. Таким образом, название собора, приведенное в пояснении (4), нельзя считать ошибкой. Другие детали также показывают хорошую осведомленность автора рисунка и пояснений (см. 5—7), вполне подтверждаемых письменными источниками, например описанием Самуила Маскевича. Ср.: *Рamięтники...*, s. 149—150.

²⁶ История Москвы, т. I, с. 255.

²⁷ Там же, с. 226. Большинство исследователей пользуются названием Земляной Город; П. И. Гольденберг (Петров чертеж..., с. 54 и сл.) употребляет название Скородом.

²⁸ *Овсянников Ю.* Ново-Девичий монастырь. М., 1968, с. 7—8.

²⁹ План города Москвы. Пг., 1915.

³⁰ Согласно изменению линий укреплений Москвы 1701 г., их протяжение составляло: Кремль — 1055 саженей (2247 м), Китай-город — 1205 саженей (2567 м), Белый город — 4463 сажени (9506 м), Земляной город — 7026 саженей (14 965 м). См.: Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон, т. 38,

СПб., 1896, с. 927—944. *Забелин И.* История города Москвы, ч. I.

³¹ *Ramięтники...*, s. 164.

³² «Moscvae Urbis Loca insigniora: 1 — Magni Ducis arch, dicta Czargorod, 2 — Magni Ducis conclauia noua, 3 — Ecclesia S. Mitchaelis, 4 — Aula, siue atrium vel Palatium Patriarchae, 5 — Conclauae, seu caenaculum è latere extractum, è quo magnus Dux populo se conspiciedum praebet, aut unde Principis Edicta populo proclamantur, 6 — Tabernae siue pergula, in quibus diuersis generis animalium pelles, aliaeque merces diuenduntur, 7 — Curia ciuium, et Cancellaria prope quas Ungentorum officinae seu Pharmacopolia, 8 — Legatorum externorum Aula siue Hospitium, 9 — Carceres seu Custdiae reorum, 10 — Tabernae pictorum, 11 — Externorum Mercatorum Aula siue Hospitium, 12 — Forum in quo foenum et diuersi generis tentoria seu domunculae vendunter, 13 — Aquae calidae seu Thermae, 14 — Magni Ducis hortus, 15 — Poganiski iesoro seu lacus, 16 — Equile M. Ducis, 17 — Armamentarium, 18 — Forum equarium, 19 — Domus Fisoria, 20 — Glinski aula».

Сопоставление приведенных выше объяснений с подобными им, данными на гравюре Маковского, показывает полное совпадение номеров (в скобках — номер на гравюре Маковского): 1(1), 2(2), 3(3), 5(5), 6(8), 8(10), 10(11), 11(14), 12(15) — в этом случае объяснение Сигизмундова чертежа несколько пространнее; 13(19), 16(16) 17(9), 18(12), 19(13). На Сигизмундовом плане отсутствуют аналогии номерам 4, 6, 7 и 20—23 нашей гравюры.

³³ *Клепиков С. А.* (Библиография печатных планов г. Москвы XVI—XIX веков. М., 1956, с. 15—16 и 28—29) установил, что чертеж заглавием вязью «Кремленаград» и латинским «Kremlenaograd, castellum urbis Moskuae», известный по атласам Вильгельма Блеу 1662 и 1667 г., с посвящением царю Алексею Михайловичу был впервые выгравирован Гесселем Геритсом в Амстердаме около 1614 г. и посвящен царю Михаилу Федоровичу. Эта гравюра не числится в списке работ художника. См.: *Keuning J. Hessel Geritz. Imago mundi*, 1949, v. 6, p. 49—66. Чертеж Кремля очень часто использовался в качестве иллюстрации; здесь укажем лишь: *Забелин И.* История города Москвы, ч. I, вклейка; *Гольденберг П. И.* Петров чертеж..., рис. 1.

³⁴ Они показаны в конце улиц Сретенки и Покровки, с теми же названиями находим их на Петровом чертеже. Однако у Маковского имеется аналогия только первым из

них (но во второй башне, считая от Неглинной, а не в пятой, как на других чертежах).

³⁵ *Гольденберг П. И.* Петров чертеж..., с. 54.

³⁶ Там же, с. 57.

³⁷ Там же, с. 59.

³⁸ Там же, с. 56, 59, 61, 63 и 64.

На то, что Петров чертеж составлен после Сигизмундова плана, могут указывать: 1) изображение перед стеной Скородома сплошного рва, отсутствующего на планах пачала XVII в. и появившегося, начиная с Петрова чертежа и чертежа Олесария (1634); 2) превращения одной из улочек, расположенных в правом верхнем углу Годуновского чертежа и Сигизмундова плана, в главную улицу, законченную воротами с надписью «Тверский», на месте одной из лишенных проезда башен Скородома (об этой ошибке см.: *Гольденберг П. И.* Петров чертеж..., с. 57, рис. 3); 3) явная зависимость легенды от легенды Сигизмундова чертежа.

СТУДЕНТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В КРАКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ XV — XVI ВВ.

Г. Я. Голенченко

В развитии высшего образования в Центральной Европе видную роль сыграли два старейших университета, связанные в период своего становления близкими общественно-научными интересами: чешский Каролинеум в Праге (1347) и Краковский университет (1364). После смерти Казимира Великого Краковский университет пришел в упадок. Его возрождение было связано с политическими планами новой польско-литовской династии Ягеллонов. Кроме прочих причин, обусловивших создание университета в Польше, возобновление его деятельности должно было содействовать политическому и церковно-религиозному сближению Литвы и Польши. В дипломе короля Ягайла о возрождении Краковского университета от 26 июля 1400 г. были представлены планы королевского правительства¹.

С точки зрения католической церкви университет всегда являлся главным образом духовным заведением, высшее предназначение которого заключалось в том, чтобы содействовать укреплению католицизма в Польше и созданию форпостов церкви в соседних землях. Основные, богословские кафедры университета должны были воспитывать просвещенные кадры миссионеров в целях дальнейшей христианизации Литвы. Фактически процессы христианизации коснулись тех земель Великого княжества Литовского (Белоруссия и Украина), которые были давно христианскими и большинство населения которых исповедовало православие.

Несмотря на то что Краковский университет был подчинен духовному контролю католической церкви и зависел от ее субсидий, в стенах Академии шла постоянная борьба передовых и прогрессивных идей с обветшалой схоластикой и канонами средневекового мировоззрения. В жестких границах средневековой иерархии наук и традиционной системы факультетов (богословие, право, меди-

цина, философия) постепенно вызревали предпосылки польского гуманизма, формировались научно-педагогические, административно-государственные и церковные кадры польского общества, оказавшие значительное влияние на политическую, социально-экономическую, культурную и церковно-религиозную жизнь Польши и Великого княжества Литовского. В XV — первой половине XVI в. Краковский университет достиг наивысшего уровня развития, так как отразил в своей деятельности веяния европейского (в том числе польского) Возрождения, в меньшей степени — Реформации.

Преобразование Краковского университета во второй половине XVI в. в национальное учреждение Речи Посполитой (в котором иностранные студенты были представлены незначительно) не означало полной победы авторитарных доктрин католической церкви. Несмотря на схоластические формы преподавания и усилившуюся борьбу с церковно-религиозными отступлениями, видные представители университета поддерживали идеи толерантности, выступали за существенные реформы университетского образования.

Во второй половине XVI в. Краковский университет перестал быть монопольным центром высшего образования в Польше и Литве. Основание Крулевицкого университета 20. VII 1544 г. дало возможность значительной части литовско-белорусского мещанства, шляхты и других слоев общества, поддерживавших реформацию, получать высшее образование сравнительно недалеко от Литвы.

Кроме того, возросшая социально-политическая активность «русского» (белорусского и украинского) мещанства, некоторых слоев шляхты и низового духовенства, выступивших против проектов церковной унии, позволила создать национальные учебные заведения — братские школы, не достигавшие статуса Академии, но противостоявшие католическому влиянию.

В 1570 г. была создана иезуитская коллегия в Вильно, и на ее основе в 1578 г. открыт первый университет на землях Великого княжества Литовского.

На протяжении всего XV в. Краковский университет был важным центром европейского (в том числе славянского) образования. В первой половине XV в. университетская система в некоторых соседних странах только складывалась, в Центральной Европе — была сравнительно ограниченной, к востоку от Кракова ее не существовало вовсе. Наряду с другими социально-экономическими, политическими, культурно-идеологическими факторами, обусловившими престиж Краковского университета, в ближайших европейских странах длительное время существовали внешнеполитические причины (в том числе перманентная угроза турецкой экспансии), определившие высокий уровень постоянной иммиграции школяров Венгрии, Чехии, Словакии, Моравии и других стран в пределы Польского королевства².

Общий уровень фреквенции в Краковском университете XV—XVI вв. был высоким по сравнению с университетами Центральной Европы (Прага, Вена, Печ) и средним по сравнению с университетами Западной Европы. В XV в. в Краковский университет записалось примерно 18 500 студентов (по подсчетам Барыча), в XVI в. — 19 500³. Последняя цифра превосходила общее число имматрикуляций в немецких университетах XVI в. Грейсфальда, Эрфурта, Фрибурга, по значительно уступала их числу в университетах Виттенберга (43 802) и Лейпцига (37 257)⁴.

Численность иностранных студентов в Краковском университете XV в. была чрезвычайно высокой и достигала в 1433/34 — 1509/10 гг. 44% общего числа учащихся. Основные группы студентов в эти годы составляли венгры (16,66%, или 2876 студентов), уроженцы Силезии (14,41% — 2487), Моравии (2,39% — 413), Чехии (1,70%), немецких княжеств: Бранденбурга, Мекленбурга, Гольштейна, Баварии, королевства Саксония. В остальных странах: в каждой — менее 1%⁵.

Первые сведения, касающиеся студентов-«литвинов»⁶, восходят к последним десятилетиям XIV в. Известно, что королева Ядвига в связи с общим планом реорганизации Краковской академии одно время поддерживала идею создания литовской коллегии в Праге. При активном участии надворного проповедника королевы, пражского магист-

ра Яна Шчекны и краковского схоласта Войцеха Ястжембца в конце XIV в. были приняты административно-государственные меры к ее организации. Кроме других причин, обусловивших это решение, королевское правительство учитывало давние связи Чешского королевства с Польшей и Литвой, общий довольно высокий уровень преподавания богословия в Каролинеуме. Несмотря на финансовое обеспечение, литовская бурса, открытая 28 апреля 1411 г. в здании «Иерусалим», не выполняла своего прямого назначения. В 1411 г. в литовской коллегии жили одни чехи. На протяжении XV и XVI в. студенты Великого княжества Литовского составляли относительно немногочисленную группу среди основных наций Каролинеума.

В результате крушения планов создания литовской коллегии в Праге эти идеи в несколько преобразованном виде были реализованы доктором богословия, первым профессором теологического факультета в Кракове Яном Иснером, принимавшим участие в утверждении статута Академии⁷. До своего возвращения в Краков в конце XIV в. Ян Иснер долгое время преподавал в Пражском университете. Кроме того, он был близко знаком с Я. Шчекной и другими лицами из королевского окружения. Неудивительно, что старейшая бурса Кракова была предназначена прежде всего для студентов Литвы и Руси⁸.

В 1409 г. Я. Иснер приобрел в собственность бурсы здание на ул. Вислянской у мещанина Яна Стадтшрейбера. Согласно завещанию Я. Иснера 1410 г., для содержания бурсы были выделены средства и доходы от нескольких принадлежавших ему бенефиций. Многочисленные актовые материалы свидетельствуют, что студенты-«литвины» часто пользовались бурсой «пауперум», или убогих⁹, хотя в ней, конечно, проживали поляки и студенты других земель или государств. Разумеется, одна бурса с многоязычным населением далеко не удовлетворяла потребностей колонии «литвинов» в Кракове. Студенты-«литвины» жили и в других бурсах, а также в помещениях краковских школ или снимали частные квартиры и комнаты¹⁰.

К сожалению, в имматрикуляционных записях первой половины XV в. обычно нет сведений, относящихся к епархии. В связи с этим определение студентов-«литвинов» представляет сложную проблему. Но даже в таком

случае, исключая сомнительные записи, допускающие двойственное истолкование географического пункта без указания епархии (Каменец, Воля, Вишнев, Брест и др.), в альбоме имматрикуляций имеются сведения о 201 «литвине» (соответственно в каждом десятилетии XV в. их было: 1, 13, 15, 3, 21, 15, 20, 38, 36, 39), или 1,1% всей имматрикуляции Краковского университета в XVI в. В XVI в. записалось 229 «литвинов» — 1,1% общего количества студентов университета (соответственно по десятилетиям XVI в. их было: 31, 32, 25, 52, 33, 13, 13, 11, 5, 14). Фактически «литвинов» насчитывалось несколько больше, так как некоторые из них не были зарегистрированы в альбомах имматрикуляций и известны (также не полностью) по другим источникам.

Снижение численности студентов-«литвинов» в Краковском университете во второй половине XVI в. было обусловлено не только развитием реформации в Великом княжестве Литовском и проникновением контрреформационных тенденций в атмосферу университета. Значительная часть литовской знати, включая самые могущественные и влиятельные фамилии, предпочитали получать образование в известных протестантских или католических европейских университетах¹¹. Обострение социально-классовых и национально-религиозных противоречий, связанное с планами Люблинской (1569) и Брестской церковной (1596) уний, также сказалось на представительстве литовских и белорусских студентов в Краковском университете.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Актовые материалы и имматрикуляционные сведения почти ничего не сообщают о социальном происхождении большинства учащихся. Социальную структуру студентов университета можно примерно определить, исходя из имматрикуляционных данных социально-географического характера (село, местечко, город). Большинство студентов, прибывших из городов, были как правило, мещане; из сел — шляхта. Краковский университет в XV—XVI вв. был преимущественно «мещанским» университетом. Примерные расчеты польских исследователей показывают соотношение мещан и шляхты 3:2 или 3:1 в 1510—1560 гг.¹²; в 1470—1520 гг. среди местных студентов (включая Литву

и Пруссию) примерно 4000 студентов были мещанского происхождения¹³, в группе иностранных студентов также преобладали мещане (около 80%)¹⁴. Согласно расчетам В. Урбана, среди идентифицированных студентов университета в 1550—1640 гг. шляхта составляла 25—50%, мещане — 40—65, крестьяне — около 10%¹⁵. Среди студентов, прибывших на учебу из городов Великого княжества Литовского, были, разумеется, представители других сословий и классов (в том числе духовенство и шляхта, родовая аристократия), но численно превалировало мещанство.

Из всех «литвинов», записавшихся в университет в XV в., 130, т. е. 64,6%, прибыло из городов, главным образом из Вильно (74), Ковно (14), Гродно (7); около 35% — из сел и местечек княжества.

В XVI в. из городов прибыло 118 «литвинов» (51%), несколько возросла численность шляхты и других категорий сельского и местечкового населения.

Хотя большую часть школяров, мещан, безусловно, составляли сравнительно зажиточные слои населения, в Краковском университете учились также бедные студенты, равно как, впрочем, и в других университетах Европы.

Бедные студенты обычно платили пониженный вступительный взнос при имматрикуляции. Дополнительные расходы на содержание бедных студентов в бурсе Я. Иснера покрывали сборы с богатых студентов, которым предназначалось благоустроенное наружное здание бursы. Существовали также другие (не очень значительные) льготы, которыми могли пользоваться несостоятельные студенты. Многие из них прирабатывали на стороне, преподавая в школах, прислуживая профессорам и докторам университета или довольствуясь другим, часто случайным, заработком.

Жизнь студентов Краковского университета была одпообразной и трудной, как отмечал кардинал Г. Гаetano в своих записях конца XVI в.¹⁶

Многие студенческие дела, в которых замешаны «литвины» (по подсчетам Я. Пtasьника — 46 человек)¹⁷, связаны с финансовыми исками, спорами и претензиями¹⁸.

Родовая польско-литовская знать, феодальная аристократия занимала в университете особое положение. Состоятельные литовские феодaлы оказывали университету

некоторую материальную поддержку. Среди первых меценатов университета (в середине XV в.) известны: Михаил Кезгайло, виленский каштелян и жмудский староста, его супруга Елена, виленский воевода Ян Гаштольд, его супруга Дорота, Станислав Волимонт, Владислав Бутрым и др.¹⁹ Только некоторые представители феодальной литовской знати сыграли определенную роль в истории университета, заняв высокое место в его должностной иерархии или ознаменовав свое пребывание в нем какими-либо пожертвованиями. Полагают, что вторым ректором университета был Ян Вайдут, князь дрогичинский, внук Кейстута, единственный представитель духовного сословия из потомков Гедимина²⁰. В краткой речи, предшествовавшей его избранию (16 октября 1401 г.), первый ректор университета отметил особые педагогические дарования своего преемника, получившего высшее теологическое образование.

В актах университета отмечено несколько потомков старинного княжеского рода Гедройцев²¹.

В конце XV в. в университете учился Ян Александрович Ольшанский (1488), скидельский наместник, а позднее — литовский кравчий и слонимский державца. Отдаленный родственник королевской фамилии был отдан на попечение выдающегося ученого Бернарда из Ниссы, затем — Яна Глоговского. Фамилия знатного студента выделена в альбоме имматрикуляций²². Брат Яна — лудский (1507) и виленский (1536) епископ Павел Александрович Ольшанский — отличался прилежанием в науках. Профессор Ян из Стобницы посвятил ему один из трактатов.

В 1502 г. записались в университет сыновья Яна Сапеги, канцлера королевы Елены. В 1542 г. был имматрикулирован Михаил Сапега, сын королевского дворянина Яна Сапеги²³. В актах университета встречаются фамилии Радзивиллов, княжеского рода Свирских²⁴, «русских» князей, которых А. Карбовяк причислял к белорусам²⁵, и некоторых будущих политических деятелей XVI в.²⁶

Социально-правовое положение мелкой литовской шляхты не было особо устойчивым. В актах ректорского суда нередко встречаются титулованные студенты, замешанные в уличных инцидентах и других казусах. В судебных процессах широко использовались сословно-корпоративные связи шляхты.

Самое громкое дело с участием литовских шляхтичей произошло в 1549 г.— знаменитый бунт жаков. Повод был незначительный, хотя и показательный. В результате оскорбления школярами известной в городе особы в бурсе Всех Святых произошла драка²⁷, в которой был убит литовский шляхтич, семь человек ранено, остальные разогнаны²⁸. Несмотря на коллективные выступления студентов и официальных обвинителей со стороны университета (в том числе «литвина» бакалавра Николая Одаховского), зачинщики драки были оправданы²⁹. Не удовлетворенные процессом студенты приняли решение покинуть Краков.

СТЕПЕНИ

Если не считать сведений, которые однозначно не поддаются истолкованию (Petrus de Brest, промоция 1406 г.), первые «литвины» удостоены степени бакалавра в конце второго — начале третьего десятилетия XVI в. Прежде всего: in decanatu M. Olavi de Upsalia — Jacobus de Wilna (им. 1414—1415, промоция 1418)³⁰. За ним следуют: Stanislaus de Litwania (им. 1420, промоция 1423), Johannes Johannis de Wylna (им. 1422, промоция 1425) и др.

Всего в XV в. 67 «литвинов» защитили эту степень, предоставлявшую ограниченное право преподавания студентам начальных курсов. После нескольких лет учебно-преподавательской деятельности в университете бакалавр мог сдать экзамен на степень магистра. Она давала право преподавания в университетах Европы и утверждалась епископом. Процедура экзамена была более сложной, нежели обряд крещения в бакалавры, требовала больших материальных расходов, высокого уровня подготовки, знакомства с высшими и усложненными курсами наук. Среди материалов университета сохранился вариант речи, произнесенной деканом философского факультета Н. Темпельфельдом в связи с промоцией двух магистров, прибывших «из отдаленнейших краев земли» — Литвы и Венгрии.

По мнению М. Ковальчика, декан философского факультета в своей речи почти дословно воспроизвел описание Литвы из сочинения Варфоломея Англика «De pro-

prietate» («О свойствах») ³¹. После сдачи экзамена промотор вручал обычные регалии магистра: книгу, берет и золотое кольцо. Новый магистр произносил свою первую лекцию перед присутствовавшими на экзамене и формулировал тезисы. В XV в. на факультете артиум степени магистра достигли 17 «литвинов». К сожалению, книга промоций этого факультета не дает возможности произвести соответствующие расчеты за XVI в., так как записи становятся небрежными, как правило без фиксации национальной или государственной принадлежности бакалавра или магистра.

Некоторые магистры философского факультета достигли степени доктора права. Магистр Андрей Госковиц из Вильно (1443) стал профессором права в 1461 г., позднее — виленским архидьяконом и епископом ³². Современником Госковица был другой доктор права Ягеллонского университета, виленский каноник Мартин, скончавшийся в 1463 г. ³³ В 1534 г. защитил степень магистра артиум Ст. Наркус ³⁴. В 1541 г. получил степень бакалавра Бонавентура из Вильно, позднее — доктор медицины. Многие бакалавры Краковского университета впоследствии поступили в другие университеты Европы. Бакалавр Краковского университета Ян Филиппович из Вильно, сын состоятельного виленского мещанина (секретарь Сигизмунда I, в 1497 г. — виленский каноник, с 1520 г. — киевский епископ), получил степень доктора церковного права в Болонье в 1495 г. ³⁵ Краковский школяр первопечатник Франциск Скорина из Полоцка (1504 г., бакалавр с 13.XII 1506 г.) также получил степень доктора «в лекарских науках» в Падуанском университете в Италии.

В XV — первой половине XVI в. многие доктора «в различных науках» имели важные государственные или церковные должности в столице Великого княжества Литовского. В том числе — Матиас из Вильно, доктор теологии и магистр артиум ³⁶, виленский епископ в 1421—1453 гг.; в начале XVI в. — Станислав, доктор права, «кустош» виленский ³⁷; в 1533 г. — Вацлав Чырка из Волковыска, доктор канонического и церковного права, каноник виленский, «пробоц» мейшагольский и пр. ³⁸

Большинство студентов Кракова, как и в целом большинство студентов средневековых университетов Европы, удовлетворялись общим духовным просвещением. Толь-

ко $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ часть имматрикулированных студентов получили степень бакалавра, $\frac{1}{16}$ — $\frac{1}{20}$ — степень магистра³⁹. Около 40% имматрикулированных «литвинов» достигли степени бакалавра и около 10% — степени магистра на факультете артиум.

* * *

Влияние Краковского университета в Литве и других землях княжества не было односторонним. Краковский университет, идеологический центр католической и государственной экспансии, находился под жестким контролем католической церкви. На протяжении нескольких веков своего существования университет подготовил значительную часть средней и высшей государственно-административной и церковной иерархии Великого княжества Литовского. Из его стен вышли идеологи контрреформации (Бенедикт Гербест, 1548; Якуб Вуек, 1558, ректор виленской иезуитской коллегии в 1578 г.; Петр Скарга, 1552, с 1579 г. — ректор Виленской академии), принявшие деятельное участие в утверждении католической церкви в Литве, Белоруссии, на Украине и отличившиеся в церковно-религиозной литературной полемике конца XVI в.

В Краковском университете учились многие высокопоставленные сановники и политические деятели Великого княжества Литовского, дипломаты, служащие великокняжеской канцелярии, представители городской или магнатской администрации. Университет содействовал утверждению господствовавших политических доктрин, государственно-правовых концепций, предназначенных теоретически обосновать внутреннюю и внешнюю политику Польши, с ее законами, своеобразной формой государственного устройства, своим изданием крепостного права, социально-классовыми и национально-религиозными противоречиями. Краковский университет составлял существенное звено надстройки, созданной привилегированными классами, в целом подчиненное политическим, социально-экономическим и культурным интересам господствовавшей части общества.

С другой стороны, Краковский университет, как и все университеты того времени, был естественным средоточием высших и универсальных наук, он сыграл большую

роль в общем развитии польской, литовской, белорусской, украинской культуры, в укреплении многосторонних культурных и общественно-научных связей. Литовское, белорусское, украинское летописание, литература, историография, фольклор, поэзия были преемственно связаны с традициями восточславянской и польской культуры, истории и искусства. Многие выпускники университета внесли свою лепту в это взаимопроникающее и обогащающее творческое сотрудничество, предпочтительно избирая сферу изящной словесности, права и политики, поэзии, литературы, истории или риторики. Некоторые из них одновременно проживали в Литве или Белоруссии, в том числе историк и поэт М. Стрыйковский, эпистолограф и оратор Я. Урсинус, проповедник и поэт Владислав из Гельнева, писатель и дипломат Л. Мендзылесский, меценат и оратор Э. Целек и др. При участии выпускников университета — поляков, литовцев, белорусов были заложены прочные основы книгопечатания в Литве и Белоруссии (типографии: Ф. Скорины в Вильно, 20-е годы XVI в.; М. Кавечинского, Л. Крышковского и С. Будного в Несвиже, 60-е годы XVI в.; книгоиздательство в Лоске, 70—80-е годы XVI в.; типографии в Бресте и Вильно, вторая половина XVI в. и др.), преобразована вся система начального и среднего образования в реформационных и католических школах, созданы коллегия и Академия в Вильно.

В Краковском университете обучались искусству медицины, астрономии, математики, философии, права многие знатоки этих наук, практиковавшие впоследствии в Вильно и других городах княжеств: астроном и математик Войцех из Бруздева, с 1494 г. секретарь канцелярии великого князя литовского Александра; знаток римского права П. Ройзиуш, профессор философии Виленской академии В. Росцишевский, канцлер Виленской академии С. Гродзицкий и др. Концепции Фрича Моджевского оказали определенное воздействие на С. Будного и других идеологов литовско-белорусской реформации. Учебные пособия и издания, принятые в университете, были известны в Литве, Белоруссии, на Украине.

Многие деятели польского и литовско-белорусского реформационного движения, получившие образование в Краковском университете, выступили с резкой критикой церковной ортодоксии и схоластики, церковной канонической

традиции и церковной феодальной практики, церковного землевладения и права: М. Чеховиц, Петр Гонендз, С. Будный и др. Лучшие представители Краковского университета всегда утверждали единство и преемственность в развитии европейской и национальной культуры, поддерживали идеи дружбы и сотрудничества между народами, идеи возрождения и гуманизма.

-
- ¹ «Rocznik krakowski», 1900, т. 4, s. 76.
- ² См.: Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1364—1764, t. 1. Kraków, 1964 (далее — Dzieje), s. 199.
- ³ Kanewska I., Zelewski R., Urban W. Studia z dziejów młodzieży Uniwersytetu Krakowskiego w dobie Renesansu. Kraków, 1964 (далее — Kanewska I. i in.), s. 16.
- ⁴ Ibid., s. 17.
- ⁵ Archiwum do dziejów literatury i oświaty, t. XII. Kraków, 1905, s. 2—4.
- ⁶ Все цифровые материалы, касающиеся студентов-«литвинов» (т. е. студентов, прибывших из Великого княжества Литовского), ограничены пределами Литвы и Белоруссии.
- ⁷ О Я. Иснера см.: Morawski K. Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego, t. 1. Kraków, 1900, s. 105—106; t. 2. Kraków, 1900, s. 343—345; Dzieje, s. 55—56.
- ⁸ См. testament Я. Иснера: «przedewszystkiem ma się tu przyjmować, jeżeli się znajda, Litwinów i Rusinów zdolnych do teologicznego studium lub studium artium...» (Morawski K. Historia..., t. II, s. 343).
- ⁹ Бурса «pauperum» представляла комплекс общежитий и подсобных помещений, среди которых размещалась также библиотека и «господа» (пивная, корчма). В 1461 г. бурса была капитально расширена (см.: Dzieje, s. 131). Вокруг бурсы проживали некоторые из литвинов, надолго обосновавшиеся в Кракове (см.: Acta rectoralia Almae Universitatis studii Cracoviensis inde ab anno MCCCCLXIX, t. I. Cracoviae, 1893, N 1729 (далее — AR)). О бурсе убогих см.: Morawski K. Historia..., t. I, s. 105—106; t. II, s. 343; Fijatek J. Kościół rzymsko-katolicki na Litwie.— In: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa — Lublin — Łódź, 1914, s. 183—185, 188; Dzieje, s. 55—56.
- ¹⁰ AR, I, f. 1, N 448; f. 2, N 1040, 1081, 1082, 1091, 1100; f. 3, N 2020, 2220; II, N 3144.
- ¹¹ См.: Kot S. La Réforme dans le Grand-Duché de Lithuanie. Bruxelles, 1953.
- ¹² Kanewska I. i in., s. 24.
- ¹³ Dzieje, s. 214.
- ¹⁴ Kanewska I. i in., s. 25.
- ¹⁵ Ibid., s. 142, 197.
- ¹⁶ Cudzoziemcy o Polsce, t. I. Kraków, 1971, s. 189.
- ¹⁷ Ptaśnik J. Życie żaków krakowskich. Lwów, 1933, s. 121.
- ¹⁸ AR, I, f. 3, N 2072, 2288. 2644.
- ¹⁹ Fijatek J. Kościół..., s. 129—130.
- ²⁰ Fijatek J. Wnuk Kiejstuta Jan książę drohiczyński. «Kwartalnik historyczny», 1914, z. 2, s. 181—195; Dzieje, s. 42.
- ²¹ Album studiosorum Universitatis cracoviensis, t. I—II. Cracoviae, 1887—1892 (да-

- łce — AS, I, II). AS, I, s. 44, 162, 167, 208, 220; II, 6, 50.
- ²² AS, I, s. 287; *Fijatek J. Kościół...*, s. 187.
- ²³ AS, II, s. 74, 310.
- ²⁴ AS, II, s. 274; III, s. 174, 216; I, s. 228.
- ²⁵ *Karbowiak A. Dzieje wychowania i szkół w Polsce, t. III (1433—1510)*. Lwów, 1923, s. 471; AS, I, s. 117, 141, 249.
- ²⁶ AS, I, s. 103, 106, 191, 265, 268; II, s. 241, 334; AR, II, N 340.
- ²⁷ Nowe źródła do zatargu scholarzów krakowskich z kanonikiem A. Czarnkowskim w 1549 r.— «*Kwartalnik historyczny*», 1927, N 1, s. 92—93.
- ²⁸ AS, II, s. 335.
- ²⁹ *Ptaśnik J. Życie żaków krakowskich*, s. 130.
- ³⁰ *Fijatek J. Kościół...*, s. 137.
- ³¹ *Kowalczyk M. Krakowskie mowy Uniwersyteckie z pierwszej połowy XV w.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 92.
- ³² *Kurczewski Ks. J. Biskupstwo wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych*. Wilno, 1912, s. 30. *Fijatek J. Kościół...*, s. 155—156.
- ³³ *Fijatek J. Kościół...*, s. 157; AS, I, s. 104; Statuta nec non liber promotionum Philosophorum Ordinis in Universitate studiorum Jagiellonica ab a. 1402 ad. a. 1849. Cracoviae, 1849, p. 189.
- ³⁴ В акте промоции на степень бакалавра записано: «Mgr. cancellarius episcopi Vilnensis, secretarius S.R.M.» (Statuta nec non liber promotionum..., p. 186).
- ³⁵ *Fijatek J. Kościół...*, s. 186.
- ³⁶ *Kurczewski Ks. J. Kościół zamkowy czyli katedra wileńska, cz. III*. Wilno, 1916, s. 27.
- ³⁷ *Ibid.*, s. 538.
- ³⁸ *Ibid.*, s. 540.
- ³⁹ *Morawski K. Historia...*, t. II s. 380.

МЕСТО БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В XVI В.

В. П. Грицкевич

Формированию ренессансной гуманистической культуры в Великом княжестве Литовском способствовали реальные экономические, социальные и культурные факторы¹. Определенную роль в развитии гуманизма в Белоруссии и Литве играли их связи с передовыми странами Запада².

В этот период особое развитие получили те отрасли знания, которые отвечали практическим запросам, т. е. науки о природе. Ученые-естествоиспытатели обратились от слепого следования религиозным и догматическим канонам к изучению живой природы. Только в ходе экспериментов стало возможным рациональное философское истолкование окружающего мира. «Исследование природы совершалось тогда в обстановке революции, будучи само пасквозь революционно», — писал Ф. Энгельс об эпохе Возрождения³.

Поскольку в университетах того времени существовали только три факультета — богословия, права и медицины, лишь последний давал представление об окружающей природе. Чтобы лучше знать свойства лекарств, медики должны были обращаться к изучению свойств минералов, растений, животных. Постоянное расширение кругозора врачей не только в области медицины, но и в других отраслях знания было необходимым условием повышения их профессионального уровня.

К сожалению, до нас не дошли медицинские произведения немногочисленных врачей — уроженцев Великого княжества Литовского⁴. Поэтому судить об их естественнонаучных взглядах практически невозможно.

Точно так же трудно судить о конкретных взглядах на природу наиболее известного из них доктора медицины Франциска Скорины, первопечатника восточного славянства. О его медицинской и ботанической деятельности

известно очень немногое⁵. Мы не берем на себя смелость утверждать, как это иногда делают, только на основании нескольких упоминаний в предисловиях и послесловиях Ф. Скорины о книгах как о «лекарстве душевном и телесном», о «немощах» и «здравии», о зверях, птицах, рыбах и пчелах, будто бы первопечатник «активно пропагандировал медицинскую деятельность и естественнонаучные знания»⁶.

Нам придется рассматривать взгляды на природу в основном тех врачей, которые переезжали из западноевропейских стран жить в Литву и Белоруссию.

В Великое княжество Литовское итальянские медики прибыли вместе с миланской герцогиней Боной из дома Сфорца, которая вышла замуж за короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I. Среди придворных врачей Боны были Дж. Зоф из Бари, автор брошюры о предохранении от эпидемии (1543)⁷, и хирург Самуэль⁸, которого белорусские источники называли «Юмалиц» или «Сомолий»⁹.

Самым влиятельным лицом в окружении Боны был ее придворный врач и (с 1520 г.) секретарь Джованни Андреа Валентино из Модены. На посту врача он сменил Никколо Катиньяни из Бриндизи¹⁰.

В 1520-х — начале 1530-х годов (в период пребывания Дж. Валентино в Великом княжестве Литовском и Польше в Вильно развернул свою книгоиздательскую деятельность Ф. Скорина, который тогда был придворным секретарем и врачом местного епископа¹¹. Туда же между 1520 и 1525 г. приезжал во время своих странствий по Европе известный швейцарский реформатор медицины Т. Парацельс (1493—1541)¹²⁻¹³. Как и Дж. Валентино, он получил образование в Ферраре.

Парацельс учил, что совершающиеся в человеческом организме процессы носят химический характер. В хирургии он предлагал предохранять раны «от внешних врагов» чистыми повязками и настаивал на тесной ее связи с внутренней медициной вопреки принятому тогда разделению этих дисциплин. Он развил новое для своего времени учение о дозировке лекарств, позволяющей использовать для лечения полезные свойства ядовитых в больших количествах веществ. Актом протеста ученого против догматизма и отрыва от жизни традиционной медицины было публичное сожжение им работ Галена и Ави-

ценны, на толковании которых базировалась средневековая медицина, отвергнувшаяся от изучения природы.

Неудивительно отрицательное отношение тогдашнего медицинского мира к отвергавшему старые каноны реформатору медицины.

В Великом княжестве Литовском, как и в других местностях, Парацельс перенимал местные лечебные приемы и изучал местные лекарственные средства¹⁴.

В числе стран, в которых Парацельс перенимал местный опыт лечения, он называет Литву¹⁵. Ученый подчеркивал, что среди его учеников было немало «поляков»¹⁶, т. е. жителей Польско-Литовского государства.

Как и в родных местах, Парацельс в Польше и Великом княжестве Литовском участвовал в диспутах со сторонниками традиционной медицины и терпел здесь поражения. Он вспоминал в 1528 г., что эти медики одержали над ним в Данциге и Вильно победу с триумфом¹⁷ и изгнали из Литвы, Пруссии и Польши¹⁸. Не исключено предположение о возможности встречи в Вильно Парацельса и Ф. Скорины¹⁹.

Идеи и книги Парацельса продолжали распространяться в Белоруссии и Литве. Сторонниками методов ученого были итальянский хирург Никколо Буччелла и словацкий врач на службе у несвижского князя Радзивилла Михаил Алоизий Горчичка (Зенф, Синапиус) (конец XVII — начало XVIII в.)²⁰. В каталоге книг библиотеки иезуитского коллегиума в Слуцке (1773) находились среди 48 медицинских книг три тома «Избранных трудов» Парацельса на латинском языке²¹.

Подобными Парацельсу типичными представителями эпохи Возрождения были неоднократно работавшие в Великом княжестве Литовском врачи из Италии: Дж. Бьяндрата, П. С. Симони и Н. Буччелла и поселившийся в Белоруссии швейцарский врач И. Гаслер²². Все они находили здесь благоприятные условия для своей работы и убежище от религиозных преследований: в Великом княжестве Литовском царил относительная веротерпимость, а позиции католической церкви были гораздо слабее, чем в Западной Европе.

Дж. Бьяндрата (1516—1588) специализировался в акушерстве и лечении женских болезней, чему посвятил несколько сочинений²³. В 1540—1544 гг. он находился при польско-литовском дворе в качестве лейб-медика Боны,

затем служил при дворе Изабеллы, жены воеводы Трансильвании. После этого Дж. Бьяндрата вернулся в Италию и возглавил в Павии протестантское движение.

Дж. Бьяндрата считал себя также последователем гуманиста Эразма Роттердамского и шотландского философа И. Дунса Скота (1265—1308), который, по словам К. Маркса, «заставлял самоё теологию проповедовать материализм»²⁴, провозглашал невозможность логического обоснования богословия и недоказуемость доводами разума учения о творении мира из ничего и идеи бессмертия.

Чтобы противодействовать распространению пропаганды иезуитов в Белоруссии и Литве, их противник Николай Рыжий Радзивилл пытался в 1567 г. основать протестантский университет в Вильно и с помощью Дж. Бьяндраты пригласить туда профессоров²⁵.

Дж. Бьяндрата ввез в Литву и Белоруссию сочинения М. Сервета. Он писал об этом в 1565 г. своему ученику Гжегожу Павлу, а в изданное в Трансильвании в 1569 г. сочинение «De regno Christi» («О царстве Христа») ввел целый раздел из книги Сервета «Restitutio christianismi» («Восстановление христианства»)²⁶.

Как известно, М. Сервет в своей книге «Восстановление христианства» впервые в Европе описал малый круг кровообращения. Этим он опроверг античное «учение» о просачивании крови из правой сердечной камеры в левую через несуществующие у здоровых людей отверстия в межжелудочковой перегородке. Почти весь тираж книги был сожжен инквизиторами в Лионе, из тысячи экземпляров до наших дней дошли только три. Один из них (из Эдинбургской библиотеки) принадлежал Дж. Бьяндрате²⁷. Это подтверждает надпись на книге, свидетельствующая о ее принадлежности дворянину из Трансильвании, в которой с 1563 г. Дж. Бьяндрата развернул издательскую деятельность.

Следовательно, передовые философские и анатомические идеи М. Сервета получили известность в нашей стране не позже (а может быть, и раньше), чем в других европейских странах. Из-за преследований церковников Дж. Бьяндрата был вынужден покинуть Литву и уехать в Трансильванию²⁸.

Младший современник Дж. Бьяндраты доктор медицины Пьетро Симоне Симони²⁹ (1532—1602) был родом из

итальянского города Лукки. Из-за перехода в протестантизм П. С. Симони пришлось покинуть родину и часто менять место пребывания. Из Женевы, Гейдельберга и Лейпцига, где он был профессором местных университетов³⁰, в 1582 г. П. С. Симони переехал в Речь Посполитую, стал врачом Стефана Батория и (вместе с Н. Буччеллой) лечил короля во время последней болезни того в декабре 1586 г. в Гродно³¹. Вскрытие тела Стефана Батория было первым известным из документов анатомическим вскрытием в Белоруссии.

Троекратное изменение П. С. Симони своей веры говорит о его безразличии к вопросам религиозной принадлежности и косвенно подтверждает выдвигаемые против него обвинения в атеизме³². М. Скварчъялуппи писал, будто П. С. Симони утверждал, что не существует причин всему сверхприродного происхождения, что небо и земля — родители всех вещей, а причиной всему является тепло³³, следовательно отвергал божественное происхождение вещей.

П. С. Симони был последователем передового философа Аверроэса³⁴. В своих сочинениях он был близок к учению итальянского философа П. Помпонаци (1462—1525)³⁵, использовавшего античное учение Аристотеля как орудие против схоластики, развивавшего идеи материализма и атеизма и отрицавшего бессмертие души. П. С. Симони обращался к изучению природы и следовал учению Гиппократата и итальянского материалиста и критика схоластики Бернардино Телезио (1509—1588), который считал, что задача науки заключается в опытном изучении природы и объяснении ее закономерностей, а не в толковании Священного писания, и оказал значительное влияние на Ф. Бэкона, Т. Кампанеллу и Дж. Бруно.

Вслед за Б. Телезио³⁶ П. С. Симони повторял, что бог существует, но только вне материи, что в природе есть две силы, которые проявляются в виде двух родов движения — расширяющего тепла и сжимающего холода. Он отвергал бога как создателя вещей, позволял свободно действовать силам природы, не допускал вмешательства сверхприродных факторов³⁷.

П. С. Симони был противником богословия, сторонником высвобождения философской мысли из-под влияния религии. Он принадлежал к тем мыслителям, кото-

рые отказались от традиционного религиозного мировоззрения и схоластики.

Т. Грабовский пишет о П. С. Симони: «Пока новое естествознание не обосновалось, человеческая мысль двигалась вперед наблюдениями, за которые врач Батория заплатил обвинением в атеизме, а Джордано Бруно, такой же ревностный почитатель Телезио, — сожжением на костре в Риме»³⁸.

О естественнонаучных взглядах другого итальянского медика Стефана Батория — падуанского хирурга Никколо Буччеллы (ум. 1599) — известно гораздо меньше, ввиду того что он был медиком-практиком и оставил немного научных работ. Еще в Италии Н. Буччелла примкнул к движению антитринитариев, за что подвергался преследованиям католической церкви. В 1574 г. он переехал ко двору Стефана Батория, лечил его и по поводу последней болезни короля вел в печати диспут с П. С. Симони. В своих изданиях о болезни и смерти Стефана Н. Буччелла проявил хорошие знания анатомии и физиологии.

Позже упомянутых итальянских медиков-вольнодумцев в Белоруссию прибыл Иоганн Гаслер (1548—?), сын швейцарского крестьянина.

Он учился богословию, философии и естественным наукам в Базельском, позже — в Гейдельбергском университете. За то что И. Гаслер переписывал книгу «О едином боге и мессии Иисусе Христе против бога в трех лицах», сожженного позже на костре за приверженность к антитринитарианству И. Сильвана, студента подвергли наказанию. И. Гаслер вынужден был покинуть Гейдельберг.

В Лейпциге об общался с П. С. Симони, вместе с которым хвалил сочинения Дж. Бьяндраты. За это И. Гаслера лишили стипендии. Чтобы избежать подозрений, ему пришлось перейти от изучения богословия к изучению медицины. Сопровождая белорусско-литовского магната Криштофа Дорогостайского (1562—1616), И. Гаслер переехал в Страсбург и стал заниматься в местном университете. Декан предложил ему написать несколько философских тезисов на основе двенадцатой книги сочинения Аристотеля «Метафизика» — «О неестественных причинах». В тезисах И. Гаслер пытался объяснить, что учение о троице исходит из древнегреческой философии.

В марте 1575 г. он напечатал тезисы и представил декану и экзаменаторам. Те обвинили швейцарца в приписывании Аристотелю христианских идей и в оскорблении бога. Степень доктора медицины он получил во Фрейбурге 16 августа 1576 г.

По приглашению своих литовско-белорусских друзей он жил в их имениях в Речи Посполитой. В 1578 г. в Аугсбурге вышло медицинское сочинение И. Гаслера «*De logistica medica ... problematis novem, pagina versa coscipiendis absoluta liber unus*». В нем Гаслер пытался привести теорию Галена в соответствие с учением Парацельса.

С 1582 по 1593 г. И. Гаслер преподавал в Бернской высшей школе и занимался астрономией и изданием календарей. Однако властям не нравилось его вольнодумство, и И. Гаслер был вынужден уехать в Великое княжество Литовское под покровительство своего бывшего ученика Криштофа Дорогостайского.

Здесь И. Гаслер продолжал заниматься педагогической и врачебной деятельностью. В 1596 г. он издал в Вильно астрономическое сочинение «*Paradoxus annorum mundi*», а спустя шесть лет — книгу о заразных заболеваниях «*De fuga et praeclusionione pestilentiae*». В первом сочинении автор вносил исправления в календарь своими астроматематическими подсчетами, во втором — рассматривал способы предупреждения и лечения инфекционных болезней. Год и место смерти И. Гаслера не установлены.

Мы попытались привести интересные факты из прошлого естествознания в Литве и Белоруссии, чтобы обратить внимание на прогрессивные стороны развития общественной и научной мысли в западных землях нашей многонациональной страны. Этому развитию способствовала близость Литвы и Белоруссии к передовым европейским центрам развития гуманизма в XVI в. и постоянный обмен передовыми идеями между ними.

¹ Подокшин С. А. Материалистические и атеистические идеи в конце XVI в. Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии. Минск, 1973, с. 26;

он же. Скорина и Будный. Очерк философских взглядов. Минск, 1974, с. 18.

² Подробнее об этом см.: Грицкевич В. П. Путешествия наших земляков. Из истории

- страноведения Белоруссии. Минск, 1968, с. 9—11, 14—15.
- ³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, с. 347.
- ⁴ О них см.: *Мицельмахерис В. Г.* О первых отечественных докторов медицины.— «Советское здравоохранение», 1963, № 4, с. 40, 43; Очерки по истории медицины в Литве. Л., 1967, с. 24—26. Он пишет о врачах из Великого княжества Литовского: Томасе из Литвы, Георгии Петкуниусе (Петкевиче) из Эйпишек и Василии Гиацинте из Вильно. Исследователь к уроженцам Литвы причисляет и доктора В. Грабовского из Серпца, хотя Серпец — городок в Польше, а в Литве и Белоруссии населенного пункта с таким названием не было (см.: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, t. 10. Warszawa, 1889, s. 594).
- ⁵ О медицинской и ботанической деятельности Ф. Скорины см.: *Грицкевич В. П.* [Рец. на кн.:] *Алексютович М. А.* Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мінск, 1958.— «Советское здравоохранение», 1961, № 4, с. 78—79; *Грицкевич В. П., Федунец А. А.* Из прошлого белорусско-чехословацких связей в области медицины.— Там же, 1968, № 5, с. 50—51.
- ⁶ *Кручок Р. Р.* Аб медыка-біялагічнай дзейнасці прыродазнаўчанавуковых поглядах Скарыны. 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1967, с. 384—386.
- ⁷ *Ptaśnik J.* Z dziejów kultury włoskiego Krakowa.— «Rocznik krakowski», 1907, t. 9, s. 100.
- ⁸ *Balaban M.* Dzieje żydów w Krakowie i na Kazimierzu (1304—1868), t. 1 (1304—1655). Kraków, 1912, s. 70, 290—291.
- ⁹ Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России, т. I. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388—1550). СПб., 1882, с. 259; *Бершадский С. А.* Литовские евреи. История их юридического и правового положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. СПб., 1883, с. 401, примеч. 317; Акты, издаваемые комиссиею, учрежденною для разбора древних актов в Вильно, т. 17. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1889, с. 165.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Pocieccha W. Królowa Bona* (1497—1557). Czasy i ludzie Odrodzenia, t. 2. Poznań, 1949, s. 58—63, 486—489; *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963, с. 246—247.
- ¹¹ *Kurczewski J.* Biskupstwo Wileńskie. Wilno, 1912, s. 33.
- ^{12—13} О пребывании Парацельса и распространении его идей в Литве и Белоруссии подробнее см.: *Grickevič V. P.* Paracelsus in Litauen und Weißrußland.— Verhandlungen des XX. Internationalen Kongresses für Geschichte der Medizin. Berlin, 22—27. August 1966. Hildesheim, 1968, S. 103—104.
- ¹⁴ *Paracelsus T.* Elf Traktat von Ursprung, Ursachen, Zeichen und Kur einzelner Krankheiten (1520).— In: Theophrast von Hohenheim genannte Paracelsus. Sämtliche Werke. 1 Abt. Bd 1. München — Berlin, 1929, S. 52.
- ¹⁵ *Paracelsus T.* Spital-Buch.— Ibid., Bd. 7. München — Berlin, 1923, S. 374; *idem.* Großen Wundarzney.— Ibid., Bd. 10,

- München — Berlin, 1928, S. 19.
- ¹⁶ Szumowski W. Żywot i nauka Paracelsa, lekarza, alchemika i filozofa niemieckiego z epoki Odrodzenia.— «Przegląd lekarski», 1909, N 2, s. 28.
- ¹⁷ Paracelsus T. Von Blatern. Lähmi, Beulen, Löchern und Zitrachten der Francosen.— In: T. v. Hohenheim gen. Paracelsus. Sämtliche Werke. Bd. 6. München — Berlin, 1922, S. 430.
- ¹⁸ Ibid., S. 180.
- ¹⁹ Грицкевич В. П. [Рец. на кн.:] Алексютович М. А. Скарпына..., с. 79.
- ²⁰ О М. Горчичке и его деятельности см.: Giedroyc F. Źródła biograficzno-bibliograficzne do dziejów medycyny w dawnej Polsce. Warszawa, 1911, s. 721—727; Wespzremi J. Magyarország és Erdély orvosainak rövid életrajza. Első száz. Budapest, 1960, old. 336—340; Грицкевич В. П., Фединец А. А. Из прошлого, с. 53.
- ²¹ Государственный архив Минской области. Фонд Радзивиллов (694), оп. 2, д. 7445, л. 31.
- ²² Наиболее полные библиографические сведения о Бьяндрате, Буччелле и Гаслере см.: Rotondó A. Biandrata, Giovanni Giorgio.— In: Dizionario biografico degli italiani, v. 10. Roma, 1968, p. 257—264; Caccamo D. Buccella Niccolo.— Ibid., v. 14. Roma, 1972, p. 750—753; Hasler F., Portmann M. L. Johannes Hasler (1548—16?), Arzt, Theologe und Jatrophilosoph.— «Gesnerus», 1969, Bd. 26, S. 164—188. О Симони см.: Christgau M. G. De vita et scriptis Simonis Simonii medici ac philosophi quondam celeberrimi Dissertatio litteraria. Francofordi ad
- Viadrum, 1774; Simon S. Jego dzieła i spory pismienne.— In: Wizerunki i roztrząsania naukowe. Pocztenow. Wilno, 1836 [t.] 9, s. 108—142; Grabowski T. Simon Simonius jako przedstawiciel wolnomyslicielstwa w Polsce w XVI w. Sprawozdanie Dyrekcji C.K.I. Wyższej szkoły realnej w Krakowie za rok 1913. Kraków, 1913, s. 3—13; Caccamo D. Eretici italiani in Moravia, Polonia, Transilvania (1558—1611). Studii e documenti. Firenze — Chicago, 1970, p. 131—145.
- ²³ Подробнее об этом см.: Malacarne V. Commentario delle opere e delle vicende di Giorgio Biandrata nobile saluzzese archiatro in Transilvania e in Polonia. Padova, 1814, p. 22—25, 79—84.
- ²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 2, с. 142.
- ²⁵ Varycz H. Do genezy Akademii Wileńskiej.— «Ateneum Wileńskie», 1935, t. 10, s. 170.
- ²⁶ Górski K. Grzegorz Paweł z Brzezina. Kraków, 1929, s. 192, 209, prym. 1.
- ²⁷ Bayon H. William Harvey, physician and biologist: his precursors, opponents and successors.— «Annals of Science», 1939, v. 4, N 5, p. 84.
- ²⁸ О деятельности Дж. Бьяндраты в Семиградье см.: Wespzremi J. Magyarország és Erdély orvosainak rövid életrajza..., old. 40—42; Raffy A. Biandrata Györgi ölasz orvos és a XVI. századbeli Erdély közegészsége.— In: Communicationes ex Bibliotheca historiae medicae hungarica, [t.] 26. Budapest, 1962, old. 51—64.
- ²⁹ Bourgeaud Ch. Histoire de l'Université de Genève. Genève, 1900, p. 94—101.
- ³⁰ Frank L. Dr Simon Simonius in Leipzig. Ein Beitrag zur

Geschichte...— «Neues Archiv für Sächsische Geschichte», 1909, Bd. 30, S. 209—290.

- ³¹ Болезни и лечению Стефана Батория посвящена обильная литература, начиная с письменной полемики между П. С. Симоми и Н. Буччеллой и кончая работами 1930-х годов на польском языке. Следует оставить в стороне, как не имеющую отношения к обсуждению научных проблем, последнюю работу, посвященную этому вопросу: *Scheuring H. Z. Czy królobójstwo? Krytyczne studium o śmierci króla Stefana Batoro*. Londyn, 1964.

³² Об атеизме П. С. Симоми пи-

сали его современники Д. Чьякор, К. Вильковский и М. Скварчялуппи.

- ³³ *D.M.S.P. Simonius Simonii Lucensis, primum Romani, tum Calviniani, deinde Lutherani, denuo Romani semper autem Athaei summa religio*. Cracoviaem, 1588, fol. C3, A4, C6.
- ³⁴ *Caccamo D. Eretici italiani...*, p. 131—145.
- ³⁵ *Grabowski T. Simon Simonius...*, s. 7.
- ³⁶ *Simonius S. Commentariola medica et physica ad aliquot scripta*. Vilnae, 1584, fol. 2.
- ³⁷ *Ibid.*, fol. M3.
- ³⁸ *Grabowski T. Simon Simonius...*, s. 13.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И РУССКИЙ НАРОД В ОЦЕНКЕ ПОЛЬСКИХ ШЛЯХЕТСКИХ ПУБЛИЦИСТОВ XVI В.

Б. Н. Флоря

Конец XV — первые десятилетия XVI в. были для шляхетского польского общества временем открытия своего могучего «восточного соседа». Появление на последних страницах Хроники Длугоша под 1479 г. обширного рассказа об освобождении России от татарского ига довольно точно обозначает исходный момент, начиная с которого интерес к России в среде польских феодалов стал быстро расти. Если современник Длугоша не имел в своем распоряжении никаких сочинений, из которых он мог бы почерпнуть сведения о географии, истории, политическом устройстве «Московии», то уже в начале XVI в. положение изменилось. Изданный в 1517 г. «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского давал в руки польского читателя и сведения о политической структуре русских земель, правда, к тому времени уже устаревшие¹, и обстоятельное географическое описание отдельных «провинций» Русского государства. Расширению познаний польской шляхты о России несомненно способствовало и появление в первой половине XVI в. изданий известного труда Сигизмунда Герберштейна. Собранные им обильные сведения о самых разных сторонах жизни русского общества и государства первых десятилетий XVI в. стали к середине столетия в той или иной мере достоянием довольно широких польских кругов благодаря включению обширных извлечений из него в состав труда М. Кромера «О происхождении и деяниях поляков», изданного в Базеле в 1555 г. О росте внимания и интереса к «Московии» и ее прошлому и происшедших с конца XV в. в этом отношении сдвигах красноречиво свидетельствует тот факт, что хронист нашел нужным поместить во вступительной части своего труда особый раздел, посвященный истории возникновения Московского княжества и характеристике соотношения между «московским» народом и народом «русским». Особый раздел «О народе москов-

ском, или русском» был включен и в третье издание «Хроники всего света» Мартина Бельского в Кракове, в 1564 г. Автор использовал сообщения С. Герберштейна и П. Джовио, в ряде случаев уточнял и дополнял их на основе устных рассказов о русских землях².

Появление этих исторических трудов как бы обозначает собой основные вехи интересующего нас процесса. Однако не подлежит сомнению, что эти труды дают нам одностороннюю картину, рисуют круг сведений и представлений, складывавшихся в определенных кругах интеллектуальной элиты шляхты.

Разумеется, на их основании мы не можем решить вопрос, к каким представлениям о Русском государстве или русском народе приводило чтение этих трудов более широкие и не столь образованные круги шляхты, на взгляды которых, может быть, еще большее влияние оказывала устная традиция, для которой, как показывают исследования социологов, очень характерно возникновение категорических обобщающих оценок на основе отрывочных и подчас случайных сообщений. Несомненно, что при сравнении сочинений хронистов мы также не можем составить представление, к каким конкретным политическим выводам приходили в результате сложившихся у них оценок те или иные шляхетские группировки.

Возможность дать ответ на эти вопросы и тем существенно пополнить наши знания о начальном этапе формирования взглядов польской шляхты на своего восточного соседа дает большой комплекс памфлетов и брошюр, написанных (а частично и изданных) в начале 70-х годов XVI столетия представителями различных группировок магнатории и шляхты³. В эти годы бурной политической борьбы за перо взялись не только блестящие представители политической элиты, подобные Я. Д. Соликовскому, но и провинциальные шляхтичи, чей стиль, по тонкой оценке польских литературоведов, ясно указывает на отсутствие систематического образования⁴. Их подчас весьма неискусные «опусы» позволяют заглянуть в самую глубину настроений и взглядов широких кругов шляхты. Для избранной нами темы весьма существенно, что эти памфлеты были написаны в обстановке, когда со смертью последнего представителя династии Ягеллонов — Сигизмунда II Августа польский трон стал вакантным. В этих условиях, когда выбор нового короля мог суще-

ственно изменить положение Речи Посполитой в системе международных отношений, контакты с соседями и перспектива их развития поневоле оказались в центре внимания споривших между собой публицистов. В круге встававших проблем вопрос об отношениях с Россией занял далеко не последнее место.

Как известно, главным вопросом, вокруг которого шла полемика в шляхетских памфлетах периода первого бескоролья, был, разумеется, не вопрос о достоинствах или недостатках русского государства или русского народа, а вопрос о том, следует или не следует избирать Ивана IV на польский трон.

Не менее известно, что большая часть шляхетских публицистов давала на этот вопрос отрицательный ответ, характеризуя Ивана IV как тирана, худшего, чем Нерон, который, по выражению одного из памфлетистов, кормится человеческой кровью⁵. Следует однако, заметить, что эта критика не сопровождалась какими-либо выпадами ни против России, ни против русского народа. Это обстоятельство приобретает определенное значение, если учесть, что публицисты, выступавшие в то время против кандидатуры австрийского принца, неоднократно подкрепляли свою аргументацию ссылкой на извечную непримиримую вражду между польским (или вообще славянским) и германским народами⁶. Более того, в одном из этих памфлетов встречаем ясное указание, что сами подданные Ивана IV и даже сыновья и жена ненавидят «тирана»⁷, а другой автор старался объяснить это, как он называл, «прирожденное тиранство» царя тем, что он по происхождению, собственно, не принадлежит к русскому народу: его мать — татарка⁸. Лишь в одном из сочинений А. Чешельского мы встречаем определение «москвитов» как «враждебного нам народа»⁹.

Из всего сказанного выше, разумеется, не следует, что данная группа авторов была склонна дать русской государственности и русскому обществу позитивную оценку, как в равной мере и то, что в польском обществе вообще не существовало отрицательных мнений о тех или иных качествах русских людей. Такие мнения, как мы увидим далее, действительно имели хождение. Можно отметить и высказывания некоторых публицистов о плохом отношении русских к полякам¹⁰. Тот факт, однако, что подобные высказывания появлялись на периферии полемики и

отнюдь не заняли в системе аргументации противников Ивана IV сколько-нибудь видного места, ясно показывает, что в сознании польской шляхты эпохи Возрождения отсутствовали представления о русско-польском антагонизме, занимавшие столь видное место в системе взглядов представителей польской политической мысли последующего времени.

Большого из данной группы сочинений извлечь нельзя, и это понятно. Отвергая кандидатуру Ивана IV, а следовательно, в данной ситуации — политическое объединение с Россией, эта часть публицистов, естественно, не испытывала необходимости высказываться на интересующую нас тему более подробно.

В ином положении находились публицисты — сторонники кандидатуры царя, которым было необходимо дать своим читателям известное представление о той стране, с которой им предлагалось вступить в тесные связи.

Рассматривая совокупность воззрений этой группы публицистов как общий для большей части авторов момент, следует выделить высокую оценку военно-политических возможностей Русского государства.

Соглашение с Россией, по их мнению, дало бы возможность оттеснить турок за Дунай, распространить влияние соединенных держав на Молдавию и превратить татарские орды Крыма и Буджака в вассальные политические образования, как было при Витовте¹¹, в то время как выбор австрийского принца привел бы лишь к разорению Речи Посполитой войсками Османской империи¹². При этом, стремясь убедить читателя в реальности намеченных планов, авторы памфлетов неоднократно ссылались на успехи Русского государства в борьбе с татарами. Так, один из них, великопольский шляхтич Петр Мычельский, обращал внимание читателей на созданную в России сложную и разветвленную систему обороны южных границ («посмотрите», как Иван IV «сохраняет в целости свою землю, как он закрывает неприятелю дороги крепостями и сторожевыми заставами»). Успехи, достигнутые в этом деле, являются важным доводом за то, что при участии русских людей такая же система обороны могла бы быть создана и в Подолии¹³.

Другой анонимный автор свою идею подчинения Буджака и Крыма подкреплял ссылкой на покорение Казани и Астрахани¹⁴. Это высказывание отражает явный рост

международного престижа Русского государства в глазах польской шляхты. Действительно, на фоне продолжавшихся успехов Османской империи на Балканах, где турецкие войска в середине XVI в. заняли столицу Венгерского королевства — Будапешт и империя Габсбургов не смогла им помешать, подчинение Россией татарских ханств Поволжья не могло не произвести глубокое впечатление на шляхетских политиков, сопоставлявших русские успехи с неспособностью Речи Посполитой положить конец набегам крымских татар. Хотя нельзя утверждать, что таких оценок держалось в начале 70-х годов все польское феодальное общество¹⁵, не подлежит сомнению, что значительная часть шляхты относилась с явным уважением к растущей политической мощи Русского государства.

Существенно при этом, что шляхетские публицисты отнюдь не объясняли все достигнутые успехи личными способностями русского монарха, которому, конечно, особенно в сочинениях Мычельского, тоже воздавалось должное, но в немалой мере связывали их с высокими положительными качествами русского народа, выступая со специальными возражениями против встречавшихся в шляхетской среде пренебрежительных отзывов о русских.

«А что говорят,— писал один из анонимных публицистов,— московский народ грубый, не видели его, а судят; уж не грубый, если добывается своего, не кланяется никому»¹⁶. Мычельский также возражал против утверждений, «что это за люд московский, боязливый в бою», доказывая, что мужеством русские превосходят его соотечественников¹⁷.

Вместе с тем, высоко оценивая упорство и мужество, проявленное русским народом при отстаивании политической независимости, шляхетские публицисты — сторонники царя — в других отношениях склонны были смотреть на русское общество сверху вниз, что со всей ясностью следует из целого ряда их высказываний в полемике вокруг личности Ивана IV. По мнению авторов, рекомендовавших царя на польский трон, Иван IV не был «прирожденным тираном» (как полагали его оппоненты), а его «тираническое» правление было неизбежным в обществе, где он действовал. Так, по мнению П. Мычельского, дело было в том, что «дикая натура» (*fera natura*) москвитов «не возделана» (*exculpta*) ни искусством, ни добрыми

нравами, ни предписаниями законов. Поэтому Иван IV «не может» иным образом привести «их (своих подданных.— *Б. Ф.*) к выполнению своих приказаний и к сохранению веры и поэтому должен править ими тиранически»¹⁸. Еще более интересны в этом отношении оценки виленского войта Августина Ротундуса, который писал: «тиранство в Москве есть и должно быть», так как Русское государство живет «языческим обычаем, какой был и у нас в Литве во время язычества»¹⁹. Языческий обычай здесь, конечно,— не приверженность к языческой религии²⁰, а суммарное обозначение той совокупности общественных институтов, того состояния общества, которое существовало в Великом княжестве Литовском до принятия литовцами католической религии и заключения Кривской унии.

Нетрудно видеть, что, по представлению польских публицистов, в России XVI в. продолжало сохраняться то примитивное общественное устройство с характерной для него формально неограниченной властью монарха, которое в Польше, а также и в Великом княжестве отошло в прошлое, сменившись более развитыми сословными институтами²¹.

Лишь учитывая эти представления шляхетских публицистов, можно понять очевидное в целом ряде текстов различие между отношением к «самодержавию» Ивана IV и «деспотизму» Габсбургов. Если «самодержавие» Ивана IV отождествлялось по уровню развития с «патрициальной монархией» Ягайлы конца XIV в., с которой польские феодалы в прошлом сумели найти общий язык, то деятельность Габсбургов в Чехии и Венгрии воспринималась как проявление абсолютистской политики, направленной на ликвидацию прав и вольностей господствующего класса, и поэтому вызывала со стороны польских феодалов резко отрицательное отношение²².

Из представления о «варварском», примитивном состоянии Русского государства и общества вытекал ряд конкретных политических выводов.

Здесь следует отметить прежде всего тезис об изменении характера, методов правления, всей личности русского царя под воздействием развитой польской среды. Так, например, Мычельский полагал, что царь, «проникнувшись отвращением к простоте людей своих и их обычаев, полюбит столь благородный народ польский», а поскольку

в России нет писаных законов, то ему в своей деятельности придется руководствоваться нормами польского права²³. По мнению другого анонимного автора, поскольку русский народ простой, можно даже сказать, грубый, «московит почитал бы все обычаи наши, так как по сравнению с московской грубостью все бы ему казалось наилучшим, и народ наш и людей наших, без сомнения, предпочитал бы своим». В результате царь стал бы раздавать польским феодалам земли и должности в России²⁴.

Хотя внимание публицистов первого бескорольевья было по понятным причинам сосредоточено на личности Ивана IV, однако высказывания одного из авторов ясно показывают, что, по мнению шляхетских публицистов, выбор Ивана IV на польский трон должен был в дальнейшем оказать глубокое влияние и на все русское общество. В этом случае, по мнению публициста, польские шляхтичи народ московский «человечностью и обычаями своими легко бы покорили», тем более что русские обычно рады видеть чужеземцев и охотно дают им пропитание. Тогда полякам посчастливилось бы в Москве получить столько же, сколько раньше в Великом княжестве²⁵.

Такой комплекс воззрений на Восточную Европу в XVI в. с делением населявших ее народов на более и менее развитые, с признанием для более развитого народа польского (на деле, конечно, польских феодалов) руководящей роли в данном регионе был отражением и продуктом восточной экспансии господствующего класса средневековой Польши.

При сопоставлении с более поздними вариантами подобных воззрений (взгляды С. Пальчевского, С. Немоевского и др.) нужно все же отметить их сравнительную умеренность: за менее развитым народом признавались положительные качества, например храбрость, гостеприимство и способность к усвоению культурного наследия, выработанного народом более развитым.

Для избранной здесь темы представляет интерес, в какой мере описанные выше конструкции польских публицистов опирались на их знания жизни русского общества. Просмотр текстов под указанным углом зрения показывает, что какие-либо конкретные примеры, которыми авторы обосновывали бы свои утверждения о «московской грубости», в памфлетах отсутствуют. Единственное конкретное упоминание Мычельским отсутствия в Рос-

сии XVI в. писанных законов свидетельствует как раз о малой информированности автора, если учесть, что в России к этому времени было создано два специальных общерусских кодекса правовых норм — «Судебник» 1497 и 1550 гг. и ряд извлечений из первого кодекса был включен в состав хорошо известного образованным кругам польского общества труда Герберштейна²⁶.

Вместе с тем обращает на себя внимание обилие сопоставлений России и Литвы, а (реже) Ивана IV с Ягайлом («и в России будет так же, как в Литве, и Иван IV будет действовать, как Ягайло»).

Таким образом, можно сделать вывод, что соответствующие построения чаще всего не были продуктом знакомства публицистов с русской жизнью, а представляли собой своеобразное обобщение (с одновременным перенесением на Россию) результатов длительного исторического общения между польской шляхтой и господствующим классом Великого княжества в XV—XVI вв. Действительно, здесь, на территории Литвы, Белоруссии и Украины, польская шляхта сталкивалась с обществом иным, чем в Польше, поскольку на этих территориях, перенесших ужасы татарского нашествия, еще сохранялись формы общественной жизни, которые в Польше отходили уже в прошлое, а в культурной жизни господствовал иной — восточно-христианский — тип культуры. Как известно, длительный процесс общения с Великим княжеством Литовским, протекавший в условиях военно-политического превосходства Польского королевства и постепенного развития польской феодальной колонизации, завершился тем, что господствующий класс Литвы, а отчасти и городское население стали активно осваивать присущие Польше эпохи Возрождения формы общественной жизни и культуры, включая и связанный с этими формами польский язык. Это обстоятельство не могло не укреплять в сознании польских феодалов чувство особого превосходства своей общественной организации и культуры над общественной организацией и культурой восточных славян и литовцев. Вместе с тем развертывавшийся на Украине и в Белоруссии процесс быстрого освоения польского наследия вел к тесному сближению и организации и образа жизни, и культурных потребностей господствующих классов Польши и Великого княжества Литовского.

Поскольку русский народ составлял в представлении польских публицистов одно целое с другими народами Восточной Европы, то ясно, что и его нужно лишь ознакомить с формами польской жизни, чтобы повторился процесс, протекший в более ранний период на территории Литвы, Белоруссии и Украины²⁷.

Как писал один из «публицистов», присмотревшись к тому, «как мы потянули за собой литовские державы к нашему языку и к обычаям своим и к строю (policija), то можно быть уверенным, что если бы мы (к себе на трон.— *Б. Ф.*) Московского взяли, то, без сомнения, все тамошнее варварство с течением времени было бы нами реформировано»²⁸. То обстоятельство, что автор памфлета, где имеются такие высказывания, не принадлежал к числу сторонников избрания Ивана IV, лишь подчеркивает распространенность охарактеризованного выше способа мышления в среде польских феодалов.

В таком механическом переносе известных явлений с одного объекта на другой заключается крупный политический просчет польских шляхетских политиков. Они не заметили качественных различий между раннефеодальной «монархией» Ягайла и Россией XVI в., где на смену «патримониальному» княжеству Рюриковичей пришел возникший на местной, самобытной основе свой, русский вариант сословной монархии со своей сложной общественной структурой, с самостоятельными историко-правовыми и политическими доктринами. Внешние проявления действий этого нового политического организма (например, организация сложной и разветвленной системы обороны южных границ) не прошли мимо внимания шляхетских политиков, но никаких выводов из этого не было сделано.

Справедливости ради следует отметить, что расчеты польских публицистов на то, что польская культура эпохи Возрождения, во многих отношениях достигшая весьма высокого уровня, может оказать на русское общество значительное влияние, не были полностью беспочвенными. Столетием позже некоторые памятники польской культуры эпохи Возрождения вошли в фонд русского культурного наследия. Это, однако, вовсе не привело к тем результатам, на которые рассчитывали польские политики XVI в.

- ¹ См. об этом: *Флоря Б. Н.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского. — «Советское славяноведение», 1965, № 2.
- ² См. об этом: *Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- ³ Собрание этих текстов издано в публикации: *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906.
- ⁴ Общую характеристику культурного уровня и литературных способностей публицистов, а также биографические данные о них см. в обширном введении к публикации Чубека. Ряд ценных дополнений к его наблюдениям см. также в обобщающем исследовании: *Nowak-Dłużewski J.* Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce. Pierwsi królowie elekcyjne. Warszawa, 1967.
- ⁵ *Czubek J.* Pisma..., s. 425.
- ⁶ На это справедливо указал Я. Таабир (*Tazbir J.* Rzeczpospolita i świat. Studia z dziejów kultury XVII w. Warszawa, 1971, s. 37).
- ⁷ *Czubek J.* Pisma..., s. 446.
- ⁸ *Ibid.*, s. 405. Имелось в виду происхождение Глинских от татарского мурзы.
- ⁹ *Ibid.*, s. 135.
- ¹⁰ См., например, высказывание одного из памфлетистов: «У Москвы нет желания [быть] с нами...» (*ibid.*, s. 446).
- ¹¹ Этот довод в той или иной форме выдвигался едва ли не всеми публицистами — сторонниками царя (*ibid.*, s. 354, 356, 361, 375).
- ¹² На это характерное для публицистики начала 70-х годов

противопоставление военно-политических возможностей России и Габсбургов справедливо обращал внимание С. Грушецкий (*Gruszecki S.* Walka o władzę w Rzeczypospolitej Polskiej po wygąsnięciu dynastii Jagiellońów. Warszawa, 1969, s. 172). Существовало, что аналогичные оценки можно встретить в сочинениях не только сторонников, но и противников русского кандидата. В одном из таких памфлетов мы находим следующее признание: «Если мы так рвемся к этой войне (с Турцией. — *Б. Ф.*), а гетманом нужен нам чужой король, гораздо бы лучше нам воевать, присоединившись к Московскому, чем к Австрии... легче ему (царю. — *Б. Ф.*) подняться на войну в той земле, чем немцам сейм собрать» (*Czubek J.* Pisma..., s. 643).

- ¹³ *Czubek J.* Pisma..., s. 375.
- ¹⁴ *Ibid.*, s. 356.
- ¹⁵ Оспаривая утверждение своих оппонентов, противники кандидатуры царя указывали на ослабление страны вследствие «истребления» Иваном IV своих подданных (*ibid.*, s. 425) и ссылались в подтверждение своего мнения на разорение Москвы татарами в 1571 г. (*ibid.*, s. 405).
- ¹⁶ *Ibid.*, s. 361. Аналогичные оценки повторялись в сочинениях разной направленности, что свидетельствует об их распространенности.
- ¹⁷ *Ibid.*, s. 395.
- ¹⁸ *Ibid.*, s. 377.
- ¹⁹ *Ibid.*, s. 354.
- ²⁰ Правда, суждения отдельных памфлетистов заставляют думать, что в некоторых кругах польской шляхты могли

- считать Россию «языческой» вследствие различия вероисповеданий. См.: *ibid.*, s. 405.
- ²¹ Следует отметить, что отдельные авторы усматривали в таком общественном устройстве определенные позитивные стороны, в частности быстрое и неотложное осуществление судебных дел, противопоставлявшееся волоките польских сословных судов. См.: *ibid.* s. 378.
- ²² Подробнее об отношении польской шляхты к Габсбургам см.: *Gruszecki S. Walka...*, s. 108—121. Польские публицисты усматривали также определенную разницу и в методах отправления власти, противопоставляя «ясную» и открытую «тиранию» Ивана IV австрийской «тирании» «испанской школы» с ее интригами и вероломством. См.: *Czubek J. Pisma...*, s. 395, 635.
- ²³ *Czubek J. Pisma...*, s. 368, 378.
- ²⁴ *Ibid.*, s. 357.
- ²⁵ *Ibidem.*
- ²⁶ Это заставляет усомниться в правильности утверждения С. Грушецкого, что «внутренние проблемы этого государства (России.— Б. Ф.) не были совсем чужды польской шляхте» (*Gruszecki S. Walka...*, s. 170).
- ²⁷ Ср. характерное высказывание Мычельского, предлагавшего своим оппонентам посмотреть, «каков был перед тем люд литовский и русский, а московский люд — та же Русь и то же племя» (*Czubek J. Pisma...*, s. 395).
- ²⁸ *Ibid.*, s. 633.

БИБЛИОТЕКА ПОЛОЦКОГО СОФИЙСКОГО СОВОРА И БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ ЗАМОЙСКОЙ

Я. Н. Шапов

Сведения о библиотеке Софийского кафедрального собора в Полоцке впервые появляются в связи с трагическими событиями ее ликвидации в 1579 г. Эти сведения находятся в «Записках о Московской войне» официального польского историка Рейнгольда Гейденштейна, секретаря короля Стефана Батория. Описывая упорную осаду и взятие Баторием Полоцка в августе 1579 г., Гейденштейн сообщает о том, что разноплеменные солдаты польской армии стремились проникнуть в Полоцкую крепость для того, чтобы захватить хранившиеся там, особенно в Софийском соборе, ценности¹. Однако, когда после мужественной, почти месячной защиты города его деревянные стены и башни были сожжены и армия Батория вступила в Верхний замок, надежды на большие богатства, золото и серебро «совсем не были удовлетворены». «В глазах образованных людей (*apud homines literatas*), — пишет далее Гейденштейн, — почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много сочинений греческих отцов церкви, и между ними сочинения Дионисия Ареопгита о небесной и церковной иерархии, все на славянском языке. Большая часть их, по свидетельству летописей (*ipsorum annales tradunt*), была переведена на этот язык с греческого Мефодием и Константином»². Об одной из захваченных книг, Псковской летописи, которая «найдена была в числе других в полоцкой библиотеке и попала в наши руки», он писал затем в рассказе об истории Пскова³.

Сообщение Гейденштейна о полоцкой библиотеке, опубликованное в 1584/85 г. и повторенное в других изданиях его сочинений⁴, привлекло большое внимание западноевропейских описателей библиотек, включивших сведения о ней в свои обзоры⁵. Однако о дальнейшей судьбе этого собрания книг достоверных сведений не

было ⁶. Что касается других ценностей, находившихся в Верхнем замке, то, как указывает тот же автор, «все найденное в замке отдано было в добычу солдатам» ⁷. Русские историки, обратившие внимание на это сообщение, писали о гибели полоцкой Софийской библиотеки ⁸. Действительно, среди рукописей, сохранившихся в Полоцке и других городах Белоруссии и России, следы ее потерялись; их не удалось выявить и составителям справочников описаний рукописных собраний СССР, опубликованных в 1960-х годах. Софийский собор неоднократно горел в XVII—XVIII вв. ⁹, а сторонники враждующих христианских исповеданий на территории Белоруссии и Литвы неоднократно сжигали книги друг друга ¹⁰.

Однако Гейденштейн ничего не говорит об уничтожении книг собора. Его слова о «найденной там библиотеке» (*bibliotheca inventa*), ставшей добычей завоевателей, о ее составе, об «анналах, попавших в наши руки», скорее заставляли считать, что эта библиотека была вывезена из Полоцка теми образованными людьми, которые понимали ее ценность как для истории древней мировой культуры, так и для выполнения конкретных политических и военных планов правительства Батория, стремившегося к продолжению завоеваний на Востоке.

О том, что библиотека была вывезена в Польшу, уже в 1644 г. сообщил французский филолог Л. Жакоб. Он писал, что рукописями той «замечательной библиотеки», которую поляки нашли в Полоцкой крепости, была пополнена краковская королевская библиотека, основанная Сигизмундом II ¹¹. М. И. Слуховский, посвятивший известиям о полоцкой библиотеке в изданиях XVII в. небольшой специальный обзор, сомневается в правильности сообщения Жакоба ¹². Однако, хотя мы не располагаем сейчас другими материалами о пребывании полоцких книг в Кракове, нет оснований ставить эти сведения под сомнение ¹³.

Если о краковской части бывшей полоцкой библиотеки известно только по одинокому сообщению XVII в., то о другой, варшавской, ее части мы знаем значительно больше, и прежде всего знаем сами книги.

Очевидно, первым ее след нашел И. И. Линниченко, который в библиотеке Оссолинских во Львове, в факсимиле нескольких листов рукописи варшавской библиотеки Замойских, опознал книгу, взятую Яном Замойским в 1579 г. из полоцкого Софийского собора ¹⁴.

Библиотека «ординации» (майората) Замойских в Варшаве, как частное учреждение, была в XIX в. ограничено доступна для исследователей¹⁵. Лишь установление в Польше народной власти и национализация майората сделали и ценные фонды библиотеки широко доступными¹⁶.

В фонде Библиотеки ординации Замойских, хранящемся сейчас в Национальной библиотеке в Варшаве, находится и список «русской летописи», о которой писал Линниченко.

С определенной степенью вероятности к исчезнувшей библиотеке Полоцкого собора можно отнести рукописные книги, сохранившиеся в Варшаве и Львове.

1¹⁷. *Псковская Первая летопись*, переписанная, судя по записи, в 1548 г. для кафедрального Троицкого собора в Пскове «повелением» клира этого собора. Последняя статья летописи 1547 г. Список писан русской (великорусской) скорописью, на 460 л. в заказном переплете Замойских XIX в.¹⁸ (BOZ sim 78).

Польские и белорусские записи на этой книге показывают тот путь, каким она попала в собрание Замойских. Летопись была взята из собора 30 августа 1579 г., сразу после захвата Верхнего замка, и передана Яну Замойскому, великому канцлеру, а позже и коронному гетману, одному из руководителей и активных участников штурма города¹⁹.

Другие рукописи не имеют таких записей о разграблении соборной библиотеки, но среди рукописных книг фонда, писанных кириллицей и не имеющих свидетельств об источниках поступления²⁰, несомненно из полоцкого собора попало еще три. Эти книги связывают с Софийским собором имеющиеся на них записи, сделанные крупным полууставом, одним лицом — иеромонахом Алексеем. Это:

2. *Златоструй*, 1460—1470-х годов²¹, на 582 с., в лист, в первоначальном переплете. Включает «Пролог самого христолюбивого царя Соумиона» — рассказ о составлении книги по повелению царя Симеона и о происхождении ее названия. На книге — записи Алексея, одна из которых — о принадлежности ее полоцкому Софийскому собору²² (BOZ sim 91).

3. *Палея толковая*, первой четверти XVI в.²³, на 812 с., в рано реставрированном переплете. Включает сообще-

ние о переводе книги «от греческаго языка в славенский при князи блъгарстѣм Симеоне сынѣ Бориши Григоріемъ презвитеромъ ... повълениемъ того книголюбца князя Семиона...» Имеет на с. 810 поминальную запись того же Алексея²⁴ (BOZ сѣм 85).

4. *Златоуст (постный и цветной, в 132 главах)* и *Шестоднев Севериана Гевальского*, первой четверти XVI в.²⁵, на 1248 с., в лист, в первоначальном (?) переплете. Имеет две записи вкладчика в полоцкий Софійский собор иеромонаха Алексея²⁶ (BOZ сѣм 82).

Кроме того, одна из рукописей — *Златоуст с житием Марии Египетской*, середины XVI в., на 310 л., в лист, имеет запись о вкладе в 7077 (1568/69 г.) книги в полоцкий Воскресенский монастырь в Мошенке²⁷ (BOZ сѣм 84). Этот монастырь находился в Нижнем замке города, оставленном защитниками Полоцка еще до падения Верхнего замка. Вместе с другими полоцкими монастырями он был в 1582 г. отдан Стефаном Баторием Иезуитам²⁸, что не могло, естественно, способствовать сохранению там славянских книг. Прямая связь книги и с Полоцком и с библиотекой Замойских позволяет считать, что она попала в эту библиотеку так же, как трофей Яна Замойского, но не принадлежала библиотеке кафедрально-го собора.

Значительно труднее определить, не попали ли в число 18 кириллических рукописей собрания Замойских какие-либо другие книги полоцкого собора. Ведь, естественно, соборная библиотека не ограничивалась вкладками одного лица, Алексея, аккуратно делавшего записи на книгах, и многие книги собора могли не иметь никаких записей, как не имеет их несомненно принадлежавшая собору Псковская летопись. С другой стороны, среди этих книг могли оказаться не имевшие вкладных записей книги из других соборов и монастырей, имущество которых также стало трофеем войск Стефана Батория.

При дальнейшем отборе книг интересующего нас собрания первым критерием должна быть дата рукописей: книги соборной библиотеки не могут быть моложе 1579 г. Таким образом, две книги XVII в., к тому же написанные на украинском языке, не могут быть связаны с полоцкой библиотекой²⁹. Неполоцкими нужно считать на основании оформления и отчасти содержания еще три рукописи. Одна из них — юридический сборник второй половины

XVI в., содержащий I Литовский статут 1529 г. и привилеи XV — начала XVI в., а также песнь Богородице на польском языке, бывшую в XVI в. военной песней (BOZ сім 77). Набор литовских гербов в тиснениях на переплете книги позволил П. Баньковскому увидеть в ее владельце лицо, близкое к государственной канцелярии Литвы³⁰. Вторая — фрагменты пергаменного Евангелия-апракос второй половины XIV в., древнерусского извода, состоящая из десяти листов в обложке XIX в. (BOZ 154). Православные литургические книги, в том числе и пергаменные, были обычны в церквях и монастырях XVI в., и интерес к ним, тем более к их небольшим фрагментам, можно связывать лишь с концом XVIII — XIX в. Литургический характер имеет и Триодь постная третьей четверти XVI в. (BOZ сім 93) — времени, очень близкого к дате Московского похода. Не исключено, что она также попала в библиотеку Замоиских в начале XIX в., при Станиславе.

К числу книг полоцкого собора, попавших в библиотеку Замоиских, наряду с перечисленными выше можно с определенной степенью вероятности отнести также следующие.

5. *Слова Ефрема Сирина (104)* с приложением других слов, середины XVI в. (до 1458 г.)³¹, с пробой пера «преосвященному архиепископъ великому Новагорода владыкы Еуфимѣю» (Евфимий II Брадатый, 1429—1458) и записью о передаче книги из дворца (ординатов) в Академию Замоиских: «Acad. Zamosc. ex Arce legatu(m)», на 546 с., в лист, в переплете Замоиских конца XVIII в. (BOZ сім 99).

6. *Книги Ветхого завета: Иисус Навин, Судии, Руфь, четыре книги Царств и Эсфирь*, последней четверти XV в. (точнее — 1470—1480-х годов³²), на 712 с., в 4°, в переплете XVIII в. Перевод книг: Иисус Навин, Судии, Руфь и Царств близок к переводу Острожской библии 1581 г., а текст книги Руфь близок также к тексту, опубликованному В. Н. Перетцем³³. В книге Эсфирь есть маргиналии к словам «драготу», «староста», «тивуна царева», «Вафесь» (BOZ сім 105).

7. *Пандекты Ангиоха* в 130 главах с дополнительными статьями, последней четверти XV в.³⁴, на 462 с., в 4° (21×15 см), в переплете XVIII — XIX вв. (BOZ сім 110).

8. *Хождение игумена даниила, перечни русских митрополитов, епископий и новгородских архиепископов и выпись из Пчелы*, последней четверти XV в.³⁵, на 103 л., в 8°, в переплете Замоиских начала XIX в. Текст Хождения принадлежит к третьей редакции, по определению Веновитинова, но имеет чтения, свойственные отдельным спискам и других (кроме первой) редакций. Перечни епископий относятся к XII в., митрополитов — к концу XIII — началу XIV, архиепископов новгородских — к первой четверти XIV в. Они близки к перечням, включенным в летописную статью 6497(989)г. Комиссионного списка и Академического списка Новгородской I летописи и представляют собой текст до внесения дополнений, связанных с включением их в XV в. в состав летописи³⁶. Лингвистический анализ списка Хождения показал, что рукопись возникла на территории переходных белорусско-украинских говоров, входившей в состав Велико княжества Литовского, возможно с белорусской диалектной основой и наслоениями украинских языковых особенностей³⁷ (BOZ sim 134).

9. *Сборник апокалиптических сочинений и апокрифов*, конца XV — начала XVI в.³⁸, с зачерненной записью о передаче книги Яном Замоиским библиотеке Академии Замоиской, в переплете XVI в. Сборник содержит: Житие Василия Нового, Апокалипсис толковый Андрея Кесарийского, Откровение Мефодия Патарского в редакции, близкой к опубликованной И. Франко³⁹, Повесть о Фаудале, бывшем три дня в аду, Повесть о мучении Христа с указанием имени переводчика с европейского на латинский — Ансельма, Слово св. Андрея о Царьграде и повесть «От книг четырех патриарх» (BOZ sim 92).

10. *Сборник, содержащий Псалтирь, перечни книг истинных и ложных, включающий древнерусские книги*⁴⁰, уставы церковной службы, пасхальные таблицы с 7009 (1501) г. и молитвы, 1500—1501 гг.⁴¹, на 1405 с., в лист, в переплете, реставрированном в XVIII в. Среди песнопений и молитв есть «св. Курила туровского епископа», «Кирилово творение Туровского». В. Будзишевская считает список русским, восходящим к поздней редакции среднеболгарского текста⁴².

11. *Евангелие учительное*, середины XVI в.⁴³, содержащее указание на перевод «съ греческаго языка на рускыя книги в лето 6915 (1407) индикта 15», с поминаль-

ной записью «Павла многогрѣшного», на 891 с., в лист, в первоначальном переплете (BOZ sim 85).

Еще одна книга полоцкой Софійской библиотеки, которая, очевидно, тоже была вывезена Яном Замойским, сохранилась не в библиотеке ординации, а попала в православную церковь в Замостье, преобразованную в конце XVII в. в униатский (василианский) монастырь⁴⁴. В настоящее время она хранится в библиотеке Львовского государственного университета имени И. Франко.

12. *Пролог* (сентябрьская половина), первой четверти XVI в.⁴⁵, на 1128 с., в лист, в переплете XVII—XVIII вв., т. е. того времени, когда книга была в Замостье, с записями иеромонаха Алексея⁴⁶ и Замостского монастыря⁴⁷. Среди чудес Николы есть чудо о младенце, утонувшем в Днепре⁴⁸ (шифр 203. III, прежде I. Г. 15)⁴⁹.

Можно ли на основании небольшой сохранившейся части книг⁵⁰ и других собранных свидетельств представить себе состав, размер и значение интересующего нас книжного собрания? Очевидно, можно, но с немалой долей гипотетичности.

Что касается состава библиотеки, то, конечно, среди ее книг большое место занимали литургические сочинения, которые входили в обычный книжный фонд церкви. Вероятно, они мало интересовали завоевателей, принадлежавших к другому христианскому исповеданию, но, поскольку Софійский собор оставался действующим православным кафедральным храмом и после 1579 г., эти книги нужны были в самой церкви.

Для восстановления состава этой части библиотеки можно воспользоваться сохранившимися описями других соборных и монастырских библиотек конца XV—XVI в., в частности на территории Великого княжества Литовского. Так, в слущком Троицком монастыре в 1494 г. были такие служебные книги: Евангелия на престольные (тетр), две Триоди (очевидно, постная и цветная), Апостолы тетр и апракос, Псалтирь, Устав (церковный) и, кроме того, Часословец, сборники постный и годовой, два потребника, три служебника⁵¹. В столичной великокняжеской библиотеке в Вильно в 1510 г. из служебных книг находились Евангелия, Триоди постная и цветная в нескольких экземплярах, Октоих и еще Осмогласник, Стихирарь («Стихологей») и Трефолой на пергамене, «праздничных книг 4», Псалтирь следованная, Часословец,

«Трипеснец», «Книга указ служить» и др.⁵² Большое число книг, в том числе служебных, имел, согласно описи 1557 г., Супрасльский монастырь⁵³. Все такие книги были, конечно, и в полоцкой соборной библиотеке, в том числе и первые печатные, или «битые» и «выбойные» книги, как они названы в описях, бывшие в XVI в. также главным образом служебными.

Историко-литературный анализ реконструированной части полоцкой библиотеки может быть темой особого исследования. Однако уже сейчас можно выделить несколько основных групп сохранившихся книг.

Это, во-первых, указанные Гейденштейном «анналы». Грамматическая форма этого слова (*pluralia tantum*) не позволяет установить, назвал он здесь одну летопись или несколько. Но несомненно, что Псковская летопись не была единственной книгой такого рода. В виленской великокняжеской библиотеке находилась «Книга летописец киевский», а в Супрасльском монастыре — «Царственный с летописцем» и «Временник из константинова временника выписан». Гейденштейн неоднократно ссылается на «русские» и «московские»⁵⁴ анналы, на «их анналы», указывает даты событий русской истории от сотворения мира, «по способу, каким русские исчисляют годы»⁵⁵, что свидетельствует о широком использовании им русских летописей. Его рассказ о политическом строе Пскова и истории его князей близок к изложению Псковских летописей⁵⁶. Летописные источники рассказа Гейденштейна об истории Полоцка, существование которых заподозрил Б. Коцовский⁵⁷, позволяют предполагать, что в библиотеке собора были и неизвестные науке полоцкие летописи.

Во-вторых, — это библейские и новозаветные тексты и их компиляции и история дней творения. Несомненно полоцкими являются Палея толковая и Шестоднев Севериана Гевальского. К этой библиотеке относим мы также собрание книг Ветхого завета и Псалтирь. Сюда же примыкает и Хождение Даниила игумена, которое до известных сочинений на ту же тему XVI—XVII вв. было наиболее распространенным в восточнославянской литературе описанием Палестины и пути к ней. Перечни митрополитов и новгородских архиепископов первой четверти XIV в. этой рукописи отражают тесные церковно-политические связи, существовавшие на Руси в то время.

К полоцкой библиотеке мы отнесли также Сборник апокалиптических и апокрифических повестей, который может быть выделен в особый раздел. Откровение Мефодия Патарского и Повесть о мучении Христа находятся в нем в редакциях, широко распространенных в XVI — XVII вв., но имеют значительные варианты, а Повесть о воине Фаудале представляет уникальный перевод этого известного в европейской латиноязычной письменности сочинения⁵⁸.

Христианская риторика представлена несомненно принадлежавшими Софийской библиотеке двумя важнейшими сборниками слов Иоанна Златоустого — Златоустом и Златоструем. Первая рукопись включает наряду с сочинениями византийских писателей и богословов также слова Кирила Туровского. Вторая интересна не только содержащимся в ней рассказом о создании книги, но и справочным аппаратом ее: в оглавлении указаны не только заглавия 45 «слов», но и начала «слов» и их разделов, что редко в восточнославянской письменности XV в. Сюда же может быть отнесено и Евангелие учительное с указанием на перевод его в 1407 г.

В особый раздел можно выделить аскетические сочинения — Слова Ефрема Сирина и Пандекты Антиоха.

Наконец, единственным представителем последнего, шестого, раздела, агиографии, является объемистый Пролог в древнерусской обработке. Эта книга слабо представляет распространенный в XVI в. ассортимент житийных сборников: в слудской библиотеке было «mineй дванадцать», «соборник жития святых», «Патерик Печерский», а в супрасльской — пять «отечников», в том числе два «новописанных», «Асаф с житием Сергия чудотворца русского» и тоже «Патерик Печерский»,

Однако эти шесть разделов не дают представления о всей тематике четых книг, необходимых соборной библиотеке. Сравнение их с описями других библиотек показывает это наглядно.

Так, здесь нет памятников и компиляций канонического права, необходимых кафедральному собору из-за тех административных и судебных функций, которые выполняли его клирошане. Такие сочинения были в обеих названных монастырских библиотеках⁵⁹. Наконец, отсутствуют среди выявленных книг византийские философские и мистические сочинения. Особый интерес представ-

ляет сочинение Псевдо-Дионисия Ареопагита, которое привлекло к себе внимание информаторов Гейденштейна⁶⁰.

По отзыву, записанному Гейденштейном, полоцкая библиотека была в глазах завоевателей очень ценным собранием книг. Нет оснований не верить такой оценке. Однако привлеченные сведения о других библиотеках Великого княжества Литовского, содержащих книги на славянском языке, не позволяют считать ее уникальной. Весьма ценными и разносторонними собраниями обладали не только дворцовая великокняжеская библиотека в Вильно (в ее «реестре книг русских» их перечислено 38), но и монастырские, такие, как слущкая (названо 47 книг) и огромная супрасльская (число книг превосходило 210). Это позволяет говорить о широком распространении книжной культуры в Великом княжестве Литовском XV—XVI вв., имеющей глубокие корни в древнерусской культуре и культуре феодальных княжеств XIII—XIV вв., обогатившей их и включившей немало произведений, которые были распространены у западных славян.

Полоцкая библиотека представляет первостепенный интерес как собрание книг городского кафедрального собора. Записи Алексея говорят о том, что она принадлежала не епископу, а клиру Софийского собора. Среди этих записей есть прямые обращения к корпорации клирошан («священники клирошане») как к коллективному собственнику книг⁶¹.

В православных кафедральных соборах на территории Речи Посполитой и Великого княжества Литовского в XV—XVI вв. продолжали существовать и развивались вместе с городскими институтами организации клирошан, находившиеся при епископе и имевшие определенные административные и судебные функции⁶². По своему социальному положению клирошане являлись верхушкой городского, бюргерского населения, тесно связанной со своим городом. Для характеристики книжной образованности и интересов этой социальной группы выявляемый состав библиотеки также небезынтересен⁶³.

Многочисленные и пространные записи оставил на книгах иеромонах Алексей. Такая черта его записей, как употребление названия собора в мужском, а не женском роде («святого Софея», «святому Софею»), как писали в Полоцке в XV—XVI вв.⁶⁴, свидетельствует, что он был

местным уроженцем, полочанином. Очевидно, Алексей — книжный писец и библиотекарь собора.

Полоцкий Софийский собор — один из древнейших на Руси. Он построен во второй половине XI в.⁶⁵ как кафедра местных епископов. В библиотеке собора могли быть книги и домонгольского времени, и XIII—XIV вв. Однако сохранившаяся часть библиотеки относится ко времени с середины XV в. до середины XVI в., а девять из двенадцати перечисленных книг вложены в течение пятидесяти лет на рубеже XV—XVI вв. Вряд ли это результат случайности, например пожара⁶⁶ или того, что новые хозяева отбирали только новые книги, ведь книг второй четверти XVI в. (за исключением переделки в № 9) нет, а к середине XVI в. принадлежат всего две книги. Скорее в этом нужно видеть свидетельство особо благоприятных для соборной библиотеки условий, сложившихся в это время в связи со значительным экономическим и культурным ростом городов на территории Великого княжества Литовского. На плане Полоцка, составленном в 1579 г., королевский секретарь Пахоловицкий отметил, что «ко времени взятия города москвитянами он по богатству своих жителей превосходил самую Вильну»⁶⁷.

С экономическим и политическим усилением Полоцка на рубеже XV—XVI вв. связано и увеличение авторитета софийского клироса⁶⁸. К्लीрошане — попы двух приделов собора, Троицкого и Всех святых, в плане имущественных отношений были особыми юридическими лицами и имели собственные села — вклады полоцких князей XIV в. Андрея и Семена и бояр Курсаков⁶⁹. О росте значения софийского клироса в начале XVI в. говорит и назначение в 1508 г. полоцким владыкой в рижскую Никольскую церковь попом «священника клирошанина», а не других, случайных попов, как это, очевидно, делалось раньше, в 1470—1480-х годах⁷⁰.

Значительное пополнение полоцкой соборной библиотеки в конце XV — первой четверти XVI в. можно ставить в связь с усилением соборного клироса, что в свою очередь является отражением значительных экономических и социальных сдвигов в развитии белорусского города этого времени.

Не случайно, что история части книг полоцкой библиотеки с 1579 г. связана с Яном ЗамоЙским. Интерес его к

этим книгам проявился, очевидно, сразу, как только он осмотрел собрание собора. На это указывает и запись на Псковской летописи, и отзыв о библиотеке Гейденштейна.

Записки Гейденштейна, хотя они и принадлежат перу латиниста, автора нескольких исторических и биографических книг, тенденциозно отражают оценку событий королем и его ближайшим соратником — канцлером Замойским и их позицию в войне. Сам Гейденштейн не был ни в Полоцке в 1579 г., ни в Великих Луках в 1580 г. и не видел их осад и сражений: весь поход он описал уже после его окончания на основании документов и со слов его участников и руководителей. Он указывает в предисловии, что пишет «на основании свидетельства мужей, которые давали направление событиям и которые до сих пор живы и находятся налицо»⁷¹. В полемике, возникшей вокруг книги Гейденштейна в связи со смертью Батория, высказывалось мнение, что автором ее был Замойский. Исследователь сочинений Гейденштейна считает, что это произведение — результат труда трех авторов: Батория, Замойского и Гейденштейна. Он выявил в этом сочинении немало сведений, источником которых могли быть только устные свидетельства Замойского⁷². Отзыв о библиотеке — такой же случай.

Изучение рукописей Библиотеки ординации Замойских, писанных кириллицей, позволило прийти к важному заключению, что некоторые из книг, которые с большей или меньшей уверенностью можно связывать с Полоцком, принадлежали Академии Замойской. Восемь таких рукописей имеют на поле первых листов записи в две или три строки, зачерненные впоследствии. Содержание некоторых из этих записей все же можно восстановить. Так, на рукописях 82 и 92 (наши № 4 и 9) оказались записи одного содержания: «(...) Joannis in Zamosci Palatinus (...) legat (...) Bibliotheca Acad. Zamoscensis», которые можно понять как: «Эту книгу воевода Иоанн Замойский передал [по завещанию?] библиотеке Академии Замойской». Запись на книге 99 (наш № 5) «Acad. Zamosc. ex Arce legat (...)» («Отдана [по завещанию?] из замка Академии Замойской») не зачернена. Есть зачерненные записи и на греческих рукописях⁷³.

Академии Замойской, несомненно, принадлежали Злауост, вложенный иеромонахом Алексеем в полоцкий собор, и еще две книги — Слова Ефрема Сирина и Сборник

апокрифов, которые мы отнесли к полоцкой библиотеке по косвенным данным. Кроме того, основываясь на внешнем сходстве нечитаемых зачернений с такими же зачернениями на книгах № 4 и 9, можно предполагать, что в библиотеке Академии побывали и рукописи № 1⁷⁴, 2, 6—8. Под зачернением на Евангелии учительном (№ 11) просматриваются кириллические буквы.

Таким образом, несколько книг, взятых в полоцком Софийском соборе в 1579 г. при участии Яна Замойского, оказались затем, в конце XVI или уже в XVII в., в библиотеке основанного им высшего учебного заведения — Академии⁷⁵.

Открытая Замойским в 1594 г. в административном центре ординации, новом городе Замостье, Академия в первые десятилетия своей деятельности была гуманистическим учебным заведением, отличавшимся от иезуитских школ гражданским направлением образования и воспитания. Обязательным языком в Академии был не только латинский, но и греческий. Известный поэт и гуманист из Львова Шимон Шимонович стал главным помощником в ее создании и первым профессором, в типографии Академии он печатал свои сочинения и переводы. Студенты в Замостье были разделены на «нации», как это было принято в некоторых западноевропейских университетах. В XVII — XVIII вв., с ростом влияния церкви характер Академии изменился и она потеряла свое значение. Австрийский император Иосиф II закрыл ее в 1784 г.⁷⁶

Библиотека Академии возникла вскоре после начала занятий. Уже в 1596 г. ее видел бывший в гостях у Замойского итальянский дипломат Ваноцци. Он обратил внимание на то, что там были книги и рукописи, в частности, на греческом и армянском языках, книги в красивых переплетах, но библиотека не была разобрана и лежала в сундуках⁷⁷. После смерти Замойского не только его книги, но и бумаги были переданы библиотеке Академии. В литературе известен каталог библиотеки, составленный в 1675 г. профессором Академии А. Кробским; в ней насчитывалось тогда четыре тысячи книг. После закрытия Академии ее книжные фонды были объединены с библиотекой ординации⁷⁸, а в 1810 г. все собрание перевезено в Варшаву.

Полоцкие книги, переданные библиотеке Академии или самим Яном Замойским в конце XVI в., или (если по-

нимать запись «legat (...)» как «legatum est» («передано по завещанию»)) после смерти, в начале XVII в., свидетельствуют об особом интересе Замойского к славянскому переводу сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита. Вероятно, кириллические славянские книги в Академии могли быть полезными прежде всего студентам — представителям православной шляхты, а также профессорам, знавшим славянское письмо. При недостатке греческих книг славянские переводы некоторых философских и исторических сочинений представляли, очевидно, определенную ценность, что и было основанием для включения их в академическую библиотеку. В середине XVII в. с Замостским православным братством были связаны украинские студенты, очевидно — студенты Академии Замойской⁷⁹. Видимо, и Пролог из полоцкого собора, принадлежавший замостской церкви, при которой в XVII в. существовала братская школа, попал туда из библиотеки Академии, хотя возможность других путей также не может быть исключена.

Пересмотревший немало книг Академии в фонде ординации в Варшаве Кохановский обратил внимание на то, что большая часть их переплетов находится в очень хорошем состоянии, а страницы сохраняют первоначальную девственную чистоту. Это привело его к грустным мыслям о том, что книгами академической библиотеки пользовались очень мало и они не сыграли той роли, которая им предназначалась⁸⁰. Пожалуй, это не менее справедливо по отношению к книгам, писанным кириллицей. Они сохранились довольно хорошо, не имеют обычных для таких книг, хранившихся в украинских и белорусских монастырях, полемических маргиналий. Исключение составляет, пожалуй, лишь Псковская летопись, достаточно запачканная и затертая, вероятно еще при жизни основателя Академии⁸¹.

Изучение рукописных книг полоцкого Софийского собора, сохранившихся в Варшаве и Львове, а также опубликованных в конце XVI—XVII в. сведений о библиотеке дает ценный материал для частичной реконструкции библиотеки собора и судьбы ее книг. Библиотека принадлежала клирошанам — церковной организации при кафедре епископа, связанной с городской верхушкой. Эта библиотека была, очевидно, значительно пополнена и обновлена на рубеже XV—XVI вв. во время экономическо-

го, политического и культурного роеа Полоцка и усиления роли соборного клироса. Наскблько можно восстановить состав ее книг, это было большое собрание, включавшее наряду с литургическими книгами также философские сочинения, библейские и новозаветные тексты и компиляции, в том числе и апокрифические, исторические труды, и среди них русские летописи, литературные памятники и многое другое. По своему составу библиотека может быть сравнена с такими известными собраниями славянских книг на территории Великого княжества Литовского, как виленская великокняжеская библиотека и книгохранилища Супрасльсого и Слуцкого монастырей. Созданная в основном в то время, когда Полоцк входил в состав Великого княжества Литовского, библиотека собора пополнялась и тогда, когда при Иване IV этот город принадлежал России. Библиотека была захвачена в 1579 г. войсками Стефана Батория как трофей и вывезена в Польшу. Высокая оценка библиотеки, которую дают «Записки о Московской войне» Гейденштейна (1584—1585), принадлежит, очевидно, одному из руководителей этой кампании — Яну Замойскому.

Вывезенные из Полоцка книги были разделены на части. Одна часть попала в Краков, в королевскую библиотеку, где находилась в XVII в., а затем след полоцких книг пропал вместе со следами этой библиотеки. Другая часть полоцких книг перешла к Яну Замойскому. В фонде библиотеки ординации Замойской в Варшаве удалось выявить 11 книг, с разной степенью вероятности принадлежавших полоцкому собору. Вывезенные из Полоцка книги Замойский передал основанной им в 1594 г. в городе Замостье Академии. Книга из полоцкого собора попала в том же Замостье в православную церковь, при которой действовала братская школа.

Изучение истории книг полоцкого собора бросает новый свет на историю книжной и городской культуры белорусских земель в XV—XVI вв. и восточных земель Польши в XVI—XVII вв. и показывает некоторые неожиданные результаты, к которым приводили военные походы в Восточной Европе в ту важную для этой части мира пору, богатую политическими и религиозными столкновениями ⁸².

- ¹ Reinoldi Heidensteinii secr. regii. De bello Moscovitico commentariorum libri sex. Cracoviae, 1584 (далее — *Heidenstein*), р. 62. «Молва о древних богатствах знаменитого города, и особенно находящейся в нем церкви св. Софии, о серебряных статуях, о богатейших дарах древних русских князей, которые, как говорили, находились там, возбудила в солдатах надежду на огромную добычу» (*Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889 (далее — *Гейденштейн*), с. 66).
- ² *Heidenstein*, р. 67; *Гейденштейн*, с. 71—72.
- ³ *Heidenstein*, р. 183; *Гейденштейн*, с. 195.
- ⁴ Записки Гейденштейна, имеющие на титульном листе дату выхода 1584, как установлено Коцовским, и печатались, и вышли в 1585 г. (*Kocowski B.* Trzeje padewszcysu. Wplyw Batorego i Zamoyskiego na działalność R. Heidensteina. Lwów, 1939, s. 141). В течение XVI в. они переиздавались на латинском языке трижды (Базель, 1588; Кёльн, 1589 и Франкфурт, 1600, последний раз — в составе сборника сочинений о России) и один раз — в немецком переводе (Гёрлиц, 1590). «Записки о Московской войне» вошли в состав изданного после смерти автора в 1672 г. другого его сочинения — *Regum Polonicarum ab excessu Sagismundi Augusti libri XII*. Francofurti, 1672. То же о книгах полоцкого собора см. на с. 122, 130, 136, 173.
- ⁵ *Jacob L.* Traictie des plus belles bibliothèques publiques et particulieres... Paris, 1644, р. 228—229; *Beyerlinck L.* Magnun theatrum vitae hu-
- manac. Lugduni, 1678, р. 964; *Lomeier J.* De bibliothecis liber singularis. Ultrajecti, 1680, р. 354 (сведения для этого второго издания книги, впервые опубликованной в 1669 г., заимствованы у Бейерлинка).
- ⁶ О сообщении Л. Жакоба см. ниже.
- ⁷ *Heidenstein*, р. 67; *Гейденштейн*, с. 71.
- ⁸ *Сапунов А. П.* Краткий очерк борьбы Московского государства с Литвою и Польшею в XIV—XVII вв.— «Витебская старина», 1885, т. IV, с. 44; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. III, т. 6. М., 1960, с. 654; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, с. 535; *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966, с. 229; В. Новодворский сомневался в гибели библиотеки (*Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582). СПб., 1904, с. 106).
- ⁹ *Сапунов А. П.* Полоцкий Софийский собор. Витебск, 1888, с. 3; *Alexandrowicz S.* Nowe źródło ikonograficzne do oblezenia Połocka w 1579 г.— «Kwartalnik historii kultury materialnej», 1971, г. XIX, N 1, s. 28—29.
- ¹⁰ *Миловидов А.* Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей.— «Христианское чтение», 1903, т. IX, с. 491.
- ¹¹ *Jacob L.* Traictie..., р. 228—229.
- ¹² *Слуховский М. И.* Библиотечное дело в России до XVIII в. Из истории книжного просвещения. М., 1968, с. 157—

158. Автор считает почему-то, что хранилищем полоцких рукописей в Кракове могла быть только библиотека Ягеллонского университета (там же, с. 158), хотя Жакоб прямо говорит здесь о королевской библиотеке (Ягеллонской библиотеке посвящен специальный следующий раздел), да и швед Вастовий, как пишет сам Слуховский, был библиотекарем короля Сигизмунда III Вазы.
- ¹³ Информация к Жакобу могла поступить от королевского библиотекаря Иоанна Вастовия, которого, как можно думать, судя по словам Жакоба, он знал: «Jean Vastovius qui a donné «Les fleurs des priers de S. Brigitte», a eu la charge de cette bibliothèque» (*Jacob L. Traictie...*, p. 229). Книги вавельской библиотеки могли быть вывезены в XVII в. в Швецию.
- ¹⁴ *Линниченко И.* Архивы в Галиции. — «Киевская старина», 1888, № 8, с. 364—366. В 1930-х годах эту рукопись изучал Б. Коцовский, занимавшийся установлением источников исторических сочинений Гейденштейна (*Kocowski B. Trzej padewczusy...*, s. 46).
- ¹⁵ Линниченко не удалось в бытность его в Варшаве получить доступ в библиотеку, но он обращает внимание на этот памятник русских ученых в Варшаве, «которым может быть, удастся проникнуть в библиотеку Замойских и ознакомиться вполне с содержанием этого списка» (*Линниченко И.* Архивы в Галиции, с. 366).
- ¹⁶ *Inwentarz rękopisów biblioteki ordynacji Zamoyskiej. Sygnatury 1—2051.* Warszawa, 1967. Обзор кириллических рукописей: *Рогов А. И.* Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. — «*Studia źródłoznawcze*», 1969, t. XIV, s. 153—155.
- ¹⁷ Здесь и далее померами выделены книги из реконструируемой библиотеки полоцкого Софийского собора.
- ¹⁸ Характеристику текста летописи и публикацию некоторых ее частей и записей см.: *Рогов А. И.* Кириллические рукописи..., с. 154, 166—167.
- ¹⁹ Записи: 1) белорусской скорописью: «Книга тая узята з [з]амку Полоцкаго с церкви святою Софеи и з москвою (т. е. с русскими. — *Я. Щ.*), которые с тым же замком были взятые року АФО девятаго (1579) месяца август[та] трынацатаго дня»; другой рукой: 2) «Року АФО (1579) августа 30 д[ня] и дана ест гетману и канцлеру великому коронному велможно[м]у его м[ил]ости пан[у] Ян[у] Замойскому». Эта запись могла быть сделана, очевидно, только в 1580 г., когда Замойский стал гетманом; 3) по-польски? («Та Liathopisiec wziętha na zamku Poloczkim, s zerkwy s Sofiey z Moskwą ktho wsi s them ze zamkiem wziętho w plon (A[nn]o 1579 Augusta 30 dnia. Flor(ian) Oleszko». Сделавший эту запись известен в 1580-х годах как слуга Яна Замойского (*Archiwum Jana Zamoyskiego, t. III. Warszawa, 1913, s. 343; t. IV. Kraków, 1948, s. 15, 20, 35, 287*).
- ²⁰ Такие свидетельства имеют молдавское Евангелие-тетр второй половины XV — начала XVI в. с записью о поступлении в библиотеку Станислава Замойского в 1803 г. благодаря стараниям

- его архивариуса (BOZ sim 4) и фрагмент Супрасльской рукописи — Четывиней XI в., которая до 1830-х годов находилась в Супрасльском монастыре (BOZ sim 201).
- ²¹ Филиграни: розетка (Брике, № 6481—6483, 1460—1470 гг.); голова быка трех типов (Брике, № 14 755—14 765, 1430—1470 гг.; № 14 784—14 803, 1430—1470 гг.).
- ²² «Книга с[вя]т[о]го Софѣя ц[е]ркви въ б[о]госпасаемѣм градѣ Полоцку. Г[оспод]и, сп[а]си, пом[и]луи блуднаг[о] и скврѣнаго Алексіа» (лл. 30, 31, 582).
- ²³ Филиграни: голова быка с крестом и змеей (Брике, № 15 376, 1498 г.); тиара с крестом (Брике, № 4901—4902, 1511—1520 гг.); три горы с крестом (Брике, № 11808, 11811, 1490—1501 гг.).
- ²⁴ «Г[оспод]и, сп[а]си и пом[и]луи блуднаг[о] и скврѣнаг[о] Алексіа».
- ²⁵ Филиграни: голова быка с крестом и змеей (Пиккард, № XVI 71—75, 1506—1519 гг., № 191—198, 1491—1514 гг.), тиара.
- ²⁶ Записи очень пространны, в них: «...Се азъ, уб[о]гїи ермонах Алексіе, далъ есмь книгу сію, нарицаемую Златоуст постный от мытаря и фарисеа и до всѣх святых, Премудрости б[о]жїи с[вя]т[о]му Софѣю, иж[е] съборнаа великаа ц[е]рк[о]въ въ б[о]гом спасаемѣм градѣ Полоцку, на память мнѣ и родителем моим...» (с. 8—15). Другую запись см. ниже, в примеч. 61.
- ²⁷ Запись под 7077 годом: «...божею милостью положен[а] бысть сия книга рекомыи Златоустъ в дом божиї в монастыр в болшем граде Полоцке Воскресеня в Мошенке, а положили его Шераповы приказчики Титова ключника полоцкого Житничного, а во инодех Шерап Деонисей. А приказчик Григорей Офонасев ключник Житничной, да Николаи Жюков, а положили тои Златоуст и Устав вместе по иноце по Денисии и по его родителем неподвижно...»
- ²⁸ «Витебская старина», 1888, т. V, с. 73.
- ²⁹ Евангелие толковое (BOZ sim 87) и «Душевник» из города Щебрешина под Замостьем (BOZ 1108).
- ³⁰ *Bañkowski P. Dwa teksty «Bogorzeczy» w dwóch rękopismennych Statutach Litewskich z 1-ej połowy XVI w.— «Archeion», Warszawa, 1948, t. 18, s. 166—169.*
- ³¹ Филиграни: голова быка с мачтой и крестом (Пиккард, № 368—369, 1449—1452 гг.; № 331—332, 1446—1469 гг.), голова быка с розеткой (Пиккард, № 162, 163, 1444—1446 гг.).
- ³² Филиграни: готические буквы «р» (Брике, № 8692, 1451—1483 гг.) и «у» (Брике, № 9177—9184, 1451—1483 гг.); голова быка с перекрестьем.
- ³³ «Университетские известия», Киев, 1911, № 12, прил.
- ³⁴ Филигрань: голова быка с перевернутой короной (Брике, № 14 562, 1476—1482 гг.).
- ³⁵ Филиграни: голова быка с розеткой (Брике, № 14 748—14 769, 1417—1492 гг.), кувшин с одной ручкой (Брике, № 12 544—12 545, 1479—1491 гг.).
- ³⁶ Подробнее об этом см.: *Щапов Я. Н. Каталог восточнославянских и южнославянских рукописных книг в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976.*

- ³⁷ Янус Э. Варшавский список «Хождения игумена Даниила». — ТОДРЛ, 1968, т. XXIII, с. 303.
- ³⁸ Филиграни: тиара с крестом (Брике, № 4891—4902, особенно близко к № 4898, 1480—1512 гг.). Рукопись перестроена и частично дописана во второй четверти XVI в. Филигрань вставки с гербом Познани — орел с двумя ключами (Siniarska-Czaplińska, № 865—869, 1528—1555 гг.).
- ³⁹ Франко Ів. Апокрифи і легенди з українських рукописів, т. IV. Львів, 1906, с. 264—270.
- ⁴⁰ См. Щапов Я. Н. Каталог восточнославянских и южнославянских рукописных книг..., прил. 5.
- ⁴¹ Филиграни: весы в круге (Брике, № 2558, 1495—1501 гг.); голова быка (Брике, № 15 364, 1489 г.), кувшин с крестом и одной ручкой.
- ⁴² Budziszewska W. Rękopisy południosłowiańskie w zbiorach specjalnych Biblioteki Narodowej w Warszawie — «Rocznik sławistyczny», 1969, т. XXX, с. 52.
- ⁴³ Филиграни: голова быка (Брике, № 15 361, 1542—1546 гг.); гербовый щит с горизонтальной линией меандром; литера W под короной (Брике, № 9158, 9160, 9162—9163, 1494—1594 гг.).
- ⁴⁴ Привилей грекам на поселение и учреждение православной церкви был дан основателем города в 1589 г. и подтвержден его сыном Томашем в 1618 г. (Будилович А. Русская православная старина в Замостье. Варшава, 1835, с. 6—8). К 1618—1631 гг. относится и построение здания замостской православной церкви (Wielka Encyklopedie
- dia Powszechna, т. 12. Warszawa, 1969, с. 633—634). Время укрепления василиан в Замостье неясно. Есть указания на то, что до середины XVIII в. (1755) они не имели своего монастыря в городе (Будилович А. Русская православная старина..., с. 264—265; Kossowski A. Klasztor bazylianów w Zamościu i jego kronika. — «Roczniki humanistyczne», т. IV, з. 4, 1953, Lublin, 1957, с. 199—200, 215), хотя есть сведения, что Никольская церковь в замке была передана монахам ордена св. Василия в 1699 г. Вторая православная церковь Вознесения, в предместье, перешла к василианам ранее, не позже 1674 г. (Будилович А. Русская православная старина..., с. 106).
- ⁴⁵ Филигрань: тиара с крестом (Брике, № 4901—4902, 1511—1520 гг.).
- ⁴⁶ «Иеромонах Алексіе дал есмь книгу сію [глаголем]ую [с]ъборник м[е]с[я]ца с[е]п[т]ября [в... собор]ную ц[е]рк[о]вь Пр[е]м[у]др[о]сти б[о]ж[и]а с[в]я[т] [о]му Софею иж[е] ес[т]ь в б[о]госпасасме градъ Полоцку...». «+ Поклон и бл[а]го[сл]о[в]еніе кн[я]зю, и бояром, и мужем полочаном от Алексіа. Сами не обидите дому с[в]я[т] [о]го Софеа а въ обиду не дадите, а приказываю б[о]г[о]ви и вамъ».
- ⁴⁷ «Exlibris bibliothecae monasterii Zamoscensis p[atrum] O[r]d[inis] S[ancti] Basillii Magni».
- ⁴⁸ См.: Калужняцкий Е. И. Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских. — В кн.: Труды III Археологического съезда, бывшего в Киеве в

- августе 1874 г., т. II. Киев, 1878, с. 228—250. Рукопись упомянута также в кн.: *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.), вып. 1. СПб., 1914, с. 36.
- ⁴⁹ В изучении львовского списка автору оказывал помощь Я. Д. Исаевич.
- ⁵⁰ При определении среди рукописей Библиотеки ординации Замойской книг полоцкого происхождения несомненную помощь мог бы оказать лингвистический их анализ, не проделанный еще специалистами.
- ⁵¹ АЗР, т. I. СПб., 1846, № 115, с. 137.
- ⁵² *Пташицкий С.* Библиотека великого князя литовского в Вильне в 1510 г.—«Библиограф», 1888, № 1, с. 4—7.
- ⁵³ *Добрянский Ф.* Описание рукописей виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, с. XXVII—XXXIII.
- ⁵⁴ *Heidenstein R.* Regum Poloniarum..., p. 130.
- ⁵⁵ *Ibid.*, p. 122, 130; *Гейденштейн*, с. 21, 49.
- ⁵⁶ См. отсылки к Псковским летописям редактора русского перевода «Записок о Московской войне» (*Гейденштейн*, с. 195—201).
- ⁵⁷ «Рассказанная история города Полоцка с самого его начала и ссылки при этом на московские хроники свидетельствуют, что вместе с этой добычей в руки поляков попали также источники по истории этого города», «Зато история Великих Лук не дается» (*Kocowski B.* Trzej radewczysu..., s. 146 и сноски 23).
- ⁵⁸ Перевод отличен от известного перевода с чешского «Книги о Таудале рыцаре» в списке XVII в. погибшей библиотеки Красиньских в Варшаве.
- ⁵⁹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. VI. Вильна, 1889, с. 12—13.
- ⁶⁰ О сочинениях Дионисия Ареопагита в славянских переводах см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 20; *Клибанов А. И.* К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности.—ТОДРЛ, 1957, т. XIII, с. 166—171.
- ⁶¹ «Господие мои, священници клирошанъ..., чтите по книзе съй ...Ваша же милость, священници клирошанъ, книги съя по домом своим не носите и хотящим брати ис церкви възбравяите и не давите, вѣском от свѣчи не скáпте, не измораите, не зволчите. А хто насильством и по власти, или тайно будет брати ис церкви, да будет на нем запръщение...» (BOZ sim 82).
- ⁶² АЗР, т. I, № 103, с. 106.
- ⁶³ О соборных клирошанах в XV—XVI вв. см.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. I, половина 1. М., 1901, с. 376—386; т. II, половина 1. М., 1911, с. 37—43, 65—76; *Лотоцкий О.* Соборні кліроси на Україні та Білій Русі в XV—XVI ст.—«Зап. НТШ», т. IX. Львів, 1896, с. 1—34. Среди полоцких книг, сохранившихся в Варшаве, нет греческих рукописей. Наше изучение греческих рукописей Библиотеки ординации Замойской (их всего восемь) показало, что ни одна из них не связана с восточнославянскими центрами. Об этих рукописях см.: *Щапов Я. Н.* Греческие

- рукописи в собраниях Варшавы и Кракова.— «Византийский временник», т. 33 (в печати). В Супрасльском монастыре было «греческих книг пять».
- ⁶⁴ «Витебская старина», 1888, т. V, с. 19; Полоцкая ревизия 1552 г. М., 1905, с. 17.
- ⁶⁵ История русского искусства, т. I. М., 1953, с. 316.
- ⁶⁶ Есть сообщение о пожаре в соборе в 1447 г.: епископ Семион писал в Ригу: «от огня много нам и вам шкоды стало в нашей церкви умурованой в святем Софеи» (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, Bd. 10. Riga, 1913, S. 222).
- ⁶⁷ Коркунов М. Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 г. и тогдашние планы г. Полоцка и окрестных крепостей. СПб., 1837, с. 6—7.
- ⁶⁸ АЗР, т. I, № 174, с. 198; № 209, с. 356—357; РИБ, т. 27. СПб., 1910, с. 785—787 (1499 г.); с. 833—836 (1502 г.)
- ⁶⁹ Полоцкая ревизия 1552 г., с. 174.
- ⁷⁰ Грамота владыки Евфимия 1508 г. См.: ЦГИА Латв. ССР, оп. 673.— оп. 4, ящ. 19, № 70. Эту грамоту указала автору А. Л. Хорошкевич.
- ⁷¹ *Гейденштейн*, с. IX.
- ⁷² *Kocowski B. Trzej padewczy-su...*, s. 142, 163—168.
- ⁷³ Зачернены записи на книгах 59 и 125, в первой из которых читается «Do (...) Zamoys (...))».
- ⁷⁴ Фото этой зачерненной записи опубликовано: *Рогов А. И.* Кириллические рукописи..., с. 156, рис. 1.
- ⁷⁵ Письмо Замойского к папскому нунцию Калигари 1580 г. см.: *Lempicki S. Działalność J. Zamoyskiego na polu szkolnictwa* (1573—1605). Kraków, 1921, s. 58—60.
- ⁷⁶ Об истории Академии см.: *Wadowski A. Anacephalosis professorum Academiae Zamoscensis. Warszawa, 1890—1900; Kochanowski J. K. Dzieje Akademii Zamoyskiej (1594—1784).* Kraków, 1899—1900; *Lempicki S. Działalność J. Zamoyskiego na polu szkolnictwa (1573—1605).*
- ⁷⁷ *Niemcewicz J. U. Zbiór pamiętników historycznych o dawniej Polsce, t. II. Warszawa, 1822, s. 264.*
- ⁷⁸ С этим, вероятно, связаны зачернения записей на книгах.
- ⁷⁹ *Ісаввич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVII століть. Київ, 1966, с. 144.
- ⁸⁰ *Kochanowski J. K. Dzieje Akademii Zamoyskiej...*, s. 145.
- ⁸¹ Значительно повреждена сыростью рукопись с Хождением Даниила (наш № 8); все кириллические книги фонда ВОЗ имеют приписанные почерками XVIII—XIX вв. латинские названия. Книги № 1 и 8 — в заказных переплетах Станислава Замойского 1815 г.
- ⁸² После окончания работы над статьей была обнаружена еще одна рукописная книга конца XV в., которая имеет вкладную запись иеромонаха Алексея, сделанную в Полоцке. Это — список Волынской кормчей 1286 г. из собрания Жировицкого монастыря, хранящийся в Харьковском историческом музее (№ 21 129). Книга была вложена в полоцкий монастырь Иоанна Предтечи «на острове». Хотя этот факт не связан непосредственно с Софийской библиотекой, он дает дополнительный материал для характеристики Алексея, ее библиотекаря.

ТВОРЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БОЯРСКИМ ЛЕТОПИСАНИЕМ МОЛДАВИИ

Е. М. Руссеев

В своем многовековом развитии молдавское летописание — одна из наиболее ярких страниц культуры средневековой Молдавии — прошло два четко определяемых периода.

Первый представлен трудами официальных летописцев, которые в XV—XVI вв. в принадлежавших их перу славяно-молдавских летописях выполняли задания венценосных заказчиков, выступая за укрепление феодальной монархии в княжестве и прославляя заслуги, подчас и мнимые, своих патронов-господарей.

Второй примечателен творениями бояр-летописцев XVII—XVIII вв., которые, выполняя социальный заказ своего сословия, ратовали за консолидацию боярской олигархии в Стране Молдавской и соответственно за всемерное ограничение власти господарей.

Официальное и боярское летописания феодальной Молдавии различаются не только идеологической окраской. Господарские хроники писались на славянском (среднеболгарском) языке, являвшемся в XIV—XVI вв. официальным в Молдавии. Бояре-летописцы порывают с этой традицией и создают свои произведения на молдавском языке, делая их тем самым более доступными общественности княжества¹.

Основоположником боярского летописания Молдавии является выдающийся молдавский книжник Григорий Уреке (1592? — 1647?), представитель древнего аристократического рода, высокий сановник княжества. Григорий Уреке вместе с отцом своим Нестором был удостоен польского индигената со всеми вытекающими отсюда правами и привилегиями. В Польше Уреке получает хорошее по тем временам образование, пройдя обучение, по свидетельству молдавского летописца Миропы Костина, «в школах свободных искусств Короны Польской»².

Вернувшись на родину в 20-х годах XVII в., Григо-

рий Уреке становится влиятельным политическим деятелем княжества, поборником усиления власти бояр и одним из видных деятелей так называемой пропольской партии, сторонники которой выступали рьяными пропагандистами военно-политического союза Молдавии с Речью Посполитой, усматривая в нем залог избавления от турецкого ига.

Следовательно, политическая программа Уреке преследовала консолидацию боярской олигархии в Молдавии и укрепление союзнических отношений с панской Польшей. Последняя тем более привлекала молдавское крупное боярство, что являла собою образец страны с идеальным, по его мнению, общественно-политическим строем и государственным устройством, обеспечивавшими магнатам и шляхте широчайшие привилегии и вольности. Вот почему влиятельные молдавские бояре — члены пропольской партии устами своих идеологов-летописцев ратовали не только за союз с Польшей, но и за перенесение в Молдавию господствовавших там порядков.

Политические воззрения Уреке, естественно, наложили глубокую печать и на его «Летопись страны Молдавской... от Драгоша воеводы до Арона воеводы», в которой на большом фактическом материале хронист описывает героическую историю родины со времени легендарного образования княжества в 1359 г. до 1594 г., когда очередной турецкий ставленник на молдавском престоле был изгнан запорожскими казаками.

Описывая события более или менее отдаленного прошлого, Уреке должен был обратиться к показаниям источников, что и отмечает он в первых же строках своей летописи. В программном предисловии, в котором он излагает цели и задачи предпринимаемого труда, хронист со всей определенностью заявляет, что «не токмо нашу (т. е. молдавскую.— *Е. Р.*) летопись, но и иноземные книги исследовал, дабы познать истину и не стать писателем праздных слов, а правды»³.

Обращение к иностранным источникам хронист мотивирует, с одной стороны, лаконичностью молдавской летописи, с другой — осведомленностью иноземных хронистов, проявивших рвение «не токмо свое описать, но и чужое отметить»⁴.

Среди основных источников молдавского летописца, названных по средневековому обычаю по языку, на кото-

ром они были написаны, весьма часто упоминается «Польская летопись» или «Ляшский хронист».

Обращение Уреке к современной ему польской историографии определялось, во-первых, тем, что хронисты Польши неизменно уделяли должное внимание и многогранным польско-молдавским отношениям. Вассальная по отношению к Короне Молдавия представляла для польских хронистов несомненный интерес. Отсюда и то обилие фактов, которое встречается в творениях польских хронистов, таких, как Ян Длугош, Мартин Кромер, Матвей Стрыйковский, Мартин и Иоахим Бельские и др. Этой чертой и привлекала польская историография Уреке, стремившегося как можно обстоятельнее описать историческое прошлое своей родины.

Обращение к историографии Речи Посполитой определялось, во-вторых, ее ярко выраженным аристократическим духом; один из основополагающих идеологических принципов ее гласил, что польское государство — это знать. Решительному стороннику боярской олигархии, каковым являлся Уреке, такой принцип польской историографии не мог не imponировать.

Наконец, еще одной чертой своей влечет к себе Григория Уреке эта историография — стремлением польских хронистов описать в возвышенных тонах ратные подвиги магнатов и шляхты, воспеть величие и славу Речи Посполитой.

Вот почему, когда он берется за перо, чтобы запечатлеть на страницах летописи героическую историю родины, то широко использует познания, приобретенные в «школах свободных искусств» Польши и берет на вооружение достижения польской историографии, весьма осведомленной в молдавской истории.

В самом начале своего летописного труда Уреке весьма лестно отзывается о польской историографии, авторы которой, «не имея иных дел, токмо что годы блюсти и за крупными делами следить и учитывать их, дабы чего-либо не осталось не отмеченным, чтобы окружные соседи не корили бы их за то, что они дремали или были несведущи и не проникнуты историей, а посему... коль скоро проведали они об образовании страны нашей, тотчас взялись записывать все по порядку, и наше и свое»⁵.

Установлено, что основным иноземным источником Уреке являлось известное произведение Мартина Бель-

ского «Kronika polska...» (Польская летопись), опубликованное в 1597 г. его сыном Иоахимом и содержащее описание исторических событий с древнейших времен до смерти короля Стефана Батория в 1586 г.⁶

При создании своей хроники Бельский широко пользовался ценнейшими данными по истории Молдавии, содержащимися в трудах осведомленных о польском походе в Молдавию в 1572 г. Яна Лашицкого⁷, о героической антиосманской борьбе молдаван в 1574 г. Леонарда Горецкого⁸ и о славных делах запорожского гетмана — молдавского господаря Ивана Подковы — Бартоша Папроцкого⁹. Широкое привлечение Бельским трудов своих предшественников и умелое использование личного опыта очевидца многих из описываемых им событий делают Польскую летопись ценнейшим иностранным источником, непревзойденным по обилию материала, касающегося истории Молдавии XIV—XVI вв.

Как явствует из сопоставления летописи Уреке с хроникой Бельского¹⁰, молдавский книжник широко пользовался его информацией. Так, например, одинаково описана и Уреке, и Бельским¹¹ битва между поляками и молдаванами в 1359 г., явившаяся следствием феодальных усобиц. Из хроники последнего и заимствовал Уреке сведения о бегстве молдавского претендента Стефана к польскому королю Казимиру, о вступлении поляков в Молдавию и поражении их в битве подле Плонин и другие известия польской истории. Описание свое Уреке завершает замечанием, что об этих событиях молдавская летопись ничего не сообщает, «а мы не оставили сие неотмеченным, понеже, может быть, это и правда, ибо хронист Бельский не пристрастен к своим и пишет о поражении, которое потерпел Стефан воевода, несмотря на помощь поляков, и о том, что все они погибли»¹².

Сражение молдавских конников с тевтонскими псами-рыцарями под Мариенбургом в 1423 г. Уреке излагает опять-таки по своему польскому источнику¹³.

Участие польских феодалов в междоусобицах, раздравших Молдавию во второй четверти XV в., Григорий Уреке освещает на основе достоверной информации Бельского¹⁴.

Многие детали Васлуйской битвы с турками в 1475 г.¹⁵, описание сражения 1497 г. в Козминском лесу¹⁶, походы молдавского господаря Стефана против Польши и походы

польского короля Александра в Молдавию¹⁷ Уреке почерпнул из хроники Бельского.

Столь же широко пользуется молдавский хронист сведениями своего польского источника при описании деяний господарей Молдавии XVI в.: Богдана, Стефаницы, Петра Рареша, Александра Лэпушняну, Иоанна Лютого, Янку Сасула.

Одним из примеров сходства заимствований из летописи Бельского может служить описание дурных примет, явившихся полякам перед вступлением в Молдавию в 1497 г.¹⁸:

Хроника Бельского

Видя наши все дурные приметы, сетовали на короля, что привел он их туда на погибель, а дурные приметы были следующие: белый королевский конь, шедший на поводу, утонул в маленьком ручейке; двести волов, везших порох за войском, по выходе из Львова были рассеяны ветром, так что с трудом удалось схватить их в поле; крестьянин, помутившийся разумом, кричал во Львове: идите на свое несчастье; гром поразил одного шляхтича под палаткой и 12 коней его; капеллан, служа мессу, уронил священные дары.

Летопись Уреке

Итак, будучи застигнуты такой бедой, ляхи начали худо говорить о своем короле... обвиняли его в том, что пришел он без толку и привел их, чтобы всех погубить. И учитывали все дурные приметы, (предвещавшие.—*Е. Р.*) их гибель: вначале в их стране в ничтожной речушке утонул верховой конь короля; а когда вышли из Львова, волы, везшие порох, от сильного ветра рассеялись, так что не могли их собрать; также один крестьянин, помутившийся разумом, кричал во всю глотку: идите на свою погибель и больше не вернетесь; и одного шляхтича гром поразил под палаткой и 12 коней его; затем один их священник, служа литургию, уронил священные дары.

Когда же повествование Бельского оказывалось чрезмерно пространным, Уреке передавал соответствующие отрывки в собственном, более лаконичном изложении. Так, в частности, поступает он при освещении краткого, но яркого правления господаря Иоанна Лютого, при описании которого автор Польской хроники пользовался произведениями Яна Лашицкого и Леонарда Горецкого.

Непосредственное использование творения Бельского молдавским летописцем заметно как в воспроизведении польских имен, так и польских должностных наименований¹⁹.

Столь широкое использование хроники Бельского отнюдь не означает, однако, слепого следования Григорием Уреке своему источнику, механического перенесения отсюда сведений.

Сопоставление обоих историографических памятников с очевидностью свидетельствует о том, что молдавский летописец заимствует из Польской летописи только то, что согласуется с его общественно-политическими взглядами и укладывается в выработанную им историческую схему. Столь своеобразное восприятие им информации Бельского особенно ярко проявляется в трактовке некоторых кардинальных вопросов внутри- и внешнеполитической истории Молдавии.

Ярый сторонник боярской олигархии, Уреке последовательно и целеустремленно выставляет крупных молдавских бояр в наиболее благоприятном для них свете — в роли элиты, выражающей якобы интересы всего общества. Чтобы ничто не порочило «доброго имени» своих братьев по сословию, Уреке обходит молчанием весьма частые предательства своей страны со стороны крупных феодалов во имя своих интересов, которые засвидетельствованы Бельским.

Так, в частности, польский хронист отмечает, что перед турецко-татарским нашествием на Молдавию в 1574 г. родину «предал хотинский староста Еремия»²⁰. В трактовке Уреке нет ни малейшего намека на предательство Еремии, но наличествует попытка оправдать его позорное поведение рассуждениями о том, что-де «трудно немногим остановить многих и слабым — сильных»²¹.

Еще более четко выступает творческое восприятие Григорием Уреке информации Бельского в трактовке им характера молдавско-польских отношений последней четверти XIV — начала XVI в. Вассальная зависимость молдавских господарей от польских королей засвидетельствована многочисленными документами²². И Бельский не преминул, естественно, отметить признание молдавскими воеводами своей вассальной зависимости от Короны Польской²³.

Все эти сообщения своего польского источника Уреке обходит молчанием. Согласно его исторической схеме, до подчинения османами в начале XVI в. Молдавия была свободным и независимым государством. Хронист старается излагать исторические события так, чтобы ничто не

запятнало доброй славы доблестных предков. Ставя предков в пример своим современникам, Уреке стремится воспитывать последних в духе гордости за героическое прошлое и ненависти к иноземным поработителям.

Вот почему он вступает в открытую полемику с теми, кто упоминает о вассальной зависимости Молдавии от Польши.

Так, описав блестящую победу, одержанную молдавским войском над валахами в 1473 г., хронист отмечает, что «*Стефан воевода... отправил посла к ляшскому королю, оповестив об успешном сражении... и,— добавляет Уреке,— из военной добычи своей послал он и королю, не потому что обязан был послать ему, как говорят иные, что был подвластен ляхам, но дабы иметь его другом при беде...*, которая могла стрястись с ним, как оно и произошло затем...»²⁴ (курсив наш.— *Е. Р.*). Ни словом не обмолвился Уреке о 28 валашских знаменах, принесенных королю молдавским посольством, о чем ему было известно из хроники Бельского²⁵. В трактовке Уреке речь идет о неопределенных подарках, которые равноправный молдавский правитель посылает своему соседу и соратнику — польскому королю.

Как справедливо отмечал один из издателей молдавской летописи Эмиль Пико, Уреке принципиально оставляет в тени вассальные отношения молдавских господарей с польскими королями и превратно толкует обязанности вассала делиться добычей со своим сюзереном²⁶.

Скрупулезность летописца в освещении этих принципиальных для него вопросов проявляется даже в замене отдельных слов польского источника. Так, в частности, описывая условия мирного договора, заключенного в 1499 г. Яном Ольбрахтом и Стефаном III, польский хронист отмечает, что, «*ежели кому-либо из молдавских господарей пришлось бы из-за турок бежать в Польшу, то король обещал ему помощь...*»²⁷ У Григория Уреке этот же пункт излагается иначе: «*ежели довелось бы кому-либо из господарей Молдавии выйти в Ляшскую страну, то (король.— Е. Р.) чтобы принял его и всемерно старался бы восстановить его на престоле*»²⁸ (курсив наш.— *Е. Р.*). В понимании Уреке молдавские господа вроде Стефана III не могли постыдно бежать из Молдавии. Максимум, что он допускает, это то, что при неблагоприятных обстоятельствах господарь мог отступить на земле своего поль-

ского союзника, откуда с новыми силами и с королевской помощью продолжить борьбу за изгнание турок и возвращение себе временно утраченного престола.

Григорий Уреке использовал не только Хронику Иоахима Бельского. При историко-этнографо-географическом описании соседних стран²⁹, в первую очередь Польши, молдавский летописец успешно использовал данные известного произведения Мартина Кромера «*Polonia, sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica Regni Polonici. Libri duo*» («Польша, или О местоположении, народонаселении, правах, сановниках и управлении Королевства Польского. Книги две»), дополненные собственными наблюдениями и соображениями относительно шляхетских вольностей, близких взглядам молдавских бояр — сторонников олигархического режима³⁰.

Симион Даскэл — переписчик и интерполятор нашей летописи — тоже использует польскую историографию, а именно «Описание европейской Сарматии» («*Sarmatiae Europaeae descriptio*») Александра Гваньини в переводе Мартина Пашковского («*Opisanie Sarmacyeu Europejskiey*») ³¹.

Следовательно, и Григорий Уреке, и Симион Даскэл обращаются к творениям польских средневековых историков, чтобы пополнить сведения об историческом прошлом своей страны.

Поэтому мы не можем согласиться с мнением о том, что Григорий Уреке является простым компилятором³². На страницах своей летописи Уреке выступает перед нами как опытный средневековой историк, умеющий подбирать и творчески перерабатывать необходимые ему сведения.

Творческое восприятие польской историографии Григорием Уреке, позволившее ему значительно шире и глубже описать историю Молдавии XIV—XVI вв., предстает как одно из плодотворных и своеобразных проявлений многовековых молдавско-польских культурных связей, столь благотворно сказавшихся на развитии средневековой Молдавии.

¹ См., в частности, свидетельство молдавского митрополита, известного переводчика и

печатника Досифея, от 15 августа 1679 г.: «У нас исчезло есть учение книжное и

- мало их есть, иже разумеют книжный язык» (Исторические связи народов СССР и Румынии. Документы и материалы, т. III. М., 1970, с. 58).
- ² *Costin M. Istorie în versuri polone despre Moldova și Țara Românească (1684). București, 1929, p. 25.*
- ³ *Уреке Гр.* Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинев, 1971 (далее — *Уреке Гр.*), с. 57.
- ⁴ Там же, с. 58.
- ⁵ Там же, с. 68.
- ⁶ *Panaitescu P. P. Influența polonă în opera și personalitatea cronicarilor Grigore Ureche și Miron Costin. București, 1925, p. 20—26.*
- ⁷ *Lasicki J. Historia dé ingressu Polonorum in Valachiam, cum Bogdano voivoda (cui successit Ivonia) et caede Turcarum: ducibus Nicolao Mielecio et Nicolao Sieniawscio. A. MDLXXII.*
- ⁸ *Gorecki L. Descriptio belli Ivoniae voivodae Valachiae quod anno MDLXXIII cum Selymo Turcarum Imperatore gessit.*
- ⁹ *Paprocki B. Krotki a prawdziwy opis wiechania do Wołoch Iwana Wojewody, którego Podkowę zowa.*
- ¹⁰ *Panaitescu P. P. Influență..., p. 134—191.*
- ¹¹ *Уреке Гр.*, с. 69; *Zbiór pisar-zów polskich. Kronika polska Marcina Bielskiego (далее — Бельский И.), т. XIII, ks. 2. Warszawa, 1830, s. 80—81.*
- ¹² *Уреке Гр.*, с. 69.
- ¹³ Там же, с. 76; *Бельский И.*, т. XIV, кн. 3, с. 52, 85.
- ¹⁴ *Уреке Гр.*, с. 78—84; *Бельский И.*, т. XIV, кн. 3, с. 148—150.
- ¹⁵ *Уреке Гр.*, с. 94; *Бельский И.*, т. XIV, кн. 4, с. 210—212.
- ¹⁶ *Уреке Гр.*, с. 103—110; *Бельский И.*, с. 43—51.
- ¹⁷ *Уреке Гр.*, с. 110—111; *Бельский И.*, т. XVI, кн. 4, с. 52—53, 75.
- ¹⁸ *Бельский И.*, т. XIV, кн. 4, с. 46; *Уреке Гр.*, с. 106.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Panaitescu P. P. Influența..., p. 42—43.*
- ²⁰ *Бельский И.*, т. XVIII, кн. 6, с. 182, 185.
- ²¹ *Уреке Гр.*, с. 194.
- ²² *Costăchescu M. Documente moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare, vol. II. Iași, 1932, p. 599, 637—638, 684—687, 733—735, 765—766, 779—788; Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II. București, 1913, p. 283—285, 300—302, 351—352, 371—378.*
- ²³ *Бельский И.*, т. XIII, кн. 3, с. 183, 214—215; т. XIV, кн. 3, с. 52, 172; кн. 4, с. 14, 36, 70; т. XV, кн. 4, с. 176, 227—231; т. XVI, кн. 4, с. 21—22.
- ²⁴ *Уреке Гр.*, с. 192—193.
- ²⁵ *Бельский И.*, т. XV, кн. 4, с. 210.
- ²⁶ *Picot E. Chronique de Moldavie depuis le milieu du XIV-èm siècle jusqu'à l'an 1594. Paris, 1878, p. 120.*
- ²⁷ *Бельский И.*, т. XVI, кн. 4, с. 55—56.
- ²⁸ *Уреке Гр.*, с. 112.
- ²⁹ Там же, с. 115—129.
- ³⁰ *Chișimia I. C. Probleme de bază ale literaturii române vechi. București, 1972, p. 232—234.*
- ³¹ *Panaitescu P. P. Influența..., с. 26—29, 191—205; Уреке Гр.*, с. 166—177.
- ³² *Iorga N. Istoria literaturii românești, vol. I. București, 1926, p. 296; Gôrka O. Cronica epocii lui Ștefan cel Mare (1457—1499). București. 1937, p. 67.*

ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ РОДОСЛОВНЫХ ЛЕГЕНД ПРАВЯЩИХ ДОМОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

М. Е. Бычкова

Политическая жизнь Восточной и Юго-Восточной Европы на рубеже XV — XVI вв. была ознаменована, как известно, процессами формирования крупных феодальных государств, в частности русского централизованного государства, вставшего тогда на путь интенсивного собирания древнерусских земель¹ и многонационального государства Ягеллонов, выдвинувшего в этот период не только «встречную» программу удержания за собой западнорусских, «литовских» земель путем утверждения польско-литовской унии, но и план распространения своего влияния на территории южных соседей, сначала на Чехию, потом на Венгрию².

Вместе с тем историческое развитие данной части Европы в указанную эпоху характеризовалось все более заметным воздействием на него таких важных факторов тогдашней международной жизни, как, с одной стороны, — Османская империя, а с другой, — «коалиция» ее «западных» противников, объединявшая под эгидой Римской курии ряд итальянских и центральноевропейских государств.

Если говорить о дипломатии «антитурецкого лагеря», то она, осуществляя ограниченными силами противодействие османскому натиску, настойчиво старалась расширить круг своих союзников, имея в виду, между прочим, то католическую Польшу, то православное Русское государство. Хорошо известно, что ради вовлечения России в орбиту римского влияния предпринимались такие шаги, как содействие женитьбе Ивана III на выращенной в Риме «греческой принцессе» Софье Палеолог, предложение московскому государю королевской короны с перспективой превращения его в вассала «Римской империи», создание в Москве целой колонии греко-римских эмиссаров, занимавшихся здесь как прямой диверсионной деятельностью (на-

пример, физическим устранением неудобного Риму наследника московского престола вел. кн. Ивана Ивановича из-за его женитьбы на Елене Волошанке и наметившейся его политической близости к Молдавии и Константинополю), так и «спокойной» идеологической работой, в рамках которой ставились задачи не только форсирования церковной унии, но и усиления власти московского князя, а вместе с тем и самого Московского государства, способного при реализации этих задач приносить «максимальную» пользу своему «римскому» союзнику³.

Разумеется, подобная деятельность римской дипломатии в Восточной Европе, в частности в Московской Руси, не оставалась незамеченной правителями Османской империи. Мы знаем, что Константинополь вел тогда в этой части европейского континента сложную и вместе с тем достаточно энергичную «контригру», направленную прежде всего на срыв попыток создания широкой антитурецкой коалиции, попыток вовлечения в нее Московского или Польского государств. Эта цель осуществлялась как путем хорошо продуманного ограничения сферы «римского» влияния в данном регионе, в частности недопущения его торжества в Московской Руси, так и путем умелого регулирования баланса сил в этой части европейского континента, систематического сталкивания своих северных соседей друг с другом. При этом Константинополь, стремясь не допустить чрезмерного усиления одного из своих «европейских» соседей, старался поддерживать равновесие между ними. Так, в частности, пока польско-литовское государство с его грандиозными планами восточной и южной экспансии представлялось Турции наиболее могущественным ее северным соседом, она оказывала поддержку Москве: военно-политическую — с помощью Крыма, а идейно-политическую — с помощью Молдавского правящего дома, «литовско-русских сепаратистов», константинопольского патриархата, имея при этом в виду упрочение позиции Ивана III в самом Московском государстве, а также усиление роли этого государства на международной арене, между прочим, и в качестве противовеса окрепшей тогда Польше⁴.

Неудивительно, что в обстановке напряженной борьбы Константинополя и Рима за утверждение их влияния в государствах Восточной Европы, в частности и за утверждение их позиции в Москве, происходила заметная акти-

визация идеологической жизни в данном регионе⁵. Представляется естественным, например, что в этой ситуации соперничества внешних сил здесь появлялись различные варианты идеологического обоснования той или иной политической программы, различные формы «оправдания» той или иной политической ориентации.

Видимо, следует считать вполне закономерным, что в памятниках этого периода мы сталкиваемся как со случаями прямолинейной идеологической борьбы, в ходе которой открыто осуждались либо «папешский» Рим, либо «агарянский» Константинополь, так и с фактами завуалированной полемики, когда в противовес концепциям церковно-политического союза Москвы с современным, католическим Римом создавались «контрконцепции», призванные ослаблять его тогдашние гегемонистические претензии на Московскую Русь, ослаблять путем подчеркивания решающей политической значимости давних контактов русской земли с древним, «докатолическим» Римом, путем констатации далеких «династических» связей Рюриковичей с самим римским императором Августом.

Не приходится удивляться и тому, что вынесенная на уровень дипломатических переговоров эта полемика приобретала довольно четкие идеологические акценты: когда представитель Римской империи предложил Ивану III в 1488 г. королевскую корону, последовал не только резкий отказ, но и была дана этому отказу «исторически» обоснованная мотивировка: «Государь наш великий... уроженный от своих прародителей, а и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними Римскими цари, которые отдали Рим папе, а сами царствовали в Византии»⁶. Несомненной параллелью такого дифференцированного отношения к Риму современному и Риму древнему является разработка этого же сюжета в «Повести, начинающейся с разделения вселенной Августом» (которую мы будем называть дальше Чудовской повестью). В этом памятнике, видимо, не случайно подчеркивание изначальных и весьма тесных связей русских князей с древним Римом и даже с императором Августом сочетается с резким осуждением нового, «папского» Рима, допустившего отход от истинного православия и впадение «в грех латинства». «Во царство же Константина Маномаха отлучися Рим от Царяграда, и испаде папа римски от веры православныя именем Фермос и

уклонился к лютыньству... Сей бо... Фермос отступник напея православныя веры христианския...»⁷ На этой же волне осуждения Рима «нынешнего» и признания исторических заслуг Рима древнего родилась, видимо, и концепция «закономерного» перемещения центра истинного православия из старого Рима сначала в православный Константинополь, а потом и на православную Русь⁸.

Но говоря о всех этих сложных процессах идейно-политического развития Восточной Европы на рубеже XV—XVI в., мы не можем игнорировать и того обстоятельства, что наступившая тогда в некоторых западноевропейских странах эпоха Возрождения, видимо, оказала какое-то влияние на появление тех или иных «гуманистических» тенденций в оформлении указанных процессов⁹.

Учет всех отмеченных выше аспектов идейно-политической жизни Восточной Европы в конце XV в. позволяет, как нам представляется, по-новому взглянуть и на появившийся в тот период при Московском дворе комплекс особых генеалогических памятников — так называемых великокняжеских родословий. Каждое из этих родословий изучено, опубликовано, но различные вопросы их датировки и атрибуции до сих пор являются предметом научной дискуссии¹⁰.

Наличие конкретных исследований, а также решение ряда принципиальных проблем истории русской общественной мысли той эпохи дает возможность поставить вопрос об общих тенденциях и общих корнях родословных легенд правящих домов Восточной Европы и связать этот вопрос с общим ходом международной жизни в данном регионе.

В русских генеалогических источниках XVI в. есть три великокняжеских родословия, сложившиеся в конце XV — первой трети XVI в. Это так называемая славяно-молдавская хроника (родословие молдавских государей), помещенная среди родословных статей Воскресенской летописи, а в 60-х годах XVI в. вошедшая в состав одной из редакций русских родословных книг¹¹. Родословная легенда московских великих князей записана в Сказании о князьях владимирских и тесно связанном с ними цикле памятников (Послание Спиридона-Саввы и Повесть, начинающаяся с разделения Вселенной Августом); позднее эта легенда была использована авторами Воскресенской летописи и родословных книг¹². С этим же циклом памят-

пиков связана русская редакция родословия великих князей литовских¹³, а польско-литовский вариант этого родословия мы находим в так называемых западнорусских летописях и хрониках¹⁴.

Сопоставление русской, молдавской и литовской легенд дает возможность проследить, как в соседних государствах складывались родословные легенды правящего дома, какие были в них общие черты и заимствования, что нового появилось по сравнению с аналогичными памятниками более раннего времени.

Исследователь славяно-молдавской хроники А. В. Болдур доказал, что она была составлена в 80-х годах XV в., незадолго до женитьбы дочери валашского воеводы Елены Стефановны и сына московского великого князя Ивана Ивановича и в связи с этим браком. Хроника, составленная специально для московского великокняжеского двора, должна была доказывать происхождение Елены от римлян¹⁵. В современной литературе уже неоднократно высказывалось мнение, что эта хроника использовалась Еленой в Москве в борьбе со сторонниками партии второй жены Ивана III — Софьи Палеолог¹⁶.

Л. В. Черепнин полагает, что славяно-молдавская хроника была составлена в те же годы, что и Сказание о князьях владимирских, и связывает ее составление с деятельностью дьяка Федора Курицына, ездившего с посольством в Валахию. «Согласно представлениям средневековой феодальной историографии,— пишет Л. В. Черепнин,— подобная родословная возвышала правившую фамилию и поднимала достоинство государства»¹⁷.

Относительно происхождения Сказания о князьях владимирских и связанных с ним произведений существует несколько предположений. Р. П. Дмитриева, исследовавшая и опубликовавшая эти памятники, считает, что Сказание возникло на базе Послания Спиридона-Саввы в 20-х годах XVI в., но, как отметил Я. С. Лурье, вопрос о возможном протографе Послания и Сказания, о предыстории этих памятников в работе Р. П. Дмитриевой не поставлен¹⁸. В работах А. А. Зимина обосновывается точка зрения о том, что и Послание, и Сказание восходят к общему протографу, составленному в конце XV в. в связи с венчанием сына Елены Стефановны — Дмитрия Внука шапкой Мономаха¹⁹. Л. В. Черепнин полагает, что Сказание о князьях владимирских возникло в конце XV в., и излагает офици-

альную концепцию московской великокняжеской власти на политическую историю Руси²⁰. Я. С. Лурье считает, что родословие литовских князей, помещенное в Послании Спиридона-Саввы, восходит к более ранним памятникам тверской традиции, а также, что Чудовская повесть может быть обработкой тверского памятника, сделанного в момент венчания Дмитрия Внука²¹. Мнение Р. П. Дмитриевой о том, что родословная князей, помещенная со Сказанием и в Послании, составлена одновременно с ними, принято в современной историографии.

Мы считаем, что более обоснованной является точка зрения о создании родословной легенды московских великих князей в конце XV в.

Великокняжеские родословия молдавских, литовских и русских князей прежде всего объединяет вопрос о происхождении родоначальника. Все три родословия называют этим родоначальником выходца «из римлян», но каждая из трех легенд имеет в этом общем положении свои отличия. В молдавской хронике весь молдавский народ происходит от римлян, покинувших родину во время гонений на первых христиан²². Найдя новое место для поселения, они выбирают государя из своей среды.

В русской легенде родоначальником русских князей становится потомок римского императора Августа—Рюрик, которого приглашают «старейшины» Новгорода²³. Надо отметить, что в этом случае родословная легенда конца XV в. порывает с летописной традицией, согласно которой первым русским князем был варяг Рюрик, но само описание совета Гостомысла со старейшинами, прихода Рюрика в Новгород имеет много точек соприкосновения с летописным рассказом²⁴. Взяв за основу летописный рассказ, автор легенды вложил в него новую идейную основу.

Аналогично описано происхождение литовских князей в литовских хрониках. Их родоначальником выступает родственник римского императора Нерона — Палемон, который решил переселиться из Рима и вместе с которым приехали родоначальники всех знатных родов²⁵.

В описании переселения из Рима следует отметить два момента, сближающие литовское и молдавское родословия и отличающие их от русского. В них из Рима в результате гонений переселяется в одном случае весь народ, в другом — знать страны вместе с будущим родо-

начальником княжеского рода; все они — потомки римского патрициата²⁶. В русском родословии римский император Август делит «вселенную» между своими родственниками, а русская знать приглашает его потомка²⁷. В молдавской хронике причиной переселения были религиозные гонения, и этот мотив косвенно сближает молдавское родословие с русским, поскольку при императоре Августе, с имени которого начинается русская легенда, в Риме стало распространяться христианство²⁸. Надо помнить, что в момент создания русской родословной легенды молдавская хроника уже находилась в Москве и могла оказывать влияние на идеи русской легенды.

Исследователи молдавской легенды уже отмечали, что предки Елены Волошанки ушли из Рима до перехода римлян в католичество, и этим подчеркивается более древнее и более «православное» происхождение Елены, чем Софьи Палеолог²⁹.

Описание переселения предков молдаван и литовцев из Рима в обоих памятниках близко не только по идее, но и композиционно. В обоих случаях руководит этим переселением разумный и авторитетный человек, который не забывает захватить «жен и детей», а также организует отъезд. Большое внимание уделяется выбору места, где должны осесть переселенцы, и описания этих мест, сходные в хрониках, отличаются особой красочностью. В литовской хронике Палемон с родственниками селится над рекой Дубисой, где они «нашли горы высокие и на оных горах ровнины великие и дубровы роскошные», а также много зверей: «напервей туров, зубрей, лосей, еленей, серн»³⁰. В молдавской хронике место поселения выбирается во время охоты на тура, когда охотники «преидоша високиа планины, сии рече горы, и приидоша за туром на места долние и краснейшие и наехаша тура у реки на берегу под вербою»³¹.

Все три родословия сближает идея о том, что князем надо выбрать разумного государя. Она проводится в разных местах текста, но разумным мужем оказывается родоначальник той династии, при которой составлена хроника. В молдавской, основавшись на вновь выбранном месте, молдаванин «выбра из своей дружины себе мужа разумна именем Драгоша и назваша его себе государем и воеводою»³². В Сказании Рюрика призывают «избранные и премудрые» мужи³³. Аналогичное место есть и в

литовской хронике, когда Тройден советует, кого избрать себе в преемники: «Берите себе государя доброго, кто бы мел боронити того панства, великого княжества Литовского»³⁴. Таким государем оказывается Витень.

Как видно, более ярко идея о разумном государе развита в молдавской и литовской хрониках. В русских редакциях родословных легенд она воплотилась в родословии литовских князей, существовавшем вместе с Чудовской повестью и Сказанием. Разумным государем выступает здесь московский великий князь Юрий Данилович, который заботится о восстановлении Русской земли после татарского нашествия (в Послании Спиридона-Саввы эта роль приписана тверскому князю Александру Михайловичу). Мудрым князем выступает здесь и Гедимин («бе муж храбр зело и велика разума») ³⁵.

Идея о происхождении правящей династии от римлян принадлежит к идеям конца XV в. Как уже отмечалось, сделав родоначальником русских великих князей Августа, составители родословия порвали с многовековой летописной традицией. В Литве хроника, выводящая литовских князей от римлян, также предшествовала хроника, называвшая первым князем Гедимина³⁶. Молдавская хроника создала свою версию³⁷. Поэтому мы можем говорить, что эта идея возникла синхронно или под взаимным влиянием в ряде соседних стран.

Но мысль о римском происхождении, очевидно, никогда не использовалась при создании родословной легенды правящего дома соседней страны. Молдавская хроника не нашла никакого отражения в русских генеалогических источниках, и ее появление в составе родословных книг второй половины XVI в., очевидно, связано с общим интересом к родословным легендам. При создании литовского родословия в Москве была использована не хроника, выводящая князей от римлян, а более ранняя литовская хроника, которая первым князем называет Гедимина, и происхождение самого Гедимина было освещено в выгодном для русского правительства аспекте³⁸. Литовские хроники также ничего не говорят о происхождении русских князей от Августа³⁹.

Родословные легенды объединяет не только идея о происхождении, но и композиционная близость. Молдавская и литовская хроники уже в первом варианте описывали не только происхождение своих князей, но и ис-

торию княжения каждого великого князя. В русской легенде освещен лишь вопрос происхождения великих князей владимирских, но начиная с родословия, составленного в 30-х годах XVI в. и помещенного в Воскресенской летописи, а затем в родословных книгах, к этой части присоединяется история русских великих князей — киевского, владимирского, московского, составленная по русским летописям и записанная в форме погодного изложения событий⁴⁰.

В таком же плане меняется во второй половине XVI в. и русская редакция литовской легенды. В текст, созданный на основе легенды конца XV — первой четверти XVI в., вставляется большой отрывок из литовской хроники о борьбе между Витовтом и Ягайлом, пленении Витовта, бегстве его из Крева в женском платье⁴¹. Этот отрывок, не несущий в русском родословии идейной нагрузки, делает его более красочным и приближает по форме к литовским хроникам.

Наблюдения над родословными легендами русского, молдавского и литовского правящих домов позволяют сделать ряд предварительных выводов.

В конце XV в. появляется новый тип легенды, где родоначальником княжеского дома является потомок римских императоров. Глава династии избирается или приглашается, но всегда это — «разумный государь», выбранный «разумными мужами». В тех случаях, когда речь идет о переселении римлян в другие страны, наблюдается композиционная близость различных легенд в описании места поселения.

Первоначальные варианты русских легенд — более сухие и не содержат красочных описаний и биографий, которые есть в молдавском и литовском родословиях. Но с развитием в XVI в. генеалогической литературы на Руси в них появляются аналогичные описания, иногда составленные по русским источникам, иногда почерпнутые из литовских хроник, и русские великокняжеские легенды второй половины XVI в. по форме и манере изложения ближе к молдавскому и литовскому родословию конца XV. В этом проявилось несомненное влияние одних и тех же образцов на русскую генеалогическую литературу. Все эти черты на Руси в XVI в. присущи только великокняжеским родословным легендам, боярские легенды составлялись по иному образцу.

Если сопоставить идеи, присущие русским, молдавским и литовским родословным легендам: происхождение от римских императоров, поиски разумного государя, интерес к биографическому описанию — с идеями, которые привлекали русских авторов в светской литературе славянских стран⁴², то можно сказать, что родословные легенды — это тот специальный вид литературы, который не только отражал проявление важных тенденций в ходе международной борьбы на рубеже XV—XVI в., но и фиксировал становление общих веяний в развитии политической структуры ряда феодальных государств данного региона.

- ¹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960; *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.
- ² История Польши, т. I. М., 1954, с. 168; *Historia Polski*, t. I, cz. II. Warszawa, 1957, 188—190; История Чехословакии, т. I. М., 1956, с. 213—215; История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 230—236.
- ³ *Пирлинг О.* Россия и испанский престол. М., 1912, с. 146—287; *Ubersberger.* Österreich und Russland, Bd. I. Wien, 1904, S. 11—12, 20; *Kolankowski W.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930, s. 359, 384, 386; Памятники дипломатических сношений, т. I. СПб., 1951, с. 17—18, 162—171.
- ⁴ *Yorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. II. Gotha, 1908; *Kolankowski W.* Dzieje..., s. 365—366; *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 169—220.
- ⁵ Черепнин Л. В. Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков.— В кн.: Белая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 г. Кишинев 1961; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 147—167; *Зимин А. А.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия Внука и заговоре Владимира Гусева.— В кн.: Летописи и хроника. Сборник статей 1973 г.; *Хорошкевич А. Л.* История государственности в публицистике времен централизации.— В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- ⁶ Памятники дипломатических сношений, т. I. СПб., 1851, с. 17—18.
- ⁷ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, с. 196—200.
- ⁸ *Розов Н. Н.* «Повесть о белом клобуке» как памятник общерусской публицистики XV в.— ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953; *он же.* Повесть о новгородском белом клобу-

- ке.— «Уч. зап. ЛГУ», 1954, вып. 20, № 173; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба..., с. 234, 374.
- ⁹ Вопрос о путях и формах проникновения на Русь гуманистических веяний Возрождения привлекал внимание ряда исследователей. Повесть о Дракуле. М.—Л., 1964; Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965; Троянские сказания. Л., 1972. Подробнее об этом см.: *Лурье Я. С.* О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв.— В кн.: Славянские литературы. М., 1963; *Лизачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 97—135; *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 128—138.
- ¹⁰ *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; *Зимин А. А.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских». — «Исторический архив», 1956, № 3; *он же.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в.; *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964; *Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников.— В кн.: Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши в XII—XIV вв. М., 1974.
- ¹¹ ПСРЛ, т. 7. СПб., 1856, с. 256—259; *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 86—105, 195.
- ¹² *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 159—178, 196—200; ПСРЛ, т. 7, с. 231—238.
- ¹³ *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 179—181, 201—205; *Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы..., с. 367—370.
- ¹⁴ ПСРЛ, т. 17. СПб., 1907, с. 227—238, 239—244 и сл.; Хроника Быховца. М., 1965.
- ¹⁵ *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника..., с. 83—84.
- ¹⁶ Там же, с. 81—84; *Зимин А. А.* Античные мотивы..., с. 135—138.
- ¹⁷ *Черепнин Л. В.* Из истории..., с. 100—101. С деятельностью Федора Курицына связывается появление в России еще одного памятника эпохи Возрождения — «Повести о Дракуле». Подробнее см.: Повесть о Дракуле, с. 40—44.
- ¹⁸ *Лурье Я. С.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой.— «Известия ОЛЯ», 1956, т. XV, вып. 2, с. 175.
- ¹⁹ *Зимин А. А.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой...; *он же.* Античные мотивы..., с. 129—132.
- ²⁰ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 16—17.
- ²¹ *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба..., с. 387—390.
- ²² ПСРЛ, т. 7, с. 256—257. А. В. Болдур отметил, что это происхождение — общее для ряда хроник XV в., где освещается происхождение молдаван, но в венгерской хронике их предками были «римские разбойники», а в молдавской — «дети римских князей» (*Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника..., с. 76—77).

- ²³ *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 196—197.
- ²⁴ ПСРЛ, т. I. М., 1962, с. 19—20; *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 197.
- ²⁵ ПСРЛ, т. 17, с. 227—228, 240—241.
- ²⁶ ПСРЛ, т. 7, с. 257; т. 17, с. 228, 240.
- ²⁷ *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 197.
- ²⁸ *Зимин А. А.* Основные проблемы..., с. 105. В литовском родословии причиной ухода знати из Рима является «окрутный» нрав Нерона.
- ²⁹ *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника..., с. 83; *Зимин А. А.* Аптичные мотивы..., с. 135.
- ³⁰ ПСРЛ, т. 17, с. 228—229.
- ³¹ ПСРЛ, т. 7, с. 257.
- ³² Там же, с. 258.
- ³³ *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 197.
- ³⁴ ПСРЛ, т. 17, с. 256.
- ³⁵ *Дмитриева Р. П.* Сказание..., с. 179, 166, 202.
- ³⁶ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 329—330.
- ³⁷ *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника..., с. 76—77.
- ³⁸ *Бычкова М. Е.* Отдельные моменты истории Литвы..., с. 368—369.
- ³⁹ Вопрос о том, как распространялась при европейских домах русская родословная легенда, еще не получил в историографии достаточного освещения. Известно, что в родословии русских князей, составленном при французском дворе в конце XVI—начале XVII в., первым князем назван Рюрик (*Тураева-Церетели Е.* Французская генеалогия XVI—XVII вв. о русских государях.— В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, с. 86—89). По мнению автора, это родословие составлено преимущественно по польским источникам.
- ⁴⁰ ПСРЛ, т. 7, с. 231—238; Временник ОИДР, 1851, кн. 10, с. 1—24.
- ⁴¹ ПСРЛ, т. 17, с. 575—582.
- ⁴² *Александрия...*, с. 146—147; *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси, с. 97—104.

ОБ АДРЕСАТАХ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО КНЯЗЮ КУРБСКОМУ

С. О. Шмидт

30 апреля 1564 г. на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу перешел воевода и приближенный Ивана Грозного боярин князь Андрей Михайлович Курбский. Бегству предшествовали тайные сношения: Курбскому были присланы «закрытые листы» от короля и руководителей литовской рады с предложением выехать в Литву, и он сумел оговорить выгодные условия побега и получить «королевскую охранительную грамоту»¹. Еще до побега Курбским было, по-видимому, написано второе послание старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву², откровенно выражавшее политические взгляды и чаяния княжеско-боярской оппозиции царю.

Оказавшись за рубежом, Курбский сразу же, из пограничного города, отправил «эпистолию» «царю и великому князю московскому, прелютаго ради гонения его». Курбский обличал царя и старался оправдать свой поступок, изображая себя «прогнанным без правды»³. По основной направленности (да и по стилю) послание царю близко ко второму посланию в Псково-Печерский монастырь. Это высокий образец публицистической прозы, риторического стиля, «своего рода Цицероновская речь» (определение Я. С. Лурье)⁴. Очевидно, и содержание, и форма послания были предусмотрены и обдуманы заранее, тем более что на Руси, как и в Византии, «письма писались из расчета на чтение вслух, на известную публичность»⁵.

Царь получил послание Курбского уже в мае. В мае — июне 1564 г. Иван Грозный ездит по монастырям, посещает владения князя Старицкого. В это-то время он и обдумывает ответ «бывшему прежде... боярину и советнику, и воеводе, ныне же преступнику»⁶: ответное послание царя датировано 5 июля. В эти дни Иван Грозный — впервые или заново — четко формулировал для себя и для

других основные принципы доктрины «самодержавства»⁷, т. е. неограниченной монархии, положения о богоизбранности и наследственности царской власти и ответственности царя за подданных перед богом, о правах и обязанностях государя и подданных: подданные обязаны подчиняться государю, все подданные — холопы государя, и государь волен их казнить и жаловать. В своей аргументации Иван IV опирался и на общественно-историческую концепцию незадолго до того завершенной «Степенной книги»⁸ (хотя наблюдается уже и некоторое противостояние другому комплексу идей «Степенной книги» — о соправительстве светских и духовных властей). В библейскую фразеологию вносился острейший современный политический смысл: упреку Курбского в погублении «сильных во Израиле» Грозный противопоставлял суждения о праве и возможностях царя «создавать чад авраамовых» из камня.

Иван IV считал нужным и достаточно подробно (хотя и тенденциозно) охарактеризовать некоторые важнейшие события политической истории Российского государства XVI в.⁹ В послании приведены и многочисленные аналогии из так называемой священной истории, а также из истории Древнего мира и Византии¹⁰. В ту эпоху, замечает Е. А. Косминский, «политикам в их трактатах сплошь и рядом приходилось аргументировать свои теории примерами из истории и их политические концепции оказывали влияние на их исторические воззрения»¹¹. Так обосновывались и официальное представление об истории правления первого российского царя, и опричная политика ближайших лет. Этим же целям, как выяснил Е. С. Сизов, должны были служить и современные посланию стеновые росписи придела Архангельского собора, предназначенного стать усыпальницей царя Ивана (сюжеты росписей иногда даже в деталях сближаются с содержанием царского послания)¹².

Так началась полемика двух выдающихся публицистов XVI в., отразившаяся не только в этих и последующих их посланиях, формально адресованных друг другу, но и в посланиях, отправленных от имени бояр в Польско-Литовское государство в 1567 г. (и включенных в посольские книги), в дипломатической переписке и в дипломатических переговорах конца 1560-х — начала 1580-х годов, в «Истории о великом князе Московском»

Курбского, в приписках¹³ к официальным летописям (внесенным в текст, видимо, уже в последние годы жизни царя)¹⁴.

Конечно, оба автора рассчитывали на то, что послания прочтает тот, кому они непосредственно направлены. Это предопределило некоторую интимность, даже беззастенчивую откровенность переписки, насыщенной малодоступными посторонним воспоминаниями и аллегориями. Достаточно осведомленные о слабостях друг друга, они старались не только самооправдаться (а также и самовозвеличиться), но и больнее уязвить ненавистного противника (Иван IV не раз сравнивал Курбского с Иудой: «Како же убо ты с Иудой предателем равно причтешися»¹⁵, Курбский Грозного — с царем Иродом), о чем свидетельствуют и отбор неприятных напоминаний, и уничижающая трактовка общеизвестных фактов. Это было и «эпистолярное состязание во вкусе гуманистического века» (выражение Р. Ю. Виппера¹⁶): особое внимание уделялось ученой изощренности в подборе аналогий, толковании «священных писаний» и патристической литературы, и фактов прошлого («аще ветхословие любиши, к сему тя и приложим...», — писал царь Иван¹⁷), искусству диалектики, самой стилистике сочинений — и своих, и противника.

Но одновременно (и сейчас это считается общепризнанным) перед авторами стояла задача воздействия на более широкую аудиторию, чем адресат послания и его ближайшее окружение. Это был, по определению С. М. Соловьева, публичный «словесный поединок», на который Курбский вызвал царя¹⁸. Двойная задача предопределила неровность стиля посланий и смешение «самого великолепного торжественного книжного языка»¹⁹ с просторечием, особенно заметные у несдержанного и запальчивого Ивана Грозного.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому дошло до нас в двух редакциях: полной (или пространной) и краткой, в списках не ранее XVII в. Послание несколько раз было опубликовано; в последний раз — в 1951 г. в академическом издании «Посланий Ивана Грозного» в серии «Литературные памятники». Подготовивший послание к публикации Я. С. Лурье сопроводил издание текстов археографическим обзором и историческим комментарием. Послание издано и в пространной редакции, и в крат-

кой, причем в пространной редакции — не только по спискам, восходящим к сборнику сочинений Курбского, составленному за рубежом, но и по спискам, хотя и дефектным, но содержащим «полный текст послания, не искаженный враждебной традицией»²⁰.

В одном из этих списков — так называемом Погодинском — послание озаглавлено: «Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». В. П. Адрианова-Перетц признает это первоначальным авторским заглавием послания, раскрывающим подлинный его адресат²¹. Я. С. Лурье полагает, что этот текст Погодинского списка «восходит к более раннему протографу, чем текст сборников Курбского и хронографа... — вероятнее всего к официальному тексту, посылавшемуся «во все Российское царство» (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печера)»²². В другом месте исследователь (правда, в виде предположения: «не следует ли предположить...») уточняет: «адресовав свое послание прежде всего «во все Российское царство» (откуда — списки ПК), царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра послания» Курбскому, т. е. за рубеж, «и в этот-то экземпляр и приказал вписать дополнительную обиду: «з безумным не множи словес»²³. Впрочем, в том же издании Я. С. Лурье признает «промежуточное положение» послания Курбскому между посланиями царя, «предназначенными для русских адресатов», и «дипломатическими посланиями»²⁴.

В работе «Новые списки «Царева государева послания во все Российское царство», изданной в 1954 г., Я. С. Лурье снова пишет о том, что «царево государево послание» действительно рассылалось по «всему Российскому царству», а заглавие его восходит к архетипу послания. Однако допускается мысль, что «мы имеем здесь название, данное кем-то из подчиненных «царя государя» (например, дьяческая помета)»²⁵. В комментариях к изданию отрывков послания в томе «Библиотеки всемирной литературы», вышедшем в 1969 г., Я. С. Лурье писал, что послание адресовано «не только и не столько самому «крестопреступнику», сколько «во все Российское царство» (так и озаглавлена первая, древнейшая редакция послания).

Читателям «Российского царства» нужно было показать всю неправду обличаемых бояр, а для этого недостаточно было общих слов — нужны были «живые, выразительные детали...»²⁶.

В 1952 г. в рецензии на издание «Послания Ивана Грозного» мною были оспорены эти положения и высказана гипотеза о том, что послание царя представляло собой не только «программное выступление против политических притязаний боярства, но и документ большого международного значения, и «все Российское царство» знакомили с посланием не в пространной, а краткой редакции. Послание же в пространной редакции было «написано не для рассылки» прежде всего «во все Российское царство», а именно для отправления в Польшу «Курбскому с товарищи» и рассчитано было в первую очередь на зарубежного читателя, знакомого с посланием Курбского царю и внимательно следившего за событиями в Русском государстве»²⁷. Гипотеза получила определенный резонанс в печати²⁸. Соображения эти были затем повторены и частично развиты — тоже в очень краткой форме — и в более поздних работах²⁹.

В 1963 г. издали посмертно исследование С. Б. Веселовского «Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя 1553 г.», написанное в 1945—1948 гг., в котором утверждается, «что епистолии Курбского и «Послания» царя Ивана были не перепиской двух лиц, а своего рода памфлетной борьбой царя с его изменником, рассчитанной с первой строки до последней на широкую аудиторию, и в первую очередь — на общественное мнение Польско-Литовского государства»³⁰.

Позднее была издана статья О. П. Бакуса, полагавшего, что первое послание Курбского царю составлено именно тогда, когда нужно было произвести благоприятное впечатление на Сигизмунда II Августа³¹. Л. А. Юзефович в работе о миссии Исайи определил, что «как Исайя, так и Курбский в значительной степени писали для одной и той же аудитории, а именно для православных или бывших православных магнатов Великого княжества Литовского»³². Недавно выявлены (Б. Н. Флорей и Л. А. Юзефовичем) в посольских делах 1581 г. — русских (Курбский, «изменивши, грамоту государю невежливо писал»³³) и польско-литовских³⁴ — неопровержимые свидетельства знакомства московского правительства и пра-

вительства Речи Посполитой с «грамматами» 1560-х — 1570-х годов и Курбского, и царя Ивана *.

Д. С. Лихачев в книге 1975 г., суммируя имеющиеся наблюдения, писал: «Сочинения Курбского, а вместе с ними и адресованные ему письма Грозного проникают на Русь в результате возобновившихся культурных отношений с польско-литовской частью Руси после событий Смуты». Объясняя «странности» «в рукописном бытовании произведений Курбского и адресованных ему посланий Грозного», Д. С. Лихачев указывает на то, что «Грозный адресовал свои произведения в Литву — в Литве они и сохранились; Курбский сам писал в Литве, и его письма в России при Грозном не могли распространяться»³⁶.

В настоящем сообщении постановочного характера предпринята попытка обоснования гипотезы о той большой аудитории, для которой предназначались послания Ивана Грозного Курбскому в полной и краткой редакциях.

* * *

Вряд ли можно согласиться с мнением, будто царь Иван, «пренебрегши своим саном и положением, не преминул тотчас же ответить на эпистолию беглого слуги обширнейшим посланием»³⁷. В XVI в., когда публицистика считалась высокой «учительной» литературой³⁸, составление Иваном IV посланий не казалось делом, унижающим его царское достоинство, напротив, воспринималось так же, как и редактирование летописей и устный поединок о вере, — как «честное» дело. Царь не снисходил до ответа беглому боярину, он попросту не мог — согласно этикету той эпохи — оставить без внимания «эпистолию» Курбского. Это было сделать тем более необходимо, что спор принял с самого начала публичный характер. Публично защищал своего сюзерена слуга Курбского Василий Шибанов — Иван IV напомнил Курбскому о храбрости Шибанова «пред царем и предо всем народом» во время казни³⁹. За «граммотой» Курбского на границу, в Озерище еще ранее ездил посланец царя⁴⁰. Сведения о бегстве Курбского, о его «изменных делах» попали в местные летописи и даже в официальную летопись, по

* Это можно признать дополнительной аргументацией в пользу мнения о несостоятельности гипотезы Э. Кинана, датирующего переписку Курбского и Ивана Грозного XVII в.³⁵

словом которой Курбский «на многое кровопролитие крестьяньское короля и всю его раду поостряше всячески»⁴¹.

Первичной редакцией послания, как убедительно показал Я. С. Лурье, является полная редакция⁴². Курбский безусловно получил послание в полной редакции: ответ его относится к «зело широкой епистолии»⁴³. Свообразным ответом на «широковещательное и многошумящее писание» царя явилась и «История о великом князе Московском» (включающая, очевидно, и фрагменты незавершенного пространного ответа на первое послание царя)⁴⁴.

Послание в полной редакции предназначалось прежде всего для тех, кто уже был знаком с «эпистолией» Курбского (или мог с ней познакомиться), и для тех, кому, по мнению царя, надлежало быть осведомленным об этой переписке. Иван IV последовательно ответил на все обвинения Курбского. «Ответ Грозного,— замечает Я. С. Лурье,— по своему расположению точно следует вызвавшей его «эпистолии»: царь иногда отвечает кратко, иногда очень пространно, но никогда не нарушает порядка изложения у Курбского, так что письмо последнего может как бы служить оглавлением к посланию царя»⁴⁵. Царь приводит и выдержки из «эпистолии» — и без знакомства с текстом Курбского содержание послания царя и его пафос остаются зачастую малопонятными (тем самым как бы предопределялось первоначальное объединение в одном рукописном сборнике «эпистолии» Курбского и послания Ивана Грозного).

В послании царь обращается не только к Курбскому, но и к другим «крестопреступникам», постоянно употребляет обращения «вы», «ваши». Думается, что послание было обращено и к зарубежным читателям (и слушателям), хорошо знакомым с посланием Курбского и прислушивавшимся к его суждениям о России и российском самодержце. Они были знакомы, вероятнее всего, не только и даже не столько с посланиями Курбского, сколько с устными рассказами (насыщенными запоминающимися подробностями — реальными и легендарными) того же Курбского и других «беглых» о России кануна опричнины. Иван Грозный знал, что оценки Курбского во многом совпадают с оценками короля и его рады, что подобные версии достаточно распространены за рубежом.

Ивана IV возмущал сам факт, что там, за рубежом, решаются судить о поступках грозного царя: «Доселе русские владетели не истязуемы были ни от кого же, но повольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем»⁴⁶. Впоследствии он очень четко выразил эту мысль в послании 1567 г., написанном от имени боярина Федорова гетману Ходкевичу: «Того не бывало, што Литве Москва судити; полно, пане, вам и ваше месцьо справовати, але не Московское царство»⁴⁷.

Особое значение имело то обстоятельство, что к середине 1560-х годов уже стало ясно, что король Сигизмунд II Август умрет бездетным, и начинали вырисовываться контуры той внешнеполитической программы, которую правительство Ивана Грозного пыталось реализовать в Речи Посполитой через десять лет, в годы бескорольевья. Как раз в 1564 г. папский посол кардинал Коммендоне доносил в Рим, что «все жители Киева благоприятствуют московскому государю по причине веры»⁴⁸. В этих условиях позиция магнатов восточных областей Польско-Литовского государства, и прежде всего православных магнатов*, да и вообще населения этих областей, особенно православного, не могла не интересовать русского царя (и так же, как и в 1570-е годы, царь показал себя все-таки недостаточно информированным о настроениях и общественной психологии литовских панов). В середине 1560-х годов Иван IV был крайне заинтересован в распространении в Литве важной для него политической информации о Российском государстве и ее противопоставлении враждебной информации, тем более что это был период расширения международных литературных воздействий⁴⁹.

Все это, можно полагать, и побудило царя Ивана столь пространно написать ответное послание и самому, как бы опередив Курбского, поведать (конечно, в определенной интерпретации) о том, о чем Курбский предпочел не распространяться в своей изящной «эпистолии».

* Перспектива подчинения Литвы (или даже Литвы и Польши) Ивану IV, конечно, серьезно страшила Курбского. И не боязнь ли осуществления подобных намерений Ивана IV побудила Курбского предпринять попытку выслужиться и стараться выступить в роли организатора совместных военных действий русского царя и императора против султана (в 1569 г.)?⁵²

Тем самым как бы создавался исторический комментарий к посланию Курбского, преднамеренно почти лишённого имен и конкретных деталей. Впрочем, в эти месяцы царь не мог использовать рукописи своей библиотеки и документы Царского архива, проверять фактическую точность изложения. Отмечалось уже (П. В. Вилькошевским и др.), что многие цитаты из церковных сочинений приводились Грозным на память и это особенность его литературной манеры⁵⁰. Если предположить, что какие-то «изборники» царь мог взять с собой (наряду с Псалтырем) или обнаружить в «книгохранилищах» монастырей, то лишь немногие документальные материалы могли находиться в его «походной» «постельной» казне⁵¹ (правда, в походы и монастырские «езды» брали иногда и летописи, точнее сказать, их «чёрные списки») — возвратился Иван IV в Москву 8 июля, т. е. через три дня после завершения работы над ответным посланием Курбскому.

Грозный уловил, конечно, даже намеки и иносказания в адресованной ему «эпистолии», понимал степень осведомлённости Курбского о событиях в России и о поступках российского государя, знал и действительную натуру Курбского и не сомневался в том, что беглый боярин продолжит свои разоблачения. И предвидения его не обманули.

Курбский писал в «эпистолии» о том, что он надеется «много пожалован и утешен быти» своим новым государем Сигизмундом II Августом⁵³, и предупреждал царя, что не собирается прекратить борьбу и не намерен молчать о его злодеяниях («И да, не мни мене молчаща ти о сем», «прогнанные от тебя без правды от земли ко богу вопием день и ночь»⁵⁴). Царь не мог не учитывать эту опасность.

И действительно, Курбский оказался среди членов королевского совета. А в 1567 г. литовские магнаты, зазывая московских бояр на службу к польскому королю, ссылались на пример Курбского, занявшего высокое положение в окружении короля и получившего богатые вотчины⁵⁵. Курбский сделался общепризнанным руководителем русской эмиграции в Польско-Литовском государстве (а тогда все более учащались случаи «побежания и Литву»⁵⁶) и принимал участие в военных действиях против России. Русские дипломаты настаивали на выдаче Курбского и

других эмигрантов русскому государю⁵⁷, «чтобы их ссорами кровь христианская не лилася», «изменники межигосударей ссоры делают и на большее кровопролитие христианское поднимают»⁵⁸. Выдача Курбского рассматривалась как обязательное предварительное условие «вечного миру» (разъяснение в 1571 г. требования посольства 1567 г.), ибо и «ныне его многая измена: тайно лазучеством со государскими изменники ссылаетца на государское лихо и на крестьянское кровопролитие»⁵⁹.

Курбский оказался связанным и с западнорусскими магнатами и с православным духовенством. Он выступал ревнителем православия и убежденным противником униатства и протестантизма, способствовал распространению церковнославянских переводов патристической литературы и книгопечатания, воздействуя на зарождающуюся украинско-белорусскую полемическую литературу⁶⁰. Курбский установил сношения с высшим православным духовенством юго-востока Европы, в 1567 г. даже обратился к константинопольскому патриарху⁶¹.

Роль Курбского как информатора о политических событиях России и организатора противорусских действий еще не выяснена в деталях, но есть уже достаточно оснований полагать, что роль эта была значительной. Недаром в наказах русским дипломатам, отправляемым в Польско-Литовское государство, вменялось в обязанность «про Курбского проведати»: «в какове мере с кем держит его король, и к которым паном приезж, и любят ли его королевская рада и как его при себе держат и в какове ныне мере» (наказные памяти ноября 1565 г., февраля 1567 г., января 1571 г.⁶²). По очень вероятному предположению Я. С. Лурье, Иван Грозный подозревал, что действительным автором «лотровских» (подлых) посланий к боярам в 1567 г. был Курбский⁶³. Позднее, в 1572 г., Иван Грозный скажет гонцу Воропаю, известившему его о смерти короля и о желании видеть на престоле русского царевича: «Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их не учестил и не обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно», — и сразу же назовет Курбского⁶⁴.

Через несколько лет о Курбском хорошо знали уже и при дворе императора. Агент Максимилиана II писал в 1570 г., что Курбский — «человек прозорливейший и

наиболее осведомленный в делах своего отечества, из которого он был, по всеобщему мнению, безвинно изгнан» (курсив наш. — С. Ш.). Считалось, что бывший «интимный советник» царя знает «подноготную московских дел»⁶⁵. В сочинениях зарубежных современников о России времени Ивана Грозного (воспоминания-записки, политические трактаты, летучие листки) все явственнее обнаруживаются следы воздействия Курбского или, точнее сказать, информации, исходившей от него.

В упоминавшихся наказах русским послам предусматривается и возможный вопрос о бегстве Курбского. По наказу 1565 г., должно было отвечать, что царь «пожаловал его великим жалованьем не по его отечеству», что отец и дед его «в таком приближенье и жалованье государском не бывали» и что государь «его хотел понаказати» за «изменные дела», и при этом предписано было сказать: «Ино то не диво, что тот изменник государской, забыв государское великое жалованье, изменил государю нашему: ежживали из государства государя нашего и не в Курбского версту, ино и те изменники государству Московскому не учинили ничего». Эта же мысль повторена в ответе гетману Ходкевичу (1567), написанном царем от имени князя Воротынского; по существу о том же идет речь и в послании князя Мстиславского королю (также написанном, видимо, Иваном Грозным): «ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти?»⁶⁶

В наказе 1567 г. предусматривается уже более развернутый ответ, сразу же напоминающий о посланиях Курбского и царя: велено было говорить об «изменах» Курбского и «его советников», о том, что Курбский «учал ся звати вотчичем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хотел на Ярославле государити, да многие изменные дела учал над государем умышляти и над его государскими детьми и государской земле учал всякое лихо умышляти»⁶⁷.

Любопытно отметить, что в посольских делах (в том числе и в ответах Ходкевичу, написанных царем от имени бояр) употребляются «ядовитые словесы», «глаголы нечистые и кусательные» (выражения Курбского)⁶⁸ о Курбском, близко напоминающие бранно-презрительную лексику первого послания Ивана IV: «Курбской государю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет», «изменник», «собака», «израдец»⁶⁹.

Особенно важно то, что в посольских наказах встречаем мысли и даже отдельные формулировки («Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати»⁷⁰, царь «лихих казнит, а добрых жалует великим своим жалованием»⁷¹ и др.) о правах государя и государственном строе России, почти дословно напоминающие текст послания Курбскому.

Все это позволяет рассматривать послание Ивана Грозного Курбскому не только как памятник борьбы с оппозиционным боярством, но и как документ внешней политики, в той или иной мере формулировавший и доктрину «самодержавства», и соответственно официальную концепцию истории правления Ивана IV. Послания Курбского и Ивана Грозного стали документами международного значения. Они и были, очевидно, задуманы в расчете на определенный политический эффект за рубежом, и прежде всего — в православной среде.

Грозный отчетливо представлял себе, что за делами его пристально следили за рубежом, сознавал, как высок был международный престиж Российского государства («ино много великих государств, и во всех тех государствах наше слово непременно живет», — писал он впоследствии шведскому королю⁷²), и понимал, как стараются его враги «крестопреступники» уронить Русь и ее государя в общественном мнении. Послание Ивана Грозного должно было противопоставить зарубежному общественному мнению иные взгляды и иное (чем у Курбского) толкование фактов.

Иван Грозный ссылается в своем послании на международное общественное мнение, призывая «всю вселенную» в свидетели «измен» Курбского и его единомышленников: «Сия их измены всей вселенной ведомы», даже в «варварских языцех», «како убо может вся вселенная исписать измен и утеснения, земьских и особных, еже вы своим злобесным умышлением сотвористе на мя?», «облыгание же их им всем явленно есть во всей вселенней» (в другой группе списков: «облыгание же их и зрады...») ⁷³.

Царь уточняет даже, что известно «во всей вселенней» об этих «изменах и утеснениях» и от свидетелей — «самовидцев сим злым деянием» — купцов и дипломатов («иже куплю творящих в нашем царствии и в посольственных приходящих приходящим»⁷⁴). Впрочем, судя по посоль-

ским донесениям и запискам иностранцев, информация из России и в Россию поступала в то время и иными путями*.

Напоминает Иван Грозный об «иных землях», и ссылаясь на обычай наказывать изменников: «А в ыных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая; тамо не по здешнему!.. в ыных изратец не любят: казнят их, да тем и утверждаютца», «ино таких собак везде казнят»⁸⁰. Впоследствии о «всей вселенной» Иван IV напишет и в послании польскому королю Стефану Баторию 1581 г., обвиняя его в том, что в Польско-Литовском государстве принимают беглецов-изменников⁸¹.

Однако эти общие рассуждения об «иных землях», обо «всей вселенной» достаточно четко локализируются, особенно в списках «сборников Курбского». Иван IV опирается на теоретическое положение о том, что «изменником везде казнь живет» (в других списках: «везде казнь и опала бывает»). Слово «везде», судя по содержанию послания, имело не только, так сказать, историко-географический, но и собственно исторический смысл (опыт истории), и послание должно было, по мысли Ивана IV, перед всем светом обличать измены «Курбского с товарищи». Но в послании сразу же разъясняется: «в кою поехал еси землю и тамо о сем пространнее увеси»⁸². А слова списков ПК: «Воистинну вся вселенная посмиется, видя такую правду» — в списках сборников Курбского читают-

* Во всяком случае, в послании королю, составленном в 1567 г. от имени князя Мстиславского, Иван Грозный похвалялся знанием неприятных королю подробностей политической жизни: «То нам гораздо ведомо»⁷⁵. Правительство Ивана IV получало, по-видимому, достаточно обильную тайную информацию о политической жизни за рубежом. Михаил Литвин сообщал, что один священник, «добывая тайно из королевской канцелярии (в Польско-Литовском государстве.— С. III.) копии договоров, решений и протоколов совещаний, посылал их» Ивану IV⁷⁶. Г. Штаден «покорнейше» просит германского императора, чтобы его «описание не переписывалось и не стало общеизвестным! Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне: наверное, у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах (правильнее, дворах-канцеляриях — «Höfe-canzeleien» — С. III.)⁷⁷ через купцов, которые туда приезжают; он хорошо снабжает их деньгами для подкупа, чтобы предвидеть все [возможные] обстоятельства и предотвратить опасность»⁷⁸. Известны факты получения разнообразной информации от «амиятов» в Крыму⁷⁹.

ся так: «Воистину, сие всем окрестным в подсмеяние...» (курсив наш.— С. III.)⁸³.

Не случайно, конечно, Иван IV напоминает и о Яне Заполье, интригами которого, по его мнению, Венгрия была ввергнута в 1520-х годах в печальное положение⁸⁴, и о деятельности тех, кто в годы его малолетства также перешел на службу к польскому королю. С ними-то он и сравнивает «бешеную собаку» Курбского: «Князь Семен Бельский да Иван Лятцкой оттокоша в Литву и тамо скакавше бесящися и в Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отвсюду на православия рати воздвизающе, но ничто же успеша...»⁸⁵ Курбский и его советники объявляются и виновниками современной «литовской брани», пагубной для православия, и Курбского предупреждают, что, участвуя в войне против России, он окажется разорителем православия («Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестьян погубляти; аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши») ⁸⁶.

Послание в полной редакции изобилует западнорусизмами (или полонизмами), особенно в списках «сборников Курбского». А полонизмы в сочинениях Грозного, как отмечает В. М. Тамань, специально изучавшая в этом плане русскую публицистику XVI—XVII вв., «могут быть поняты только поляками (правильнее было бы сказать — жителями Польско-Литовского государства.— С. III.), русский человек, не знающий польского языка, не сумел бы разобраться в них: для него пропадет вся острота изложения, к которой стремился автор»⁸⁷.

Курбский уловил тенденции царского послания и в «Отвещании» на второе его послание (отправленном, так сказать, официально одновременно с «Кратким отвещанием» на первое послание Ивана IV) прямо пишет: «... мнящися о себе мудр всеа вселенная учитель быти, пишеши до чюжие земли и чюждых слуг, аки научающе их и наказующе»⁸⁸.

Позднее, обличая царя в гнусных поступках, Курбский в «Отвещании» на его второе послание также счел нужным сослаться на мнение людей, бывавших в России («яко нам zde от твоя земли приходящие поведають») ⁸⁹, хотя и не преминул отметить, что Иван Грозный «затворил еси царство Руское... аки во адове твердыни»⁹⁰.

В «Кратком отвещании» Курбский больно уязвил самолюбие царя, упрекнув его в том, что «так варварско», «со многою яростию и лютостию» и столь пространно, с «преизлишними» цитатами не подобает писать «ученым и искусным мужам», особенно же царю, «так великому и во вселенней славимому», и «наипаче же в чюжую землю, идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в граматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях»⁹¹. Тем самым, можно думать, Курбский уведомил Ивана Грозного, что с «царевым посланием» ознакомился в Польско-Литовском государстве отнюдь не только он один.

Курбский, очевидно, получил тот текст послания, к которому восходят списки так называемых сборников Курбского, составленных за рубежом, и вообще большинство известных ныне списков первого послания царя. Текст этот дошел до нас в явно неисправном виде; некоторые «неясные, сомнительные и просто нелепые места»⁹² отмечены Я. С. Лурье. Следует ли из этого, однако, что текст восходит к более позднему протографу, чем текст Погодинского списка (будем его тоже называть — П)⁹³, который, как пишет вслед за Я. С. Лурье Л. В. Черепнин, «более близок к прототипу»?⁹⁴

Я. С. Лурье, обнаружив в П «более осмысленные и исправные чтения»⁹⁵ (по сравнению с другими списками) и заглавие, которое признал первичным, счел, что П «восходит... вероятнее всего, к официальному тексту»⁹⁶, а текст «сборников Курбского», искаженный переписчиками и редакторской правкой⁹⁷, подвергшийся «систематической редакторской переработке»⁹⁸, несомненно, уступает «в смысле точности передачи оригинала послания списку П с продолжением по К (список Археографической комиссии.— С. III.)»⁹⁹ и восходит к «враждебной царю литературной традиции»¹⁰⁰. Эти соображения исследователя остались, однако, недостаточно обоснованными.

Сам же Я. С. Лурье писал о «дефектности» списков П и К¹⁰¹, указал на неисправности текста К и путаницу листов¹⁰²; заметны и неясные (во всяком случае, менее ясные, чем в «сборниках Курбского») чтения в ПК (например, об уходе в монастырь Сильвестра¹⁰³, о «ереси же всякой»¹⁰⁴ и др.). Но самое существенное то, что в списках «сборников Курбского» имеются добавления и

разночтения, которые, говоря словами Я. С. Лурье, «едва ли можно приписать редакторской руке». И это не «одно место»¹⁰⁵, а многие места: достаточно сравнить (по тому же изданию «Посланий Ивана Грозного») описания восстания в Москве в июне 1547 г. и последующих событий, поведения бояр во время набега крымского хана в 1552 г.¹⁰⁶ Везде ли здесь можно уловить особую политическую тенденцию или враждебное отношение к Грозному? Для того чтобы столь утвердительно писать о том, что протограф текстов «сборников Курбского» не восходит к официальному тексту послания Ивана IV, необходимо было проделать значительно более тщательную сравнительно-текстологическую работу (сравнение и списков ПК со списками «сборников Курбского», и отдельных списков этой большой группы между собой и т. п.). При этом, естественно, следовало бы привлечь наблюдения Г. З. Кунцевича, подготовившего накануне первой мировой войны издание сочинений Курбского в «Русской исторической библиотеке» (т. XXXI). Часть гранок неизданного второго тома «Сочинений князя Курбского» с описанием известных Г. З. Кунцевичу рукописей¹⁰⁷ хранится среди материалов Археографической комиссии (в архиве Ленинградского отделения Института истории)*. Публикатор послания не обратился к этим материалам, хотя П. В. Вилькошевский еще в 1927 г. указал на «описание рукописей сочинений Курбского и Грозного, составленное пр. Г. З. Кунцевичем и находящееся в Археографической комиссии»¹⁰⁸.

Заголовки послания — и тот, на который впервые обратил внимание Я. С. Лурье, и другие — не обязательно являются именно авторскими. Р. Г. Скрынников, полемизируя с Я. С. Лурье, сравнив начальные фразы посланий Ивана IV Курбскому, шведскому королю Иоганну III и Стефану Баторию, установил их близость и признал «торжественными и многословными» первоначальными заголовками посланий. Предположение его, что краткий заголовок («Царево государево послание во все его Российское царство...») имел литературное происхождение и

* Эти материалы были мною указаны исследователям, готовившим кандидатские диссертации об «Истории» Курбского: Ю. Д. Рыкову (научный руководитель А. А. Зимин) и К. А. Уварову (научный руководитель М. А. Робинсон)¹⁰⁹.

принадлежал позднейшим переписчикам ¹¹⁰, нельзя оставлять без внимания.

Все известные ныне списки послания царя Ивана Курбскому составлены не ранее XVII в. ¹¹¹, первоначальный текст поновлен или даже искажен переписчиками (и переплетчиками), и до предварительного сравнительного текстологического изучения *всех* этих списков следует ограничиваться *лишь* более или менее основательными предположениями.

Можно полагать, что сразу же был приготовлен не один «официальный список» послания в полной редакции, а по меньшей мере два. Один отправили за рубеж, Курбскому, а другой (или другие) остался у царя, в его личной «постельной» казне или в Царском (государственном) архиве и использовался затем в дипломатической переписке. Характерно, что послание в разных группах списков одинаково датировано 5 июля. От этих-то архетипов (отправленного Курбскому и оставленного царем) и пошли остальные тексты списков всех редакций послания. Допустимо даже предполагать, что оба архетипа были созданы одновременно. Вряд ли царь Иван собственноручно писал огромное послание, это и не соответствовало представлениям той поры о царском достоинстве. Д. С. Лихачев, отметивший, что «стиль Грозного сохранял следы устного мышления», высказывал уже предположение, что царь «диктовал свои послания» ¹¹². Не мог ли он диктовать сразу двум писцам? Не из-за этого ли возникли фразеологические расхождения, бросающиеся в глаза при сравнении списков ПК и «сборников Курбского»?

Если факт получения Курбским послания царя (а затем и возможного знакомства с ним в Литве) не вызывает сомнения, то представление о том, что послание царя в пространной редакции официально рассылалось «во все Российское царство» и являлось «агитационной литературой» 1560-х годов, кажется маловероятным. Об этом приходилось писать уже ранее. Недавно выразил свои сомнения по этому поводу и Р. Г. Скрынников, полагающий, что Я. С. Лурье «несколько модернизирует историю переписки Грозного и Курбского»; его точка зрения противоречит «аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных» ¹¹³. Сам Я. С. Лурье отмечает, что первоначальная (полная) редакция сохранилась только в неофициальной или враж-

дебной традиции¹¹⁴. Обнаружение списков (к тому же тоже поздних) послания Ивана Грозного в полной редакции «без сопровождения посланиями его врага» отнюдь не становится наилучшим доказательством того, что «царево государево послание» действительно рассылалось по «всему Российскому царству»¹¹⁵. Исследователь не обратил внимания на им же отмеченные обстоятельства: хотя послания включены в сборники вместе с сочинениями, протографы которых находились в рукописных собраниях Российского государства, сами сборники состоят из тетрадей, написанных разными почерками (в списке К вообще не сохранился заголовок послания), а в Б — и на разной бумаге¹¹⁶. Части этих сборников не связаны между собой ни происхождением, ни содержанием; состав сборников случайный, и происхождение протографа интересующего нас послания остается неизвестным.

Первое послание царя Ивана в пространной редакции — значительнейший публицистический памятник 1560-х годов. По удачному определению А. А. Зимина, он «представляет собой своего рода манифест перед введением опричнины»¹¹⁷. Как «политический манифест, насыщенный интимными мотивами и жалобами», характеризует его и Р. Г. Скрынников¹¹⁸. Идеи его безусловно оказали влияние на развитие и внутренней политики, и общественно-политической мысли. Однако этот манифест, вероятнее всего, не был широко обнародован и не рассылался «во все Российское царство».

Краткая редакция послания (известная, впрочем, тоже по не вполне исправным спискам) имеет заголовок, схожий с заголовком послания в пространной редакции в списке П: «Лета 7072-го царево государево послание — все его Российское царство — на крестопреступников его, на князя Андрея Курбьского с товарищи, о их измене»¹¹⁹. Но такой заголовок имеется не во всех списках; Я. С. Лурье указывает два списка, где заголовок был без упоминания обо «всем Российском царстве»¹²⁰.

Скорее можно предположить, что относительно широким слоям русской общественности могло стать известным послание царя именно в краткой редакции. Это послание имело иной характер, чем послание в пространной редакции, не было перегружено подробностями и длинными цитатами, более соответствуя в этом плане стилю и традиционных царских посланий (известных, в частности,

и в летописном переложении), и «эпистолии» Курбского. Текст послания в списках, где заголовок напоминает заголовок списка II в пространной редакции, сопровождается текстами первого послания князя Андрея Курбского царю и послания Курбского в Псково-Печерский монастырь ¹²¹.

Изучая соотношение текстов обеих редакций (по таблице, составленной Я. С. Лурье) ¹²², легко убедиться, что текст в краткой редакции содержит изложение доктрины самодержавства, зато он лишен многих исторических подробностей (о внутренней политике Российского государства и лично о государе) и характерных для полной редакции обращений к международному общественному мнению и сравнений с явлениями зарубежной жизни. В краткой редакции отсутствуют и западнорусизмы, типичные для пространной редакции. Однако трудно согласиться с мнением Я. С. Лурье, будто сокращение это вызывалось только «литературными вкусами XVI в.», в частности «едкой критикой» Курбским стиля послания царя в пространной редакции, и тем самым «больше удовлетворяло каноническим литературным правилам XVI в.» ¹²³. Между тем, отмечая, что вместе со всем «светским» элементом удалено почти все, касающееся истории и политики Грозного; что остались в сущности одни цитаты из священного писания и обвинения в «погублении души», исследователь констатирует: «для нас этот текст почти не имеет ценности» ¹²⁴.

На самом деле для историка представляет несомненный интерес как раз то, что оставлено в краткой редакции. Это не только основные положения доктрины самодержавства, но и особо отобранные факты политической истории: об «изменах» самого Курбского и его родственников и по отцу и по матери (тем самым оправдывались преследования в годы опричнины целых «родов»), о злом «совете» Сильвестра и недопустимости «священником царская творити» (тем самым оправдывалась опала членов Избранной рады и преследование духовенства), о князе-расстриженнике Рюрике Ростиславиче Смоленском, причинившем много зла Руси, об измене Тимохи Тетерина и в то же время о храбром поведении Василия Шибанова и др. ¹²⁵, т. е. приводились факты, уже известные или такие, о которых как раз и следовало знать (в определенной интерпретации) «в Российском царстве»

в связи с волновавшей общественность изменой «Курбского с товарищи» *.

Возможно, что послание в краткой редакции предназначалось для земского собора, созванного накануне учреждения опричнины¹²⁶. Не исключено, что составление послания в краткой редакции сопровождалось составлением второго послания Курбскому или приписок в официальную летопись в конце царствования Ивана Грозного (в таком случае на составителя действительно могли оказать влияние и замечания Курбского о стиле пространного послания царя, о перегруженности его текста подробностями и длинными цитатами). Но разбор послания в краткой редакции, его политической направленности и времени появления — тема особого исследования, к тому же не имеющего столь непосредственной связи с историей взаимоотношений Российского и Польско-Литовского государств.

Означает ли это, что русскому читателю не было известно первое послание Курбскому в полной редакции? Конечно, нет. Следы его непосредственного влияния отмечались уже в посольской документации. Вероятно, о полной редакции послания знали приближенные царя и лица, принадлежавшие к высшим светским и духовным властям (в их числе, возможно, и игумен Псково-Печерского монастыря).

Характерно, что влияние переписки Курбского и царя Ивана IV на стилистику русских литературных памятников начала XVII в. обнаруживается прежде всего в сочинениях «вельможных историков», по выражению А. С. Орлова¹²⁹. Они могли ознакомиться с посланиями и по спискам, пришедшим из Польши. Н. К. Гудзий подметил воздействие первого послания Курбского в повести 1620-х годов о Смутном времени, написанной князем Семеном Ивановичем Шаховским и приписывавшейся ранее князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому (который,

* Об отношении к предательству Курбского рядовых современников свидетельствует гневное упоминание о его поступке в «Повести о прихождении литовского короля Степана с великим и гордым воинством на великий и славный град Псков»¹²⁷ и характерное исправление текста известного Слова Даниила Заточника, сделанное не позже начала XVII в. Привычные слова «лепше бы ми смерть ниже Курское княженце» переписчик заменил более понятными современнику презрительными словами: «Лутче бы ми смерть, нежели Курбского княжеспия»¹²⁸.

как установила М. В. Кукушкина¹³⁰, только редактировал рукопись¹³¹). В «Летописце князя Ивана Федоровича Хворостинина» заметно знакомство с посланием Ивана Грозного в полной редакции. После изложения событий 1547 г. там написано: «А пространнее о сем пишет о пожарах и о смятении боярском в государеве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси грамоте, что писал в Литву ко князю Ондрею Курбьскому против его отписки»¹³². Хворостинин, безусловно, имел в виду послание в полной редакции, так как в послание в краткой редакции не включены сведения о московском восстании 1547 г.

В 1570-х годах Курбский пишет «Историю о великом князе Московском» и другие ответные послания царю «История» призвана была, по мысли самого Курбского и лиц из его окружения, сыграть определенную роль в общественно-политической жизни Польско-Литовского государства. Но одновременно она должна была явиться и ответом на первое послание Ивана Грозного¹³³ в пространной редакции, известное уже в Речи Посполитой. Так, события и факты русской истории, известные по посланию Ивана Грозного и снова изложенные русским публицистом-эмигрантом в остротенденциозной форме, становились опять достоянием зарубежного читателя.

¹ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни, т. 1. Киев, 1849. Предисловие [Н. Д. Иванисева], с. II—III; *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кипана. Л., 1973, с. 57—58; *он же.* Иван Грозный. М., 1975, с. 90—91.

² *Andrejev N.* Kurbsky's letters to Vas'yan Muromtsev.—«Slavonic and East European Review», London, 1955, vol. XXXVIII, N 81.; *То же.*— В кн.: *Andrejev N.* Studies in Muscovy. London, 1970; *Скрынников Р. Г.* Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь.—ТОДРЛ, 1962, т. XVIII.

³ Сочинения князя Курбского, т. 1.—РИБ, т. XXXI. СПб., 1914 (далее — РИБ, т. XXXI), с. 1, 6; см. также с. 114.

⁴ Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 448.

⁵ *Каждан А. П.* Византийская культура. М., 1968, с. 170.

⁶ ПИГ. М.—Л., 1951, с. 72, 10.

⁷ Ср.: ПИГ, с. 259.

⁸ *Багрушин С. В.* Научные труды, т. II. М., 1954, с. 322—323.

⁹ Подробнее об этом см.: *Шmidt С. О.* Становление русского самодержавства. М., 1973, с. 30—36, 241—243.

¹⁰ *Лихачев Д. С.* Иван Грозный — писатель.— В кн.: ПИГ, с. 455; *Дуйчев И. М.* Византия и византийская ли-

- тература в посланиях Ивана Грозного.— ТОДРЛ, 1958, т. XV; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XI—XVII вв., М., 1973, с. 209—210.
- ¹¹ *Косминский Е. А.* Исторнография средних веков. М., 1963, с. 105. О характерных чертах русской историографии XVI—XVII вв. см.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941; *Робинсон А. П.* Исторнография славянского Возрождения и Паисий Хиландарский. М., 1963.
- ¹² *Сизов Е. С.* Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов.— В кн.: Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964.
- ¹³ *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.— ИЗ, т. 23.
- ¹⁴ *Шмидт С. О.* Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного.— «Советские архивы», 1966, № 1, 2; *он же.* О датировке приписок в Лицевом летописном своде.— В кн.: Общество и государство феодальной России. Сборник статей к 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975.
- ¹⁵ ПИГ, с. 20, 82; 55, 119.
- ¹⁶ *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. Ташкент, 1942, с. 67.
- ¹⁷ ПИГ, с. 17, 79; см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. IV. М., 1960, с. 158; *Вилькошевский П. В.* К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к Курбскому.— «Летопись запятой Археографической комиссии», вып. 33. Л., 1926, с. 73.
- ¹⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. III. М., 1960, с. 544.
- ¹⁹ *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975, с. 252.
- ²⁰ ПИГ, с. 533.
- ²¹ Там же, с. 451.
- ²² Там же, с. 540.
- ²³ Там же, с. 553.
- ²⁴ Там же, с. 468—469.
- ²⁵ ТОДРЛ, 1954, т. X, с. 309.
- ²⁶ Изборник. М., 1969, с. 759.
- ²⁷ *Шмидт С. О.* [Рец. на изд.:] Послания Ивана Грозного. «Известия ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 4, с. 389—390.
- ²⁸ ТОДРЛ, т. X, с. 309; *Зимин А. А.* Русская публицистика конца XV—XVI вв. М., 1959 (ротапринтное издание), с. 41.
- ²⁹ *Шмидт С. О.* К истории соборов XVI в.— ИЗ, т. 76, с. 141; *он же.* Становление российского самодержавства, с. 242—244.
- ³⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 291.
- ³¹ *Vackus O. P. A. M. Kurbskii in the Polich-Lithuanian State.— Acta Balto-Slavica, Bialystok. 1969, t. IV, p. 47.*
- ³² *Юзефович Л. А.* Миссия Исайи (1561 г.) и Остафий Волович.— «Советское славяноведение», 1975, № 2, с. 80—81
- ³³ *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском.— «История СССР», 1974, № 3, с. 144, 145.
- ³⁴ *Юзефович Л. А.* Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского.— «Археографический ежегодник за 1974 год». М., 1975.
- ³⁵ См.: *Лихачев Д. С.* Существовали ли произведения Курбского и Грозного? — *Лихачев Д. С.* Великое наследие. М., 1975, Указатель литературы, с. 348; зарубежная литература названа в кн.: *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского..., с. 4.

- ³⁶ *Лихачев Д. С.* Великое наследие, с. 336—337.
- ³⁷ *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, с. 281.
- ³⁸ *Конрад Н. И.* От редколлегий.— В кн.: Литературные памятники. Итоги и перспективы серии. М., 1967; *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973.
- ³⁹ ПИГ, с. 13, 75, 126.
- ⁴⁰ *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского..., с. 88—94; *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском, с. 144.
- ⁴¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина. М., 1962, с. 383; см. также Псковскую летопись (ПСРЛ, т. IV. Спб., 1848, с. 315).
- ⁴² ПИГ, с. 557.
- ⁴³ РИБ, т. XXXI, с. 113, 114; см. также с. 134—135; *Вилькошевский П. В.* К вопросу..., с. 74; ПИГ, с. 529.
- ⁴⁴ *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» Курбского.— В кн.: Сборник статей к 70-летию академика Д. С. Лихачева. Л., 1976.
- ⁴⁵ ПИГ, с. 530.
- ⁴⁶ Там же, с. 104, 44.
- ⁴⁷ Там же, с. 276.
- ⁴⁸ *Соловьев С. М.* История России..., кн. III, с. 618—619.
- ⁴⁹ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963; *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв.— ТОДРЛ. Л., 1963, т. XIX, с. 276.
- ⁵⁰ *Вилькошевский П. В.* К вопросу..., с. 73.
- ⁵¹ О «постельной» казне см.: *Шмидт С. О.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева.— «Учен. зап. МГУ», 1954, вып. 167, с. 45—46.
- ⁵² Об этом см.: ПИГ, с. 492—495; *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году (По материалам Венского архива).— В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958.
- ⁵³ РИБ, т. XXXI, с. 6—7.
- ⁵⁴ Там же, с. 5, 6.
- ⁵⁵ ПИГ, с. 266; РИО, т. 71 с. 513.
- ⁵⁶ Об этих «бегунах» см. ПИГ, с. 471—472; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины, с. 122 и сл.; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 116—119.
- ⁵⁷ Об официальном отношении к лицам, отъезжавшим в Российское и Польско-литовское государство на протяжении XVI в., интересные соображения приводил еще М. А. Дьяконов (*Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889, с. 188—199).
- ⁵⁸ РИО, т. 71, с. 467, 454.
- ⁵⁹ Там же, с. 718, 467.
- ⁶⁰ *Крип'якевич І. П.* Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст. Київ, 1953, с. 21; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XI—XVII вв., с. 150. Подробнее см.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Гуманизм у восточных славян..., с. 30 и сл.
- ⁶¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. (ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, № 2, л. 69об.); *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства, с. 37—38.
- ⁶² РИО, т. 71, с. 322, 468, 778.
- ⁶³ ПИГ, с. 653.
- ⁶⁴ *Соловьев С. М.* История России..., кн. III, с. 621; *П-ский М.* [Петровский]. Князь А. М. Курбский. Казань, 1873, с. 20.
- ⁶⁵ *Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана II..., с. 492—495.

- ⁶⁶ РИО, т. 71, с. 321; ПИГ, с. 246, 266.
- ⁶⁷ РИО, т. 71, с. 648; *Соловьев С. М.* История России..., кн. III, с. 584. Ср.: там же, с. 586 (1570 г.); кн. IV, с. 733.
- ⁶⁸ РИБ, т. XXXI, с. 113, 116.
- ⁶⁹ РИО, т. 71, с. 321 и др. См.: *Шмидт С. О.* Заметки о языке посланий Ивана Грозного.— *ТОДРЛ*, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 263—264.
- ⁷⁰ РИО, т. 71, с. 110; *Шмидт С. О.* Местничество и абсолютизм.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1963, с. 191.
- ⁷¹ РИО, т. 71, с. 466; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного, с. 122.
- ⁷² ПИГ, с. 152.
- ⁷³ Там же, с. 54, 43, 103.
- ⁷⁴ Там же, с. 42, 103.
- ⁷⁵ Там же, с. 252.
- ⁷⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. 1. Киев, 1890, с. 47.
- ⁷⁷ *Staden H.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Hamburg, 1964, S. 65.
- ⁷⁸ *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки пемца-опричника. М., 1925, с. 58.
- ⁷⁹ *Шмидт С. О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- ⁸⁰ ПИГ, с. 31, 91.
- ⁸¹ Там же, с. 228.
- ⁸² Там же, с. 49, 114.
- ⁸³ Там же, с. 35, 95.
- ⁸⁴ Там же, с. 47; *Жданов И. Н.* Сочинения, т. 1. СПб., 1904, с. 115—116.
- ⁸⁵ ПИГ, с. 32, 92. О деятельности С. Ф. Бельского за рубежом см.: *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 290.
- ⁸⁶ ПИГ, с. 11, 73.
- ⁸⁷ *Тамань В. М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси.— В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 204.
- ⁸⁸ РИБ, т. XXXI, с. 153.
- ⁸⁹ Там же, с. 157.
- ⁹⁰ Там же, с. 135.
- ⁹¹ Там же, с. 113—114.
- ⁹² ПИГ, с. 529.
- ⁹³ Там же, с. 544.
- ⁹⁴ *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 18.
- ⁹⁵ ПИГ, с. 538.
- ⁹⁶ Там же, с. 540.
- ⁹⁷ Там же, с. 552.
- ⁹⁸ Там же, с. 551—552.
- ⁹⁹ Там же, с. 553.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 529.
- ¹⁰¹ Там же, с. 541; *ТОДРЛ*, т. X, с. 308.
- ¹⁰² ПИГ, с. 541.
- ¹⁰³ Там же, с. 41, 101.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 50, 114.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 553.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 35, 95 и сл.; 53 и 117; 56 и 120 и др.
- ¹⁰⁷ *Уваров К. А.* Неизданный труд Г. З. Кунцевича (обзор гранок второго тома Сочинений князя Курбского).— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972.
- ¹⁰⁸ *Вилькошевский П. В.* К вопросу..., с. 75, примеч. 1.
- ¹⁰⁹ *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства, с. 34.
- ¹¹⁰ *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского..., с. 80. Ср.: ПИГ, с. 9, 148, 213.
- ¹¹¹ См. наблюдения Д. Уо (D. C. Waugh) в кн.: *Keenan E. L.* The Kurbskii — Groznyi Appendix. Cambridge, Massachusetts, 1971.
- ¹¹² *Лихачев Д. С.* Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного.— В кн.: Великое наследие, с. 270. См. также: *Лихачев Д. С.* Текстология. М.—Л., 1962, с. 60.

- ¹¹³ *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского..., с. 79—81.
- ¹¹⁴ ПИГ, с. 559.
- ¹¹⁵ ТОДРЛ, т. X, с. 309.
- ¹¹⁶ ПИГ, с. 540; ТОДРЛ, т. X, с. 306—307.
- ¹¹⁷ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного, с. 120.
- ¹¹⁸ *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского..., с. 81.
- ¹¹⁹ ПИГ, с. 124; ср. с. 9.
- ¹²⁰ Там же, с. 554, 555.
- ¹²¹ Там же, с. 554.
- ¹²² Там же, с. 555—556.
- ¹²³ Там же, с. 557—558, 533.
- ¹²⁴ Там же, с. 533.
- ¹²⁵ Там же, с. 124—138.
- ¹²⁶ См.: *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства, с. 243—244.
- ¹²⁷ Повесть о приходе литовского короля Степана с великим и гордым воинством на великий и славный град Псков. М.—Л., 1952, с. 40—41.
- ¹²⁸ *Малышев В. И.* Новый список Слова Даниила Заточника.— ТОДРЛ, 1948, т. VI, с. 194—196.
- ¹²⁹ *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1939, с. 245.
- ¹³⁰ *Кукушкина М. В.* Семен Шаховской — автор повести о смуте.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975.
- ¹³¹ *Гудзий Н. К.* Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского.— В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, с. 308—309.
- ¹³² ОР ГИМ, Собрание Уварова (по описанию Леонида — № 1386), № 116, лл. 320 об.—321; *Шмидт С. О.* Становление расийского самодержавства, с. 35—36.
- ¹³³ *Шмидт С. О.* К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении попа Сильвестра).— В кн.: Славяне и Русь. К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова. М., 1968, с. 367; *Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского..., с. 106 и сл.; см. также с. 88—89.

ОБ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ НАЧАЛА XVII В.

(об авторе Пискаревского летописца)

И. Б. Греков

Введенный сравнительно недавно О. А. Яковлевой в научный оборот памятник начала XVII в. — так называемый Пискаревский летописец — уже привлек внимание довольно широкого круга специалистов. После работы первооткрывательницы этого памятника О. А. Яковлевой¹ появилось исследование М. Н. Тихомирова²; Пискаревский летописец был широко использован в трудах И. И. Смирнова³, С. О. Шмидта⁴, А. А. Зимина⁵, Р. Г. Скрынникова⁶ и других. Внимание исследователей к данному памятнику объясняется не только его новизной, но и его большой важностью как источника по политической истории России XVI — начала XVII в.

Общая характеристика этого интереснейшего исторического документа уже сделана О. А. Яковлевой в ее вводящей статье к публикации Пискаревского летописца. Она не только показала место опубликованного текста в составе всей летописной компиляции⁷, находившейся в рукописном собрании Д. В. Пискарева, но и дала предварительный источниковедческий разбор текста. По ее мнению, рукопись включает в себя, с одной стороны, выписки из официальной летописи, главным образом Никоновской (за 1533—1554 гг.), а с другой стороны — тексты, «основанные на воспоминаниях некоего москвича, написанных в период с конца 1612 г. по 1615 г.»⁸. Кроме того, автор отмечает наличие пяти кратких летописных записей, внесенных в Пискаревский летописец между 1625—1645 гг. и рассказывающих о событиях данного периода.

Проведя необходимые сопоставления, О. А. Яковлева выделила те части Пискаревского летописца, которые повторяли информацию официальной Никоновской летописи, а также выявила новые фактические сведения⁹. Хотя публикатор считает невозможным ответить на вопрос — «для кого был создан Пискаревский летописец и

кому он принадлежал в XVII в.»¹⁰, тем не менее пытается выявить как непосредственного создателя рассматриваемого памятника, так и то, кто, возможно, выступал в роли заказчика произведения. Что касается непосредственного автора рукописи, то О. А. Яковлева считает его москвичом, находившимся на службе одного из приказов, «ведавшего строительным делом и металлургией»¹¹, который был связан с родом Шуйских и вообще «отражал интересы боярской знати»¹².

Следующий этап в изучении памятника был ознаменован выходом в свет специального исследования академика М. Н. Тихомирова¹³. Высоко оценив само открытие О. А. Яковлевой, а также предпринятую ею публикацию памятника, М. Н. Тихомиров дифференцированно подошел к предложенному публикатором комментарию. С некоторыми наблюдениями О. А. Яковлевой М. Н. Тихомиров согласился. Так, он считает автора москвичом, в какой-то мере специалистом по строительному делу¹⁴, признает близость создателя рукописи к дому Шуйских¹⁵, согласен с наличием двух стихий в рассматриваемом памятнике: одной — идущей от официальной летописи, прежде всего — Никоновской, и другой — связанной с использованием рассказов очевидцев — легенд и ряда пока еще неизвестных науке источников.

Однако ряд положений публикатора Пискаревского летописца вызвал возражения со стороны М. Н. Тихомирова. Он отметил, что наличие явных противоречий в памятнике осталось необъясненным¹⁶, а достоверность новых сведений летописца — непроверенной. Он отклонил мысль о том, что все вставки памятника, не совпадающие с официальной летописью, основаны лишь на фиксации воспоминаний одного лица: «Перед нами не просто воспоминания москвича, а компиляция какого-то сторонника Шуйских»¹⁷, «Перед нами компилятивное произведение, в котором мы можем различать отдельные составные части»¹⁸.

М. Н. Тихомиров не только внимательно разобрал работу своей предшественницы, но и дал свой анализ памятника и его составных частей. Он встал при этом на путь тщательного изучения всех новых положений Пискаревского летописца, их сопоставления с данными других, уже известных науке источников. В результате такого исследования выяснилось, что бо́льшая часть вставок име-

ет те или иные реальные основания и достоверные исторические факты, получившие, правда, в данном памятнике несколько тенденциозное освещение ¹⁹.

М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что окончательный составитель памятника, использовавший работу своих предшественников, был житель Москвы, тесно связанный не только со строительным, но и печатным делом ²⁰.

Но, создав фундамент источниковедческого исследования Пискаревского летописца, М. Н. Тихомиров заметил: «Итак Пискаревский летописец — источник сложный, он требует еще большой работы и эта статья — только первая попытка разобраться в этом новом интересном источнике» ²¹.

Таким образом, трудами М. Н. Тихомирова и О. А. Яковлевой уже многое сделано для изучения Пискаревского летописца, тем не менее ряд вопросов, связанных с его происхождением, остается пока до конца не раскрытым.

В связи с изложенным нам представляется возможным и нужным продолжать исследование памятника, имея при этом в виду прежде всего такие задачи, как раскрытие его целевого назначения, его «адресата» и установление его создателя или заказчика.

Приступая к изучению Пискаревского летописца в намеченном плане, мы считаем необходимым подчеркнуть, что для решения указанных задач существенным представляется выявление общей идейной направленности памятника, определение его историко-политической концепции. Мы также отдаем себе отчет в том, что для раскрытия концепционного замысла Пискаревского летописца нельзя довольствоваться одними методами его внутреннего анализа. Необходимо обращение к широкому фону международных отношений XVI — начала XVII в., в частности — учет политической конъюнктуры в Восточной Европе в начале XVII в. — в годы рождения памятника, а вместе с тем годы «смуты» и интервенции, ознаменованные, как известно, резким усилением Польши и упадком Москвы, а также попытками Константинополя восстановить утраченное равновесие путем поддержки «Московского царства», а также ослабления Речи Посполитой и русских самозванцев. Для раскрытия идейного замысла памятника очень важно учитывать и специфику международной жизни восточноевропейского региона в

XVI в., в частности в ту эпоху, когда заметно усилившееся Русское государство находилось под постоянным нажимом со стороны Порты, Крыма и Казани, а несколько ослабленная Польско-Литовская государственная система часто оказывалась союзником Стамбула и Бахчисарая.

Какой же была, по нашему мнению, главная идея изучаемого источника, в чем была сущность его историко-политической концепции?

Если говорить об идеологической платформе Пискаревского летописца в самом общем плане, то она сводилась, как нам представляется, к апологетике преуспевающего «православного царства», к программе воссоздания сильного Московского государства, способного снова стать противовесом католической Польше, к той программе, осуществление которой, по мысли автора, было возможно при двух условиях: во-первых, при утверждении внутриполитической стабильности «православного» государства, главным образом, путем восстановления наследственной монархии, во-вторых, при благоприятной международной обстановке в данном регионе, определявшейся прежде всего «воскрешением» тесного сотрудничества этого государства с «православным» Константинополем.

О политической направленности этого произведения говорят и некоторые «частные» его особенности. Так, автор памятника интересуется современной политической конъюнктурой в Восточной Европе, конкретным ходом борьбы «православного царства» против натиска «латинства»; автор хорошо знает географию «православного царства», прежде всего — топографию Москвы, план Кремля, он знаком со строительным делом, включая сооружение церквей, городов, крепостей и даже изготовление пушек. Заметно внимание памятника к книгопечатанию. Кроме того, хотелось бы отметить и такие «особые приметы» летописца, как повышенный интерес к исторической судьбе Архангельского собора Московского Кремля, а также наличие в этом летописце большого числа «эллинических» вкраплений, например, частое употребление перед именем того или иного иерарха слова «кир»*.

* М. Н. Тихомиров считал наличие таких «эллинических» элементов в памятнике показателем его связи с греческим духовенством.

Для понимания идеологической платформы памятника и выявления обстоятельств его возникновения большое значение имеет не только знакомство его автора с современной ему внутривосточной и международной жизнью Московского царства, но также хорошая информированность о «предыстории» этого царства, о характере поведения различных исторических деятелей и основных этапах московско-константинопольских отношений.

Весьма характерно, что создатель памятника не просто охватил мысленным взором всю историю Восточной Европы вообще и России в частности, а подошел к этой истории дифференцированно, выделив по каким-то неясным пока мотивам два крупных периода: в первой части Пискаревской летописной компиляции, как мы знаем, была отражена история «русской земли» с древнейших времен до 1431 г. (с пропуском сюжета о Мамаевом побоище), во второй части речь шла о политической истории Русского государства с 1533 по 1613 г. (с явным игнорированием почти всего предшествующего столетия — с 1431 по 1533 г.). Но если это очевидное деление на два раздела могло быть вызвано и случайными обстоятельствами*, то наличие двух частей второго раздела

* Существование в Пискаревском летописце двух разделов действительно могло стать результатом механического выпадения соответствующих «тетрадей», следствием их порчи, потери и т. д., но вместе с тем нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что исчезнувшие тексты были посвящены в основном тем этапам восточноевропейского исторического процесса, которые оказались связанными с серьезными конфликтами Русского государства с его восточными или южными соседями, в частности — со Стамбулом — Константинополем, поэтому, может быть, и в самом деле не случайно «выпали» из Пискаревского летописца тексты о правлении великого князя Василия II, допустившего церковный разрыв Москвы с Константинополем, о правлении Ивана III, находившегося в постоянной скрытой полемике с Царьградом, наконец, и о правлении Василия III, который оказался вынужденным вести борьбу против Стамбула — Константинополя не только на поле брани, но и в сфере идеологии (конфликт с М. Греком, сторонником прямого подчинения Москвы Царьграду, осуждение константинопольской теории «неканоничности» второго брака Василия III, нацеленной на пресечение династии Рюриковичей, а вместе с тем и на провоцирование политического хаоса в Московском государстве)²². Возможно, что все эти отсутствующие в Пискаревском летописце тексты либо вообще не были изготовлены (из-за трудностей переосмысления этих сюжетов в проконстантинопольском духе, чего требовала политическая конъюнктура начала XVII в.), либо были все же изготовлены, но изготовлены неудовлетвори-

Пискаревского летописца (двух частей, хотя и печатко дифференцированных, но реально существующих) было обусловлено довольно определенными причинами идейно-политического характера. Дело в том, что текст Пискаревского летописца за 1533—1613 гг. рассматривает по существу два самостоятельных этапа международной жизни Восточной Европы, значительно отличающихся друг от друга как по расстановке сил в данном регионе, так и по характеру отношений Москвы с Константинополем; тем не менее автор памятника делает вид, что этих этапов не существовало, что Стамбул — Константинополь выступал за создание сильного православного царства, за внутривосточную стабильность Московского государства, за сохранение на московском престоле наследственной монархии не только в начале XVII в. (в этот период такая идеологическая концепция вполне соответствовала сложившейся политической конъюнктуре), но и на протяжении всего XVI в. (это явно противоречило тогдашней политике Царьграда и по существу представляло собой сознательную фальсификацию автором реального исторического процесса).

Предпринятые в Пискаревском летописце попытки замаскировать существование двух различных этапов международной жизни Восточной Европы на протяжении XVI — начала XVII в. и переосмыслить многие исторические факты этого периода с проконстантинопольских позиций еще раз указывают на определенную политическую ориентацию памятника. Можно сказать больше. Отстаивая идею сильного православного царства, выступая апологетом тесных церковно-политических контактов Москвы с Константинополем, как ведущим центром православия, автор Пискаревского летописца последовательно применял эти положения в качестве критериев для той или иной оценки различных этапов исторического развития России, для той или иной трактовки политической деятельности многих ее правителей, в частности для выявления заслуг и промахов каждого из них.

В плане отмеченных тенденций выглядит весьма показательным особое внимание памятника к политической жизни Русского государства 30—50-х годов XVI столетия,

тельно, почему и не попали в состав данного летописного памятника.

к развитию московско-царьградских отношений того времени.

Представляется характерной попытка Пискаревского летописца «ослабить» реально существовавшие противоречия между княжеско-боярской «фрондой» проконстантинопольской ориентации и московской великокняжеской властью, ослабить, с одной стороны, путем ни на чем не основанных утверждений о плодотворном сотрудничестве десятилетнего Ивана IV с многоопытным митрополитом Иоасафом в 1539—1541 гг. (П. 49, 51) *, а также путем раздувания результатов «дружбы» молодого Грозного с Сильвестром и Адашевым (П. 56)**, а с другой стороны, признанием того обстоятельства, что наиболее суровые наказания противников великокняжеской власти совершались «по нанесу злых людей» (П. 74), когда «князь великий... был мал» (П. 49).

Показательным было и то обстоятельство, что Пискаревский летописец хвалит Грозного за его примерное служение православию, хвалит за сотрудничество с проконстантинопольскими элементами Московской политической элиты (в частности, за «дружбу» с митрополитом Иоасафом, особенно Сильвестром, Адашевым (П. 56), митрополитом Филиппом), хвалит и за соблюдение «чина венчания», сложившегося на византийской почве, хвалит он царя и за его эксперимент с венчанием на царство Семеона Бекбулатовича (П. 81, 82), что в глазах летописца было, видимо, одним из вариантов политической ориентации Москвы на столицу Османской империи — Стамбул — Константинополь.

Но не менее показательным для идейно-концепционного замысла нашего памятника было и то обстоятельство, что он одновременно позволял себе резкую критику царя Ивана, в частности его ничем не спровоцированные гонения на сторонников Стамбула — Константинополя в правящих кругах Русского государства за казни таких видных представителей проконстантинопольской знати Московской Руси, как князь Владимир Анд-

* Здесь и далее ссылки на страницы Пискаревского летописца даются в тексте под буквой П.

** «А как он (Алексей Адашев.— *И. Г.*) был во времени, в те поры русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе» (П. 56), «А в ту же пору был поп Сильвестр и правил русскую землю с ним заодин» (П. 56).

реевич, его мать и дети, за отравление Марии Темрюковны и т. д. Ряд упреков в адрес царя позволяет себе автор Пискаревского летописца в связи с якобы «антигосударственной» политикой царя, направленной на расшатывание и ослабление православного царства, на лишение его законных наследников. В опричнине он видел только *расщепление* православного царства на две составных части (П. 76), что представляло опасность «всему православному христианству». В гибели наследника престола царевича Ивана летописец видел «пременение царьскому роду, а Русской земле... погибель конечную» (П. 85).

Таким образом, мы убеждаемся в том, что критериями похвал являются служение «сильному православному царству», борьба за его политическую стабильность, забота о сохранении московского трона в руках правящей династии и т. д.; основаниями же для критики Грозного оказываются его недостаточное внимание к политическому единству ...православного царства, к прочности позиции правящей династии, чрезмерная суровость к отдельным представителям проконстантинопольской знати Московской Руси.

В сущности, те же идеологические критерии оставались обязательными и для характеристики других правителей Московского царства. Так, летописец хвалит царя Федора за благочестие, за распространение православия в Поволжье, Сибири, даже сравнивает Федора с самим Владимиром киевским (кстати, единственная иллюстрация в первой части Пискаревского летописца — изображение кн. Владимира); однако памятник осуждает Федора за допущение мятежей среди бояр, за несколько неоправданных опал, считает его главной виной то, что он «просмотрел» убийство царевича Дмитрия.

Подчиненное тем же критериям распределение похвал и критики мы видим и в характеристике правления Бориса Годунова. Летописец прежде всего осуждает его за попытку пресечения династии Рюриковичей, за убийство царевича Дмитрия, за опалу Федора Никитича Романова, называя царя Бориса «врагом рода христианскому», «человекоубийцей» и т. п. (П. 92, 104); упрекает его за самовозвеличивание и присвоение титула «царя и великого князя» до венчания (П. 102). Но отношение памятника к Борису Годунову решительно меняется после его венчания на «православное царство» в 1598 г.

В рассказе о событиях 1598—1603 гг. «царь Борис» превращается в радетеля православия, борца за территориальное расширение православного царства, деятельного строителя церквей и монастырей (П. 103), городов-крепостей (П. 105), энергичного книгоиздателя (П. 105) и дальновидного дипломата (летописец хвалит Бориса за его намерение выдать дочь Ксению замуж за датского королевича, а также за посылку русских войск на помощь Грузии (П. 108) против щелковского князя).

В перечне «персональных» характеристик была только одна целиком негативная, которая касалась правления Лжедмитрия I (П. 110), прямого ставленника польско-католических сил. Утверждая, что «житие (Лжедмитрия.— И. Г.) было знатно воровское», Пискаревский летописец осуждал попытки расчленения русского «православного царства» и, в частности, передачу в наследственное владение Марине Мнишек территории Новгорода и Пскова (П. 117).

Однако в рассказе о деятельности следующего царя—Василия Шуйского составитель памятника должен был вернуться к ранее принятым пропорциям в распределении комплиментов и критических высказываний. Так, мы видим, с одной стороны, прямую апологетику царя Василия, который после устранения «растриги» был наречен «на все православное христианство царем и великим князем» (П. 124). Сталкиваемся даже с попыткой сопоставить правление Шуйского с правлением Ивана Грозного в годы его сотрудничества в Сильвестром и Адашевым. А с другой стороны, находим суровые упреки в адрес царя Василия за недостаточную твердость и последовательность в осуществлении правильно намеченной «программы», чем воспользовался сначала Лжедмитрий II (усиливший себя перехватом у Шуйского «законной» царицы — Марины Мнишек), а потом и группировка «коварных» бояр, лишивших его престола.

Наш летописец видит борьбу сил «добра» и «зла» и в годы открытой польской интервенции, показывая нарастание активности польско-католических сил, переход от замаскированной интервенции к открытой войне Сигизмунда III против Русского государства, прослеживает различные формы противодействия этому натиску «православного царства» (сначала говорит о попытке остановить открытую экспансию Сигизмунда с помощью избра-

ния королевича Владислава, потом говорит и о движении Минина и Пожарского).

Но наиболее полное воплощение политическая концепция Пискаревского летописца получила в рассказе об избрании на царство Михаила Романова. Завершая свою работу над Пискаревским летописцем в 1613 г., автор, разумеется, не мог сказать о новом царе многого, тем не менее он все же счел нужным подчеркнуть, что в восстановлении «православного царства» и избрании Романова на московский престол особую роль сыграли, во-первых, «божий промысел», а во-вторых, родственные связи нового избранника с правящим домом Ивана Грозного («Михаил, — подчеркивал летописец, — племянник царя Федора Ивановича и внук благоверной царицы Анастасии Романовой» (П. 142)). Таким образом, здесь выступает не только стремление автора подчеркнуть вмешательство божественных сил, «поддержку» народа, но и желание увидеть в этом событии соблюдение «законной» преемственности царской власти. Поэтому у нас есть все основания видеть в этом рассказе Пискаревского летописца реализацию его основной программы — программы восстановления сильного «православного царства» во главе с законно избранным монархом при сохранении прочных связей этого царства с главным центром православия — Константинополем.

Но наш памятник — это не только апологетика нового монарха, не только признание торжества программы восстановления «православного царства», это также попытка направить его будущее развитие таким образом, чтобы оно совпадало с вышеизложенной политической программой, чтобы оно содействовало дальнейшему укреплению Московского государства и соответственно — ослаблению его чрезмерно усилившихся соседей, т. е. помогало «воскрешению» традиционного равновесия сил в Восточной Европе. Можно поэтому говорить о том, что Пискаревский летописец был не только еще одним вариантом тенденциозного синтеза истории России и русско-константинопольских отношений, не только тщательно отфильтрованными мемуарами жителя Москвы конца XVI — начала XVII в., но и своеобразной аккумуляцией определенного историко-политического опыта, передававшегося окружению нового царя в качестве «ориентира» для выработки дальнейшей политики Московского «пра-

вославленного царства». То, что «передача» этого своеобразного «наказа» правящей элите Московского государства состоялась, свидетельствуют не только попытки московских идеологов 30—40-х годов XVII в. дорабатывать эту летопись (на это указывают присутствующие здесь приписки за данные годы), но и перенесение ими важных концепционных элементов Пискаревского летописца в другие летописные памятники XVII в. В частности, речь может идти об идейной близости Пискаревскому летописцу таких памятников, как Новый летописец²³, Сокращенный временник²⁴, Мазуринский летописец²⁵, летописец 30—40-х годов XVII в., опубликованный В. И. Бугановым и В. И. Корецким²⁶ и т. д.

Таким образом намечается целевое назначение памятника, его «адресат», но проблема автора или заказчика остается, по нашему мнению, все еще открытой.

Имеющиеся в историографии попытки видеть в авторе Пискаревского летописца некоего москвича из сторонников дома Шуйских не представляется нам исчерпывающим решением вопроса. Если тезис о длительном проживании в Москве автора памятника не может вызывать возражений, то конкретизация этого положения, связанная с признанием создателя памятника идеологом княжеско-боярской группировки дома Шуйских менее убедительна. Трудно допустить, что ради одной апологетики Шуйского было создано такое емкое произведение, как Пискаревский летописец в 1613 г., когда сам царь Василий уже погиб в польском плену (12.IX 1612 г.), а на московском престоле сидел новый монарх Михаил Романов, явно противопоставленный Шуйскому. Мы уже видели, что для Пискаревского летописца деятельность царя Василия была всего лишь одним из вариантов восстановления «православного царства», в чем-то его удовлетворившего, а в чем-то вызвавшего его критику. Реальная политическая программа памятника представляется поэтому более широкой, чем апологетика одного из правителей «Московского царства». Летописец был сторонником не одного какого-либо московского государя, а сильного «православного царства» вообще, апологетом его дальнейшего преуспеяния, что, по его мнению, зависело как от внутривластической стабильности этого царства, так и прочности его связей с православным Константинополем.

Кто же мог быть автором столь своеобразного и в то же время столь целенаправленного произведения?

Наиболее вероятным, по нашему мнению, создателем, во всяком случае редактором или заказчиком Пискаревского летописца, был иерарх греческого происхождения и константинопольской выучки — небезызвестный Арсений Елассонский, проживавший в Московском государстве около сорока лет и сыгравший в жизни русской церкви конца XVI — начала XVII в. заметную роль.

В пользу такого предположения говорит не только вся церковно-политическая биография Арсения, но и его сохранившиеся произведения на греческом языке, которые, по нашему мнению, близки Пискаревскому летописцу по концепции и фактическому содержанию.

Если обратиться к дошедшим до нас фактам его биографии, а также к его произведениям (введенным в научный оборот трудами Н. Оглоблина²⁷ и А. Дмитриевского²⁸), то его роль как в политической, так и в идеологической жизни Русского государства на рубеже XVI—XVII в. действительно окажется довольно значительной.

Родившись около 1549 г. в семье греческого священника в г. Трикки в Фессалии, Арсений вместе со своими тремя братьями избрал церковную карьеру²⁹. Он рано обратил на себя внимание своего церковного начальства, в частности латисского митрополита Иеремии, которому суждено было вскоре стать одной из ведущих фигур греческой церкви, патриархом константинопольским. Это обстоятельство, видимо, сыграло важную роль в биографии Арсения.

Так, уже в 1572 г., после поставления Иеремии патриархом Арсений служит в патриаршем храме Константинополя (храме Всеблаженной), в начале 80-х годов становится епископом Елассоны и Димоника, а в 1586 г., когда начались переговоры Царьграда с правительством царя Федора и Годунова по важным церковно-политическим вопросам, направляется в Москву³⁰.

Хотя Арсений, разумеется, вел эти переговоры не в одиночку, тем не менее его причастность к ним уже тогда настроила московское правительство в его пользу.

Весной 1586 г. он покидает Москву, чтобы последующие два года провести во Львове в качестве активного деятеля Львовского православного братства. Он сотрудничает с епископом Гедеоном Балабаном, а также препода-

ет греческий язык и, видимо, совершенствуется в русском языке, причем делает это настолько продуманно и организовано, что через два года выпускает вместе со своими учениками знаменитую «Грамматику доброглаголивого эллино-словенского языка», подчеркивая уже в заглавии, что она обращена к «многоименитому Российскому роду»³¹.

Завершив таким образом свою языковую подготовку, Арсений летом 1588 г. встает на путь активной церковно-политической деятельности. Встретившись в Замостье со своим старым наставником, одним из ведущих деятелей тогдашней греческой церкви Иеремией³², епископ Елассонский сначала участвует в его переговорах с канцлером Яном Замойским³³, в ходе которых был отрицательно решен вопрос о создании общерусской патриархии в Киеве³⁴, а потом едет вместе с царьградским патриархом Иеремией в Москву, где, как известно, эта же проблема была решена положительно — в начале 1589 г. состоялось учреждение патриархии в России³⁵. После успешного завершения переговоров по этой проблеме Арсений обратился к царю Федору и Годунову с просьбой оставить его на постоянное жительство в Москве. Царь не только согласился удовлетворить просьбу Арсения, но и заверил его в том, что он может всегда рассчитывать на его помощь, в том числе и на помощь материальную: «Многие города с их областями я поручу тебе и ты будешь управлять всеми ими, как епископ»³⁶. Так начался московский период жизни архиепископа Арсения Елассонского, продолжавшийся почти 40 лет — с 1589 до начала 20-х годов XVII в. Он постоянно находился в Московском Кремле в качестве архиепископа Архангельского собора, в мае 1613 г. был назначен епископом в Тверь, но продолжал оставаться при Архангельском соборе, в 1615 г. был переведен на кафедру архиепископа суздальского, но опять номинально, так как по-прежнему оставался в Москве, правда, на этот раз не в Кремле, а в Троицком подворье на Никольской улице; т. е. там, где Иван Федоров печатал свои первые издания³⁷. В 1619 г. он встречал иерусалимского патриарха Феофана и вместе с ним принимал участие в наречении Филарета Никитича патриархом, в 1620 г. принимал участие в соборе, который вынес важное решение о принятии в православие выходцев из Великого княжества Литовского «так называемых бело-

русцев», с 1622 г. Арсений жил в Суздале, где и умер в апреле 1626 г.

Видимо, факт длительного пребывания Арсения Елассонского в Кремле, в районе всех главных святынь и правительственных учреждений не был простой случайностью. Живя в правительственном центре, Арсений, естественно, оказывался в курсе всех событий, происходивших в Кремле, получая идеальные возможности для выполнения своих функций наблюдателя как за внутривластической, так и международной деятельностью правительства.

Но Арсений, живя в Москве, отнюдь не ограничивался одним наблюдением над ходом всей тогдашней церковно-политической и идеологической жизни Москвы. Он не только собирал ценную информацию, не только ее обрабатывал и систематизировал, но и старался своевременно переправлять данные наиболее важные в Константинополь или Иерусалим. Как правило, информация шла от Арсения либо через греческих церковных деятелей, посещавших Москву, либо через посылку книг и рукописей, снабженных, видимо, какими-то «закодированными» текстами или даже рисунками определенного политического содержания.

Один случай передачи информации подобным образом представляется особенно интересным. Так, в 1596 г., т. е. за два года до смерти царя Федора Ивановича епископ Елассонский попытался переправить в одну иерусалимскую обитель Евангелие (А. 61—62, 222—223 *) с изображением группы святых и соответствующими текстами под каждым из них. По странному стечению обстоятельств имена этих святых совпали с именами всех членов семьи Годуновых: здесь был св. мученик Борис (для симметрии и соблюдения традиции портрет Бориса сопровождался изображением св. Глеба), здесь были также св. Мария Магдалина (жену Бориса Годунова звали, как известно, Марией Григорьевной), великомученик Феодор Тирон (он же сын Годунова), преподобная Ксения (она же дочь Годунова, Ксения)³⁸. Очевидно, что, намереваясь послать Евангелие с этой группой святых, Арсений Елассонский давал понять правителям греческой церкви, что в Москве

* Здесь и далее ссылки на греческие произведения Арсения Елассонского, переведенные и опубликованные А. Дмитриевским, даются в тексте под буквой А.

уже назрела смена вымирающей династии новым правящим домом.

Кроме того, сохранилось много других текстов, написанных рукой Арсения на пустых страницах тех церковных книг, которые находились в его личном пользовании, или тех, которые он регулярно отправлял в различные церковные центры греческой земли (якобы) в качестве дарственных, на помин души и т. д.³⁹

Результаты своих наблюдений над политической жизнью Московского государства он сообщал, видимо, и более простыми способами; не исключено, что время от времени он переправлял в Константинополь обстоятельные «донесения». Мы, правда, не располагаем прямыми доказательствами такого рода переписки Арсения с руководством греческой церкви, тем не менее в нашем распоряжении есть довольно значительное литературное наследство архиепископа Елассонского, которое было насыщено сентенциями политического порядка и которое, видимо, не случайно сначала по частям, а затем и целиком оказалось переправленным в греческую землю.

Так, известны три греческие рукописи Арсения;

1) отчет о поездке патриарха Иеремии в Москву в 1588—1589 гг., участником которой был и елассонский епископ⁴⁰;

2) Мемуары Арсения, представляющие собой обширный очерк политической истории русского «православного царства» (переправлены в 1619 г. в Иерусалим через патриарха Феофана)⁴¹,

3) биография Арсения, отредактированная в 1626 г., уже после его смерти, но созданная в значительной части на его собственных литературных материалах⁴².

В центре нашего внимания должны быть греческие Мемуары Арсения, поскольку именно они, сопоставленные с Пискаревским летописцем, позволяют ставить вопрос о причастности Арсения к созданию упомянутого русского памятника.

Приступая к сопоставлению двух источников — Мемуаров Арсения и Пискаревского летописца, мы должны иметь в виду (даже при том допущении, что они созданы одной рукой), их различное целевое назначение: если Пискаревский летописец был, как мы видели, адресован московским читателям, прежде всего правящим верхам Московского государства и русской церкви в целях

их «наставления» и передачи им определенного историко-политического опыта, то Мемуары Арсения Елассонского имели другую задачу — информирования верхов Константинопольской церкви о проделанной работе, о своих впечатлениях, соображениях и прогнозах на будущее. Но понимая различное целевое назначение этих памятников, мы все же не можем не констатировать наличия их значительной концепционной близости, а вместе с тем присутствия в них общего фактического «багажа».

Мемуары Арсения охватывают примерно тот же период политической истории России, что и Пискаревский летописец: от времен эпохи Владимира до Михаила Романова. Но поскольку Мемуары были сочинением более «личным», более «рабочим», то главное внимание здесь оказалось сосредоточенным на эпохе, почти современной автору, а вся «предыстория» представлена довольно схематично; нужно, однако, признать, что и в этой «схеме» получили отражение весьма характерные тенденции, которые также свидетельствуют об идейно-концепционной близости Мемуаров и Пискаревского летописца.

Так, весьма показательным представляется утверждение греческого иерарха Арсения, что русская земля изначально принадлежала непосредственно *грекам*, что киевский князь Владимир, лишь получив греческую веру из Константинополя, смог возглавить обширное «царство россов», в состав которого входили не только Киев, Москва, Великий Новгород, но и Польша (речь шла, видимо, прежде всего, о тех древнерусских территориях, которые в начале XVII в. оказались в границах Речи Посполитой) (А. 73). Это явное преувеличение роли греков в истории Русской земли, а вместе с тем и подчеркивание «масштабности» Древнерусского государства были характерны, как мы знаем, и для Пискаревского летописца.

Хотя в Мемуарах Арсения период правления Ивана Грозного изложен бегло, тем не менее в них, как и в Пискаревском летописце, представлены две стороны деятельности царя Ивана, выявлены два ее этапа: если на первом этапе «он царствовал прекрасно и счастливо...» (А. 75), то «на 31 году своего царствования (т. е. с начала 60-х годов XVI в.— *И. Г*)... сделался чрезвычайно фанатичным и страшным на Москве». Хотя в Мемуарах в противовес Пискаревскому летописцу Арсений не указывает на «отставку» Сильвестра и Адашева как на при-

чину перелома в поведении Грозного, тем не менее он фиксирует этот перелом, связывая его с другими, более «общими» причинами («по нашим ли грехам, или какими-нибудь иными судьбами, господь ведает» (А. 75). Арсения интересовала так же, как и автора Пискаревского летописца, проблема политической стабильности «царства и самодержавия россов», проблема «плавной» передачи престола законному наследнику, в частности, его, видимо, особо интересовала, как и автора Пискаревского летописца (П. 85), трагическая судьба старшего сына Грозного — царевича Ивана (А. 75). Для Арсения отнюдь не безразличным оказался и тот факт, что царевич Иван был «от Анастасии, благочестивейшей царицы и великой княгини» (А. 75). Если мы вспомним, что Пискаревский летописец именно в Анастасии видел звено, соединявшее династию Рюриковичей с домом Романовых (П. 142), то повышенный интерес Арсения к первой жене Ивана Грозного в сущности также оказывается аргументом в пользу признания идейно-концепционной близости памятников.

Сопоставляя информацию Мемуаров Арсения с данными Пискаревского летописца, например, об эпохе царя Федора Ивановича, мы не можем не констатировать совпадение почти всех главных сюжетов повествования памятников. Совпадает прежде всего их генеральная трактовка правления царя Федора, совпадает распределение похвал и критики в его адрес. Так, оба памятника хвалят Федора за служение «православному царству», за содействие расширению его границ (А. 77—78, П. 91—93), за прочные контакты с константинопольским патриархом и даже султаном Амурадом (1574—1595), но вместе с тем Мемуары и летописец критикуют царя Федора Ивановича за беспечность в деле царевича Дмитрия (А. 92—93, П. 92), за фактическое «соучастие» в ликвидации законного наследника престола.

В обоих памятниках совпадает не только оценка правления царя Федора в целом, но и многие частные сюжеты эпохи. Совпадают данные о расширении границ Русского государства на Каспийском море и в Сибири (А. 77, 78; П. 87), сведения о военных действиях в Эстонии и Карелии (А. 92, П. 90), похоже излагаются сюжеты с высылкой Нагих и царевича Дмитрия, а также история его «убиения» (А. 77, 93; П. 87, 92). Близкими

оказываются рассказы о пожарах Москвы (А. 93, П. 91), о большом строительстве городов-крепостей (А. 43, П. 94), монастырей (А. 93, П. 94).

Особенно похожи рассказы об изготовлении «царя-пушки». Так, сообщая о появлении этой пушки, Арсений говорит о ее размерах, украшениях, боевых качествах, местоположении. «Думаю по истине,— писал он,— что во всем мире не сыщется другая, подобная этой по величине, по художественности (курсив наш.— И. Г.) и была отлита она с великим мастерством и с великими издержками» (А. 93—94).

Если сопоставить эту информацию Арсения с сообщением о царь-пушке Пискаревского летописца, то станет очевидным почти текстуальное совпадение обоих рассказов: опустив данные о местоположении пушки, которые были интересны в Константинополе, но не московскому жителю из-за их очевидности, Пискаревский летописец записал «под 1588—1589 гг.: «Того же году повелением государя Федора Ивановича всея Руссии, слита пушка большая, такова в Руси и в иных землях не бывала, а имя ей «царь» (курсив наш.— И. Г.) (П. 90).

Если говорить об общей оценке правления Бориса Годунова в обоих памятниках, то она оказывается одинаково «двойственной». Оба памятника, с одной стороны, обвиняют Годунова в преднамеренном «пресечении» династии, в сознательной высылке царевича Дмитрия из Москвы в Углич, а потом и в рассчитанном его убийстве (А. 92—94, П. 101), с другой стороны, хвалят царя Бориса за умелое руководство «православным царством», за поддержание нужных отношений с Константинополем и Османской империей (А. 94—97; П. 101—105), за его заботу о будущем благополучии Российского царства, что обуславливалось, по утверждению этих памятников, наличием достойного наследника престола — в данном случае существованием царевича Федора Борисовича* (А. 94—95, 98, 230; П. 106).

Для установления близости памятников важна не только общая для них генеральная трактовка деятельно-

* Показательным для политической концепции памятников было осуждение расправы над наследником царя Бориса — царевичем Федором, его матерью Марией и сестрой Ксенией. Так, Пискаревский летописец не только сообщил о том, что Федор и

сти Бориса Годунова, но и наличие в Мемуарах и в летописце многих общих сюжетов частного характера. Так, рассказывая об эпохе Бориса Годунова, оба памятника говорят о его заслугах в строительстве городов-крепостей, в сооружении церквей, хвалят за настойчивые попытки обеспечить политический вес новой династии путем выгодных брачных союзов (А. 94, 95, 98, 233, 294; П. 105—107).

О близости памятников говорит и сравнение рассказов о кончине Бориса Годунова, его похоронах в Архангельском соборе, а потом и о перезахоронении в Варсанофьевом монастыре. Позволим себе сопоставить соответствующие тексты Мемуаров и Пискаревского летописца (курсив наш.— И. Г.).

Мемуары Арсения

«...и 13 апреля месяца в субботу царь Борис, будучи здоров, после обеда... неожиданно скончался. Прибывший вскоре патриарх кир Иов едва успел и приобщил его божественных тайн и постриг в монахи...» (А. 232)

«И так патриарх, архирей, священники, все бояре и народ похоронили его с великою честью... Во все честном Архангельском храме с прочими царями и великими князьями вблизи благочестивейшего царя Федора»

(А. 232)

После прихода Лжедмитрия «Того царя Бориса вынули из гроба, который находился в соборском храме Архангелов ради поругания и похоронили в маленьком женском монастыре, именуемом Варсанофьевском» (А. 99).

Пискаревский летописец

«О смерти царя Бориса 113 (1605 г.) после Велика дни в третье воскресенье... преставился царь... Борис..., а преставись скорою смертью только успели запасными дары причастити...» (П. 110)

«А положен был в Архангиле, в приделе, против царя Федора Ивановича, а другую сторону дверей...»

(П. 110)

«А как Рострига пришел к Москве и он его велел оттоле вынуть и велел положить в Ворсунофьеве монастыре» (П. 110)

Мария преставилась «нужное смертью» (П. 110), но и о том, что сам расстрига-самозванец «велел царицу Марью и сына ей, царевича Федора задавити... А дочь ее царевну Аксению, ругавши, велел постричь и сослать на Белоозеро...» (П. 113—114). В Мемуарах Арсения еще более резко были осуждены те, кто, «наподобие диких зверей, как разбойники, с ножами, дубинками, камнями устремились во дворец к царю Федору и к царице Марии, вытащили их из дворца и заключили их в старом доме отца его», а «через пять дней умертвили царя Федора и мать его Марию...» (А. 99).

Рассматриваемые нами памятники оказались в полной мере единодушными в осуждении всего правления Лжедмитрия, которого Арсений называет «царем из монахов» (А. 103), а создатель Пискаревского летописца — «еретиком», «дьяконом-растригой» (П. 110). Политическая программа Лжедмитрия четко воспринималась как программа подчинения Московского «православного царства» «латинству», Римской курии и Польско-Литовскому государству (П. 111—123; А. 97—114).

Характерно, однако, что оба памятника, осуждая деятельность Лжедмитрия как прямую агентуру польско-католических сил на русской почве, все же проявляли терпимое отношение к патриарху Игнатию, как известно, ближайшему сотруднику самозванца и активному стороннику его церковно-политической программы; Мемуары, хотя и подробно освещают пребывание Игнатия на патриаршем престоле в Москве, тем не менее не только не раскрывают его тайных связей с «латинством», но как бы намеренно их маскируют (А. 119—136, 163). В этом сокрытии истинного политического лица патриарха Игнатия нельзя видеть особой тактики Арсения Елассонского, заинтересованного, видимо, в том, чтобы представить вынужденные контакты с Игнатием в 1604—1605-х годах не «криминальным» моментом своей биографии, а «нормальным» сотрудничеством архиепископа Архангельского собора с «очередным» московским патриархом. Тот факт, что Пискаревский летописец также проявлял сдержанность и терпимость к патриарху Игнатию, называя его то русским патриархом (П. 119, 123), то патриархом «гречином» (П. 130), представляется еще одним аргументом в пользу идейно-концепционной близости памятников.

Но эта концепционная солидарность все же нарушается несовпадением в раскрытии одного важного эпизода церковно-политической жизни Москвы того времени.

Если Пискаревский летописец, рассказывая о «венчании» Лжедмитрия в Кремле, ограничился констатацией того, что «Рострига женился по крестьянскому закону месяца майя во 8 день... в соборной церкви» при активном участии патриарха Игнатия (П. 115), то Мемуары дали более полную картину вступления самозванца на московский престол; Арсений говорит о следовавших друг за другом двух актах венчания: во-первых, о «венчании

на царство» патриархом Игнатием в Успенском соборе «царским венцом, диадемою и короною отца своего Ивана Васильевича, присланного от Кесаря великого князя Алемании» (А. 104), во-вторых, о венчании Лжедмитрия «короной Владимира Мономаха», совершенном почти тайно в пределе Архангельского собора самим архиепископом Елассонским (А. 104). Такое значительное расхождение Пискаревского летописца и Мемуаров в изложении акта венчания самозванца объяснялось не разной их информированностью об этом событии, тем более не разной их осведомленностью о сложившейся еще на византийской почве практике коронации православных монархов или разным их знанием «Чина венчания на царство» (Пискаревский летописец содержал не только текст этого «Чина», не только упоминания о коронации царей Федора (П. 87), Бориса (П. 103), Василия Шуйского (П. 124), Михаила Романова (П. 143), но и подробный рассказ о венчании Ивана Грозного шапкой Мономаха (П. 54), а просто необходимостью их различного подхода к вошествоию Лжедмитрия на Московский престол, необходимостью, обусловленной тем обстоятельством, что оба эти памятника были обращены к различным политическим инстанциям.

Если Пискаревский летописец был ориентирован на церковно-политическое окружение Михаила Романова и по этой причине не мог «вокрешать» факта венчания самозванца «Шапкой Мономаха» (такой литературный жест в Московской ситуации 1613—1615 гг. выглядел бы по меньшей мере политической бестактностью), то Мемуары, адресованные к влиятельным кругам греческой церкви, сочли нужным рассказать о факте коронации Лжедмитрия «короной Мономаха» (хотя бы по той причине, что Арсений тем самым выставлял себя в глазах своих греческих наставников борцом за «возвращение» «латинствующего» царя Дмитрия в сферу церковно-политического влияния Царьграда).

Таким образом, у нас есть основания утверждать, что оба памятника различными средствами осуществляли одну и ту же задачу — спасали политическое лицо своего общего создателя — Арсения Елассонского, в одном случае спасали перед новой династией Романовых, в другом — перед правящей элитой греческой церкви.

Весьма близкими оказываются отношения Мемуаров

Арсения и Пискаревского летописца к правлению царя Шуйского. Оба памятника видят в его деятельности значительные достижения как по линии консолидации «православного царства», так и по линии «разумных» уступок боярству (П. 127—128, А. 137); отмечают вместе с тем и почти идентичные промахи его политического курса.

Так, Арсений рассказал о женитьбе Шуйского в следующих выражениях: «Итак, если бы он (царь Василий.— И. Г.) пожелал взять царицу Марию в жены, будучи вдовым и не имея в то время супруги, при желании и самой царицы и отца ее Георгия Сендомирского и всех его приверженцев, *то он не лишился бы царства*, но он предпочел взять себе молодую и красивую девицу» (А. 232, см. также А. 139—142). Но если Арсений, как мы видим, довольно четко формулировал свои обвинения в адрес царя Василия, утверждая, что отказ от женитьбы на «царице Марине» явился будто бы основной причиной его дальнейшего политического падения, то Пискаревский летописец ограничился констатацией того обстоятельства, что Шуйский фактически содействовал передаче Марины Мнишек в руки тогдашнего его политического противника — Лжедмитрия II*.

В обоих памятниках аналогично трактуется и следующий этап смуты и интервенции, связанный с попыткой определенной боярской группировки использовать кандидатуру королевича Владислава на московский престол в качестве средства, сдерживающего прямую интервенцию Сигизмунда. Так, сообщая о переговорах русских бояр с польской стороной по этому поводу, Арсений писал: «ради прочной верности они написали грамоты по-русски и по-польски, заключающие в себе границы и чин царства, дабы они были неподвижны и не рушимы великим коро-

* Пискаревский летописец инкриминирует царю Василию по существу ту же вину, но делает это не столь прямолинейно: «Да при том же воре Тушинском, как он стоял в Тушине, отпустил царь и великий князь Василий Иванович в Литву... воеводу Юрья Мнишка и з дочерью панною Мариною, что была за Ростригою... и как послышел вор, что отпущен Юрье Сердомирской из з дочери, и он послал ис табар князя Василья Мосальского со многими людьми и того Сердомирского перенели... да привели к нему в табары и он его, воеводу Юрья, отпустил в Литву, а дочь его оставил у себя, а назвал ее женою своею. А она его назвала прямым мужем и жила с ним многое время» (П. 134).

лем [Сигизмундом] и царем Москвы и всей России Владиславом, сыном его» (А. 144). Более краткую, но в принципе ту же самую информацию по данному поводу давал и Пискаревский летописец (П. 126, 140).

С одинаковыми симпатиями и антипатиями оба памятника рассказывают о ходе политической борьбы в 1610—1612 гг. (П. 134—140; А. 142—147, 148—170), одинаково восторженно говорят и о завершении этой борьбы, а также об избрании на московский престол нового царя Михаила Романова (А. 172—178; П. 142). Характерным представляется обоюдный интерес памятников к актам венчания на царство, к различным процедурам этого плана, регалиям, соответствующим литературным текстам — «чинам венчания» и т. д.

Представляется важным аргументом в пользу сближения памятников еще один их сквозной сюжет — бросающийся в глаза общий интерес к Архангельскому собору Кремля (А. 31, 100, 102, 104 и др.). И если для сочинения Арсения он понятен, поскольку этот греческий иерарх около двадцати лет был архиепископом храма, то особое внимание Пискаревского летописца к данному собору* (П. 25, 49, 85, 110), с нашей точки зрения, могло объясняться только причастностью архиепископа архангельского к составлению летописной компиляции.

Таким образом, мы можем говорить о единстве темы, одинаковом ее хронологическом охвате, близости структуры сочинений Арсения и Пискаревского летописца, общности конкретно-исторической основы, «параллелизме» многих исторических реалий, иногда почти текстуальном совпадении отдельных рассказов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

* Летописец сообщает подробно о похоронах в Архангельском соборе Василия III (П. 25), его опальных братьев, князя Юрия Ивановича, князя Андрея Ивановича (П. 49), умерших страдальческой смертью, указывает на захоронение там в 1581 г. царевича Ивана (П. 85), самого Грозного (П. 85), а также царя Федора (П. 85), говорит об Архангельском соборе как о первоначальном месте погребения Годуновых, о том, что во время венчания в 1547 г. Ивана IV около собора сыпали златыми деньгами (П. 55), что на собор садится птица — предвестница смерти Ивана IV (П. 85). Автор знает, когда началось сооружение «дьячих изб каменных» «у Архангела на площади на Москве»⁴².

1. Наметившиеся на рубеже XVI—XVII вв. значительные успехи контрреформации в Центральной Европе, а также резкое усиление католической Польши на востоке европейского континента воздействовали определенным образом как на ход тогдашней международной жизни в данном регионе (в частности, обуславливали политическое сближение Константинополя и Москвы), так и на состояние идеологии в указанных странах, подготавливали, между прочим, появление в Речи Посполитой цикла произведений униатско-католического характера (прежде всего, сочинений П. Скарги), а в тогдашних центрах православия — ряда литературных памятников, призывавших защищать интересы православных стран, отстаивать идею возрождения сильного «православного царства» в Восточной Европе, подчеркивать значимость создания новой патриархии в восточнославянских землях и т. д.

2. Среди памятников «православного» цикла особое место занимает недавно введенный в науку Пискаревский летописец, выдвинувший программу создания в Восточной Европе сильного «православного царства», внутриполитическая стабильность которого должна была обеспечиваться наследственной монархией, а международные позиции — тесными связями с Константинополем.

3. Сопоставление Пискаревского летописца с греческими произведениями Арсения Елассонского, находившегося на службе в русской церкви с 1589 по 1626 г., выявляет общность их историко-политической концепции, а также сходство многих исторических реалий, что позволяет выдвинуть предположение о создании Пискаревского летописца упомянутым греческим иерархом, во всяком случае о прямой причастности его к этому литературному начинанию.

4. Установление концепционной близости Пискаревского летописца с греческими произведениями Арсения не только проясняет вопрос об авторе или заказчике Пискаревского летописца, не только раскрывает характер реальных московско-константинопольских отношений в этот период, но и проливает свет на возникновение некоторых тенденций в русском летописании XVII в.

5. Так, становится более понятным присутствие в Новом летописце, в Мазуринском летописце, в летописце, опубликованном Бугановым и Корецким, некоторых идей Пискаревского летописца (апологетика сильного «право-

славного царства», последственности царской династий, тесных связей московских патриархов с Константинопольской патриархией и т. д.).

6. Становится вместе с тем понятным и вынужденное стремление Пискаревского летописца представить в рамках данной концепции развитие московско-константинопольских связей в XVI в., когда реальные отношения между столицей Османской империи и Русским государством были враждебными. Эта своеобразная творческая манера Пискаревского летописца и, видимо, самого Арсения Елассонского — была обусловлена тем обстоятельством, что показ реально существовавшего в XVI в. соперничества между Константинополем и Москвой бросал бы тень на греческого иерарха, находившегося на русской службе в начале XVII в., а вместе с тем и на пропагандируемую им концепцию «извечной» дружбы Царьграда с Москвой.

Эта творческая манера создателя Пискаревского летописца объясняет и присутствующие в данном памятнике попытки не допускать конфронтации двух различных этапов в развитии константинопольско-московских отношений, желание доказать «извечность» союза Царьграда с Русским государством, стремление не только реабилитировать деятельность княжеско-боярской «фронды» проконстантинопольской ориентации XVI в., но и «подтвердить» ее благотворное влияние на тогдашнюю политику Московского правящего дома.

¹ Пискаревский летописец. — В кн.: Материалы по истории СССР, т. II. М., 1955, с. 23—144.

² Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. — «История СССР», 1957, № 3, с. 112—122.

³ Смирнов И. И. Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958.

⁴ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973.

⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1964; он же. Пересветов и его современники. М., 1958.

⁶ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1970; он же. Россия после опричнины. Л., 1975.

⁷ Летописная компиляция, находившаяся в собрании Пискарева, состоит из трех частей: 1) текста, излагающего историю Русской земли от ее начала до 1431 г. (лл. 1—481); 2) текста, излагающего историю феодальной Руси с 1533 до 1613 г. (лл. 482—681

- об.); 3) текста «чина венчания на великое княжение русских государей (лл. 682—699 об.).
- ⁸ Материалы по истории СССР, т. II, с. 16.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 11.
- ¹¹ Там же, с. 14.
- ¹² Там же, с. 14, 15.
- ¹³ *Тихомиров М. Н.* Пискаревский летописец..., с. 112—122.
- ¹⁴ Там же, с. 120.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, с. 113.
- ¹⁷ Там же, с. 120.
- ¹⁸ Там же, с. 113.
- ¹⁹ Там же, с. 115—116.
- ²⁰ Там же, с. 121—122.
- ²¹ Там же, с. 121.
- ²² *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 277—278, 281.
- ²³ Л. В. Черепнин подчеркивал, что автор Нового летописца в своем изложении событий конца XVI — начала XVII в. создал такую историческую концепцию, в которой прямая апологетика самодержавия, абсолютизма, наследственности царской династии сочеталась с признанием особой роли «божественного промысла» в восстановлении «православного царства», сопровождалась фиксацией «совпадения» «воли божьей» с «волей народа» и т. д. См.: *Черепнин Л. В.* «Смута» в историографии XVII в.— В кн.: Исторические записки, т. 14. М., 1945 г., с. 83 и след. Новый летописец близок Пискаревскому летописцу кроме того и аналогичным подходом ко многим конкретно-историческим реалиям: близок, в частности, подчеркиванием важности учреждения в России патриархии (ПСРЛ, т. XIV, 21; П. 90), прославлением особой стойкости в защите православия от натиска латинства таких московских патриархов, как Гермоген (ПСРЛ, т. XIV, 236, 238, 239, 240, 252, 256 и т. д.; П. 127, 130, 134, 135) и Филарет Никитич (ПСРЛ, т. XIV, 246, 247, 261, 392—396; П. 126, 132, 143—144), одобрением программы избрания на московский престол королевича Владислава при условии принятия им православия (ПСРЛ, т. XIV, 238, 239, 246; П. 126), большим вниманием к церковно-политическим контактам Москвы с Константинополем, наконец, прямой фиксацией длительного пребывания в Москве греческого иерарха Арсения Елассонского, что представляется особо существенным для нашей работы (ПСРЛ, т. XIV, 31: «Того же году [речь идет о 1589 г.— И. Г.] приеде к Москве Галсунский епископ Арсений, иже бысть после того архиепископом в Суздале, туто и скончася»).
- ²⁴ Материалы по истории СССР, том II, с. 145—155, с. 17—22. О. А. Яковлева верно заметила, что «Сокращенный временник» (С. В.) и Пискаревский летописец имеют общий источник, из которого оба частично заимствовали находящиеся в них известия — рукописные воспоминания некоего москвича» (Материалы... Предисловие, с. 20). И действительно, Сокращенный временник излагает историю Руси, как и историю русско-константинопольских отношений, в том же концепционном ключе, что и Пискаревский летописец (подчеркивание связи истории Руси с историей

всего православного мира, внимательное отношение к венчанию на «царство Ивана Грозного по византийским канонам — венцом и «диадемою Владимира Мономаха» (П. 53, С. В. 145), осуждение опричнины («возъярися царь Иван Васильевич на все православие (!) по злых людей совету... учинише опришнину» — С. В. 146, П. 76), особый интерес к учреждению патриаршества в России в 1589 г., а вместе с тем и многим московским патриархам XVII в. (СВ, 152, 154), фиксация происхождения Михаила Романова из «Царя колена» (С. В. 151).

²⁵ ПСРЛ, т. 31. М., 1968, с. 11—179, Предисловие, с. 3—5. Здесь мы видим тот же интерес к царьградско-московским церковно-политическим связям, к жизни московской патриархии как центра православия Московского государства и «всех северных стран», внимательное отношение к деятельности ряда московских патриархов XVII в. и т. д. См.: *Корецкий В. И.* Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени. — В кн.: *Славяне и Русь. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова.* М., 1968, с. 282—290.

²⁶ *Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ. — «Зап. ОР Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», т. 32. М., 1971, с. 127—167. Публикаторы памятника справедливо видят в его авторе церковного деятеля Москвы рубежа XVI—XVII вв., возможно, принадлежавшего к кругу соборного кремлевского духовенства (там же, с. 128); верно отмечают, что в основание этого летописца

кроме разрядных записей были положены «записи митрополичьего и патриаршего летописания» (там же, с. 129, 136).

В пользу близости концепции данного летописца к идейной платформе Пискаревского летописца говорит также его явный интерес к утверждению патриаршества в России (там же, с. 156), а вместе с тем и к процедуре венчания на царство царей Ивана IV, Федора, Бориса (там же, с. 140, 151—154, 161), процедуре, совершавшейся, как известно, по византийским образцам (*Шпаков А. Я.* Государство и церковь. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912, с. 14—18; *Острогорский Г. А.* Эволюция византийского обряда коронования. — В кн.: *Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура.* М., 1973, с. 33—42). В данном летописном памятнике XVII в., как и в Пискаревском летописце, были явно «эллинские» сюжеты, в частности обнаружилось его знакомство с таким отвергнутым в Москве «обычаем греческого закона», как заблаговременное изготовление мраморного гроба новопоставленному монарху (*Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный Московский летописец XVII в..., с. 136, 154).

Весьма характерным представляется подчеркивание заслуг тех деятелей русской церкви, которые так или иначе сотрудничали с константинопольским патриархом, его представителями на русской почве. Здесь следует упомянуть митрополита Дионисия, активно боровшегося

против «латинства» Антония Поссевино (там же, 148—149), первого московского патриарха Иова (там же, 157—158), патриарха Гермона, якобы активно возражавшего против приглашения на московский престол королевича Владислава (там же, с. 138), самого Филарета Никитича и т. д. Не случайным кажется и прямое упоминание ряда греческих иерархов, в частности и такого важного для нашего исследования, как Арсений Елассонский (там же, с. 156).

Близким Пискаревскому летописцу представляется интерес данного летописца и к проблемам внутривосточной стабильности «православного царства», к вопросам наследственности правящей династии, а вместе с тем и к вопросам преемственной связи дома Ромаѳовых с династией Рюриковичей. Отнюдь не случайным кажется подчеркивание того «факта», что Михаил Романов был племянником почившего царя Федора Ивановича и внуком Анастасии Романовны, первой жены Грозного (*Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный Московский летописец XVII в..., с. 139). Эта же мысль в близких выражениях была высказана и в Пискаревском летописце (П. 142).

- ²⁷ *Оглоблин Н.* Арсений архиепископ Елассонский и его «Описание путешествия в Московию» (1588—1589 гг.). — «Историческая библиотека» (СПб.), 1879, № 8, с. 39—44; № 9, с. 45—97; *Шпаков А. Я.* Государство... Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912, т. II, с. 51—91.
- ²⁸ *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский и мемуары

его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.

- ²⁹ Там же, с. 4—7, 62.
- ³⁰ Там же, с. 17—22.
- ³¹ *Грамматика доброглаголиваго Еллинословенского языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко наказанию многоименитому российскому роду во Львове в друкарне братской Року 1588; Исеевич Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVII ст. Київ, 1966.
- ³² *Оглоблин Н.* Арсений... — «Историческая библиотека», 1879, № 9, с. 45.
- ³³ *Archiwum Jana Zamoyskiego*, t. IV. Kraków, 1948, N 1329.
- ³⁴ *Chodyncki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934, s. 251, 257.
- ³⁵ *Шпаков А. Я.* Государство и церковь, с. 245—295.
- ³⁶ *Оглоблин Н.* Арсений... — «Историческая библиотека», 1879, № 9, с. 74.
- ³⁷ *Дмитриевский А.* Архиепископ..., с. 46—48; *История Москвы*, т. I. М., 1951.
- ³⁸ *Дмитриевский А.* Архиепископ..., с. 222—223.
- ³⁹ В одной из таких книг (так называемой Триоди, принадлежавшей еще митрополиту Фотию в начале XV в.) были сделаны рукой Арсения две важные в политическом отношении записи, которые елассонский епископ, видимо с определенным умыслом, демонстрировал греческим паломникам в Москве и которые в дальнейшем стали известны руководящей элите греческой церкви (*Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синде. СПб., 1911, с. 342—

343). Так, запись о рождении у царицы Ирины и царя Федора дочери Феодосии была воспроизведена в мемуарах Арсения 1614 г. (А. 195—196; кстати, эта информация есть и в П. 96), а важность появления наследника или наследницы в царской семье была подчеркнута Арсением еще в отчете о поездке в Москву 1588 г. (*Оглоблин Н. Арсений...*, — «Историческая библиотека», 1879, № 9, с. 69—70). Другая запись об учреждении в России патриаршества в 1589 г. нашла буквальное отражение в преамбуле к самому акту константинопольского собора 1593 г. по данному поводу. Факт проникновения подобных якобы «частных» записей в официальную документацию греческой церкви (как мы видим, даже в решение Константинопольского собора 1593 г.) свидетельствовал о том, что записи эти создавались с определенной политической целью, в частности, чтобы «информировать», — как справедливо замечает Б. Л. Фонкич, — приходивших в русскую столицу греков о важнейших событиях в жизни России» (См.: *Фонкич Б. Л. Греческая рукопись митрополита Фотия.* — В кн.: *Древнерусское искусство.* М., 1972, с. 193), во всяком случае информировать их о том, как то или иное уже хорошо известное в Константинополе событие интерпретировалось в Москве.

О политической подоплеке не только переписки Арсения с различными центрами греческой церкви, но и всех контактов константинопольского патриарха с русской церковью того времени свидетельствовал в сущности и

тот факт, что само решение Константинопольского собора 1593 г. о признании патриаршества в России было принято не на самом соборе всех видных греческих иерархов, а на «рабочем» заседании какой-то узкой группы духовных лиц, действовавших независимо от основной массы греческого духовенства с явным учетом политических установок султанского правительства. Косвенно это признал сам Арсений в своей биографии, но об этом говорил и выявленный Б. Л. Фонкичем факт подложности основной массы подписей под актом собора 1593 г. *Фонкич Б. Л. Греческие грамоты советских хранилищ.* — В кн.: *Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.* М., 1974.

⁴⁰ *Оглоблин Н. Арсений...* — «Историческая библиотека», 1879, № 9, с. 45—74.

⁴¹ *Дмитриевский А. Архиепископ...*, с. 72—173, 200—210. Показательным представляется и то обстоятельство, что иерусалимский патриарх Феофан увозил из Москвы кроме Мемуаров Арсения также вариант Ипатьевской летописи (ПСРЛ, т. II, с. XIII), подтверждая тем самым наличие у тогдашних идеологов греческой церкви достаточно широкого и вместе с тем вполне осознанного интереса ко всему русскому летописанию, являвшемуся, видимо, для Царьграда своеобразным подспорьем в обосновании тех или иных его церковно-политических начинаний в Восточной Европе. Только учитывая такой подход идеологов греческой церкви к литературным памятникам по русской

истории, можно, видимо, объяснить и тот факт, что канцлер Ян Замоиский, готовясь к переговорам с Константинополем по поводу создания общерусской патриархии в Киеве (См.: *Chodyncki K. Kosciól...*, s. 251—257), обращал пристальное внимание на коллекционирование доку-

ментальных материалов по истории «русской земли» и русской церкви, что ярко проявилось между прочим в вывозе самим канцлером архива полоцкого Софийского собора в 1579 г. (Подробнее см. с. 272—276).

⁴² *Дмитриевский А.* Архиепископ..., с. 200—210.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией
Временник ОИДР	Временник Московского общества истории и древностей
ГИМ	Государственный Исторический музей
ГПБ	Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
ИЗ	Исторические записки
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПИГ	Послания Ивана Грозного
РО БАН	Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<u>И. Зарембский</u> (Польша). Ранний польский гуманизм XV в. (Тезисы)	10
Ю. Леваньский (Польша). Старое и новое в польской литературе XVI в.	12
А. Гейштор (Польша). Теория исторической науки в Польше XVI в.	32
Л. В. Черепнин. К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России XVI в.	44
Б. А. Рыбаков. Русские карты Московии XV—XVI вв. и их отражение в западноевропейской картографии (Тезисы)	59
Ю. М. Юргинис. Литовские книги XVI в. и проявление в них идей гуманизма	61
Ю. Бардах (Польша). Литовские статуты — памятники права периода Возрождения	71
И. П. Старостина. О месте Судебника Казимира 1468 г. в праве Великого княжества Литовского	94
Я. Тазбир (Польша). Общественные и территориальные сферы распространения польской реформации	114
Л. Базылев (Польша). Россия в польско-латинской политической литературе XVI в.	132
Ю. А. Лимонов. Русские летописи и польская историография XV—XVI вв.	157
А. И. Рогов. Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения	166
С. С. Попадюк. Общность развития декоративных форм в русской и польской архитектуре XVI—XVII вв.	176
Е. Л. Немировский. Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве XV—XVII вв.	187

<i>Я. Д. Исаяевич.</i> Украинско-польские связи в истории книгопечатания (1574—1648)	192
<i>С. Александрович</i> (Польша). Несвижский план Москвы 1611 г.	208
<i>Г. Я. Голенченко.</i> Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете в XV—XVI вв. . . .	228
<i>В. П. Грицкевич.</i> Место Белоруссии и Литвы в распространении естественнонаучных знаний в XVI в. . . .	241
<i>Б. П. Флоря.</i> Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI в. . . .	251
<i>Я. Н. Шапов.</i> Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской	262
<i>Е. М. Руссев.</i> Творческое восприятие польской историографии боярским летописанием Молдавии	283
<i>М. Е. Бычкова.</i> Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы	292
<i>С. О. Шмидт.</i> Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому	304
<i>И. Б. Греков.</i> Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца)	329
Список сокращений	358

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Народов Восточной Европы в XVI в.

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор Л. И. Тормозова

Художник И. Е. Сайко

Художественный редактор В. Н. Тикунов

Технические редакторы Л. И. Куприянова, Э. Л. Кунина

Корректоры Л. И. Кириллова, Л. И. Харитонова

Сдано в набор 17/VI 1976 г. Подписано к печати 3/XI-1976 г.
 Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Усл. печ. л. 19,16. Уч.-изд. л. 20,9
 Тираж 3350. Т-16570. Тип. зак. 781. Цена 1 р. 48 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я тип. издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

